

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ ПРИ МПА СНГ

Таврические чтения 2009

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В РОССИИ
(1906 – 1917 гг.)**

Международная научная конференция

С.-Петербург · 2010

УДК 328
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета международной
научной конференции*

Под редакцией доктора исторических наук, профессора
А.Б. Николаева

Т 13

Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2010. – с. 366.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-904247-24-9

ISBN 978-5-904247-24-9

© Коллектив авторов, 2010
© Николаев А.Б., идея, редактирование,
составление, 2010
© Центр истории парламентаризма, 2010

Содержание

Предисловие	5
История парламентаризма в России:	
Государственная дума, самодержавие и революция	11
<i>Куликов С.В.</i> Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ	11
<i>Циунчук Р.А.</i> Национальные фракции Государственной думы Российской империи: типология, состав.	109
<i>Витухновская-Кауппала М.А.</i> Политическая маркировка пространства Российской империи: Финляндия и Польша в думской дискуссии (1907–1912)	127
<i>Нардова В.А.</i> III Государственная дума: законодательные инициативы по изменению городского избирательного закона	142
<i>Гинев В.Н.</i> Думские законопроекты о преобразовании сословной крестьянской волости во всесословную (1911 и 1916 гг.) и «Временное положение о волостном земском управлении» Временного правительства (21 мая 1917 г.). Последовательность разработки и сравнительная характеристика	157
<i>Гальперина Б.Д.</i> Взаимоотношения IV Государственной думы и Совета министров Российской империи по продовольственному вопросу в канун Февральской революции	174
<i>Николаев А.Б.</i> Думская благотворительность: помощь жертвам Февральской революции	216
<i>Гронский А.Д.</i> Государственная дума Российской империи в современной белорусской историографии	239
Думская биографика	255
<i>Шигабутдинов Р.Р.</i> «72 дня первого Русского парламента» в политической практике профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича	255
<i>Ведерников В.В.</i> М.Я. Герценштейн и аграрная программа кадетской партии	266
<i>Костылев А.В.</i> Судьбы перводумцев: депутаты I Государственной думы в горниле российской истории первой половины XX в.	278

<i>Афанасьев В.Г., Плюхина Т.В.</i> Горные инженеры – депутаты Государственной думы Российской империи	295
<i>Мельцин М.О.</i> Князь Павел Дмитриевич Долгоруков, депутат II Государственной думы и Учредительного собрания, как мемуарист и публицист	307
<i>Иванов А.А. В.М.</i> Пуришкевич: молдаванин? русский? малоросс? поляк? (К вопросу о национальных корнях депутата Государственной думы)	316
<i>Фруменкова Т.Г.</i> Депутаты IV Государственной думы Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас во главе Мариинского ведомства (март – май 1917 г.)	325
<i>Мусаев В.И.</i> Убийство депутатов Государственной думы А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина – политическое или уголовное преступление?	345
Приложения	353
<i>Баталин В.Н.</i> Открытие I Государственной думы – восстановление кинематографического раритета	353
<i>Крохина Л.А.</i> Концепция выставки «Народы Российской империи: первый парламентский опыт» (на основе материалов государств – участников МПА СНГ)	356
Сведения об авторах	363
Сокращения	365

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 декабря 2009 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция «Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство» («Таврические чтения 2009»). Она была посвящена 220-летию Таврического дворца. Организатором этой конференции, как и предыдущих двух (11 декабря 2007 г.¹, 16 декабря 2008 г.²), выступил Музей истории парламентаризма в России (МИПР). Решение о проведении Международной научной конференции в декабре 2009 г. было принято на заседании научно-методического совета. В состав оргкомитета вошли директор МИПРа Л.А. Крохина, д. ист. н., с.н.с. СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов, д. ист. н., профессор кафедры русской истории РГПУ А.Б. Николаев (председатель), д. ист. н., доцент, председатель научно-методического совета при МИПРе К.А. Пшенко, главный специалист Отдела государственного учета памятников архитектуры Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников Администрации Санкт-Петербурга А.Л. Рейман, к. ист. н., с.н.с. СПб ИИ РАН М.М. Сафонов. Оргкомитет сформировал программу конференции, определил, что она будет проходить в семи секциях.

¹ По итогам семинара опубликован сборник: Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, Молодежный центр истории парламентаризма]: Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ИПК «Вести», 2008. – 227 с. Сборник отрецензирован: *Романов К.С.* Важная веха в изучении Российского парламентаризма // Клио. Журнал для ученых. 2009. № 4. С. 151–154; *Руднева С.Е.* Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. 227 с. // Российская история. 2010. № 1. С. 184–186.

² По итогам конференции вышел сборник: Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 16 декабря 2008 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ]: Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. – 356 с.

Информация о предстоящей Международной научной конференции была помещена на различных сайтах в Интернете³ и в периодической печати⁴.

Как и на предыдущих «Таврических чтениях» (2007 и 2008 гг.), в ходе конференции выступили не только ученые, уже известные своими трудами, но и представители научной молодежи – студенты высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Одни из них приняли участие в работе секции № 6 (Развитие парламентаризма в государствах-участниках СНГ), а другие – секции № 7 (Краеведческая). «Парламентской» секцией руководили к. соц. н. А.В. Курочкин и к. полит. н. А.В. Павроз. Руководителями секции были предложены к обсуждению следующие вопросы: основные характеристики парламентаризма в странах СНГ; современные парламенты: их роль в политической системе; парламентаризм в период экономического кризиса; межпарламентские отношения на постсоветском пространстве и роль МПА СНГ в обеспечении их эффективности. В работе секции участвовали студенты СПбГУ, СПбГУКИ, ГУ ВШЭ и РГПУ. Были заслушаны доклады Н.И. Марковой, О.В. Запорожец, А.А. Силанова, А.А. Гусева, Л.В. Ведмецкой, А.С. Ильина, Л.В. Томина, Д.В. Волгиной, А.А. Балаяна, О.В. Зарубиной и А.А. Семенова. Как сообщалось, «особый интерес у аудитории вызвал доклад А.А. Балаяна (ГУ ВШЭ), посвященный особенностям функционирования парламентских систем переходных обществ, вызвавший почти часовую дискуссию»⁵.

Краеведческая секция прошла под руководством к. ист. н., доцента кафедры методики обучения истории и обществознанию РГПУ Н.Н. Лазуковой и к. ист. н., ассистента той же кафедры А.Р. Демидовой. Среди докладчиков были только студенты РГПУ – В.Л. Горобец, Д.В. Иванова, В.А. Кистанова, Е.А. Леденцова, А.А. Мальцева, Е.В. Нооль, С.А. Снытко и В.В. Темкина. Руководители секции отметили, что наибольший интерес вызвали доклады С.А. Снытко

³ Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.pvlast.ru/news.php?gid=6&page=2&id1=1072>; Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.council.gov.ru/inf_ps/apponces/2009/12/item11105.html; Центр развития научного сотрудничества [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.konferencii.ru/info/id/13992>;

⁴ *Ерофеев А.* Локомотив интеграции набирает ход // Парламентская газета. 2009. 4 декабря.

⁵ Студенческое научное общество факультета политологии СПбГУ [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.snopf.ucoz.org/index/04122009_treti_quottavricheskie_chtenijaquot/0-14

(«Г.А. Потемкин и образ вельможи в творчестве Г.Р. Державина») и В.В. Темкиной («Таврический дворец в воспоминаниях участников и свидетелей Февральской революции»)⁶.

Материалы «молодежных» секций, как и трех других⁷, в данном сборнике не публикуются.

В предлагаемом читателям уже третьем сборнике «Таврические чтения» представлены доклады, которые были сделаны участниками международной конференции в ходе двух секционных заседаний: «История парламентаризма в России: Государственная дума, самодержавие и революция» (секция № 2, руководители: А.Б. Николаев и Р.А. Циунчук) и «Думская биографика» (секция № 3, руководитель И.В. Лукоянов). Все доклады были переработаны авторами в научные статьи.

В первом разделе «История парламентаризма в России: Государственная дума, самодержавие и революция» помещено 8 статей. Открывает раздел работа С.В. Куликова, посвященная сравнительному анализу российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX века. Автор подчеркивает, что «в историографии дореволюционной Государственной думы до сих пор нет исследовательского консенсуса относительно степени ее полноценности как народного представительства и соответствия современной ей мировой конституционной традиции». Заметим, что статья С.В. Куликова, а в действительности – небольшая монография (!), основана на изучении огромнейшего количества трудов отечественных и зарубежных государствоведов и скрупулезном изучении Российского законодательства о Государственной думе и Государственном совете. Пожалуй, единственным ее недостатком является то, что С.В. Куликов не привлек тексты законов зарубежных стран, а использовал для сравнительного анализа их изложение в исследовательской и учебной литературе.

Вместе с тем подход автора, основанный на точном выборе объектов и параметров сравнения, а также огромный объем проделанной работы можно лишь только приветствовать. Правильным представляется использование финляндского законодательства о выборах в представительное учреждение в качестве доказательства полноценности и соответствия российской конституционной теории

⁶ Лазукова Н.Н., Демидова А.Р. Сотрудничество студентов факультета социальных наук с Музеем истории парламентаризма // Вестник Герценовского университета. 2010. № 6(80). С. 73.

⁷ Секция 1-я: «Внутренняя и внешняя политика России второй половины XVIII – начала XIX вв.» (руководители секции: М.М. Сафонов и К.А. Пшенко); Секция 4 и 5-я: «Культура России второй половины XVIII – начала XX вв.» (руководители секций: А.Л. Рейман, И.Г. Ландер).

и практики зарубежной. Подчеркнем, что С.В. Куликов сделал, на наш взгляд, весьма интересные наблюдения и важные выводы. В частности, он пишет, что Государственную думу и Государственный совет Российской империи «можно признать наиболее полноценными по сравнению с современными им законодательными учреждениями европейских монархий начала XX в. и вполне соответствующими теории и практике мирового конституционализма того времени».

В статье Р.А. Циунчука рассмотрены типология и состав национальных фракций Государственной думы Российской империи. Наряду с всеобъемлющей характеристикой национальных фракций автор делает небезыңтересные наблюдения. Так, по мнению Циунчука, «стремление власти к сохранению, а тем более усилению имперского начала в политической жизни страны, ослабляло парламентаризм». Несомненно, что это замечание актуально для всех многонациональных государств, проводящих имперскую политику. Перекликается по тематике со статьей Р.А. Циунчука (и отчасти С.В. Куликова) работа финляндской исследовательницы М.А. Витухновской-Кауппала, в которой речь идет о думской дискуссии 1907–1912 гг. по польскому и финляндскому вопросам. Подводя итог дискуссии, автор замечает, что, во-первых, «в глазах русской политической элиты западные окраины, и, прежде всего, Польша и Финляндия, выглядели вполне чужеродными территориями»; во-вторых, и правые, и левые признавали, как утверждает автор, что «в области модернизации и развития гражданских институтов эти окраины обогнали метрополию». На этом единство российской политической элиты и заканчивалось. Правые считали, что более развитые окраины представляют опасность для «русского дела», так как «способны перетянуть на свою сторону попавших под их влияние членов “большой русской нации”». Конечно, не могла не внушать опасение и нелояльность окраин, занимавших пограничное положение, в случае начала «большой» войны. Во всяком случае, так можно понять рассуждения Витухновской-Кауппала. Именно поэтому, как считает автор, правые и националисты рассматривали Польшу и Финляндию как внутренних врагов. Любопытно замечание автора о том, что «отношение правых как к Финляндии, так и к Польше, было дополнительно окрашено чувством национального унижения, что делало их борьбу с окраинами еще более яростной».

Что касается левых и либералов, то их, как утверждает Витухновская-Кауппала, «не пугало, а привлекало культурное и экономическое превосходство Польши и Финляндии, их успехи на пути модернизации, они мечтали о том, что из этих “культурных уголков” Россия сможет получить новые модернизационные импульсы».

Две статьи сборника посвящены законодательной деятельности

Государственной думы. В.А. Нардова рассматривает в своей работе законодательные предположения депутатов III Государственной думы об изменении городского избирательного закона. В.Н. Гинев в своем исследовании дает сравнительную характеристику думских законопроектов о преобразовании сословной крестьянской волости во всесословную (1911 и 1916 гг.) и «Временного положения о волостном земском управлении» Временного правительства (21 мая 1917 г.). Драматичный по своему накалу материал содержится в статье Б.Д. Гальпериной, в которой она показывает взаимоотношения IV Государственной думы и Совета министров Российской империи по продовольственному вопросу в канун Февральской революции. В работе автора этих строк представлен материал и дан анализ думской благотворительности в вопросе о помощи жертвам Февральской революции. Увы, в этом вопросе Временный комитет Государственной думы отдал пальму первенства Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов. В статье приведен материал, который доказывает, что Петроградский совет начал оказывать помощь жертвам Февраля 1917 года раньше, чем думский Комитет. Кроме этого, в статье содержится вывод о низкой эффективности думской благотворительности в вопросе о помощи жертвам Февральской революции. Заключает раздел статья А.Д. Гронского, в которой характеризуется современная белорусская историография Государственной думы Российской империи. Определенную ценность представляют замечания автора относительно Я. Запрудника, который «поставил целью своей работы доказать актуальность белорусского вопроса для думцев». Как пишет Гронский, «при критическом отношении к системе доказательств становится ясно, что “борьбы за Белоруссию” ни в одной из четырех Государственных дум не существовало».

Во втором разделе «Думская биографика» публикуется, как и в первой части сборника, 8 статей. Открывает его исследование Р.Р. Шигабутдинова, в котором автор рассматривает 72 депутатских дня из жизни перводумца профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича. В.В. Ведерников продолжает изучение думской деятельности еще одного перводумца – М.Я. Герценштейна⁸. Ведерников посвящает свою статью анализу подхода Герценштейна к разрешению аграрного вопроса. О судьбах перводумцев рассуждает в своей статье А.В. Костылев. В работе В.Г. Афанасьева и Т.В. Плюхиной, основанной на опубликованных материалах, сообщается о

⁸ См.: *Ведерников В.В.* Почему Герценштейн? (К истокам Териокской трагедии) // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма. С. 291–306.

шести горных инженерах, которые были депутатами Государственной думы разных созывов. М.О. Мельцин вновь обращает внимание на фигуру депутата II Государственной думы Павла Дмитриевича Долгорукова⁹. В этот раз автор пишет о Долгорукове как о мемуаристе и публицисте. Национальные корни депутата II–IV Государственной думы В.М. Пуришкевича изучает в своей работе А.А. Иванов. Как известно, ряд депутатов Государственной думы в 1917 году были назначены комиссарами в различные ведомства. Т.Г. Фруменкова пишет о М.М. Ичаче и Е.П. Ковалевском, которые встали во главе Мариинского ведомства. Закрывает раздел работа В.И. Мусаева, посвященная убийству депутатов Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. Размышляя о характере их убийства, автор отказывается признать его политическим, так как «никакая политическая сила за убийцами не стояла, а с политической точки зрения убийство было лишено какого-либо смысла».

В приложении к сборнику печатаются сообщения В.Н. Баталина о восстановлении кинематографического раритета «Открытие I Государственной думы» и «Концепция выставки «Народы Российской империи: первый парламентский опыт» (на основе материалов государств-участников МПА СНГ)», подготовленная директором Центра истории парламентаризма¹⁰ Л.А. Крохиной.

Надеемся, что и третий сборник «Таврических чтений» найдет своего читателя как среди ученых, так и среди политиков.

А.Б. Николаев
10 сентября 2010 г.

⁹ См.: Мельцин М.О. Апостолы «Народной свободы». Депутаты I и II Государственной думы князя Петр и Павел Долгоруковы // Там же. С. 281–291.

¹⁰ Весной 2010 г. на базе Музея истории парламентаризма был создан Центр истории парламентаризма.

История парламентаризма в России: Государственная дума, самодержавие и революция

С.В. КУЛИКОВ

Народное представительство Российской империи (1906 – 1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ¹

В историографии дореволюционной Государственной думы до сих пор нет исследовательского консенсуса относительно степени ее полноценности как народного представительства и соответствия современной ей мировой конституционной традиции. Казалось бы, естественный способ решения поставленной проблемы очевиден – это сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в., причем попытки такого анализа делались дореволюционными², советскими³, постсоветскими⁴ и зарубежными⁵ исследователями, однако их выводы не просто про-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Становление и история гражданского общества в России» (руководитель проекта: д.и.н. Б.Н. Миронов).

² Устинов В.М. Учение о народном представительстве. М., 1912. Т. 1.; Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004.

³ Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975.

⁴ Медушевский А.Н. 1) Конституционная монархия в Европе, Японии и России // Общественные науки и современность. 1994. № 6; 2) Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. См. также: Богданов С.В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной думы и Государственного совета в начале XX в.: Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2003.

⁵ Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906: political institutions of the Duma monarchy. Bruxelles, 1976; Sohrabi N. Historicizing revolutions: constitutional revolutions in Ottoman, Iran and Russia, 1905–1908 // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100. № 6.

тиворечат, а полностью противоположны друг другу. Так, С.А. Котляревский пришел к заключению о типологической близости между Основными законами 1906 г. и (по его мнению – менее совершенными, чем остальные конституции) конституциями первой половины XIX в. и японской, а потому писал, что полномочия Думы «ограниченнее, чем в каком-либо из европейских государств» (в 1906 г.) и «значительно менее широки, чем это соответствует типическому конституционному праву» (в 1912 г.)⁶. Но уже политический единомышленник С.А. Котляревского Б.А. Кистяковский в 1908 г. подчеркивал, подразумевая в том числе и Учреждение Государственной думы, что конституционные законы России не только «вполне могут быть сопоставлены с конституционными законами других стран», но и «соответствуют западноевропейским законам»⁷. Общим местом советской историографии являлся сделанный А.М. Давидовичем вывод о том, что у Думы имелось «гораздо меньше прав, чем у парламента в существовавших тогда буржуазных конституционных монархиях»⁸. В отличие от советской историографии за рубежом делались и иные выводы, в частности – М. Шефтелем, доказывавшим, что права представительных учреждений Российской империи существенным образом не отличались от прав, которыми пользовались народные представительства в остальных государствах⁹.

Уже в постсоветский период А.Н. Медушевский, сравнивая монархии начала XX в., вернулся к тезису дореволюционных государствоведов о типологической близости между Основными законами 1906 г. и конституциями первой половины XIX в. и Японии, но, в отличие от упомянутых государствоведов, усилил негативную оценку полномочий Думы. А.Н. Медушевский не только подчеркнул, что «не вполне правомерно» «говорить о введении в России конституционной монархии», но прямо написал, что Дума (не булыгинская, а существовавшая в 1906–1917 гг.) представляла собой «законосовещательный орган при монархе»¹⁰. Н. Селунская и Р. Тоштендаль, хотя и признают, подразумевая роль Думы в политической системе 1905–1907 гг., что «различия между Россией и странами Западной Европы <...> часто переоценивались», тем не менее, заключают: «В Рос-

⁶ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 147; 2) Юридические предпосылки русских Основных законов. // Там же. С. 276, 287.

⁷ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 530, 531.

⁸ Давидович А.М. Указ. соч. С. 291.

⁹ Szeftel M. Op. cit. P. 262.

¹⁰ Медушевский А.Н. 1) Конституционная монархия в Европе, Японии и России. С. 83–84; 2) Демократия и авторитаризм. С. 458.

сии никогда не было конституционной системы правления в собственном смысле слова»¹¹. В современной историографии продолжает отстаиваться и противоположная точка зрения, согласно которой Дума юридически и фактически ограничивала власть императора «в законодательных и финансовых вопросах», будучи органом конституционно-дуалистической монархии¹². Столь очевидная разногласия мнений объясняется, помимо прочего, тем, что подробный сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в. специально до сих пор не проводился – статья Р.А. Циунчука является только первым шагом на пути к этому¹³. Вообще же дореволюционные исследователи, не говоря уже об их политической ангажированности, просто не успели досконально проанализировать Думу в контексте мирового конституционализма начала XX в. Советские историки не считали актуальным само изучение «царской» Думы, не говоря уже о сравнении ее с иностранными парламентами, наконец, современные авторы сохраняют инерционную приверженность историографическим стереотипам дореволюционного или советского периода либо оценивают I–IV Думы в контексте мирового конституционализма не начала, а конца XX или даже начала XXI в., что существенно искажает исследовательскую перспективу и дает основания для ошибочных выводов.

Переходя к детальному сопоставлению российского народного представительства начала XX в. с аналогичными иностранными институтами, необходимо установить объекты сопоставления. В Европе 1906–1917 гг. преобладающей формой правления была монархическая, которая наряду с Российской империей существовала в 46 странах (Австро-Венгрии, Англии, Италии, Германской империи и 24 входивших в нее монархий – в том числе Пруссии и т.д.). Европейскими республиками являлись 7 государств, прежде всего – Франция и Швейцария. В Азии 7 стран, оставшихся независимыми (Персия, Турция, Япония и др.), были монархиями. В Африке, полностью поделенной между великими державами, одно независимое государство (Абиссиния) являлось монархией, другое (Либерия) – республикой. Наконец, в Се-

¹¹ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в нач. XX в. М., 2005. С. 288, 303.

¹² Демин В.А. Государственная дума России (1906 – 1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 83. См. также: Куликов С.В. Парламент без парламентаризма: Государственная дума в Царской России (1906–1917 гг.). // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 72; Лукоянов И.В. Государственная дума Российской империи: исторический опыт // Там же. С. 55.

¹³ Циунчук Р.А. Европейские парламенты и российская Дума нач. XX в.: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. матер. Межд. науч. конф. М., 2007. С. 38–61.

верной, Центральной и Южной Америке независимые страны (США и т.д., всего – 21) имели республиканскую форму правления. Следовательно, к 1906 г. существовали 54 монархии и 29 республик, т.е. 83 государства, и монархии среди них составляли 2/3 – подавляющее большинство.

В рассматриваемый период в некоторых странах по-прежнему отсутствовало народное представительство, функционирующее на основе писаной конституции: ими являлись Англия (де-юре)¹⁴, 2 германских герцогства (Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверин), княжество Монако (до 1911 г.), 4 азиатских и одна африканская монархии. Все они, кроме Англии (8 монархий), де-юре и де-факто еще жили в условиях абсолютизма и в этом смысле отставали от России, а потому остаются за пределами нашего исследования, затрагивающего 75 государств.

При сопоставлении представительных учреждений Российской империи с аналогичными иностранными институтами остановимся прежде всего на внешней структуре народного представительства, определявшейся принципом бикамерализма (двухпалатности), который считался догмой государственного права и аксиомой политической практики как унитарных, так и федеративных стран. Целесообразность верхней палаты государствоведы видели в том, что в унитарном государстве она играла роль более или менее консервативного противовеса чрезмерному демократизму нижней палаты, несколько не противореча принципам демократии, в федерации же верхняя палата выражала интересы субъектов федерации, тогда как выражение общенациональной воли принадлежало нижней палате¹⁵. Однопалатную систему имели лишь небольшие моноэтнические государства: 20 монархий и 3 республики в Европе (из них 17 – германские государства) и 5 республик в Центральной Америке – 31

¹⁴ Энсон В. Английский парламент, его конституционные законы и обычаи. СПб., 1908. С. 323. См. также: Лоуэлл А.Л. Государственный строй Англии. М., 1915. Т. 1. Ч. 1.

¹⁵ Кудрин Н.Е. Государственный строй Франции // Политический строй современных государств. Сб. ст.: в 2-х т. СПб., 1905. Т. 1. С. 509; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии // Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. Государство и роль канцлера в Германии. СПб., 1906. С. 32; Гессен В.М. 1) О двухпалатной системе // Право. 1906. № 19, № 31; 2) Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 333, 354, 376, 379, 431; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. С. 325; Илберт К. Парламент (его история, организация и практика). Пг., 1915. С. 174–175; Устинов В.М. Краткий очерк русского государственного строя. М., 1915. С. 41; Съезд «Союза освобождения» 23–25 августа 1905 г. Москва // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 384; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 96.

страна из рассматриваемых нами 75 или намного менее половины. На территории Российского государства одна палата (Сейм) образовывала народное представительство в Финляндии¹⁶.

В Российской империи, согласно статье 7 Основных законов 1906 г., функционировало двухпалатное народное представительство, состоявшее из Думы и Государственного совета¹⁷. Важным признаком двухпалатности являлось формальное равенство прав верхней и нижней палаты, прежде всего – в областях законодательной компетенции (для принятия закона требовалось одобрение обеих палат) и процедуры (законопроекты могли вноситься как в нижнюю, так и в верхнюю палаты) при фактическом приоритете нижней палаты относительно законопроектов о бюджете (что отсутствовало в Австрии и Швеции) и численности контингента новобранцев. Исключения из общего правила равноправности палат были весьма немногочисленны: так, де-юре примат верхней палаты над нижней существовал в Англии (до 1911 г.), Германской империи и США, нижней палаты над верхней – в Австро-Венгрии и Голландии¹⁸.

¹⁶ *Лоуэлл А.Л.* Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария). М., 1905. С. 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 244; *Григорьев Д.* Греция // Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах: в 3-х т. СПб., 1906. Т. 2. С. 278; *Мехелин Л.* Государственное устройство Швеции и Норвегии // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 245; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 325; *Корф С.А.* Русское государственное право. М., 1915. Ч. 1. С. 115; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 41; *Жилин А.А.* Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 286; *Гессен В.М.* Основы конституционного права. С. 379; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 117.

¹⁷ См. подробн.: *Демин В.А.* 1) Государственная дума России; 2) Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. См. также: *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999; *Юртаева Е.А.* Государственный совет в России (1906–1917 гг.). М., 2001.

¹⁸ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 14, 104, 171, 200, 301, 352; *Гурвич И.* Северо-Американские Соединенные Штаты // Государственный строй. Т. 3. С. 188; *Дюприе Л.* 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 32; 2) Государство и роль министров во Франции. СПб., 1906. С. 52, 83, 96, 104, 105; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. Краткий свод данных о порядке прохождения законодательных дел в представительных учреждениях Германии, Пруссии, Франции, Англии и Австрии и о внутреннем устройстве этих учреждений. СПб., 1906. С. 19, 72, 73; *Энсон В.* 1) Английский парламент. С. 212, 236, 242, 246, 247, 320; 2) Английская корона, ее конституционные законы и обычаи. СПб., 1914. С. 123; *Яшунский И.В.* Права Думы и Государственного совета по отношению к бюджету // Право. 1908. № 28. Стб. 1549–1556; *Лазаревский Н.И.* 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 325, 422, 439; 2) Русское конституционное право. Пг., 1917. Т. 1. Вып. 1. С. 109; *Илберт К.* Указ. соч. С. 159, 165; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 44, 45; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 329; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 365, 366, 367, 432; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 134, 140, 141.

В России, как и в большинстве других стран, законодательные права Думы и Государственного совета, по статье 106 Основных законов, были равны, хотя с другой стороны, в отступление от общепринятого порядка, согласно статьям 110 Основных законов, 34 и 29 Учреждений Думы и Совета, законопроекты, возникавшие по инициативе правительства, вносились им в нижнюю палату, а уже из нее поступали в верхнюю¹⁹, т.е. Дума имела право не только фактического, но и формального приоритета, что усиливало ее значение по сравнению с остальными нижними палатами²⁰.

Другим важным признаком двухпалатной системы являлась несовместимость членства в нижней и верхней палате, характерная для всех государств, за исключением Германской империи, где члены Бундесрата, аналога верхней палаты, имели право заседать и голосовать в Рейхстаге, нижней палате²¹. Статья 103 Основных законов утверждала принцип несовместимости членства в Думе и Государственном совете, никогда не нарушавшийся.

Значение народного представительства определялось не только его внешней структурой, но и, в еще большей степени, его внутренним содержанием, т.е. личным составом палат, а потому обратимся прежде всего к формированию личного состава нижних палат²². Оно базировалось на принципе всеобщего избирательного права, трактованного в начале XX в. не буквально, т.е. как такое право, которым пользуется подавляющее большинство населения данного государства, а как право, принадлежащее определенной, иногда даже меньшей, части населения, но, во всяком случае, отнюдь не его по-

¹⁹ Здесь и далее статьи конституционных актов Российской империи приводятся по следующему изданию: Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сб. законодательных актов. М., 1995.

²⁰ Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 235–236; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. С. 422; Устинов В.М. Указ. соч. С. 50, 51; Гессен В.М. Указ. соч. С. 367; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 219.

²¹ Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии // Дюприе Л. Государство и роль министров. С. 98, 115; Рейснер М.А. Избирательное право // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 106; Энсон В. Английский парламент. С. 70.

²² Корф С.А. Избирательное право // Вестник права. 1904. Кн. 1; Пифферун О. Европейские избирательные системы (Парламентские, провинциальные и муниципальные). СПб., 1905; Мейер Г. Избирательное право: в 2-х кн. М., 1905–1906; Рейснер М.А. Указ. соч.; Системы избирательного права Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1905; Цейтлин С.Я. Избирательное право в современных конституционных государствах. СПб., 1905; Шалланд Л.А. Вопросы избирательного права: в 2-х вып. СПб., 1905; Водовозов В.В. Избирательное право в Европе и в России. СПб., 1906; Новиков Ю.А. Избирательная система России: 90 лет истории. М., 1996.

давляющему большинству²³. Более всего всеобщность избирательного права ограничивалась половым или, говоря по-современному, гендерным цензом (учитывая огромное количество исключаемых им потенциальных избирателей), иными словами – в начале XX в. во всех государствах женщины не участвовали в формировании народного представительства. Избирательным правом (активным и пассивным) женщины пользовались непосредственно только в Дании и Норвегии, а также в 3-х колониях Великобритании и 6-ти штатах США, опосредованно (лишь активным) – в Австрии и Италии²⁴.

В области политического освобождения женщин Россия также шла впереди цивилизованного мира, поскольку в 1905 г. активное и пассивное избирательное право получили женщины Финляндии, входившей в Российское государство, а согласно Положениям о выборах в Думу 11 декабря 1905 и 3 июня 1907 г., матери и жены получили право опосредованного участия в выборах, передавая свой ценз по недвижимости сыновьям и мужьям.

Всеобщее избирательное право для мужчин существовало в Австрии, Бельгии, Болгарии, Германской империи и 5 ее государствах (в том числе в Пруссии), Греции, Дании, Испании, Норвегии, Франции, Черногории, Швейцарии, Швеции и почти во всех республиках Америки²⁵. Теоретическое провозглашение всеобщего избирательного права резко контрастировало с практикой политической жизни государств, имевших этот институт. Действительно, в начале XX в. в Бельгии избиратели составляли 21 – 22,6–25 % от всего на-

²³ *Водовозов В.В.* Основы избирательного права в Европе и Америке // Государственный строй. Т. 3. С. 330, 339; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 430; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 266; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 53; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 295; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 263; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 20, 103.

²⁴ *Рейснер М.А.* Указ. соч. С. 96 – 97; *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 333; *Гурвич И.* Указ. соч. С. 224; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 274; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 53 – 54; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 295; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 272, 273; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 20, 103.

²⁵ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 168, 200, 225; *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 341; *Григорьев Д.* Указ. соч. С. 278; *Дюприе Л.* 1) Государство и роль канцлера в Германии // Дюприе Л. Государство и роль министров. С. 82; 2) Государство и роль министров в Пруссии // Там же. С. 3, 26; 3) Государство и роль министров во Франции. С. 52; *Иоллос Г.Б.* Основные положения конституционного права Германии // Политический строй. Т. 2. СПб., 1906. С. 25–26, 39; *Мехелин Л.* Указ. соч. С. 246; *Панин М.* Швейцария // Государственный строй. Т. 3. С. 264; *Лазаревский Н.И.* 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 267; 2) Русское конституционное право. С. 109; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 53; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 295; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 189, 240, 247, 248, 250–251, 255–256, 260; *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство и внешняя политика. М., 1993. С. 273; 2) Конституционное государство. С. 100, 108, 109, 116, 127, 147.

селения, в Болгарии – 23%, в Германской империи – 21 (конец XIX в.) – 20–22 (1903 г.) %, в Дании – 15–16 %, во Франции – 24 (конец XIX в.) – 27–29 (1905 г.) %²⁶. Еще Н.М. Коркунов отмечал, что «при так называемом общем избирательном праве едва 1/4 населения пользуется избирательным правом». К 1917 г. положение практически не изменилась, ибо, как указывал В.М. Гессен, в странах с всеобщим избирательным правом «в выборах участвует лишь незначительная часть населения, разная в отдельных государствах»²⁷.

И без того узкий круг населения, приобщенного к всеобщему избирательному праву, сужался еще более по причине того, что в некоторых крупных государствах, таких, как Германская империя и Испания, депутаты не получали содержания, т.е. работали безвозмездно. Сужению круга лиц, которые формально имели избирательное право, содействовала также обязанность кандидата в депутаты оплачивать издержки предвыборной кампании, как это было в Греции, где каждый кандидат вносил в казну 200 франков. Наконец, систему всеобщего избирательного права искажали и фальсифицировали законы, определявшие порядок производства выборов и разделение страны на избирательные округа. В частности, в Германской империи выборы назначались на будний день и проходили с 10-ти утра до 7-ми вечера, благодаря чему всеобщего избирательного права были лишены широкие трудящиеся массы²⁸.

Если обратиться к Российскому государству, то по Манифесту 22 октября 1905 г. выборы в Сейм Финляндии стали проводиться на основе максимально возможного по тем временам всеобщего избирательного права (которое приобрели и женщины), но и ранее, с 1869 г., право голоса имели около 30 % финляндцев – самый высокий показатель в тогдашней Европе. Положение о выборах в Думу 11 декабря 1905 г. фактически ввело всеобщее избирательное право в России, которую новое Положение о выборах 3 июня 1907 г. ни в коей мере не вывело из числа государств, имевших этот институт, ибо сохранило избирательное право за всеми крестьянами, приписанными к сельс-

²⁶ *Иоллос Г.Б.* Указ. соч. С. 49; *Ковалевский М.М.* Бельгийская конституция // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 78; *Ковров А.* Германия // Государственный строй. Т. 2. С. 109, 118; *Стеклов Ю.* Бельгия // Там же. Т. 1. С. 239; *Коркунов Н.М.* Указ. соч. С. 431; *Лазаревский Н.И.* 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 265; 2) Русское конституционное право. С. 133; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 265.

²⁷ *Коркунов Н.М.* Указ. соч. С. 431; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 265.

²⁸ *Гессен В.М.* 1) Теория правового государства. // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 176; 2) Основы конституционного права. С. 284; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 168; *Рейснер М.А.* Указ. соч. С. 102; *Григорьев Д.* Указ. соч. С. 278; *Иоллос Г.Б.* Указ. соч. С. 30; *Ковров А.* Указ. соч. С. 115; *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. С. 323; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 328.

ким обществам (т.е. за подавляющим большинством мужского населения), и за рабочими 38-ми промышленных губерний, служивших на заводах с количеством работников не менее 50, и обеспечил особое представительство в Думе для каждой группы избирателей.

Историческим прецедентом для закона 3 июня 1907 г. послужил пример Пруссии, где король 6 декабря 1848 г. сначала октроировал всеобщее избирательное право, но уже 30 мая 1849 (через полгода, а не через полтора – как в России) дополнил его куриальной системой. Тем не менее и в дальнейшем, вплоть до 1918 г., Пруссию не исключали из разряда государств с всеобщим избирательным правом, а потому бесспорно: то же самое относится и к третьейюнской монархии – правом голоса в ней пользовались от 16 до 25% (только для крестьян) избирателей, что вполне сопоставимо с вышеприведенными показателями для других стран. Правы, поэтому, те эмигрантские историки (С.С. Ольденбург, С.Г. Пушкарев), которые писали, что и по закону 3 июня 1907 г. избирательное право фактически продолжало оставаться всеобщим. Этому способствовало и то, что с самого начала деятельности народного представительства в России его члены получали содержание (поденное – для депутатов I – II Дум, затем – годовое) и не оплачивали издержки предвыборной кампании. В результате по своему личному составу I и II Думы являлись едва ли не самыми демократичными нижними палатами в мире, а демократичность III и IV Дум была, во всяком случае, выше среднего²⁹.

Невсеобщее (ограниченное) избирательное право, основанное, как правило, на более или менее значительном имущественном цензе, существовало в Англии, Венгрии, 18 государствах Германской империи, Голландии, Италии (до 1912 г.), Сербии, Румынии, Швеции, Японии³⁰. Естественно, что круг избирателей в странах с ограничен-

²⁹ *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 327; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 271; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 56–57, 58; *Гессен В.М.* Основы конституционного права. С. 240–241; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 391; *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 352; *Демин В.А.* Государственная дума России. С. 37–41; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб., 2000. Т. 2. С. 159; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 90, 147.

³⁰ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 105, 222, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 239–240, 244; *Виноградов П.Г.* Государственный строй Англии // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 244; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Австро-Венгрия // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 177; *Мехелин Л.* Указ. соч. С. 237; *Ковров А.* Указ. соч. С. 118; *Стеклов Ю.* Голландия // Государственный строй. Т. 2. С. 229; *Ковалевский М.М.* 1) Общее конституционное право. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб., 1908 (на правах рукописи). С. 343, 374; 2) История монархии и монархических док-

ным избирательным правом был еще меньше, чем в странах со всеобщим. В Англии в 1884 г. избиратели составляли 16,7 %, позднее – 16 (1901–1906 гг.) – 17 (1913) % от всего населения (фактически же – в 2 раза меньше, поскольку, по причине абсентеизма, в 1898 г. из 6.568.629 избирателей участвовали в выборах 3.858.923), в Венгрии – 5 %, в Италии – 7 (1898 – 1900 гг.) – 8 %, в Японии – 3%. В 1900 г. в Голландии избиратели составляли 52 % от количества не всего, а лишь мужского населения, причем к 1912 г. этот показатель повысился только на 11 %³¹. Как и в странах со всеобщим избирательным правом, в таких государствах с ограниченным правом, как Англия (до 1912 г.), Италия и 3 «вольных города» Германской империи, еще большему сужению круга избирателей, а значит – и резкому замедлению демократизации состава палат, содействовало бесплатное исполнение депутатами своих функций.

Роскошь парламентской деятельности «на общественных началах» мог себе позволить только очень богатый человек, тем более что в Англии кандидат в депутаты вдобавок обязывался оплатить казне все финансовые издержки по предвыборной кампании, что фактически было дополнительным имущественным цензом. Уже войдя в состав коммунеров, каждый из них тратил несколько тысяч на поддержку постоянной связи с избирателями (устройство митингов и т.д.), а потому неудивительно, что депутаты, согласно английскому обычаю, по окончании их полномочий принимали от избирателей круглые суммы, в частности, представитель от Ирландии Ч.С. Парнелл – 500.000 руб.! Бесплатность депутатской деятельности и ее чрезвычайная дороговизна приводили к тому, что, как и в середине XVII в., в начале XX подавляющее большинство коммунеров рекрутировались из поместного дворянства и верхов буржуазии. То же самое наблюдалось в нижних палатах Венгрии и Японии³².

трин. Курс лекций, читанных на Экономическом отделении С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого в 1911–1912 уч. году: в 3-х вып. СПб., 1912. Вып. 3. С. 110, 113; *Энсон В.* Указ. соч. С. 94, 109–115; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 297, 299; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 232, 261, 271; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 95, 101, 127, 147.

³¹ *Виноградов П.Г.* Указ. соч. С. 244; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 105; *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 336; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 180; *Звездич П.* Венгрия // Государственный строй. Т. 2. С. 67; *Сатурич Д.* Указ. соч. С. 147; *Стеклов Ю.* Указ. соч. С. 228; *Шейнис Л.* Италия // Государственный строй. Т. 3. С. 89, 91; *Шрейдер Д.И.* Государственный строй современной Японии // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 257, 277; *Илберт К.* Указ. соч. С. 47; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 259–260; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 99.

³² *Ковалевский М.М.* 1) Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 287; 2) Общее конституционное право. С. 359; 3) История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 124, 145; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 107, 244; *Рейснер М.А.* Указ. соч. С. 102, 102–103; *Звездич П.* Указ.

В странах со всеобщим и невсеобщим избирательным правом существовали также ограничения, которые государствоведы признавали само собой разумеющимися – цензы гражданства, оседлости (кроме Германской империи), возрастной (как правило – не менее 25 лет). Образовательный ценз (начальное образование) требовался в немногих странах (Италия – до 1912 г., Португалия, Румыния). Несмотря на кажущийся аполитизм этих цензов, они могли заметно уменьшать электоральный корпус, усугубляя искажение принципа всеобщности выборов. Так, в Англии ценз оседлости, иногда увеличивавшийся до 2 лет, лишал избирательного права нескольких сотен тысяч человек. Устранение в 1912 г. в Италии образовательного ценза сразу увеличило количество избирателей в 2,5 раза – до 17,5 %. В многонациональных государствах существовал, чаще всего – фактически, и национальный ценз, призванный обеспечить в парламенте господствующее положение за титульной нацией, причем свое крайнее применение данный ценз нашел в маленькой Венгрии, по причине чего в ее парламенте полностью отсутствовали представители 10-миллионного немадьярского населения, составлявшего около половины населения страны³³.

Во всех государствах, как с всеобщим, так и невсеобщим избирательным правом, его лишались и некоторые конкретные категории граждан, которые по своему статусу не имели возможности для свободного волеизъявления: чины высшей провинциальной администрации и всей полиции (во втором случае – кроме Англии) и военнослужащие армии и флота (за исключением Англии и Греции, где офицеры имели не только активное, но и пассивное избирательное право). Наконец, иногда к электоральному корпусу не принадлежали белое и черное духовенство (Бразилия, Греция, Мексика, Швейцария), домашняя прислуга (Венгрия, Португалия, Пруссия, Румыния) и получатели пособий по бедности (Австрия, Германская империя)³⁴. Во всех странах лишались избирательного права уголовные

соч. С. 90–91; *Иоллос Г.Б.* Указ. соч. С. 30; *Сатурин Д.* Указ. соч. С. 150, 196; *Шейнис Л.* Указ. соч. С. 100–101; *Шрейдер Д.И.* Указ. соч. С. 257, 277; *Лазаревский Н.И.* 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 323; 2) Русское конституционное право. С. 109; *Илберт К.* Указ. соч. С. 53; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 328; *Котляревский С.А.* Правовое государство. С. 265.

³³ *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 334, 335; *Звездич П.* Указ. соч. С. 50, 64; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 300; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 260, 271; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 102, 105, 106.

³⁴ *Кудрин Н.Е.* Указ. соч. С. 510; *Миллюков П.Н.* Болгарская конституция // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 627; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 147; *Григорьев Д.* Указ. соч. С. 280; *Иоллос Г.Б.* Указ. соч. С. 21, 25–26; *Шрейдер Д.И.* Указ. соч. С. 277; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 80; *Энсон В.* 1) Английский парламент. С. 116; 2) Английская корона. С. 410; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 266; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 106.

преступники, несостоятельные должники и лица, находившиеся под опекой или отличавшиеся аморальным поведением.

На принципиальный вопрос о совместимости государственной гражданской службы с обладанием пассивным избирательным правом конституции разных стран давали два ответа – в виде австро-немецкой и англо-французской систем. В государствах с первой системой (Австрия, Германская империя и входившие в нее государства – в том числе Пруссия, Дания, Норвегии, Швеция) чиновники всех ведомств и рангов могли баллотироваться в депутаты, и такого рода депутаты, естественно, в большей степени зависели от правительства, чем «свободные» парламентарии. В государствах со второй системой (Англия, Бельгия, Болгария, Голландия, Испания, Италия, Португалия, США, Франция, Швейцария и все остальные страны), согласно принципу разделения властей, признавалась несовместимость государственной службы с депутатством в нижней палате и членством в выборной части верхней. В данном случае допускались исключения только для министерских и высших административных и судебных должностей, для членов академических корпораций и представителей религиозных организаций. В США и Швейцарии даже министры не имели права являться членами народного представительства (Конгресса и, соответственно, Союзного собрания)³⁵.

Положения о выборах в Думу 11 декабря 1905 и 3 июня 1907 г. устанавливали, как и в остальных государствах, цензы гражданства, оседлости, возрастной (не менее 25 лет), причем последний покрывал обучавшихся в учебных заведениях. Из всех национальностей Российской империи де-юре были лишены избирательного права только так называемые «бродячие инородцы», не соответствовавшие цензу оседлости. Конечно, закон 3 июня 1907 г. поставил русских (точнее – православных) избирателей в более выгодное положение, чем нерусских, однако он вовсе не подразумевал, в отличие, к примеру, от избирательных законов Венгрии, полное устранение других национальностей от выборов, а потому III и IV Думы, подобно I и II, являлись едва ли не самыми многонациональными и поликонфессиональными нижними палатами в мире. В полном соответствии с мировой конституционной традицией в России не голосовали губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, их помощники и все

³⁵ Кудрин Н.Е. Указ. соч. С. 511; Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 628; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 104–105; Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 26; 2) Государство и роль министров во Франции. С. 80; Мехелин Л. Указ. соч. С. 240; Панин М. Указ. соч. С. 265; Энсон В. 1) Английский парламент. С. 72; 2) Английская корона. С. 191; Устинов В.М. Указ. соч. С. 75; Жилин А.А. Указ. соч. С. 301; Гессен В.М. Указ. соч. С. 267, 268, 269; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 107, 166.

полицейские чины (на месте своей службы) и военнослужащие армии и флота (независимо от места службы), за исключением военных, имевших цензы по недвижимости, которые они могли передавать сыновьям. Как и везде, в России устранялись от голосования уголовники, должники, опекаемые и порочные личности. В соответствии с наиболее распространенной англо-французской системой русские чиновники, за исключением министров, не могли являться депутатами. Наконец, условия пользования активным и пассивным избирательным правом, согласно конституционной традиции, в России, подобно другим государствам, совпадали³⁶.

Следующий принцип формирования нижней палаты, прямое избирательное право, в начале XX в. применялся в большинстве стран³⁷. Однако непрямое (косвенное) избирательное право, как и прямое, государственоведы также считали одной из основ представительного правления, которая совместима с всеобщими и равными выборами, представляет корректив к первым и связана, как правило, с куриальной системой. Косвенное избирательное право функционировало в Дании, четырнадцати государствах Германской империи (в том числе в Пруссии – двухстепенные выборы), Румынии и Швеции³⁸.

По манифесту 22 октября 1905 г. граждане Финляндии получили прямое избирательное право, невозможность введения которого в Российской империи составители положения о выборах в Думу (А.Г. Булыгин и С.Е. Крыжановский) мотивировали не политическими, а чисто техническими причинами – разбросанностью и безграмотностью значительной части населения, делая акцент на географических и бытовых условиях Империи. С бюрократами-реформаторами были солидарны и умеренно-либеральные оппозиционеры, в

³⁶ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. С. 294; Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912. С. 82; Устинов В.М. Указ. соч. С. 53, 60; Гессен В.М. Указ. соч. С. 266. См. также: Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

³⁷ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 222, 225, 234, 244; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 343; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 178; Григорьев Д. Указ. соч. С. 278; Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии. С. 82; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 25–26; Панин М. Указ. соч. С. 264; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 278; Жилин А.А. Указ. соч. С. 309–310; Гессен В.М. Указ. соч. С. 240, 247, 247–248, 250–251, 282.

³⁸ Кудрин Н.Е. Указ. соч. С. 434; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. М., 1905. С. 200, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 239–240; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 108; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 341, 342, 346; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 26; Мехелин Л. Указ. соч. СПб., 1906. С. 237; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 278; Устинов В.М. Указ. соч. С. 55; Жилин А.А. Указ. соч. С. 310; Гессен В.М. Указ. соч. С. 279; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 110.

частности граф П.А. Гейден. Положение о выборах 11 декабря 1905 г. установило для большинства избирателей двухстепенные выборы, для рабочих и мелких землевладельцев – трехстепенные, для крестьян – четырехстепенные. Вместе с тем положение о выборах 3 июня 1907 г. заложило основы для прямого голосования, введя его в 5 крупнейших городах (Киев, Москва, Одесса, Петербург, Рига)³⁹.

Равное избирательное право (один человек – один голос) формально существовало в Германской империи и 4 ее государствах, в Италии, Норвегии, США, Франции, Швейцарии и других республиках⁴⁰. Однако в реальности принцип равного избирательного права не просто грубо нарушался, но фактически превращался в свою полную противоположность из-за широкого применения практики неравного распределения избирательных округов ради того, чтобы обеспечить конкретной партии приобретение или сохранение господствующего положения – практики, получившей название «избирательной» или «выборной геометрии» (*Wahlgeometrie*). Распространение «выборной геометрии» не останавливало то, что, за исключением Австрии и Норвегии, во всех европейских государствах величина округа регулировалась исходя из количества проживавшего в его пределах населения. В культивировании «выборной геометрии» от монархий (Германская империя и Италия) не отставали республики, в крупнейшей из которых, США, «джерримандер» (*Gerrimander*) (аналог *Wahlgeometrie*), обеспечивавший победу кандидата от демократической или республиканской партий, был обыденным явлением политической жизни⁴¹.

Даже в начале XX в. принцип равенства голосов подвергался серьезной научной критике: государствоведы полагали, что право на участие в политической жизни есть у всех, но это право, в силу природного неравенства среди людей, не может быть равным. Как ре-

³⁹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 280; Устинов В.М. Указ. соч. С. 57, 59; Гессен В.М. Указ. соч. С. 279; Таганцев Н.С. Пережитое: в 2-х вып. Пг., 1919. Вып. 1. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. С. 27; Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 462; Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 65.

⁴⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 10, 105, 223; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 343; Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии. С. 82; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 25–26, 39; Панин М. Указ. соч. С. 264; Гессен В.М. Указ. соч. С. 246.

⁴¹ Брайс Д. Американская республика: в 3-х т. М., 1889. Т. 1. С. 135; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 106; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 355; Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии. С. 108; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 37; Ковров А. Указ. соч. С. 112; Шейнис Л. Указ. соч. С. 99; Жилин А.А. Указ. соч. С. 307; Гессен В.М. Указ. соч. С. 278; Ламберт Д., Лейкман Э. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 80–81; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 109.

зультат неравное избирательное право продолжало существовать в Австрии, Англии, Бельгии, Венгрии, девятнадцати государствах Германской империи (в том числе в Пруссии), Испании, Люксембурге, Румынии, Сербии, Швеции⁴². Неравное избирательное право имело два вида: плюральное и куриальное. Плюральное (множественное) избирательное право особенно наглядно функционировало в Англии и Бельгии. В Англии, согласно принципу множественного вотума (vote multiple), один и тот же избиратель, обладавший имущественными цензами сразу в нескольких избирательных округах, имел право, пользуясь тем, что выборы занимали до двух-трех недель, голосовать по одному разу во всех этих округах, независимо от их количества. В результате некоторые избиратели имели десятки голосов, в частности, некий Бексендейл – 43 голоса! Количество подобных избирателей по одним данным определялось многими тысячами, а по другим – доходило до 500.000 человек! В начале XX в. плюральное голосование помимо прочих факторов обеспечивало практически полное доминирование в Палате общин имущих классов, усугубляясь активным использованием «выборной геометрии». В Бельгии избиратели были разделены на три категории, представитель первой из которых имел один, второй – два и третьей – три голоса, причем меньшинство с тремя голосами опережало большинство с одним голосом на 568.000 голосов⁴³. Характерные образцы куриального избирательного права, признававшегося государствоведами одним из коррективов всеобщего избирательного, дали Австрия и Пруссия, где избиратели делились на категории в зависимости от их материального достатка. Куриальное избирательное право, подобно плюральному, дополнялось активным использованием «выборной геометрии», в результате которой в Австрии возникали искусственные избирательные округа для обеспечения господства немцев над остальными народами. Рекорд по этой части побила Венгрия, чья избирательная система была, пожалуй, самой сложной не

⁴² Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 222, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 239–240, 244; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 91, 92, 93, 94; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 3, 26; Жилин А.А. Указ. соч. С. 295, 306; Гессен В.М. Указ. соч. С. 245; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 108, 109.

⁴³ Рейснер М.А. Указ. соч. С. 92, 94; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 340; Ковалевский М.М. 1) Бельгийская конституция // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 75; 2) Общее конституционное право. С. 367; Сатурин Д. Указ. соч. С. 151–152; Стеклов Ю. Бельгия // Государственный строй. Т. 1. С. 248–249; Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 434; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 281–282, 282, 286; Илберт К. Указ. соч. С. 48; Жилин А.А. Указ. соч. С. 302; Гессен В.М. Указ. соч. С. 247–248, 255–256, 278; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 273; 2) Конституционное государство. С. 100, 108, 109, 147. См. о плюральном голосовании: Еллинек Г. Множественное избирательное право. М., 1906.

только в Европе, но и в мире, поскольку состояла из 37 законов, приуроченных к разным областям и имевших единственную цель – обеспечение политического господства мадьяр над остальной половиной немадьярского населения⁴⁴.

Согласно Манифесту 22 октября 1905 г., выборы в Сейм Финляндии стали производиться на основе равного голосования; в Российской же империи в основу законов 11 декабря 1905 и 3 июня 1907 г. была положена австрийская куриальная система, действовавшая до ее реформы в 1907 и являвшаяся более справедливой по сравнению с прусской, поскольку первая отличалась от второй тем, что более соответствовала идеям органических выборов и представительства классов. Не менее важным являлось и то, что на всех ступенях выборов в Думу применялся принцип равного голосования, так как обладатель цензов в двух куриях мог голосовать только по одной из них⁴⁵.

Тайное (закрытое) избирательное право существовало во всех государствах, за исключением Австрии (до 1907 г. – для выборщиков), Венгрии, Дании, четырех государств Германской империи (в том числе Пруссии) и Сербии. Нетайное (открытое) голосование охраняло господство имущих классов и облегчало производство административного давления на выборы⁴⁶.

По манифесту 22 октября 1905 г. выборы в Сейм Финляндии производились на основе тайного голосования, которое, согласно положениям о выборах 11 декабря 1905 и 3 июня 1907 г., практиковалось и на всех ступенях выборов в Думу.

Наконец, рассматривая систему выборов, важно указать, что в подавляющем большинстве государств, как монархий, так и республик, выборы производились по мажоритарной, менее справедливой, системе; пропорциональная, более справедливая, действовала, как исключение, только в четырех странах (Бельгия, Дания – частично с 1915 г., Швеция – с 1907, двенадцать кантонов Швейцарии – к 1909), а также в Финляндии (с 1906)⁴⁷.

⁴⁴ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 244; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 92, 93, 94; Звездич П. 1) Австрия // Государственный строй. Т. 1. С. 73; 2) Венгрия // Там же. Т. 2. С. 66; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 179; Жилин А.А. Указ. соч. С. 303, 306; Гессен В.М. Указ. соч. С. 189, 240–241, 245, 250–251; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 93, 109.

⁴⁵ Жилин А.А. Указ. соч. С. 304; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 90.

⁴⁶ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 204, 233; Рейснер М.А. Указ. соч. С. 109; Водовозов В.В. Указ. соч. С. 349; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 64; Звездич П. Венгрия // Государственный строй. Т. 2. С. 67; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 292, 293; Жилин А.А. Указ. соч. С. 309; Гессен В.М. Указ. соч. С. 247–248, 288; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 111.

⁴⁷ Жилин А.А. Указ. соч. С. 308, 312; Ламберт Д., Лейкман Э. Указ. соч. С. 195, 200, 202, 207, 211–212; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 116.

Большое влияние на личный состав нижних палат оказывали не только избирательные законы, но и факторы около- и внезаконного порядка, т.е. более или менее откровенное давление правительства на выборы, которое проводилось во всех странах. Распространенной формой давления на выборы были манипуляции со списками избирателей, поскольку их постоянные списки, существовавшие в большинстве государств, постоянно обновлялись, а специальные списки, применявшиеся в Австрии, Германской империи и Швейцарии, обновлялись для каждой избирательной кампании. Верхом цинизма в этом смысле стали действия итальянского правительства, которое добилось от парламента принятия закона о пересмотре списков, из-за чего количество избирателей уменьшилось почти на миллион (с 3.006.214 в 1892 г. до 2.159.214 в 1895)! Беззастенчивые манипуляции с избирательными списками практиковали и власти Венгрии.

Столь же распространенной формой давления являлось покушение на свободу предвыборной агитации, также наблюдавшееся во всех государствах⁴⁸. Более редкой, но не менее действенной формой давления была система легальных (официальных) кандидатов, существовавшая в Англии, Болгарии и Греции, согласно которой для обеспечения победы кандидата, выдвинутого правительством в избирательном округе, признавалось достаточным, чтобы альтернативная кандидатура не выдвигалась, и по причине ее отсутствия выборы в данном округе далее не проводились. Легальные кандидаты в депутаты Палаты общин фигурировали в очень большом количестве округов. Культивированию подобной системы способствовало то, что, в отличие от континентальной Европы, даже в 1950-х гг. в Англии партии не признавались избирательным законом, а потому партийная принадлежность кандидата никогда не упоминалась в официальных документах⁴⁹.

Необходимо отметить, что в начале XX в. степень интенсивности правительственного давления на выборы не зависела ни от формы правления государства, ни от его политического режима: министр

⁴⁸ *Винардель-Ройч А.* Испания // Государственный строй. Т. 3. С. 34, 49; *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 347, 363, 366; *Дюприе Л.* Государство и роль министров в Пруссии. С. 61; *Звездич П.* Указ. соч. С. 67; *Инсаров Х.* Болгария // Государственный строй. Т. 2. С. 5; *Ковалевский М.М.* Бельгийская конституция // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 75; *Ковров А.* Указ. соч. С. 114; *Шейнис Л.* Указ. соч. С. 88, 89, 90, 97; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 363, 365; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 310; *Котляревский С.А.* Правовое государство. С. 273.

⁴⁹ *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 320 – 321, 360; *Инсаров Х.* Указ. соч. С. 5; *Сатурин Д.* Указ. соч. С. 151; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 311; *Ламберт Д., Лейкман Э.* Указ. соч. С. 192.

внутренних дел, по наблюдениям Л. Дюприе, являлся «великим избирателем» как во Франции, так и в Пруссии⁵⁰.

В Российской империи, как и в других странах, организацией и проведением избирательной кампании ведало МВД и его руководитель, однако степень давления правительства на выборы в I и, отчасти, во II Думы было минимальным. Давление исполнительной власти на выборы в III и IV Думы стало более активным, однако, по степени интенсивности, явно отставало от аналогичных показателей, характерных для остальных государств, не говоря уже про Советскую Россию⁵¹.

Подводя итоги сравнительному анализу формирования личного состава нижних палат начала XX в., можно прийти к выводу, что ни одна нижняя палата того периода не соответствовала в полной мере конституционной доктрине, поскольку даже если большинство принципов этой доктрины декларировались конституцией, то практика ее применения искажала данные принципы иногда до их полной противоположности. «До настоящего времени, – писал в 1905 г. В.М. Гессен, – парламент еще нигде не является действительным выразителем желаний и воли народного большинства». Через десятилетие ситуация не изменилась, поскольку в 1916 г. А.А. Жилин констатировал: «В настоящее время убедились, что ни одна система избирательного права не дает идеального представительства населения, каждая имеет свои недостатки»⁵².

Резкий контраст между конституционной теорией и практикой предопределял абсентеизм избирателей и наводил государствоведов на мысль о введении обязательного голосования, которое, однако, к 1917 г. функционировало только в Австрии, Бельгии и некоторых кантонах Швейцарии⁵³.

Пожалуй, лишь Финляндия, т.е. часть Российского государства, имела, по крайней мере сравнительно с европейскими государствами, самое демократическое народное представительство, сформировавшееся на основе действительно всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального избирательного права, не искаженного к тому же правительственным давлением на выборы⁵⁴.

⁵⁰ Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 62, 64; 2) Государство и роль министров во Франции. С. 153, 163, 166.

⁵¹ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 74, 75.

⁵² Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй СПб., 1905. Т. 1. С. 176; Жилин А.А. Указ. соч. С. 287.

⁵³ Жилин А.А. Указ. соч. С. 311. См. также: Блюменфельд Р.И. Обязательное голосование. Пг., 1915.

⁵⁴ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004. С. 239.

В начале XX в. удельный вес народного представительства зависел от личного состава не только нижних, но и верхних палат, а потому остановимся на формировании личного состава верхних палат. Государствоведы выделяли прежде всего верхние палаты с преобладанием наследственных членов (Англия и Венгрия). Английская Палата лордов являлась не только самой многочисленной из всех верхних палат (620 чел. на 1913 г.), но в ней более, чем в других, преобладали наследственные члены, подавляющее большинство которых, из-за сохранявшегося сословно-феодалного характера этой палаты, принадлежали, к землевладельческой аристократии. То же самое было характерно и для венгерской Палаты магнатов. Лорды владели одной шестой всей территории Великобритании, магнаты – одной восьмой всей территории Венгрии. Далее шли: верхние палаты, 1) члены которых были частью наследственными, частью – назначенными монархом (Австрия, государства Германской империи – в том числе Пруссия, Португалия, Япония), 2) с преобладанием назначенных членов (Германская империя, Италия). Как и верхние палаты с преобладанием наследственных членов, палаты с наследственными и назначенными и только назначенными членами имели сословно-аристократический характер, усугублявшийся тем, что во все эти палаты входили представители правящих династий (Англия, 7 государств Германской империи (среди них – Пруссия), Италия, Япония), и члены трех палат (в Англии, Италии и Пруссии) исполняли свои функции безвозмездно. В меньшинстве монархий (Дания, 3 государства Германской империи, Испания), а также во Франции верхние палаты состояли из назначенных и выборных членов⁵⁵.

Право пополнения наследственно-назначенной части верхней палаты было исключительной прерогативой короны, которая в Австрии, Англии, Италии и Пруссии могла назначать и назначала (за

⁵⁵ *Виноградов П.Г.* Указ. соч. С. 245; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 171, 199, 221, 222, 222–223, 225, 227, 229, 238, 239, 335; *Гессен В.М.* 1) Теория правового государства. С. 127; 2) Основы конституционного права. С. 336–337, 337–339, 349–352; *Винардель-Ройч А.* Указ. соч. С. 34; *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 316–317, 325; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 177; *Дерюжинский В.Ф.* Верхняя палата во Франции // *Дерюжинский В.Ф.* Из истории политической свободы в Англии и Франции. СПб., 1906. С. 199–242; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 80; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 75–76, 76; *Сатурин Д.* Указ. соч. С. 153; *Шрейдер Д.И.* Указ. соч. С. 276; *Ковалевский М.М.* 1) Общее конституционное право. С. 31; 2) История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 102, 104–105; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 325, 326, 327; *Илберт К.* Указ. соч. С. 153, 290, 292, 293; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 43; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 289, 290, 292, 293; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 117, 119, 119–120, 120, 123.

исключением Англии) любое количество новых членов верхней палаты. Австрийскому императору как венгерскому королю предоставлялось назначать 50 членов Палаты магнатов, причем не более 5 – ежегодно. В Испании король имел право назначать количество сенаторов, которое бы не превышало 1/3 членов Сената⁵⁶.

Преобладание в верхних палатах выборных членов являлось отличительной чертой всех республик и 7 небольших монархий (Бельгия, две германских монархии, Голландия, Норвегия, Румыния и Швеция). Выборные верхние палаты отличались от нижних способами формирования личного состава (непрямые, косвенные, выборы, преимущественно – двухстепенные, в Бельгии, Голландии, Дании (для части членов Ландстинга – прямые), Норвегии, США, Франции (для части сенаторов – трехстепенные)) и его обновления (не интегральное неполное), более высокими цензами для избрания (как правило, возрастной – не менее 40 лет и образовательный – не ниже курса средних учебных заведений). Еще большему сужению круга кандидатов в члены выборной верхней палаты содействовало то, что в двух монархиях (Бельгия и Швеция) они не получали содержания⁵⁷.

В соответствии со статьями 100 Основных законов 1906 г. и 2, 9 и 11 Учреждения Государственного совета, он относился к тому меньшинству верхних палат европейских монархий, личный состав которых был назначенно-выборным, причем хотя его назначенная часть формировалась императором, но он не мог определять к присутствию в верхней палате количество назначенных членов, превышавшее количество выборных, равно как, по статье 9 Учреждения, и уволить назначенных членов в отставку без их просьбы об этом, на что царь имел право по старому Учреждению. Следовательно, в

⁵⁶ Беджгот В. Государственный строй Англии. М., 1905. С. 161, 284; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 105, 199, 301; Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 244; Винардель-Ройч А. Указ. соч. С. 34; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 138, 142, 143, 177; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 26; Звездич П. 1) Австрия // Государственный строй. Т. 1. С. 29, 30; 2) Венгрия // Там же. Т. 2. С. 74; Сатурин Д. Указ. соч. С. 153; Шейнис Л. Указ. соч. С. 82; Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 146; Энсон В. Указ. соч. С. 185, 190, 243, 322; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 138, 400; Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. Вып. 2. С. 53; Вып. 3. С. 130; Жилин А.А. Указ. соч. С. 290; Гессен В.М. Основы конституционного права. С. 359, 371; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 118, 119, 120.

⁵⁷ Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 199–242; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 80; Ковалевский М.М. Бельгийская конституция. С. 83; Мехелин Л. Указ. соч. С. 237; Сатурин Д. Указ. соч. С. 153; Шейнис Л. Указ. соч. С. 100–101; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 325, 327, 328; Устинов В.М. Указ. соч. С. 44, 55; Жилин А.А. Указ. соч. С. 44, 290, 291, 292, 293, 328; Гессен В.М. Указ. соч. С. 279, 340–349, 353; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 110, 121, 127.

1906–1917 гг. назначенные члены Государственного совета пользовались, как и судьи, несменяемостью и обладали большей независимостью, чем ранее. Впрочем, статьи 9 и 11 Учреждения делили назначенных членов на присутствующих и неприсутствующих, подразумевая перевод сановника монархом из первой категории во вторую. Однако в 1906–1917 гг. ежегодно переводу, прежде всего – по возрасту или болезни, в среднем подвергались не более 4-х назначенных членов или, учитывая, что назначенную часть образовывали около 100 человек, лишь каждый 25-й. Только однажды, 1 января 1917 г., для ослабления оппозиции в верхней палате в неприсутствующие были переведены сразу 18 сановников, причем 6 из них к оппозиции не принадлежали, а среди 12 оппозиционеров преобладали старцы. Выборная часть Государственного совета состояла из представителей 1) белого и черного духовенства Русской православной церкви, 2) губернских земских собраний, 3) губернских дворянских обществ, 4) Академии наук и университетов и 5) Совета торговли и мануфактур, его Московского отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ.

Выборные члены избирались на основе двухстепенного голосования выборщиками, за исключением представителей от духовенства, избравшихся Синодом. По всем остальным параметрам выборная часть Государственного совета также была аналогична типичным выборным верхним палатам. К 23 февраля 1917 г. среди всех членов Государственного совета, заседавших в его общем собрании, в отличие от наследственно-назначенных верхних палат, великие князья, т.е. представители династии Романовых, отсутствовали (как это наблюдалось уже начиная с 1906 г.), титулованные же аристократы и землевладельцы (в том числе мелкие и средние), составляли, соответственно, 17,5 % и менее 2/3⁵⁸. Если оценивать Государственный совет в целом, то, учитывая способ его формирования и характер личного состава, нельзя не признать: он являлся самой демократической верхней палатой сравнительно с верхними палатами большинства монархий.

Итак, избирательная кампания закончилась и кандидаты в депутаты стали депутатами нижней палаты. Каков же был правовой статус депутатов? Депутаты практически всех нижних палат (в отличие от членов верхних) рассматривались как представители не отдельных групп населения (сословий, классов, корпораций и т.д.) или

⁵⁸ Устинов В.М. Указ. соч. С. 48, 49; Куликов С.В. 1) Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // Из глубины времен. 1997. Вып. 9. С. 14–15; 2) Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. раб. СПб., 2000. С. 103–113.

местностей, а всего населения, живущего на всей территории данной страны, а потому избиратели не имели права требовать от своих избранников отчета.

Разительным исключением из общепринятого порядка являлась Англия, в которой и в начале XX в., согласно многовековой традиции, парламент юридически считался «представительным собранием трех сословий государства», т.е. «духовенства, баронов и общин». Сословный характер имели в большей или меньшей степени Риксдаг Швеции и ландтаги монархий Германской империи. Формально сословный характер сохранял и Сейм Финляндии, в котором заседали представители духовенства, дворянства, бюргерства и крестьянства. В Англии, кроме того, депутаты трактовались как представители не всей территории королевства, а его отдельных местностей (графств и городов), вследствие чего при официальном обращении к коммонеру в ходе заседания Палаты общин его называли «представителем такого то графства или города», упоминание же имени депутата каралось дисциплинарным взысканием. Лорды и коммонеры как «наивернейшие и покорнейшие слуги» его величества созывались «для несения службы» не народу, а королю. При открытии каждой легислатуры привилегии депутатов Палаты общин (свобода слова и доступа к монарху, не по отдельности, а только в полном составе, и иммунитет — усиленная неприкосновенность личности) испрашивались у короля в обращении спикера к лорду-канцлеру и подтверждались венценосцем, т.е. привилегии коммонеров, как и право избирать и избираться, юридически были производными от королевской прерогативы. Резонанс от пользования английскими депутатами свободой слова ослабевал от того, что вплоть до 1909 г. не издавались официальные отчеты о заседаниях Палаты общин и даже к 1916 г. заседания обеих палат парламента де-юре не имели публичного характера⁵⁹. В отличие от Англии, во всех остальных государствах права депутатов на свободу слова и иммунитет проистекали из характера самого народного представительства. Впрочем, конституции некоторых германских монархий вообще запрещали депутатам ландтагов обсуждать вопросы, не входившие в их и без того узкую компетенцию. Вместе с тем, согласно догме конституционного права, члены всех законодательных учреждений во время сессии могли арестовываться и подвергаться судебному преследованию не ина-

⁵⁹ *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 316–317, 325; *Энсон В.* Указ. соч. С. 41, 43, 45, 94, 136, 141, 255, 256; *Ковалевский М.М.* История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 180; *Илберт К.* Указ. соч. С. 153; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 335; *Ламберт Д., Лейкман Э.* Указ. соч. С. 202, 203; Общероссийский съезд земско-городских деятелей 6–8 июля 1905 г. Москва // Либеральное движение в России. С. 315.

че, как с согласия той палаты, в состав которой они входили. В большинстве стран арест депутата разрешался без этого согласия при задержании его в день и на месте преступления, а в Германской империи и Пруссии – и на другой день, в Японии – также в случае покушения депутата возбудить «внутреннее восстание или внешнюю смуту». В трех монархиях Германской империи, Норвегии и Португалии согласие палат требовалось только для ареста депутата, возбуждение же против него судебного преследования, которое не вело к лишению свободы, было возможно и помимо палат⁶⁰.

Согласно статьям 14 и 26 Учреждений Думы и Государственного совета, депутаты нижней палаты и выборные члены верхней признавались представителями всего населения, по причине чего не обязывались отчитываться перед избирателями. Те же статьи предоставляла депутатам и выборным членам свободу слова «по делам, подлежащим ведению Думы» и «Совета». Иными словами, свобода слова российских парламентариев была почти безграничной, учитывавшая широкую формальную и, еще более, фактическую компетенцию обеих палат. Согласно статьям 15 и 16 Учреждения нижней палаты, думцы подлежали тюремному заключению только по постановлению суда и освобождались от задержания за долги, причем во время сессии депутаты могли лишаться свободы только с разрешения Думы, за исключением случаев, когда их задерживали на месте преступления или на следующий день после него.

По статье 27 Учреждения Государственного совета действие тех же правил распространялось и на выборных членов верхней палаты. В 1907 г. правительство просило II Думу разрешить арестовать членов социал-демократической фракции, замешанных в подготовке государственного переворота, однако нижняя палата затянула рассмотрение этого вопроса до своего досрочного роспуска, после которого полиция получила право арестовать бывших депутатов. В 1914 г., в ходе Первой мировой войны, 5 депутатов-большевиков подверглись аресту за ведение антивоенной пропаганды во время перерыва между думскими сессиями. Следовательно, депутатский иммунитет исполнительная власть нарушала крайне редко и, формально, на законном основании. Статья 22 Учреждения предусматривала также привлечение депутатов к ответственности не только за уголовные преступления, но и преступления, совершенные ими «при исполнении или по поводу исполнения обязанностей» по депутатской должности, «в порядке и на основаниях, установленных для привле-

⁶⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 223; Орландо В.Э. Принципы конституционного права. М., 1907. С. 164–165; Жилин А.А. Указ. соч. С. 324. См. также: Шалланд Л.А. Иммуниет народных представителей. Юридическое иссл. в 2-х ч. Юрьев, 1911, 1913.

чения к ответственности высших чинов государственного управления», т.е. преступления думцев по должности приравнивались к служебным преступлениям членов Государственного совета, министров, сенаторов, наместников, генерал-губернаторов и прочих должностных лиц первых трех классов. По отношению к перечисленным категориям сановников, а значит – и к депутатам, действовала административная гарантия, т.е. предание их судебному преследованию за должностные преступления происходило с согласия «высшего начальства» – царя, а само преследование осуществляли I Департамент Государственного совета и Верховный уголовный суд. Однако за 1906–1917 гг. статью 22 монарх и правительство востребовали только 2 раза – в 1912 и 1914 гг.: при возбуждении дела 1) членов социал-демократической фракции III Думы Е.П. Гегечкори, Г.С. Кузнецова и И.П. Покровского, обвинявшихся в клевете, и 2) лидера той же фракции IV Думы Н.С. Чхеидзе, обвинявшегося в призыве заменить монархию республикой, причем первое дело прервали из-за начала Первой мировой войны, а второе – прекратил своей резолюцией Николай II. Таким образом, ответственность депутатов за должностные преступления была фиктивной, фактически не нарушая принципа их безответственности, вследствие чего представители нелегалезованных (кадеты) и нелегалезных (эсеры, меньшевики, большевики) партий не только являлись депутатами I–IV Дум, но и невозбранно произносили речи, за которые их однопартийцы, лишённые депутатского иммунитета, сразу же арестовывались⁶¹.

Обращаясь к обеспечению функционирования народного представительства, и прежде всего нижних палат, необходимо отметить, что длительность легислатуры этих палат весьма варьировалась и составляла периоды: 3-летний (6 монархий Германской империи), 4-

⁶¹ Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 380–388; Демин В.А. Государственная дума России. С. 37–41; Корнева Н.М. Депутаты Государственной думы перед Верховным уголовным судом (4 мая 1913 – 24 апреля 1915) // История парламентаризма в России. Предпринт тез. док. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию открытия I Государственной думы России. 25–26 апреля 1996 г. С.-Петербург. Сек. 2. II и IV Государственные думы России. СПб., 1996. С. 1–3; Куликов С.В. Николай II и парламентаризм (1906–1917) // Таврические чтения 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всеросс. науч.-практ. конф. 16 декабря 2008 г. СПб., 2009. С. 58–59; Пасхалов К.Н. Итоги реформы государственной власти 1905–1909 гг. // Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М., 2009. С. 478, 479. См. также: Жижиленко А.А. О безответственности народных представителей. Ярославль, 1909; Шалланд Л.А. Безответственность депутатов по русскому праву (Опыт толкования ст. 14 и 22 Учреждения Государственной думы). М., 1910; Люблинский П.И. Конституционная или административная гарантия // Юридические записки Демидовского юридического лица. 1912. Вып. VI; Покровский П.А. Свобода слова в российских законодательных учреждениях // Русское богатство. 1912. Кн. 11.

летний (5 германских монархий и Франция), 5-летний (Болгария, Венгрия, Германская империя, Италия, Пруссия), 6-летний (Австрия и 8 германских монархий) и 7-летний (Англия, с 1911 г. – 5-летний). Парламенты многих европейских стран, прежде всего – крупных (Англия, Болгария, Германская империя, Испании, Италия, Пруссия), из-за их частых досрочных роспусков существовали, как правило, меньше того срока, который предписывался конституциями. Реальный средний срок длительности legislatures нижних палат колебался между тремя и пятью годами⁶².

Согласно статьям 101 Основных законов 1906 г. и 18 Учреждения Государственного совета, Дума избиралась на 5-летний период, а выборная часть верхней палаты, как и аналогичные западные институты, – на 9-летний.

В начале XX в. в подавляющем большинстве монархий по примеру Англии созыв палат являлся прерогативой монарха, хотя в Англии, в отличие от остальных монархий, обязанность короля созывать парламент не оговаривалась ни в одном законе и регулировалась обычным правом (*Common law*), т.е. не имела никакой юридической гарантии. В небольших европейских монархиях (Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Норвегия, Румыния и Швеция) палаты могли собираться помимо главы государства в определенные сроки, указанные конституциями, что было характерно и для республик⁶³. Статья 98 Основных законов гарантировала ежегодный созыв императором Думы и Государственного совета и именно в этом смысле применялась на практике.

Конституирование народного представительства начиналось с открытия палат, которое во многих монархиях, по примеру Англии, сопровождала церемония тронной речи короля, произносившейся либо лично им (Англия – в Палате лордов, Италия), либо, в отсутствие короля, особым комиссаром, чаще всего – председателем верхней палаты (Англия) или одним из министров (Италия). В тронной речи Н.И. Лазаревский видел «существенное отступление от того основного начала конституционного права, что король никогда лично в парламенте не выступает». Другим отступлением являлось то,

⁶² Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 10, 107, 170, 197, 200, 222, 223, 225, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 301, 336; Инсаров Х. Указ. соч. С. 6; Лазаревский Н.И. 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 167, 364, 365; 2) Русское конституционное право. С. 109; Ковалевский М.М. Указ. соч. Вып. 1. С. 184; Вып. 3. С. 60; Жилин А.А. Указ. соч. С. 318; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 126, 126–127.

⁶³ Энсон В. Указ. соч. С. 40, 44, 66, 174, 266–267, 269, 323; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 138; Ковалевский М.М. Указ. соч. Вып. 1. С. 74; Жилин А.А. Указ. соч. С. 274, 275.

что «в этой речи высказываются взгляды правительства, и высказываются от имени короля»⁶⁴.

Поведение Николая II полностью соответствовало конституционной доктрине, а потому в России институт тронной речи не прижился: царь выступил с нею перед членами Думы и Государственного совета только два раза: 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце (Петербург), при основании народного представительства, и 12 февраля 1908 г. (перед думцами) в Александровском дворце (Царское Село). Кроме того, 12 декабря 1912 г. император принял депутатов открывшейся IV Думы в Зимнем дворце, но тогда программных заявлений не сделал. Непосредственное открытие каждой новой Думы совершал, по поручению монарха, вице-председатель Государственного совета. Здание Таврического дворца, где располагалась Дума, Николай II посетил только один раз – 9 февраля 1916 г., однако произнесенная им тогда речь не имела программного характера⁶⁵.

Одним из этапов конституирования народного представительства в монархии было принесение депутатами присяги или торжественного обещания хранить верность монарху, как это делали в Англии и лорды, и коммонеры⁶⁶. Статьи 13 и 4 Учреждений Думы и Государственного совета подразумевали принесение членами нижней палаты торжественного обещания, членами верхней – присяги, причем в тексте обещания думцев говорилось не только о сохранении верности царю, но и, в отличие от Англии, «о благе и пользе» родины.

В большинстве государств при формировании президиума палат нижние палаты избирали своих председателей сами, за исключением Англии, где с XVI в. избранный Палатой общин спикер утверждался королем; Голландии, где король назначал президента Второй палаты; Португалии и Швеции, где короли назначали не только президентов, но и вице-президентов нижних палат. В большинстве монархий председатель верхней палаты назначался монархом, за исключением Англии, Бельгии, Дании и Пруссии, где председатель избирался данной палатой⁶⁷.

По статьям 9 и 3 Учреждений Думы и Государственного совета председатель нижней палаты и два его заместителя избирались дум-

⁶⁴ Энсон В. Указ. соч. С. 53, 66, 273, 275; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 347; Ковалевский М.М. Указ. соч. Вып. 1. С. 73; Жилин А.А. Указ. соч. С. 274, 275.

⁶⁵ Куликов С.В. 1) Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 2000; С. 302–307; 2) Николай II и парламентаризм. С. 20–21, 36, 51–52.

⁶⁶ Энсон В. Указ. соч. С. 54, 55; Ковалевский М.М. Указ. соч. Вып. 3. С. 141.

⁶⁷ Карвалло, де К. Указ. соч. С. 118; Мехелин Л. Указ. соч. С. 238; Стеклов Ю. Указ. соч. С. 228; Энсон В. Указ. соч. С. 53, 138, 212; Жилин А.А. Указ. соч. С. 318.

цами, председатель верхней палаты и его заместитель назначались императором.

Подача адреса палат главе государства в ответ на его тронную речь была характерна для многих монархий, хотя зачастую не имела практического значения, особенно в странах с сильной монархической властью (Германская империя, Пруссия), в которых король неоднократно отказывался принимать депутации с неприемлемыми для него адресами (Пруссия)⁶⁸. В России адреса подали царю лишь I и III Думы, причем программный характер имел только первый из этих адресов⁶⁹.

Право проверки полномочий депутатов почти во всех государствах принадлежало каждой палате и только в трех (Англии, Греции и Швеции) – специальным судам⁷⁰. По статье 102 Основных законов 1906 г. Дума и выборная часть Государственного совета, как и законодательные учреждения остальных стран, сами проверяли полномочия своих членов⁷¹.

В подавляющем большинстве государств выработка правил внутреннего распорядка (наказа) палат было предоставлено каждой из них. Исключения составляли мелкие монархии Германской империи, в которых составление правил, согласно конституциям этих монархий, зависело не от ландтагов, а от согласия князей. Впрочем, если в этих монархиях нарушение автономии народного представительства базировалось на положительном законе, то в странах с более развитой конституционной практикой вмешательство исполнительной власти во внутреннюю жизнь палат было более бесцеремонным. В 1899 г. итальянское правительство с одобрения короля навязало Палате депутатов изменения в ее регламенте. В 1902 г. английское правительство настояло на пересмотре парламентского наказа в сторону резкого сужения законодательных полномочий депутатов⁷².

Как и в других государствах, статьи 62 и 60 Учреждений Думы и Государственного совета предоставляли палатам составление и издание их наказов, однако автономию народного представительства

⁶⁸ Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 122; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 31, 48.

⁶⁹ Куликов С.В. Николай II и парламентаризм. С. 22, 35.

⁷⁰ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 304; Ковалевский М.М. Указ. соч. Вып. 3. С. 143; Жилин А.А. Указ. соч. С. 312.

⁷¹ См. об этом подробн.: Шалланд Л.А. Проверка полномочий депутатов по русскому праву. СПб., 1914.

⁷² Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 238; Шейнис Л. Указ. соч. С. 88; Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве. Ее основы, роль и современное положение. Харьков, 1910. С. 216; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 368; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 295.

в России соблюдали в большей степени, чем в Западной Европе: хотя думцы применяли наказания, выработанные I и III Думами и содержащиеся положения, признанные Сенатом незаконными, царь и правительство никак не реагировали на поведение законодателей⁷³.

Во всех монархиях открытие сессий обеих палат являлось прерогативой монарха, который во многих государствах (Австрия, Германская империя и 6 ее монархий – в том числе Пруссия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, Япония) был обязан делать это ежегодно. Вместе с тем существовали страны (государства, входившие в Германскую империю), в которых суверен обязывался созывать палаты на сессии не ежегодно, а раз в два (4 государства), три (8) и в четыре (одно государство) года и два раза в четыре года (одно). Согласно английским статутам, не имевшим, однако, никакой юридической санкции, король был обязан созывать парламент лишь раз в три года. Фактически, однако, в Англии созыв парламента для сессионной деятельности совершался монархом ежегодно, причем в начале каждой сессии он имел право обратиться к палатам с особым посланием⁷⁴. Суверен определял также *длительность сессии*: в Дании палаты не могли заседать без особого разрешения короля более 2, в Греции – более 6 месяцев. Это правило действовало не только в монархиях, но и в республиках, поскольку максимальная длительность сессии была установлена и в конституциях многих штатов США. В большинстве стран сессии составляли несколько месяцев в году (от 3 до 6), причем иногда палаты обязывали к деятельности преимущественно зимой и одновременно⁷⁵.

В России открытие и длительность сессий конструировались аналогично западным образцам: закон (статьи 98 и 99 Основных законов 1906 г.) и практика подразумевали ежегодный созыв Думы и Государственного совета императорскими указами осенью одного года (около 1 октября) и их деятельность до летних вакаций следующего года⁷⁶.

⁷³ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 369; Устинов В.М. Указ. соч. С. 64. См. также: Неманов Л.М. Проект Наказа IV Государственной думы // Право. 1913. № 35.

⁷⁴ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 221, 223, 225, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240; Энсон В. Указ. соч. С. 267, 268, 273, 275; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 345; Жилин А.А. Указ. соч. С. 274.

⁷⁵ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 344, 347; Жилин А.А. Указ. соч. С. 276; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 228.

⁷⁶ Грибовский В.М. Указ. соч. С. 92; Устинов В.М. Указ. соч. С. 6–7. См. об этом подробн.: Яшунский И.В. 1) Сессии Государственной думы // Право. 1909. № 22; 2) Понятие думской сессии // Право. 1914. № 45; Гессен В.М. Понятие сессии в конституционном праве России // Право. 1911. № 18; Нольде Б.Э. Понятие сессии в русском государственном праве // Право. 1911. № 30, 31; Шукин Н.И. Законодательная сессия по русскому праву. Ярославль, 1914.

Перерыв, или отсрочка, сессии формально производился монархом, который в некоторых государствах (Австрия, Испания) не был ограничен количеством и сроками перерывов, а в большинстве стран, по примеру Бельгии, не мог отсрочить сессию более, чем на определенный срок, и повторить отсрочку в течение той же сессии без согласия палат. На практике во многих странах, прежде всего в Англии, перерыв сессии происходил по постановлению самих палат⁷⁷.

Согласно статье 99 Основных законов, перерыв сессии в России происходил по указу царя, однако в действительности, как и в Западной Европе, решающее слово здесь имели Дума и Государственный совет. Единственный перерыв сессии палат, совершенный без согласования с ними, был осуществлен в марте 1911 г. и оказался для тогдашней России уникальным явлением⁷⁸.

Пророгация (закрытие) сессии также была прерогативой монарха, хотя в некоторых государствах (Бельгия, Дания) он не мог пророгировать палаты раньше определенного срока. В Англии при закрытии сессии, как и при ее открытии, король имел право обратиться к палатам с посланием⁷⁹. В России, как и в большинстве монархий, закрытие сессий производилось по статье 99 Основных законов императорскими указами, издававшимися обычно в связи с летними ваканциями. В отличие от остальных государств сессии Думы и Государственного совета закрывались не одновременно, и заседания верхней палаты иногда затягивались на несколько дней, но причина этого была чисто технической – Государственный совет одобрял законопроекты только после поступления их из Думы⁸⁰.

Прерогативу монарха во всех монархиях составлял и созыв чрезвычайных сессий⁸¹. В России Николай II реализовал эту прерогативу только один раз, созвав обе палаты на чрезвычайную однодневную сессию 26 июля 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны, причем до начала этой сессии царь принял депутатов в Зимнем дворце и выступил перед ними с речью⁸².

⁷⁷ Энсон В. Указ. соч. С. 266–267; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 349, 350; Илберт К. Указ. соч. С. 99; Жилин А.А. Указ. соч. С. 275, 275–276.

⁷⁸ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 350; Грибовский В.М. Указ. соч. С. 92; Куликов С.В. Указ. соч. С. 45–47.

⁷⁹ Энсон В. Указ. соч. С. 40, 66, 266–267, 273, 275; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 138, 348; Жилин А.А. Указ. соч. С. 276.

⁸⁰ Яшунский И.В. Указ. соч. С. 1373; Грибовский В.М. Указ. соч. С. 92; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 228.

⁸¹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 346; Жилин А.А. Указ. соч. С. 275.

⁸² Куликов С.В. Указ. соч. С. 59.

Право досрочного роспуска палат имели большинство глав государств, причем не только монархи, но и президенты. Досрочный роспуск рассматривался государствоведами как несомненное право главы государства, реализуемое его свободным актом, не обусловленное наличием в конституции заранее оговоренных обстоятельств и представляющее собой вполне дискреционное полномочие. Среди правителей не имели права досрочного роспуска парламента только король Норвегии (с 1906 г.), президенты США и Франции (с 1877 г. – фактически)⁸³. В Германской империи формально Рейхстаг досрочно распускался не императором, а Бундесратом (верхней палатой) с согласия императора, но фактически – именно последним. В Англии при роспуске парламента, как и при пророгации сессии, король мог обратиться к палатам с посланием. Короли имели право досрочно распускать помимо нижних и верхние палаты (Бельгия, Голландия, Дания и Швеция), выборную часть верхней палаты (Испания), наконец, распускать палаты по отдельности или вместе (Португалия). Досрочные роспуски были нормой политической жизни в таких разных странах, как Англия, Болгария, Германская империя, Испания, Италия, Пруссия, но рекорд в этом смысле побила Япония, где за первые 16 лет существования парламента (1889 – 1905 гг.) он досрочно распускался 11 раз⁸⁴. С.А. Котляревский писал, что образ действий монарха, при котором он постоянно досрочно распускает

⁸³ Кудрин Н.Е. Указ. соч. С. 489; Гессен В.М. Роспуск Государственной думы // Право. 1906. № 32. Стб. 2565; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 237; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 359, 360, 365; Корф С.А. Указ. соч. С. 220; Устинов В.М. Указ. соч. С. 8; Жилин А.А. Указ. соч. С. 276; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 302; 2) Конституционное государство. С. 190, 191. См. также: Ган К. Роспуск парламента (Очерк истории и теории права роспуска). Ростов-на-Дону, 1907; Соколов К.Н. О роспуске парламента // Право. 1907. № 32; Матте П. Роспуск парламента на Западе. СПб., 1911.

⁸⁴ Беджгот В. Указ. соч. С. 75, 284; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 103, 107, 170, 197, 225; Гессен В.М. 1) Роспуск Государственной думы. Стб. 2565; 2) Основы конституционного права. С. 140, 427; Инсаров Х. Указ. соч. С. 6; Карвалло, де К. Указ. соч. С. 119; Шейнис Л. Указ. соч. С. 78, 79; Энсон В. 1) Английский парламента. С. 66, 266–267, 269, 271, 273, 275; 2) Английская корона. С. 40; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 359, 365, 366; Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 184; Вып. 3. С. 60; Корф С.А. Указ. соч. С. 220; Устинов В.М. Указ. соч. С. 8; Жилин А.А. Указ. соч. С. 276; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 126; 2) Конституционное государство. С. 191; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. С. 296; Куликов С.В. Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии в нач. XX в.: сравнительный анализ // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Мат-лы Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 217.

палаты, «будет, безусловно, антиконституционным даже тогда, когда он не сталкивается с буквой или параграфом конституции»⁸⁵.

Несомненно, что упрек в антиконституционности можно адресовать как японскому императору, так и суверенам перечисленных выше европейских государств, но не Николаю II, досрочно распустившему за 1906–1917 гг. только две Думы – в соответствии с точным смыслом статей 104 и 105 Основных законов 1906 г., которые предоставляли царю право досрочного роспуска как нижней палаты, так и выборной части верхней.

В связи с роспуском палат монарху принадлежало и право назначения выборов в новый парламент и времени его созыва, причем в одних государствах король обязывался в течение определенного периода после роспуска провести выборы (2 месяца – в Румынии), в других – созвать палаты (3 месяца – в Венгрии, 4 – в Италии). В Англии, в силу обычая, непрерываемо соблюдавшегося с XVI в., Палата общин избиралась на основании не общегосударственного акта, а отдельных «призывных грамот», рассылавшихся королем в отдельные графства, между тем как лорды приглашались к участию в очередной легислатуре королевскими письмами, которые адресовались каждому из них лично⁸⁶.

Статьи 104 и 105 Основных законов постановляли, что при досрочном роспуске Думы в императорском указе о ее роспуске одновременно назначался срок новых выборов и время созыва следующей нижней палаты. При аналогичном роспуске выборной части Государственного совета в соответствующем указе назначался только срок новых выборов. При досрочном роспуске 8 июля 1906 г. I Думы в указе об этом назначался только срок созыва новой Думы – 20 февраля 1907 г. «О времени производства новых выборов в Государственную думу, – говорилось в указе, – последуют от нас особые указания». Формально эта часть указа противоречила статье 105 Основных законов, однако фактически проведение выборов, естественно, подразумевалось, если срок созыва был уже определен. Дата выборов во II Думу (6 февраля 1907 г.) установил указ, утвержденный Николаем II 7 декабря 1906 г. и приуроченный к окончанию «работы по составлению и распубликованию списков избирателей», которая, очевидно, и являлась причиной промедления с определением срока выборов. Указ о досрочном роспуске II Думы, в полном соответствии со статьей 105, содержал как дату начала новых выборов (1 сентяб-

⁸⁵ Котляревский С.А. Правовое государство. С. 28.

⁸⁶ Энсон В. 1) Английский парламент. С. 44; 2) Английская корона. С. 50, 174; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 138; Жилин А.А. Указ. соч. С. 276.

ря 1907 г.), так и время ее созыва (1 ноября 1907)⁸⁷.

Согласно конституционному праву начала XX в. народному представительству принадлежала прежде всего учредительная власть, т.е. власть учреждать и пересматривать конституции (основные законы), которые, в зависимости от способа их изменения, делились на гибкие и малоподвижные (ригидные). Меньшинство стран (Англия, Венгрия, некоторые монархии Германской империи, Испания и Италия) имели гибкие конституции, изменявшиеся как обычные законы, т.е. по инициативе палат и без усложненного порядка пересмотра, которому, впрочем, не подлежала монархическая форма правления и обусловленные ею конституционные нормы. Большинство остальных стран Европы и Америки, прежде всего США, имели малоподвижные конституции, различавшие облегченную и усложненную законодательные процедуры для обычных и конституционных законов. В Греции утвержденные палатами конституционные законы не требовали королевской санкции. С другой стороны, в целях усиления малоподвижности конституций и подчеркивания преимуществ монарха, в некоторых монархиях (Германская империя (фактически) и Япония) основные законы могли пересматриваться народным представительством только по инициативе главы государства. В Японии, кроме того, для самого изменения требовался усложненный порядок пересмотра – кворум 2/3 членов палат и большинство – 2/3 голосов в обеих палатах⁸⁸.

Статьи 8 и 107 Основных законов 1906 г. предоставляли почин их пересмотра единственно царю, наделяя его учредительной властью наряду с Думой и Государственным советом в том смысле, что монарх являлся не просто носителем этой власти, но помимо него нельзя было произвести любые перемены в государственном устройстве. Исключительное право царя на инициативу пересмотра Основ-

⁸⁷ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 8 июля 1906 г. «О роспуске Государственной думы и о назначении времени созыва вновь избранной Думы»; Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 7 декабря 1906 г. «О назначении срока производства новых выборов членов Государственной думы в губернских избирательных собраниях»; Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы и о времени созыва новой Думы» // Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.). СПб., 1909. С. 390, 487–488, 557–558; *Демин В.А.* Указ. соч. С. 63.

⁸⁸ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 222; *Энсон В.* Английский парламент. С. 323; *Корф С.А.* Указ. соч. С. 278; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 228–229, 229, 230, 273; *Лазаревский Н.И.* Русское конституционное право. С. 61; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 499; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 41, 43. См. также: *Боржо Ш.* Учреждение и пересмотр конституций в Европе и Америке: в 2-х вып. СПб., 1906; *Еллинек Г.* Изменения и преобразования конституций. СПб., 1907; *Учреждение и пересмотр конституций.* М., 1918.

ных законов полностью соответствовало общемировой тенденции обеспечивать конституционным законам особую неприкосновенность, гарантировав их от постоянных изменений. Однако было бы ошибочно квалифицировать конституцию Российской империи как однозначно ригидную, поскольку ее составляли, кроме Основных законов, согласно их 87-й статье, еще и Учреждения Думы и Государственного совета и Положения о выборах в каждую из палат, инициатива пересмотра которых принадлежала, кроме суверена, и народному представительству, а потому в этой своей части, превосходившей по количеству статей в несколько раз Основные законы, конституция 1906 г. была абсолютно гибкой.

Не менее важно и другое – пересмотр конституционных актов Российской империи, независимо от того, чья инициатива, царя или Думы, его вызывала, мог осуществляться, в отличие от ригидных конституций, не в усложненном, а только в обычном законодательном порядке, затрагивавшем даже статьи о престолонаследии и регентстве, хотя, к примеру, в Австрии данные статьи вообще не входили в ее конституцию и пересматривались императором без участия Рейхсрата. С учетом всего этого относительно, а не однозначно, мало-подвижной можно признать только меньшую часть конституции Российской империи – Основные законы, большая же ее часть, Учреждения палат и Положения о выборах в них, являлась гибкой, т.е. поддававшейся под учредительную инициативу Думы и Государственного совета. За 1906–1917 гг. Николай II лишь единожды нарушил учредительные полномочия народного представительства, издав 3 июня 1907 г. без его согласия, в силу выявившейся неработоспособности I и II Дум и для создания работоспособной нижней палаты, новый избирательный закон, однако это было не правило, а исключение из правила, его подтверждающее: в манифесте, появившемся тогда же, царь публично заявил, что оставляет «в силе все дарованные подданным нашим манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами права»⁸⁹. Следовательно, Третьеиюньский переворот являлся не реставрацией абсолютизма, а средством упрочения представительного строя.

Главной целью функционирования народного представительства было осуществление им законодательной власти, которую в монар-

⁸⁹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 294; Шалланд А.Л. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 21; Манифест 3 июня 1907 г. // Законодательные акты переходного времени. С. 557; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. С. 111, 112; Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 522, 523, 524; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 150, 164; Котляревский С.А. 1) Конституционное государство. С. 23; 2) Юридические предпосылки. С. 214, 240; Маклаков В.А. Указ. соч. С. 93.

хиях наряду с палатами имели и монархи. Таким образом, триединым органом законодательства являлись король и верхняя и нижняя палаты или, в соответствии с английской традицией, «король в парламенте» (Crown in Parliament), причем конституционный государь, не только в Англии, но и в других государствах, являлся главой, помимо исполнительной и судебной, и законодательной власти (по выражению английского права – «caput, principium et finis parliament»). Согласно конституциям все парламенты в законодательстве обладали однородной компетенцией, а потому внешне английская Палата общин и прусский Ландтаг мало отличались друг от друга. Вместе с тем иногда формально законосовещательное народное представительство фактически было законодательным (Англия) и наоборот – юридически обширная законодательная компетенция палат оказывалась менее значительной на практике (Германская империя, Италия, Пруссия), особенно тогда, когда большинство государствоведов, как это имело место в Пруссии, проповедовали, что нижняя палата не в праве единолично отвергать законы. В некоторых германских монархиях данная доктрина находила отражение в конституциях, которые позволяли правительству, при неодобрении законопроекта одной из палат, внести его снова в следующую сессию и в случае вторичного отрицательного вотума палаты считать отвергнутый законопроект принятым, если общее число благоприятных вотумов в обеих палатах превысит общее число отрицательных⁹⁰.

Очерчивая компетенцию трех факторов законодательства – царя, Думы и Государственного совета, статья 4 Основных законов 1906 г. постановляла, что монарху принадлежит «верховная самодержавная власть», т.е. возглавление законодательной, исполнительной и судебной властей, но статья 7 вносила существенное дополнение: законодательная власть осуществляется царем «в единении» с обеими палатами, иными словами, эта статья воспроизводила начало, провозглашавшееся или подразумевавшееся в конституциях всех монархий. Статью 7 развивали статьи 9, 86 и 111 Основных

⁹⁰ Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 160; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 101, 169, 197, 229; Гамбаров Ю.С. Предисловие // Государственный строй. Т. 1. С. XIII; Ковров А. Указ. соч. С. 107; Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 5; 2) Государство и роль канцлера в Германии. С. 82, 110, 116; Шейнис Л. Указ. соч. С. 87; Энсон В. 1) Английский парламент. С. 30, 36, 38, 323; 2) Английская корона. С. 2; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 271; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 144, 450, 469; Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 73; Жилин А.А. Указ. соч. С. 265; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. С. 196; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 133, 146, 189.

законов, первая из которых гласила, что без царского утверждения «никакой закон не может иметь своего совершения», вторая – что «новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы» и третья – что законопроекты, не принятые ими, «признаются отклоненными». Согласно статье 109, ведению и обсуждению обеих палат «подлежат те дела, кои указаны в Учреждениях Совета и Думы», т.е., прежде всего дела законодательного свойства. Вместе с тем статья 10 постановляла, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего Государства Российского». Следовательно, законодательный характер Думы в юридическом отношении гарантировался безусловно, тем более, что, в отличие от остальных конституций, в Основных законах граница между законодательной и исполнительной властью, всецело принадлежавшей монарху, определялась яснее и подробнее. В то же время, согласно конституционной доктрине, статья 24 подразумевала, что все указы и повеления царя, последовавшие в порядке верховного управления, должны скрепляться председателем Совета министров или соответствующим министром и публиковаться Сенатом⁹¹. Очевидно, тем самым устанавливался контроль Думы и Государственного совета за закономерностью деятельности исполнительной власти.

В связи с положением монарха как главы законодательной власти в большинстве монархий существовали, юридически или фактически, изъятия из законодательной компетенции палат в пользу главы государства. Прежде всего от вмешательства народного представительства во многих монархиях (Австро-Венгрия и все 22 монархии Германской империи, в том числе Пруссия) была полностью изолирована сфера династического (фамильного или семейного) законодательства (так называемые «династические законы» или «фамильные статуты» – Hausgesetze). Династическое законодательство зависело лишь от единоличного усмотрения монарха либо от него и агнатов (старших представителей правящей династии) и определяло порядок наследования престола и учреждения регентства, совершеннолетия членов династии, их правовой статус и отношения между ними. Постановления о регентстве и совершеннолетии, как правило, включались в конституции, исключением из чего были конституционные законы Австрии, в которой статьи о регентстве и

⁹¹ Устинов В.М. Указ. соч. С. 28; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 233, 247; Пасхалов К.Н. 1) По поводу статьи Л.А. Тихомирова «Самодержавие и народное представительство» // Пасхалов К.Н. Русский вопрос. С. 427; 2) Итоги реформы государственной власти 1905–1909 гг. // Там же. С. 478, 498. См. также: Горенберг М.В. О предметах, требующих издания закона. Пг., 1915.

совершеннолетия, имевшиеся в фамильном статуте династии Габсбургов, вообще составляли государственную тайну⁹².

Учреждение об императорской фамилии, занимавшее весь второй раздел Основных законов 1906 г. (статьи 125–223), представляло собой типичный «фамильный статут», однако с той большой разницей, что оно, во-первых, трактовалось как не частные, а основные законы, чем подчеркивался не вотчинный, а государственный характер верховной власти, а во-вторых, не заключало в себе статей о престолонаследии, регентстве и совершеннолетии, оставшихся в первом, общем, разделе и, следовательно, их изменение входило в компетенцию не одного царя, но и народного представительства. Статья 125 Основных законов постановляла, что Учреждение об Императорской фамилии может быть изменяемо и дополняемо «только лично государем императором в преуказываемом им порядке», если это не касалось общих законов и не вызывало нового расхода из казны. В данном случае полномочия царя, поскольку Дума и Государственный совет не изолировались полностью от пересмотра Учреждения, являлись более узкими, чем у германских монархов, которые могли пересматривать «фамильные статуты» без участия народного представительства. Характеризуя некоторое ограничение компетенции палат, подразумевавшееся статьей 125, барон С.А. Корф отмечал: «Подобное ограничение вполне допустимо, раз оно установлено конституцией или Основными законами, так как законодательную власть нельзя признать безграничной»⁹³.

Во многих монархиях (Англия, монархии Германской империи, в т.ч. Пруссия) суверены имели право на единоличное управление династической собственностью⁹⁴. В соответствии со статьями 20 и 21 Основных законов, управление аналогами династической собственности, «кабинетскими» и «удельными имуществами» зависело, как и в других монархиях, исключительно от императора.

В большинстве монархий, главным образом – протестантских, где монарх официально считался главой церкви (цезарепапизм), конституции предоставляли суверенам, за счет народного предста-

⁹² *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 199; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 238; *Палиенко Н.Н.* Основные законы и форма правления в России. Юридическое иссл. Харьков, 1910. С. 53; Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством быв. императора по пересмотру Основных законов. // *Былое.* 1917. № 4 (26). С. 197.

⁹³ *Палиенко Н.Н.* Указ. соч. С. 53; *Горенберг М.Б.* К толкованию Основных законов. // *Право.* 1914. № 7. С. 499; *Корф С.А.* Указ. соч. С. 281, 283; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 528.

⁹⁴ *Коркунов Н.М.* Указ. соч. С. 246; *Энсон В.* Английская корона. С. 186, 333, 347; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 273.

вительства, чрезвычайно широкие полномочия в области верховного церковного управления. В этом смысле Англия, в которой король не только формировал высшую англиканскую иерархию, но и почитался «верховным главой над всеми лицами во всех их делах <...> духовных», мало отличалась от Пруссии – в ней королевские указы относительно Евангелической церкви не подлежали контрассигнации (скреплению) каким-либо министром, т.е. освобождались даже от формального контроля Ландтага⁹⁵.

Статья 65 Основных законов 1906 г. гласила, что «в управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего правительствующего Синода». Следовательно, в России, как и в других монархиях, верховное церковное управление не зависело непосредственно от Думы и Государственного совета, хотя, согласно утвержденному Николаем II 23 сентября 1913 г. особому журналу Совета министров, упомянутая статья получила толкование в пользу народного представительства, поскольку отныне возбужденные Синодом вопросы, затрагивавшие предметы общего законодательства или компетенцию иных, кроме Синодального ведомства, министерств, подлежали разрешению в общем законодательном порядке и, следовательно, не должны были противоречить статьям 11 и 94 Основных законов (подразумевавших верховенство закона над указом). Только вопросы чисто церковные и не вызывавшие новых расходов из казны Синод имел право представлять непосредственно на утверждение императора, причем и здесь указы последнего скреплялись обер-прокурором Синода либо председателем Совета министров. Наконец, в отличие от остальных государств, в II–IV Думах существовали комиссии по церковному законодательству, по делам Православной церкви, по старообрядческим делам и по вероисповедным вопросам, функционирование которых формально противоречило статье 65 Основных законов⁹⁶. Очевидно, что в 1906–

⁹⁵ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 191; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 25; Энсон В. Указ. соч. С. 40, 442; Гессен В.М. Основы конституционного права. С. 39.

⁹⁶ Темниковский Е.Н. Положение императора всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Ярославль, 1909. С. 38–39; Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 8. С. 238–239; Демин В.А. Указ. соч. С. 115, 118, 119, 127, 131; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. С. 209. См. также: Яковлев А. Церковная политика Государственной думы в сопоставлении с иностранными парламентами. Пг., 1915; Особый журнал Совета министров 4 сентября 1913 г. «По вопросу о направлении законопроектов по Ведомству Православного исповедания» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 350–355.

1917 гг. де-факто высшее церковное управление находилось не только под косвенным, но и прямым контролем обеих палат.

От воздействия народного представительства было забронировано руководство вооруженными силами, остававшееся не только в монархиях, но и республиках в руках главы государства, причем в монархиях власть королей в этой области управления, по сравнению с другими, менее всего отличалась от эпохи абсолютизма. Руководство вооруженными силами принадлежало монарху даже тогда, когда, как в конституции Португалии, об этом ничего не постановлялось. Максимум, на что в данном случае могли претендовать палаты, – это вотиrowание военного бюджета и контингента новобранцев и установление, да и то не везде, самых общих норм относительно организации армии и флота и управления ими⁹⁷. Роль английского короля в руководстве вооруженными силами была такова, что в данной сфере и юридически, и фактически он являлся независимым от парламента и даже, в известной мере, от кабинета, тем более, что на руководящие военные посты зачастую назначались королевские родственники, а все военнослужащие – от последнего солдата до высшего офицера – подчинялись только суверену, которым издавались приказы по армии и флоту для Англии и ее колоний, причем как в военное, так и в мирное время. Статс-секретарю по военным делам, отмечал В. Энсон, надлежало «заботиться о том, чтобы прерогатива осуществлялась короной, а не парламентом». Английский король издавал приказы и по военному-судебному ведомству, на решения органов которого не разрешалось никакой апелляции, даже если ее адресовали парламенту⁹⁸.

В Австро-Венгерской империи император-король как руководитель вооруженных сил пользовался неограниченной властью, не отличаясь от абсолютных монархов, с тем лишь исключением, что изданные им приказы не по главнокомандованию, а по управлению армией и флотом должны были контрассигноваться военным мини-

⁹⁷ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 595–596; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 192–193, 194, 197; Гессен В.М. Указ. соч. С. 39; Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона. С. 238; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 144, 146, 148, 155; 2) Конституционное государство. С. 143; 3) Юридические предпосылки. С. 226–227; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. С. 403; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 252; Boldt H. Verfassungskonflikt und Verfassungshistorie // Problem des Konstitutionalismus im 19. Jahrhundert. Berlin, 1975. S. 75–102.

⁹⁸ Беджгот В. Указ. соч. С. 29; Дюпрюе Л. Государство и роль министров в Англии. СПб., 1906. С. 49, 108, 112; Лоу С. Указ. соч. С. 246; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 218; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 194; Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 187, 193–194, 195; Энсон В. Указ. соч. С. 249, 382, 383, 388, 410, 461, 480; Гессен В.М. Указ. соч. С. 425; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 144. См. также: Друцкой С.А. Иностранное военно-уголовное законодательство. СПб., 1908.

стром, что создавало только видимость контроля за этой сферой со стороны палат⁹⁹. В Германской империи император как главнокомандующий вооруженными силами также пользовался неограниченной властью, причем на всем пространстве своего государства. Впрочем, подобно Австро-Венгрии, приказы германского императора по военному управлению контрассигновались военным министром, однако и здесь это не создавало условий для контроля народного представительства над вооруженными силами. Признаком полной отстраненности Рейхстага от армии и флота стало то, что в нем отсутствовала Комиссия государственной обороны. Косвенный контроль Рейхстага за вооруженными силами был ничтожен настолько, что даже его запросы по поводу злоупотребления дисциплинарными взысканиями или жестокого обращения в армии не приводили ни к каким результатам. В Пруссии вооруженные силы подчинялись исключительно королю, поскольку, в отличие от гражданских служащих, присягали только ему, а не конституции, а приказы прусского монарха как главнокомандующего в гораздо более широком объеме, чем в других странах, освобождались от обязательной контрассигнации соответствующего министра, хотя он и скреплял исходившие от короля приказы по управлению армией и флотом¹⁰⁰.

В Японии изоляция парламента от вооруженных сил являлась аналогичной тому, что отличало Англию, Австро-Венгерскую и Германскую империи и Пруссию. Освобождение приказов короля как главнокомандующего от контрассигнации военного министра и скрепление им актов по управлению вооруженными силами наблюдалось не только в больших, но и в малых монархиях (Норвегия и Швеция). Фиктивность косвенного контроля палат за скрепленными министрами королевскими приказами по военному управлению предопределялась тем, что провести точную границу между актами командования и управления было практически невозможно. Редчайшим исключением из подавляющего большинства монархий была Голландия, конституция которой предусматривала участие в руководстве мобилизацией и размещением армии не только короля, но и Генеральных штатов¹⁰¹. С точки зрения изоляции парламента от во-

⁹⁹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 349–350, 354; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 138, 199; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 227.

¹⁰⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 181, 182, 191; Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 82, 109; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 25, 69–70; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 31; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 193; Гессен В.М. Указ. соч. С. 402; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 150, 150–151, 151, 152; 2) Юридические предпосылки. С. 227.

¹⁰¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 280; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 221; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 147, 149–150; 2) Юридические предпосылки. С. 226, 227.

оруженных сил республики мало отличались от монархий. Во Франции в области военного управления президент пользовался весьма широкими полномочиями, вполне располагая армией и флотом, хотя с ним усиленно конкурировали военная и морская комиссии Палаты депутатов, которые, однако, не имели законной возможности для прямого вмешательства в военное управление, вследствие чего на долю парламента оставалось только косвенное вмешательство – через интерпелляции и следственные комиссии. В США в мирное время военное управление входило в компетенцию одного президента, во время же войны он мог пользоваться настоящей диктатурой¹⁰².

Согласно статье 14 Основных законов 1906 г. российский император объявлялся «верховным вождем» вооруженных сил, которому принадлежало «верховное начальствование» над ними, иными словами – ему, прежде всего, принадлежало главнокомандование вооруженными силами, что закрепляли за главой государства все конституции. Далее статья 14 более подробно, чем остальные конституции, характеризовала полномочия монарха в области военного управления, постановляя, что он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно дислокации войск, их приведения на военное положение, обучения и прохождения службы чинами армии и флота и «всего вообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства».

Во исполнение статьи 24 Основных законов акты военного управления контрастировались военным или морскими министрами, которые, в частности – военный министр, неофициально пользовались полномочием решать от имени монарха, по воспоминаниям генерала А.Ф. Редигера, «массу вопросов», официально подлежащих решению суверена. Подробное перечисление в статье 14 царских полномочий по военному управлению не означало, будто царь как руководитель вооруженных сил имел больше прав, чем другие монархи, еще и потому, что последние обладали теми же самыми правами, но только не де-юре, а де-факто, чем создавались условия для их расширительного толкования. Подразумевая противоречие между конституцией и реализацией ее на практике в Японии, С.Ю. Витте резонно отмечал: «Микадо, несмотря на конституцию, имеет еще большие права в отношении обороны государства, нежели эти права предоставлены Основными законами государю императору». Поскольку компетенция царя в области руководства вооруженными силами вытекала из Основных законов и четко очерчивалась ими, Н.И. Лазаревский справедливо полагал, что «нельзя говорить, что»

¹⁰² Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 53, 87; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 156, 157; 2) Юридические предпосылки. С. 227.

бы эта область была изъята из подчинения законодательной власти». Вполне соответствовало конституционной традиции и то, что в статье 14, как и в статьях 96 и 97, распоряжения царя по строевой, технической и хозяйственной частям и положения и указы учреждениям и должностным лицам Военного и Военно-морского ведомств, издававшиеся помимо Думы и Государственного совета, но предварительно рассматривавшиеся Военным и Адмиралтейств-советами, а также распоряжения по Военно-судебной и Военно-морской судебной частям назывались не законами, а мерами верховного управления и постановлениями, т.е. не законодательными, а административными актами. Подобные акты, если они касались предметов общих законов, подлежали внесению в Думу, как и законопроекты об ассигновании кредитов, если указанные меры и постановления вызвали новый расход из казны, не покрываемый ожидаемыми сбережениями по финансовой смете Военного или Морского министерств.

Утвержденное Николаем II 24 августа 1909 г. положение о порядке применения статьи 96 Основных государственных законов, изданное как аутентическое толкование упомянутой статьи, уточняло, что на разрешение царя Военным и Адмиралтейств-советами должны представляться «все вообще законодательные дела, относящиеся до устройства сухопутных и морских вооруженных сил и обороны Российской империи, а равно всего управления армией и флотом, в т.ч. все положения, указы, штаты, табели и расписания по Военному и Морскому ведомству», а также «законодательные дела», касавшиеся устройства казачества и управления им как вооруженной силой и не затрагивавшие гражданских прав населения. Использование понятия «законодательные дела», вместо слова «постановления», не противоречило статье 96, поскольку положение 24 августа имело статус не закона, а инструкции, изданной в соответствии с Основными законами, что подтверждало и ее содержание. Как и ранее, внедумским путем могли проводиться вопросы, относившиеся исключительно к компетенции Военного и Морского министерств, не касавшиеся предметов общих законов и не вызывавшие их отмены, изменения или дополнения, не требовавшие нового расхода из казны и допускавшие покрытие новых расходов казны «соответственными сбережениями», ожидавшимися в ассигнованиях подлежащих министерств, или обеспеченные необходимыми кредитами, одобренными народным представительством. Если по статье 96 Основных законов в Думу не поступали постановления, обеспечивавшиеся «ожидаемыми сбережениями по финансовой смете», т.е. подразумевались общеведомственные сбережения, то, согласно положению 24 августа, административные постановления могли обеспечиваться только «соответственными сбережениями», иными

словами — отныне остатки кредита разрешалось использовать лишь на цели, на которые он отпускался и, тем самым, существенно суживались полномочия военного и морского министров на счет народного представительства, фактически пользовавшегося правом изменения целей кредитов. Позднее, 5 февраля 1911 и 2 марта 1914 г., Николай II повелел, чтобы отзывы Министерства финансов и Государственного контроля на предположения, покрываемые «соответственными сбережениями», подавались министром финансов и государственным контролером в двухнедельный срок, и это окончательно сделало невозможным их бесконтрольное расходование.

Возвращаясь к положению 24 августа, необходимо отметить, что, в уточнение статьи 86 Основных законов, положение постановляло, что в Думу поступают из Военного и Морского министерства «законодательные дела», касавшиеся гражданского управления казачьих войск и подведомственных военному министру областей (Туркестанское генерал-губернаторство), предметов общих законов, их отмены, изменения и дополнения и компетенции других министерств.

На тех же самых основаниях, что и законодательные дела Военного и Морского ведомств, согласно утвержденному Николаем II 25 июля 1913 г. особому журналу Совета министров, подлежали разрешению аналогичные дела по Отдельному корпусу жандармов МВД, хотя и входившему в гражданское ведомство, но составлявшему армейскую единицу. Таким образом, если в области руководства вооруженными силами еще более жестким отграничением компетенции исполнительной власти от компетенции законодательной предотвращалось вмешательство первой в дела второй, то народное представительство, в свою очередь, в лице комиссии по государственной обороне (по военным и морским делам) III и IV Дум, формально нарушая статьи 14 и 96 Основных законов, активно вторгалось в деятельность Военного и Морского министерств. Наконец, по статье 119 Основных законов контингент новобранцев подлежал ежегодному вотированию нижней и верхней палаты, вследствие чего в 1908 г., при рассмотрении закона о новом призыве в армию и флот Дума, подняла вопрос о необходимости пересмотра Устава о воинской повинности 1874 г. Царь и правительство пошли навстречу думцам, и уже 14 января 1911 г. военный министр генерал В.А. Сухоминов соответствующий законопроект внес в нижнюю палату, которая его несколько изменила, после чего 23 июня 1912 г. этот законопроект утвердил Николай II¹⁰³. Очевидно, в Российской им-

¹⁰³ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 197, 200; Палиенко Н.Н. Указ. соч. С. 58; Грибовский В.М. Указ. соч. С. 95, 95–96; Демин В.А. Указ. соч. С. 117–118, 127; Белов Ю.С.

перии, по сравнению с остальными монархиями, вооруженные силы находились в большей зависимости от народного представительства.

В тесной связи с военным верховенством находилось право на введение военного (осадного) и чрезвычайного (исключительного) положений, принадлежавшее главам многих государств, и монархий, и республик, как правило, в соответствии со специальным законом, изданным с одобрения палат. Подобное право неоднократно реализовывали монархи Австрии, Германской империи, Пруссии. Итальянский король и французский президент вводили осадное положение декретами (ордонансами), т.е. без участия парламента¹⁰⁴.

Статьи 15 и 83 Основных законов 1906 г. подразумевали объявление царем военного и исключительного положений и изъятия из действия прав населения в соответствующих местностях на базе «особых законов», одобренных Думой и Государственным советом. Исполняя волю Николая II, правительство внесло во II Думу законопроект «О пересмотре исключительных законоположений», вносившийся позднее и в III Думу, однако рассмотрение этого законопроекта нижней палатой затянулось до февраля 1917 г. В результате действие старых исключительных законов (1881 г.) царь отменил собственным указом 27 августа 1913 г. на всем пространстве Российской империи, сохранив только чрезвычайную охрану в Ялте и ее окрестностях (где располагались императорские резиденции), а усиленную — в столицах, столичных губерниях и крупных промышленных городах. Однако уже в июле 1914 г. действие военного и исклю-

Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 375–393; *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х тт. М., 1999. Т. 1. С. 436, 546–547; *Захаров Н.А.* Указ. соч. С. 252; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: в 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 864. Ср.: *Авалов З.Д.* О законодательных функциях верховного управления // Известия С.-Петербургского политехнического института. 1909. № 2. С. 25–26, 26–27. См. также: *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство. С. 155; 2) Юридические предпосылки. С. 333; О порядке применения статьи 96 Основных государственных законов высочайше утвержденное положение Совета министров 24 августа 1909 г.; Об изменении Устава о воинской повинности // П.А. Столыпин. Программа реформ. Док. и мат.: в 2-х т. М., 2003. Т. 1. С. 656–658; 658–695, 754; Особый журнал Совета министров 28 февраля, 30 мая и 12 июня 1913 г. // Особые журналы Совета министров. / 1913 год. М., 2005. С. 286–292; Особый журнал Совета министров 3 апреля 1913 г. и 18 января 1914 г. «По проекту инструкции о порядке применения статьи 96 Основных государственных законов» // Особые журналы Совета министров. / 1914 год. М., 2006. С. 51–55.

¹⁰⁴ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 192; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 159; *Ковров А.* Указ. соч. С. 101; *Шейнис Л.* Указ. соч. С. 80, 81, 87, 88; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 173, 174, 201. См. также: *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб., 1908.

чительного положений частично возобновилось из-за начала Первой мировой войны¹⁰⁵.

Подобно руководству вооруженными силами руководство внешней политикой, объявление войны и заключение мирных и прочих договоров были в известной степени исключительной прерогативой главы государства, сохранявшего в лице монарха и в данном случае многое из эпохи абсолютизма, а потому, как правило, не входили в непосредственную компетенцию народного представительства, которое и в большинстве республик довольствовало не систематическим контролированием внешней политики правительства, но лишь общей оценкой ее результатов¹⁰⁶. Некоторые нюансы существовали только относительно объявления войны и заключения договоров. Если во всех монархиях (кроме Германской империи и Норвегии) суверен имел право объявить войну, не спрашивая мнения палат, то в республиках осуществление этого права президентом конституции обуславливали согласием парламента. Впрочем, соответствующие постановления конституций, подчеркивал Н.И. Лазаревский, были «мертвюю буквою», поскольку во внешней политике существует «логика вещей, более сильная, чем писанные тексты законов»¹⁰⁷.

С точки зрения отношения народного представительства к заключению международных договоров государствоведы различали три типа стран: английский, бельгийский и республиканский. Если английский тип (Англия, монархии Германской империи, Дания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция, Япония) не предполагал участия парламента в заключении и ратификации договоров, оставшихся всецело за монархом, то бельгийский тип (остальные европейские монархии, в том числе Бельгия, Италия, Германская империя и Пруссия) подразумевал обязательность непосредственного согласия парламента на заключение некоторых договоров. Третий тип воплощали большинство республик, в которых народное представительство давало согласие на заключение всех вообще договоров¹⁰⁸. Обратимся к практике основных монархий и республик.

¹⁰⁵ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 202; Куликов С.В. Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 54.

¹⁰⁶ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 186; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 188; Гессен В.М. Указ. соч. С. 425; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 160, 171, 178–179; 2) Конституционное государство. С. 143, 192, 193.

¹⁰⁷ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 190; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 127; 2) Конституционное государство. С. 145.

¹⁰⁸ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 102; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 186–187, 188, 190; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 57–58, 75, 79–80, 106–107; 2) Конституционное государство. С. 145.

Английский король осуществлял руководство внешней политикой совершенно независимо от парламента посредством статс-секретаря по иностранным делам, имея единоличное право на ведение переговоров с иностранными государствами и заключение и ратификацию всех договоров (мирных, союзных и торговых), на объявление войны и даже на уступку территории. Неудивительно, что кабинет весьма часто отказывался отвечать на вопросы коммонеров, касавшиеся дипломатии¹⁰⁹. Вполне полномочным руководителем внешней политики являлся германский император, который мог объявлять наступательную войну и заключать политические договоры помимо обращения к Рейхстагу. В последний правительство вносило лишь договоры, влекшие законодательные или бюджетные перемены, необходимые для самого правительства. В Пруссии по конституции король обязывался представлять на утверждение Ландтага некоторые договоры, но на практике в начале XX в. это требование, как правило, не соблюдалось¹¹⁰. Италия не представляла исключения в смысле расхождения между конституцией и практикой, поскольку, хотя король и вносил в Палату депутатов все договора, за исключением военных и союзных, однако контроль парламента над внешней политикой отличался слабостью, между тем как личное мнение монарха при ее ведении имело большое значение. В Швеции руководство короля внешней политикой доходило до того, что договоры, затрагивавшие в других странах компетенцию народного представительства, требовали лишь издания королевского указа. В Японии император имел неограниченное право на заключение всех договоров и одно время даже на изменение в связи с ними внутреннего законодательства¹¹¹. Президент Франции в области руководства внешней политикой пользовался правами конституционного монарха, будучи свободным от контроля палат, которые в начале XX в. никогда не направляли ее, вследствие чего французское правительство исповедовало принципы «тайной дипломатии» и вопреки конституции неоднократно начинало не оборонительные, а наступательные колониальные войны без одобрения парламента. Президент США руковод-

¹⁰⁹ Беджгот В. Указ. соч. С. 29; Дюприе Л. Государство и роль министров в Англии. С. 49, 108, 112; Лоу С. Указ. соч. С. 246; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 218; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 186; Энсон В. Указ. соч. С. 2, 38, 40, 47, 318, 323, 326; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 57, 63–64, 65, 66, 139, 161, 162, 163, 164; 2) Конституционное государство. С. 145, 191.

¹¹⁰ Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 30; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 31; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 99, 102–103; 2) Конституционное государство. С. 12.

¹¹¹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 102; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 192; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 74, 166; 2) Конституционное государство. С. 144.

ство внешней политикой разделял только с государственным секретарем, имея право заключать договора помимо Палаты представителей и с согласия одного Сената и объявлять оборонительную войну, однако и здесь, если объявлялась колониальная война, граница между обороной и наступлением не отличалась ясностью¹¹². Следовательно, изолированность народного представительства от внешней политики в республиках была ненамного меньшей, чем в монархиях.

Статьями 12 и 13 Основных законов император трактовался как «верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами», которым определялось «направление международной политики», объявлялась война, заключался мир и договоры с другими государствами. Следовательно, по букве конституции руководство внешней политикой принадлежало исключительно царю и было изъято из ведения народного представительства, особенно учитывая, что в области заключения договоров Россия относилась к первому, английскому, типу государств. Однако, во-первых, смета МИДа ежегодно проходила через бюджетную комиссию народного представительства, где мидовцы ради компромисса зачастую шли на уступки думцам. «Мы так легко договаривались, такой у нас установился общий язык, — характеризовал деловое общение в Бюджетной комиссии чиновников и депутатов директор одного из департаментов МИДа В.Б. Лопухин, — что казалось, если случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из миллиоковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжить прежние, ставшие уже привычными беседы».

Тон поведению мидовцев относительно думцев задавали министры иностранных дел, приглашавшие депутатов на рауты и знакомившие их с конфиденциальными дипломатическими документами. В отличие от Военного или Морского министерств, все меры, являвшиеся законами в материальном смысле, проводились через Думу и Государственный совет, в частности — реформа центральных учреждений МИДа, обсуждавшаяся III–IV Думами в 1910–1914 гг. и ставшая законом 14 июля 1914. Министры иностранных дел, с ведома Николая II, по актуальным внешнеполитическим вопросам давали уже III Думе подробные объяснения, квалифицированные С.А. Котляревским как «вполне соответствующие типу, выработанному западным парламентаризмом». Характерно также, что хотя по статье 13 Основных законов царь мог объявить войну единолично, Первую мировую войну он

¹¹² Кудрин Н.Е. Указ. соч. С. 491; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 19; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 242; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 186; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 165, 168; 2) Конституционное государство. С. 146, 192.

начал, заручившись поддержкой IV Думы, созванной Николаем II 26 июля 1914 г., через 5 дней после вступления России в эту войну, на чрезвычайную сессию, чтобы в такой ответственный момент, по его словам, «быть в полном единении с народом»¹¹³. И так, фактически Дума и Государственный совет имели косвенный контроль над внешней политикой, что формально противоречило Основным законам.

Важное и в количественном и в качественном отношении изъятие из компетенции палат составляла регламентирующая власть, подчинявшаяся законам и дававшая главе государства, независимо от формы правления, право на издание постановлений в развитие законов. Данное право базировалось на воззрении о том, что в компетенцию исполнительной власти входит не только исполнение закона, но и восполняющая пробелы законодательства правотворческая деятельность, которая рассматривалась как безусловно необходимая и естественная функция правительства, по причине чего в начале XX в. компетенция королей в этом отношении непрерывно возрастала за счет соответствующих полномочий парламентов¹¹⁴. Регламентирующие постановления (декреты, ордонансы, правовые указы), обязательные для населения и ограничивавшие его права, главы государств издавали на основании уполномочивавшего их на то закона (Англия, Италия, Португалия, Пруссия, США, Франция) либо без такого закона, т.е. в обход парламента (Австрия, Англия, Бельгия, государства Германской империи (в том числе Пруссия), Италия, Франция). Во всех германских монархиях ордонансы короны подлежали обязательной контрассигнации министра. Во Франции президент даже без всякого специального уполномочия парламента имел общее право в силу своей обязанности применять законы, издавать декреты в дополнение к статутам, называвшиеся актами дополнительного законодательства, причем данное право при решении вопросов меньшей важности имели кроме главы государства министры, префекты и мэры¹¹⁵.

¹¹³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 88; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 173; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 43; Лопухин В.Б. Записки быв. директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 215, 290, 385, 391. См. также: Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961.

¹¹⁴ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 175; Гессен В.М. Указ. соч. С. 53, 396.

¹¹⁵ Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 258; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 30, 30–31, 221, 225, 231; Карвалло, де К. Указ. соч. С. 119; Ковалевский М.М. 1) Бельгийская конституция // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 61; 2) История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 194; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 56; Шейнис Л. Указ. соч. С. 80, 87; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 173, 174, 195; Энсон В. Указ. соч. С. 2, 3; Гессен В.М. Указ. соч. С. 52.

В Основных законах 1906 г. отсутствовала статья, которая уполномочивала бы царя на издание постановлений в развитие законов, более того, издание всякого рода общих правил Основные законы относили к области законодательства. Впрочем, статья 14 уполномочивала монарха на установление в порядке верховного управления правовых ограничений частных лиц, но только в местностях, составлявших крепостные районы и опорные пункты для армии и флота. В связи с этим Н.И. Лазаревский признавал, что в области регламентирующей власти «права русского государя гораздо уже, чем права всех других конституционных монархов»¹¹⁶. Соответственно, в этой области права Думы и Государственного совета были шире по сравнению с другими парламентами.

Регламентирующая власть главы государства подразумевала также издание им в развитие законов постановлений по устройству исполнительной власти, которое включало в себя создание без участия народного представительства административных учреждений (в том числе министерств) и должностей и установление их компетенции и порядка делопроизводства, а также назначение чиновников и определение их обязанностей и жалованья. Что касается создания административных учреждений и должностей, то во всех конституционных государствах право на это монархи и президенты реализовывали единолично. Как германский император, так и французский президент создавали новые министерства путем издания декретов. Организация всей вообще исполнительной власти зависела от монарха в Англии и в большинстве государств Германской империи, прежде всего – в Пруссии, причем в последней участие народного представительства выражалось исключительно в вотировании кредитов на жалованье чиновникам. Вообще, особенно показателен именно пример Пруссии, где не законами, а лишь указами и регламентами короля, верховного главы прусской администрации, не только создавались новые министерства и должности, но и назначались все чиновники, определялась их компетенция и правила поведения, а также размер жалованья каждого служащего¹¹⁷. По сравнению со всеми монархами Европы самую большую регламентирующую власть имел король Швеции, который, согласно конституции, мог издавать единолично, помимо риксдага, пользовавшегося, в данном случае, совещательным голосом, так называемые «экономичес-

¹¹⁶ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 174, 175.

¹¹⁷ Беджгот В. Указ. соч. С. 29; Кудрин Н.Е. Указ. соч. С. 499; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 22, 193, 227; Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 89–90; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 9, 29, 56, 57; Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 140; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 163, 163–164; Энсон В. Указ. соч. С. 2, 249.

кие» или «административные законы» (именно законы, а не постановления в порядке управления) по самому широкому кругу дел — относительно не только устройства администрации, но и «общественного хозяйства», тем более, что понятие «экономического законодательства» было довольно неопределенным. «Экономическое законодательствование», не касавшееся лишь основных и общих законов, делало шведского короля более самостоятельным, чем это полагалось конституционному монарху, и весьма существенно сужало компетенцию парламента: даже если по желанию суверена он издавал «экономический закон» совместно с палатами, то впоследствии он изменял или отменял закон без их участия¹¹⁸.

Статья 11 Основных законов 1906 г. уполномочивала царя издавать, в соответствии с законами, указы «для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления» и «повеления, необходимые для исполнения законов», но эта статья имела весьма узкую сферу применения, вследствие чего в России, в отличие от остальных государств, создание новых учреждений (в том числе министерств и главных управлений) и должностей (даже самых мелких) происходило только в законодательном порядке, т.е. при непременно участии народного представительства. Исключения составляли: Министерство Императорского двора, чье устройство, согласно статье 21 Основных законов, полностью зависело лишь от воли царя, и Ведомство учреждений императрицы Марии, дела по устройству которого, согласно утвержденному Николаем II 25 декабря 1907 г. особому журналу Совета министров, если они не имели «связи с прочими частями государственного управления», не затрагивали предметов общих законов и не вызывали новых расходов из казны, представлялись императору в прежнем порядке, через опекунский совет и помимо Думы. Вместе с тем в 1908–1917 гг. Николаю II не удалось образовать Главное управление государственного здравоохранения во главе с академиком Г.Е. Рейном. Хотя 3 сентября 1916 г. царь и утвердил особый журнал Совета министров, согласившегося после длинных проволочек учредить даже не само Главное управление, а лишь его центральные органы по статье 87 Основных законов, однако оппозиционная IV Дума в пику правительству отвергла законопроект об этом, забыв, что одним из инициаторов образования нового ведомства была III Дума.

В 1912–1917 гг. Николай II не смог создать Главное управление физического развития народонаселения Российской империи, до-

¹¹⁸ Мехелин Л. Указ. соч. С. 230, 239; Жилин А.А. Указ. соч. С. 277; Лазаревский Н.И. Русское конституционное право. С. 207, 208, 209–210, 210; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 17, 74; 2) Конституционное государство. С. 13; 3) Юридические предпосылки. С. 224.

вольствовавшись назначением 7 июня 1913 г. главнонаблюдающим за физическим развитием народонаселения генерала В.Н. Воейкова и образованием 3 января 1914 г. под его председательством Временного совета для разработки законопроекта об образовании правительственного учреждения для заведования организацией физического развития народонаселения Империи.

В 1916–1917 гг. не увенчалась успехом и попытка императрицы Александры Федоровны учредить помимо народного представительства Министерство благотворительной помощи и общественного призрения¹¹⁹. Несомненно, что в области создания административных учреждений и должностей права царя были сведены практически к нулю, между тем как полномочия Думы и Государственного совета отличались широтой, неизвестной другим парламентам. Статьи 17 и 18 Основных законов обеспечивали за монархом назначение и увольнение министров и прочих должностных лиц, если для последних законы не подразумевали иного порядка назначения и увольнения, и установление по отношению к чиновникам ограничений, но лишь таких, которые вызывались бы «требованиями государственной службы». Первая статья подтверждала принцип несменяемости судей и нейтрализовала прерогативу царя формировать личный состав бюрократии правом народного представительства регулировать вопросы, связанные с этим, в законодательном порядке путем принятия учреждений гражданских министерств и ведомств. Нейтрализации царской прерогативы способствовала и опделенная мотивировка второй из упомянутых статей.

Право диспенсации (сепаратного законодательства), т.е. отмены общего закона для конкретного случая, реализовывали по упол-

¹¹⁹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. С. 163, 167; Особый журнал Совета министров 23 ноября 1907 г. «О положении Ведомства учреждений императрицы Марии при действии новых Основных государственных законов». // Особые журналы Совета министров. 1907 г. М., 1985. Ч. 2. С. 761–771; Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 11–12; Особый журнал Совета министров 16 февраля 1912 г. «Об учреждении междуведомственной комиссии для пересмотра врачебно-санитарного законодательства» // Особые журналы Совета министров. / 1912 год. М., 2004. С. 99–102; Особый журнал Совета министров 3 января 1914 г. «Об образовании при главнонаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской империи Временного совета по касающимся такого развития делам» // Особые журналы Совета министров. / 1914 год. М., 2006. С. 11–14; Особый журнал Совета министров 23 и 31 августа 1916 г. «Об утверждении законопроекта об учреждении Главного управления государственного здравоохранения» // Особые журналы Совета министров. / 1916 год. М., 2008. С. 418–421; Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 152. См. также: Флоринский М.Ф. Верховная власть и законодательные палаты в России в период думской монархии (К вопросу о разграничении полномочий) // Россия в XIX – XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 210–216.

номочию закона или (в монархиях) и в силу прерогативы, т.е. помимо народного представительства, все главы государств. Самое широкое применение диспенсация находила в судебной сфере, при помиловании (освобождении преступника от наказания), аболиции (его прощени до рассмотрения дела судом) и амнистии (сложении с преступника до или после вынесения приговора самой преступности совершенного им деяния). Право помилования, согласно конституционной теории, имели все монархи и некоторые президенты (например – французский), право аболиции – император Австрии, правители государств Германской империи, президент Швейцарии. Что касается амнистии, то она, как правило, применялась относительно политических преступников и в большинстве стран осуществлялась в законодательном порядке, в некоторых же монархиях (Англия, Греция, Италия) – королем помимо парламента. Кроме судебной сферы в некоторых монархиях (Англия, Пруссия) право суверена на диспенсацию распространялось и на другие сферы, причем в одних случаях (Англия) не регламентировалось, а в других (Пруссия) ограничивалось определенными случаями (сложение казенных недоимок)¹²⁰.

Основные законы 1906 г. не предоставляли царю общего права диспенсации, за исключением статьи 23, которая подразумевала право помилования («помилование осужденных, смягчение наказаний»), коллективных аболиции и амнистии («общее прощение совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания»). Масштабы реализации Николаем II права помилования видны из того, что в 1908 г. в Канцелярию по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, поступило 12.952 прошения о помиловании (20 % от общего числа всех прошений). Фактически, однако, вопросы о помиловании решались не императором, а министром юстиции, который, по воспоминаниям С.Е. Крыжановского, раз в неделю докладывал непосредственно монарху ничтожное меньшинство (два-три) соответствующих представлений. Правом общих аболиции и амнистии Николай II пользовался активно до 1906 г. (манифесты 14 ноября 1894 г., 13 мая 1896, 11 августа 1904 и указ 21 октября 1905) и только один раз – после (манифест 21 февраля 1913). Право частных аболиции и амнистии статья 23 Основных законов не подразумевала, а потому в декабре 1916 г. самодержец хотя и повелел министру юстиции А.А. Макарову «не допустить до суда» дело И.Ф. Манасе-

¹²⁰ Беджгот В. Указ. соч. С. 29; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 53; Энсон В. 1) Английский парламент. С. 289, 329; 2) Английская корона. С. 40, 249, 256, 257; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 206, 210–212, 212–213, 213, 214, 216, 217; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 171; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 177.

вича-Мануйлова, которого венценосцы считали невиновным, император, однако, в конечном итоге, подчинился закону и Манасевича суду предали. Статья 23 помимо прочего предоставляла царю сложение «в путях монаршего милосердия» казенных взысканий и «дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов», но лишь тогда, когда этим не нарушались ничьи законные интересы и гражданские права. Насколько широко монарх пользовался столь важным, на первый взгляд, правом как сложение казенных взысканий? В 1908 г. из 65.337 прошений, поступивших в Канцелярию по принятию прошений, прошения о сложении казенных взысканий составляли лишь 1064 (1,6 %) – полтора процента! Расходы по этой статье ежегодно составляли небольшую сумму размером около 150.000 руб. (небольшую, тем более что на каждого просителя в среднем приходилось по 141 руб.) и касались обыкновенно крестьян, живших в приграничных губерниях Царства Польского и уезжавших за границу на заработки без паспорта, арендаторов, просрочивших платежи за пользование государственными землями, чиновников, которым переплатили жалованье, и начальников, обязанных восполнить казенные суммы, растраченные их подчиненными. Вообще же ежегодно большинство прошений о «даровании милостей в случаях особых» Канцелярия оставляла без последствий, отклоняя их из-за отсутствия оснований для удовлетворения (26 %) либо переадресовывая в другие ведомства (48 %), где многие из прошений попадали под сукно, и только 12 % прошений рассматривались непосредственно царем, некоторые из них он также не удовлетворял.

Сепаратное законодательство осуществлялось императором и по представлению Совета министров, согласно статье 174 Учреждения министерств, однако здесь наиболее распространенными случаями диспенсации были утверждение уставов акционерных компаний и быстрое проведение, в связи с аграрной реформой, внутриобщинного размежевания земель. Вопросы о диспенсации, проходившие через кабинет, на практике решались не монархом и даже не министрами, а столоначальниками¹²¹. Пользование царем правом диспенсации не умаляло полномочий народного представительства, поскольку это право вытекало из Основных законов, ограничивалось строго определенными случаями и последствия его применения количественно были крайне незначительны либо имели чисто экономический характер.

¹²¹ Писарев С.Н. Учреждение по принятию прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910. Ист. очерк. СПб., 1909. С. 179, 180, 181, 207; Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона. С. 254, 255; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 266; Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 61; Куликов С.В. 1) Бюрократическая элита Российской империи. С. 302; 2) Николай II как реформатор. С. 52.

Право пожалования орденов и почетных отличий осуществляли независимо от народного представительства все главы государств, прежде всего – монархи, причем такие разные, как английский и прусский короли (соответствующие указы последнего не контрастировались министрами и, следовательно, не подлежали даже формальному контролю ландтага)¹²².

Статья 19 Основных законов 1906 г. наделяла подобным правом и царя, который в реальности награждал по личному усмотрению лишь орденами Св.св. Андрея Первозванного, Александра Невского и Владимира 1-й ст., между тем как остальные ордена жаловались по ходатайству министров перед императором¹²³.

Помимо народного представительства большинство монархов осуществляли и право чеканки монеты, так что для Н.И. Лазаревского было «несомненно»: повеления суверена по этому поводу «входят в круг действий административной власти»¹²⁴. В полном соответствии с конституционной доктриной статья 16 Основных законов предоставляла царю право чеканки монеты и определения ее внешнего вида.

На границе между изъятиями из компетенции народного представительства в пользу главы государства и собственно законодательной деятельностью палат находилось так называемое чрезвычайно-указное право, позволявшее главе государства при перерыве занятий парламентом и возникновении чрезвычайных обстоятельств издавать указы со статусом временных (провизорных) законов, которые становились постоянными только в случае внесения соответствующих законопроектов на рассмотрение народного представительства и лишь после одобрения этих законопроектов палатами. Даже либеральные государствоведы признавали чрезвычайно-указное право вытекающим из идеи государственной власти, его соответствие принципу подзаконности административных актов и целесообразность как по причине непостоянного функционирования парламента, так и тогда, когда, в случае с Россией, народное представительство только начинало свою деятельность, отличавшуюся нестабильностью, причем оценка того, насколько конкретные условия дают основания для издания временного закона, государствоведы оставляли за правительством, находя естественным, что такая оценка всегда будет субъективной¹²⁵.

¹²² Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 191; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 170; Энсон В. Английская корона. С. 40, 249.

¹²³ Грибовский В.М. Указ. соч. С. 177.

¹²⁴ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 203.

¹²⁵ Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 145; Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 43–44; Гессен В.М. Указ. соч. С. 47; Котляревский С.А. 1) Конституцион-

Статьи о чрезвычайном-указном праве содержали 28 конституций – Австрии, Аргентины, Болгарии, Бразилии, большинства государств Германской империи (в т.ч. числе – Пруссии), Дании, Испании, Португалии, Турецкой империи, Черногории, Японии. Чрезвычайно-указное право подразумевалось и реализовывалось даже в тех странах, где (как, например, в Англии и Италии) конституции о нем не упоминали. Право суверена на провизорное законодательство трактовалось исключительно широко в государствах Германской империи, в которых временные законы можно было издавать уже при наличии «настоятельных требований государственного блага» не только в отсутствие, но и в случае функционирования парламента и даже вообще не вносить в народное представительство. Более того, конституции двух германских монархий и Японии позволяли, в порядке провизорного законодательства, изменять их же конституционный акт Пруссии – избирательный закон. Наиболее частое и широкое применение чрезвычайного-указного права получило в Австрии, где, в случае сопротивления рейхсрата намерениям правительства, император специально отсрочивал либо вообще закрывал сессию парламента и в образовавшийся период издавал нужные кабинету временные законы¹²⁶.

Статья 87 Основных законов 1906 г. постановляла, что «во время прекращения занятий» Думы Совет министров мог «представить» царю о вызванной «чрезвычайными обстоятельствами» «мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном», однако эта мера (указ монарха) не могла вносить изменения в Основные законы, Учреждения Думы и Государственного совета (как в Японии) и в положения о выборах в них (как в Пруссии) и становилась законом, если «в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы» соответствующий данной мере законопроект вносился «подлежащим

ное государство. С. 188; 2) Юридические предпосылки. С. 245. См. также: *Друцкой С.А.* Статья 87 Основных законов и Правила 8 марта 1906 г. // *Право*. 1907. № 40; *Штильман Г.Н.* Внепарламентское законодательство в конституционной России (Ст. 87 Основных государственных законов). СПб., 1908; *Магазинер Я.М.* 1) Чрезвычайно-указное право в России. СПб., 1911; 2) Спорные вопросы чрезвычайного-указного права // *Право*. 1914. № 9; *Толстой П.М.* Один из пережитков старого порядка // *Право*. 1912. № 36; *Алексеев А.С.* Происхождение чрезвычайного-указного права и его политическое значение. М., 1913; *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.). // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1976. Т. 7.

¹²⁶ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 225; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 145, 146; *Звездич П.* Указ. соч. С. 31–32; *Мехелин Л.* Указ. соч. С. 248; *Энсон В.* Английский парламента. С. 307; *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 4–7; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 279; *Лазаревский Н.И.* Русское конституционное право. С. 164, 176, 179, 180, 181; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 47; *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 242; *Захаров Н.А.* Указ. соч. С. 276; *Котляревский С.А.* 1) Конституционное государство. С. 189; 2) Юридические предпосылки. С. 245, 246.

министром» в нижнюю палату и одобрялся как ею, так и верхней палатой. Таким образом, во-первых, статья 87 не давала ясного определения понятия «прекращение занятий», впрочем как и аналогичные статьи других конституций, хотя на практике это понятие подразумевало промежутки между двумя legislatures и сессиями и перерывы в течение одной сессии. Во-вторых, в отличие от большинства конституций, статья 87 предоставляла инициативу издания провизорных законов правительству, а не главе государства, ограничивая его в управлении. В-третьих, опять-таки, в отличие от остальных конституций, упомянутая статья содержала гарантии неприкосновенности и неизменности хартии 1906 г., установленные в пользу народного представительства, а не монарха. Наконец, в-четвертых, реализация чрезвычайного права в России была жестко обусловлена согласием законодательных учреждений, причем в случае принципиального одобрения Думой внесенного в нее провизорного закона к нему применялся общий порядок, иными словами – нижняя палата могла менять его содержание, между тем как в государствах Германской империи такой закон обычно принимался резолюциями обеих палат в той редакции, в которой его издало правительство. В случае неодобрения Думой временного закона она не была обязана рассматривать этот закон даже при внесении его правительством в нижнюю палату.

В государствах Германской империи и Японии правительство могло объявить о неодобрении парламентом провизорного закона по прошествии известного периода, когда данный закон продолжал действовать, в России же, как и в Австрии, отвергнутый палатами закон падал сразу, автоматически. Если статья 87 и ограничивала что-либо, то не права народного представительства, а власть императора, причем не только в законодательстве, но и в управлении, восполняя вместе с тем недостатки Думы – фактический отказ от законодательной деятельности, характерный для I–II Дум, и слишком медленную законодательную деятельность, отличавшую III–IV Думы¹²⁷. Это подтверждается прослеженной В.С. Дякиным частотой применения 87-й статьи. Так, в первое междудумье (8 июля 1906–19 февраля 1907 г.) Совет министров посредством указов царя провел 60 постановлений, из которых 53 были внесены во II Думу, от-

¹²⁷ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 112, 182, 183; Палиенко Н.Н. Указ. соч. С. 57; Гессен В.М. Понятие сессии в конституционном праве России // Право. 1911. № 18. Стб. 1060; *Магазинер Я.М.* Чрезвычайно-указное право в России. СПб., 1911. С. 23; *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 39, 49, 65; Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Док. и мат-лы: в 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 591; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 524; *Захаров Н.А.* Указ. соч. С. 217, 278, 281–282; *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки. С. 245–246; *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. С. 166.

вергнувшую только 4. Во второе междудумье (3 июня – 31 октября 1907 г.) кабинет издал уже 18 постановлений – более чем в 3 раза меньше, из них III Дума отвергла лишь одно. В легислатуру III Думы правительство издало 6 временных законов, в легислатуру IV Думы (до июля 1914 г.) – 2. Частое и широкое применение статья 87 нашла только во время Первой мировой войны, которая, признавал В.С. Дякин, «действительно была обстоятельством чрезвычайным»: с 19 июля 1914 по 8 февраля 1917 г. правительство провело по ней 654 провизорных закона¹²⁸. Содержание и практика применения статьи 87 не ограничивали полномочий Думы и Государственного совета, особенно по сравнению с парламентами Австрии, монархиями Германской империи и Японии.

В начале XX в. собственно законодательный процесс унифицировался настолько, что в общих чертах был одним и тем же, по крайней мере во всех западноевропейских государствах. Право на его первую стадию, законодательную инициативу, согласно подавляющему большинству конституций, формально принадлежало в равной степени и правительству (главе государства, монарху или президенту), и действующим от его имени министрам, и народному представительству, однако фактически везде наблюдался примат правительственной инициативы над парламентской, так что последняя имела значение не столько сама по себе, сколько в качестве указания правительству на необходимость нормативного регулирования какого-либо вопроса.

Не имели права на законодательную инициативу, с одной стороны, германский император (только по букве закона) и президент США (в силу принципа разделения властей), с другой стороны – парламенты многих государств Германской империи и Турции¹²⁹. Первенствующее положение главы государства и правительства в области законодательной инициативы было характерно прежде всего для Англии, где в данном случае кабинет как собрание «советников короны» зависел не столько от Палаты общин, сколько от короля (сохранявшего право исключительной инициативы относительно своих личных полномочий, т.е. прерогативы), поскольку ни один сколь-

¹²⁸ Дякин В.С. Указ. соч. С. 248, 260, 262, 263, 270; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. С. 176.

¹²⁹ Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. 436, 473, 477; Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 185; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 237, 240; Мехелин Л. Указ. соч. С. 247; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 3; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. С. 138, 416, 417; Жилин А.А. Указ. соч. С. 273, 336; Котляревский С.А. 1) Конституционное государство. С. 133, 184, 185; 2) Юридические предпосылки. С. 243–244, 244, 337; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. С. 86, 166.

ко-нибудь важный законопроект не вносился министрами в нижнюю палату без предварительного согласия монарха или, по крайней мере, без уведомления его об этом. Формально право на законодательную инициативу принадлежало каждому члену Палаты общин, независимо от того, являлся ли он министром или рядовым депутатом (private member), поэтому количество биллей, вносившихся «частными членами», чаще всего не единолично, а группами в 5, 10 или 15 человек, заметно превосходило число биллей, инициированных министрами.

Однако в действительности инициатива рядовых депутатов была чрезвычайно стеснена, так как любой сколько-нибудь значимый законопроект, исходивший не от «советников короны», а от «частного члена», тем более из рядов оппозиции, весьма редко превращался в закон, и 9/10 законодательства Палаты общин имело источником кабинет. Последний случай принятия по инициативе парламента, а не кабинета билля общегосударственной важности (об эмансипации католиков) относился к 1825 г., и впоследствии все билли такого рода вносились исключительно министрами¹³⁰.

В Германской империи Рейхстагу также принадлежало право законодательной инициативы, которое реализовывали группы депутатов количеством не менее 15 человек, однако фактически и здесь она была почти полностью монополизирована императором (формально – Бундесратом) и действовавшим от его имени канцлером, являвшимся истинными руководителями законодательного процесса, вследствие чего депутатская инициатива заявляла о себе весьма редко. Похожая ситуация наблюдалась и в государствах Германской империи, прежде всего – в Пруссии, где по конституции Ландтаг (точнее – каждый депутат) имел право на законодательную инициативу, но почти не пользовался ею, всецело предоставив королю и его министрам инициирование законов, так что не Ландтаг издавал законы при одобрении короля, а наоборот – король при одобрении Ландтага. В Италии законы, инициированные депутатами, по количеству и содержанию были крайне незначительны по сравнению с законами, предложенными правительством¹³¹.

¹³⁰ *Беджгот В.* Указ. соч. С. 61–93; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 13–14; *Лоу С.* Указ. соч. С. 47, 60, 57–64; *Энсон В.* Английский парламент. С. 236; *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 214–215, 215; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 417; *Илберт К.* Указ. соч. С. 61, 93; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 9; *Гессен В.М.* Основы конституционного права. С. 425, 426; *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство. С. 295, 296; 2) Конституционное государство. С. 185; 3) Юридические предпосылки. С. 215.

¹³¹ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 103, 170, 197; *Гамбаров Ю.С.* Указ. соч. С. XIII; *Дюприе Л.* 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 117, 119, 118; 2) Госу-

Очевидный примат органов исполнительной власти над парламентами в области законодательной инициативы характеризовал не только монархические, но и республиканские режимы. Хотя во Франции парламентская инициатива продолжала играть большую роль, из-за чего депутаты часто злоупотребляли ею, поспешно внося недостаточно продуманные законопроекты (называвшиеся «предложениями законов»), тем не менее, инициирование законов даже во французском парламенте выпадало, главным образом, на президента и министров, т.е. на правительство, предложения которого (лишь их называли собственно «проектами законов») не подлежали ни предварительному рассмотрению в Комиссии парламентской инициативы, ни процедуре принятия во внимание, что было необходимо для депутатских законопроектов¹³².

Согласно статьям 8, 107 и 120 Основных законов 1906 г. и 32, 55, 56 и 43, 54, 55 Учреждений Думы и Государственного совета, право законодательной инициативы принадлежало нижней и верхней палате (точнее – группе членов каждой из палат, насчитывавшей не менее 30 человек), императору и, в отличие от остальных государств, еще и министрам, иными словами – в России существовала административно-парламентская инициатива. С 1910 г. по личному почину одного монарха в нижнюю палату могли вноситься только законопроекты, общие для Финляндии и Империи и содержащие новые перечни вопросов, которые регулировались этими законами. В.А. Маклаков утверждал: порядок осуществления законодательной инициативы, функционировавший в 1906–1917 гг., «оказался настолько удобен, что выдержал испытание жизни»¹³³. Насколько оправданным является это утверждение? В I Думу были внесены 16 правительственных и столько же депутатских законопроектов, из которых она успела одобрить только два (правительственный и депутатский), Государственный совет – один (правительственный),

дарство и роль министров в Пруссии. С. 35, 36, 37, 39; *Ковров А.* Указ. соч. С. 107; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 336.

¹³² *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 18; *Кудрин Н.Е.* Указ. соч. С. 503, 527; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 95; *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 238, 242.

¹³³ *Шалланд Л.А.* Указ. соч. С. 240; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 139–140; *Муромцев С.А.* Порядок рассмотрения в Государственной думе вопроса о «желательности» издания нового закона // *Право.* 1907. № 18; *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 75; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 8, 67; *Тихомиров Л.А.* Народное представительство в высших учреждениях // *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 469; *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. С. 168–169. См. также: *Нольде Б.Э.* Законодательный почин по русскому праву // *Право.* 1911. № 44–46; *Тагер А.С.* Право законодательного почина и министры // *Право.* 1912. № 23; *Шингарев А.И.* Законодательная инициатива членов Государственной думы и Государственного совета // *Русская мысль.* 1912. Кн. 10; *Люблинский П.И.* К вопросу об инициативе законов по русскому праву // *Право.* 1913. № 22.

утвержденный царем. Во II Думе примат правительственной инициативы над депутатской определился окончательно: министры внесли в нее 287 законопроектов, депутаты – 44, причем нижняя палата приняла 20 правительственных законопроектов (3 из них получили одобрение верхней палаты и утверждение венценосца и стали, таким образом, законами) и один – депутатский. В III Думу министры внесли 2566 законопроектов, из которых 2346 (95 %) были одобрены нижней палатой, а из них, в свою очередь, обрели силу закона 2197 (97 %). Депутаты внесли в III Думу 205 законопроектов, из которых 81 она признала желательными, однако, в конечном итоге, законами стали только 36 из них. А.И. Шингарев подсчитал, что в легислатуру III Думы 16 % депутатских законопроектов превратились в законы, полагая, что это – «величина, пожалуй, слишком крупная».

Действительно, в начале XX в. соответствующий показатель для парламентов Англии и Франции был гораздо меньшим. В IV Думу (к 9 декабря 1916 г.) министры и депутаты внесли 2655 законопроектов, из которых рассмотренными ею оказались 1239, однако, как и ранее, уже в 1-ю сессию IV Думы доминирующее значение приобрела правительственная инициатива – в эту сессию из 90 депутатских законопроектов ни один не получил одобрения нижней палаты, между тем как тогда же она одобрила 372 министерских законопроекта. Следовательно, как и в других государствах, в области законодательной инициативы далеко впереди шло правительство, за ним, с огромным отставанием, следовала Дума, а за нижней палатой, отставая еще более, – верхняя. В 1906 – 1917 гг. члены Государственного совета внесли 13 законопроектов, из которых только 4 были одобрены верхней палатой, из них же – лишь 3 получили силу закона¹³⁴. В указанный период император непосредственно не внес ни одного законопроекта ни в Думу, ни в Государственный совет, что дает основания для утверждения о фактическом ограничении его власти в области законодательной инициативы, чего нельзя утверждать относительно других суверенов.

Как и в случае с законодательной инициативой, в подавляющем большинстве государств подготовка законопроектов почти всецело находилась в руках не законодателей, а представителей исполнительной власти, что государствоведы считали не только неизбежным, но и естественным, ибо только правительство обладало человеческими, техническими и финансовыми ресурсами, необходимыми для создания проектов новых законов, особенно – сложных. Действительно, в Англии изготовлением всех общегосударственных

¹³⁴ Шингарев А.И. Указ. соч. С. 121; Демин В.А. 1) Государственная дума России. С. 49–52; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 108–110.

биллей занимался состоявший при Министерстве финансов Офис парламентских советов (Parliamentary Counsel's Office), комплектованный не из коммюнеров, а из опытных коронных чиновников. Именно правительство ведало подготовкой почти всех законопроектов в Германской империи, в Пруссии и, несмотря на притязания парламента, во Франции¹³⁵.

Статьи 34, 57 и 29, 56 Учреждений Думы и Государственного совета постановляли, что при заявлении той или другой палатой о необходимости издания нового закона «подлежащий министр» обязан был подготовить соответствующий законопроект и внести его в палату, выступившую с инициативой нового закона. В случае же несогласия министра с пожеланиями законодателей выработка законопроекта предоставлялась комиссии, которую образовывали члены палаты, явившейся инициатором закона, причем по прямому смыслу упомянутых статей Учреждений; формально параллельная подготовка законопроекта законодателями и министрами не допускалась.

Очевидно, что приведенные статьи лишь юридически закрепили фактически оформившуюся иностранную практику, основанную на примате правительства над народным представительством и в области подготовки законопроектов. Однако в легислатуры III и IV Думы (до апреля 1914 г.), несмотря на формальный запрет, нижняя палата готовила законопроекты, впрочем весьма немногочисленные, параллельно с кабинетом, который смотрел на это сквозь пальцы до такой степени, что в 1912 г. два подобных законопроекта получили одобрение Государственного совета и утверждение Николая II.

Особый журнал Совета министров, одобренный царем 11 апреля 1914 г., положил конец практике параллельной разработки законопроектов, поскольку это противоречило вышеуказанным статьям Учреждений Думы и Государственного совета и нарушало единство правительственной деятельности. При этом, во избежание опасений думцев, будто правительство стремится парализовать их законодательную инициативу, было установлено правило, чтобы в случае принятия на себя министром разработки инициированного нижней палатой законопроекта он одновременно сообщал бы и о сроке внесения в Думу данного законопроекта¹³⁶. Тем самым компетенция на-

¹³⁵ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 197; Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 117; 2) Государство и роль министров во Франции. С. 95; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 9–10; Лоу С. Указ. соч. С. 56, 59, 65; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 238; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 417; Илберт К. Указ. соч. С. 61; Котляревский С.А. 1) Конституционное государство. С. 185; 2) Юридические предпосылки. С. 245.

¹³⁶ Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона. С. 257; Особый журнал Совета министров 6 марта 1914 г. «По вопросу об отношении правительства к разра-

родного представительства в области подготовки законопроектов заметно расширялась.

Примат исполнительной власти над законодательной сохранялся даже на стадии обсуждения законопроектов палатами, когда, казалось бы, именно они должны были играть главную роль, активно изменяя правительственные предложения. Однако, хотя право народного представительства вносить поправки в законопроекты признавали все конституции, не упоминая о нем напрямую, фактически возможность использования данного права имела тенденцию к сильному уменьшению. Впрочем, монархи наряду с депутатами вообще не могли непосредственно участвовать в редакции закона, влияя на нее лишь косвенно, через министров, которые выступали в постоянных отраслевых комиссиях и общих собраниях парламентов¹³⁷.

В Англии правительственные билли не подлежали какому-либо изменению в Палате общин, тем более что в ней отсутствовали отраслевые комиссии и парламентский наказ гарантировал министрам тотальный контроль за ходом обсуждения законопроектов, отведя только один день в неделю на рассмотрение биллей рядовых депутатов, из-за чего, в частности, в 1901 г. на правительственные и депутатские законопроекты парламент потратил, соответственно, 0,9 и 0,1 своего рабочего времени и, в общем, к началу XX в. авторитет кабинета в законодательстве был почти не ограничен. С. Лоу подчеркивал, что Палату общин, передавшую собственные полномочия «слугам короны», «едва ли даже можно считать законодательным учреждением; она представляет собою механизм для обсуждения законопроектов и притом механизм не единственный»¹³⁸.

В Германской империи Рейхстаг изменял законопроекты довольно свободно, но вместе с тем эта деятельность имела не столько положительный, сколько отрицательный характер, давая основания для вывода о превращении германского парламента в законосовещательное учреждение. В государствах Германской империи право палат на обсуждение законопроектов сужалось еще более: в Пруссии Ландтаг не мог отказаться от немедленного рассмотрения внесенного в него правительством законопроекта, причем передача его в отраслевую комиссию почти не практиковалась, так что депутаты

батьваемым Государственной думой, в порядке параграфа 67 ее Наказа, законопроектам // Особые журналы Совета министров. / 1914 год. М., 2006. С. 113–115.

¹³⁷ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 140; Устинов В.М. Указ. соч. С. 65; Жилин А.А. Указ. соч. С. 274; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 296.

¹³⁸ Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 13–14; Лоу С. Указ. соч. С. 47, 56, 59, 65; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 214–215, 245; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 417, 418; Илберт К. Указ. соч. С. 61, 62, 93; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 17, 296.

создавали подобные комиссии весьма редко. В некоторых германских монархиях король имел право потребовать от Ландтага, чтобы последний одобрил или отверг законопроект исключительно в той редакции, в которой его внесли от имени монарха министры.

Сравнительно большое влияние при обсуждении новых законов оказывали парламент и его комиссии в Италии, где члены комиссий не без успеха конкурировали с министрами¹³⁹. Вообще, по удельному весу постоянных или временных отраслевых комиссий (комитетов) можно было судить о степени независимости парламента от правительства, которому было легче манипулировать депутатами при прохождении законопроекта через общее собрание. Первую группу образовывали парламенты, низведшие комиссии до исполнителей решений общих собраний (Германская империя и все ее монархии, в том числе Пруссия, Испания), вторую – парламенты, общее собрание которых принимало окончательное решение с учетом заключения комиссии (Бельгия), третью – парламенты, где общее собрание формально одобряло заключение комиссии (Франция, США). Впрочем, хотя во Франции на стадии обсуждения законопроектов народное представительство и отраслевые комиссии Палаты депутатов и играли известную роль, однако 7/8 депутатских «предложений законов» даже после принятия их к обсуждению окончательно застреивали в недрах Комиссии парламентской инициативы, между тем как правительственные «проекты законов» подлежали немедленному рассмотрению нижней палатой¹⁴⁰. Следовательно, и на стадии обсуждения законопроектов исполнительная власть доминировала над законодательной не только в монархиях, но и в республиках.

Статьи 5, 6, 11, 25 и Учреждения Думы разрешали нижней палате образовывать из своей среды отделы и комиссии «для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел» и предоставляли самой Думе определять количество, состав и компетенцию этих подразделений, а последним – избирать своих председателей и секретарей. Комиссии нижней палаты, в отличие от отделов, занимавшихся только проверкой выборов в Думу, играли главную роль на стадии обсуждения законопроектов, поскольку, согласно Наказу, общее собрание нижней палаты могло приступить к их рассмотрению только после комиссий. Более того, по воспоминаниям С.И. Тимашева, «в комиссиях вопросы более или менее предreshались», и в общем собрании происходило «не столько обсуждение, а скорее

¹³⁹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 140, 170, 198, 199, 221, 225; Дюприе Л. Указ. соч. С. 35, 38; Ковров А. Указ. соч. С. 107; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 249.

¹⁴⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 78; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 95, 97, 99; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 418 и др.

штемпелевание заключений комиссий». Таким образом, формально думские комиссии относились ко второму типу парламентских комиссий, фактически же – к третьему.

Система думских комиссий получила довольно большое развитие: в 1906–1917 гг. функционировали 9 постоянных комиссий (распорядительная, бюджетная, финансовая, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, редакционная, библиотечная, для разбора адресуемой в Думу корреспонденции, по запросам и личного состава) и 98 временных. Статья 32 Учреждения Государственного совета разрешала и верхней палате образовывать из своей среды комиссии «для предварительного соображения» законопроектов. В 1906–1917 гг. в Государственном совете заседали 8 постоянных комиссий (финансовая, законодательных предположений, внутреннего распорядка и личного состава, по военным сухопутным и морским делам, экономическая, по делам торговли и промышленности, по делам сельского хозяйства и по делам народного образования) и 62 временных. Статьи, образовывавшие главу Учреждения Думы «о порядке производства дел» в нижней палате, базировались на принципе внутриверхпалатной автономии и исключали саму возможность какого-либо влияния исполнительной власти на ход обсуждения законопроектов как в общих собраниях Думы, так и в ее постоянных и временных комиссиях. Более того, ни Основные законы, ни Учреждение не обязывали Думу приступать к немедленному обсуждению правительственного законопроекта не только в текущую, но и в следующую сессию, причем дальнейшую судьбу такого законопроекта действовавший закон вообще не предусматривал.

Если думцы могли влиять на редакцию правительственного законопроекта непосредственно и на всех этапах его обсуждения, то министры – не могли, хотя, согласно статьям 121 Основных законов и 39 Учреждения Думы, они имели право присутствовать на ее заседаниях, но голосовать – исключительно в случае их членства в нижней палате. Естественно, что на редакцию обсуждавшегося думцами нового закона не мог повлиять и царь, а это существенно суживало его законодательные полномочия, расширяя аналогичные полномочия народного представительства¹⁴¹. Впрочем, казалось бы, для косвенного, да и прямого, влияния на редакцию нового закона монарх и министры имели такие средства, как назначенная часть Государственного совета и членство многих министров в верхней па-

¹⁴¹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 422; Устинов В.М. Указ. соч. С. 6, 9; Демин В.А. 1) Государственная дума России. С. 112, 114, 117, 127; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 211; Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова. С. 591–592; Тимашев С.И. Автобиографические записки // С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избр. соч. Тюмень, 2006. С. 251, 253.

лате, однако мнение, будто назначенные члены Государственного совета слепо голосовали по указке назначившей их власти лишено основания. В 1906–1917 гг. состав назначенной части отличался политической неоднородностью: из входивших в нее за это время 202 сановников 79 (39 % или 2/5) являлись членами оппозиционных правительству групп левой и центра и Кружка внепартийного объединения¹⁴². С другой стороны, в группах правой и правого центра наряду с безусловными сторонниками правительства были и его оппоненты, что и стало причиной неодобрения в 1911 и 1914 гг. двух законов, лично поддерживавшихся Николаем II и Советом министров.

Эффективность обсуждения законопроектов обеими палатами, особенно при их формальном, а тем более – фактическом равенстве, во многом зависела от механизма разрешения междупалатских конфликтов, т.е. института согласительных комиссий, который был известен законодательству немногих государств (Дании, Испании, Португалии), но на практике существовал в большинстве других стран, за исключением Франции, в которой верхняя палата, Сенат, активно участвовала в исправлении законопроектов, пришедших из нижней палаты, и зачастую доминировала в законодательном процессе¹⁴³.

Статьи 51 и 49 Учреждений Думы и Государственного совета предусматривали в необходимых случаях создание по инициативе нижней или верхней палаты согласительных комиссий из равного числа членов обеих палат по выбору каждой из них и с председателями, выбранными самими комиссиями. Следовательно, Российская империя принадлежала к числу тех немногих государств, где институт согласительных комиссий функционировал на правовой основе. Согласительные комиссии увеличивали законодательные полномочия народного представительства за счет императорской власти, ибо в случае разногласий по отдельным статьям законопроекта комиссии могли выработать общие формулы. Монарх же не мог утвердить закон, хотя бы в одной статье которого его разногласие с палатами оставалось неустраненным. Об эффективности деятельности согласительных комиссий свидетельствует тот факт, что из 3550 законопроектов, одобренных I–IV Думами, Государственный совет отклонил только 46 (1,3 %) законопроектов, отказался рассматривать – 19 (0,5 %), не успел рассмотреть – 158 (4,5 %), одобрил, в том числе без поправок, – 3291 (93 %). Приведенные цифры опровергают миф о том, что Го-

¹⁴² Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). // Из глубины времен. 1997. Вып. 9. С. 19–22; Бородин А.П. Указ. соч. С. 250–278.

¹⁴³ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 17; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 105; Гессен В.М. Указ. соч. С. 365, 372.

сударственный совет чуть ли не постоянно отвергал думские законопроекты, особенно по части реформ: из серьезных реформ, имевших общеимперский характер, он провалил только законопроекты о создании волостного земства и об условном осуждении¹⁴⁴.

Судьба законопроекта зависела как от итогов его обсуждения палатами, так и от лежавшего в основе деятельности народного представительства принципа дисконтинуитета (отсутствия преемственности) или континуитета (преемственности) между легислатурами и сессиями. Согласно принципу дисконтинуитета, закрытие легислатуры и сессии вело к тому, что все законопроекты, не превратившиеся до этого момента в законы, падали, что предполагало при открытии новой легислатуры или сессии их новое внесение в парламент. На Западе, кроме Бельгии, вопрос о дисконтинуитете и континуитете решался законодательной практикой, причем дисконтинуитет между легислатурами и сессиями наблюдался в Австрии, Англии, Германской империи и ее государствах, Дании, Италии и Швеции; континуитет – в Бельгии, Голландии, Испании, США и Франции. Кроме того, почти все конституции или указы содержали норму, согласно которой законопроект, инициированный какой-либо палатой и отвергнутый в данную сессию, не мог быть инициирован вторично в ту же сессию. Впрочем, это правило не распространялось на правительственные законопроекты, например во Франции, где после неодобрения Палатой депутатов «проекта закона», т.е. правительственного законопроекта, кабинет имел право внести его снова в ту же сессию через 3 месяца¹⁴⁵.

В Основных законах 1906 г. и примыкавших к ним актах вопрос о дисконтинуитете и континуитете легислатур не затрагивался непосредственно, однако принцип дисконтинуитета легислатур подразумевался хартией 1906 г. и проводился на практике, существенно ограничивая законодательную власть императора, который не мог

¹⁴⁴ Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова. С. 592; *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. С. 252–253.

¹⁴⁵ *Сатурин Д.* Указ. соч. С. 154; *Шейнис Л.* Указ. соч. С. 78, 79; *Лазаревский Н.И.* 1) Значение закрытия сессии или окончания легислатуры для судьбы законопроектов, принятых палатами // *Право*. 1907. № 48. Стб. 3067; 2) Лекции по русскому государственному праву. С. 349, 421; *Корф С.А.* Влияние роспуска палаты на правовое значение принятых ею законопроектов // *Право*. 1909. № 14. Стб. 862–863; *Ковалевский М.М.* Преемственность или прерывность законодательных работ // *Юридический вестник*. 1913. Кн. 1. С. 77; *Илберт К.* Указ. соч. С. 59; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 342, 342–343. См. также: *Гримм Д.Д.* К вопросу о преемственности законодательных работ // *Право*. 1912. № 49, 50; *Болдырь А.В.* Преемственность законодательных работ разных легислатур как вопрос политический // *Там же*. 1913. № 16; *Покровский П.А.* О преемственности работ законодательных учреждений и об ее логическом пределе // *Там же*. № 38.

утвердить законопроекты, принятые распущенными палатами. Впрочем, 28 ноября 1912 г. Государственный совет признал принцип континуитета между легислатурами, однако 21 января 1913 IV Дума не согласилась с верхней палатой. Что касается дисконтинуитета между сессиями, то российская практика его отвергала, что подразумевала и статья 112 Основных законов, которая исключала возможность повторного внесения в ту же сессию законопроекта, инициированного одной из палат и отвергнутого царем, и, наоборот, разрешала повторное внесение подобного законопроекта в случае высочайшего повеления, чем подчеркивалось, как и в остальных конституциях, доминирование в законодательном процессе монарха, точнее – правительства¹⁴⁶.

Превращение законопроекта в закон происходило после того, как законопроект получал одобрение каждой из палат и, затем, санкцию (утверждение) главы государства, который, в случае, если он являлся монархом, везде имел право абсолютного (безусловного) вето. Исключения из этой догмы конституционной доктрины составляли конституции Германской империи, где, формально, абсолютное вето принадлежало Бундесрату, а не императору, и Норвегии, чей король, как и президенты многих республик (в том числе США), пользовался правом суспенсивного (отлагательного) вето, хотя – примеры принятия законов Стрэттингом вопреки королевской воле были чрезвычайно редки. Кроме того, в Германии императору, который, как прусский король, пользовался в Бундесрате стабильным большинством голосов, абсолютное вето принадлежало фактически.

Германские государственоведы обосновывали мнение о том, что только санкция монарха превращала законопроекты в законы, поскольку народное представительство – лишь участник создания законопроекта. С другой стороны, оппоненты этого мнения справедливо полагали, что отсутствие у суверена права на изменение редакции закона, который он мог утвердить или отвергнуть исключительно целиком, составляло существеннейшее ограничение власти конституционных монархов¹⁴⁷. Абсолютным вето главы государств пользо-

¹⁴⁶ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. С. 354, 358; Гессен В.М. Понятие сессии в конституционном праве России // Право. 1911. № 17. Стб. 1009; Болдырь А.В. Указ. соч. С. 994; Корф С.А. Указ. соч. С. 80, 219; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 228.

¹⁴⁷ Лабанд П. Государственный строй Германской империи. Одесса, 1894; Мехелин Л. Указ. соч. С. 247, 248; Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. XIII; Резон, фон А.К. Об особенных правах выборных членов Государственного совета и членов Государственной думы // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 8. С. 67–68; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 61, 140; Устинов В.М. Указ. соч. С. 10; Жилин А.А. Указ. соч. С. 273; Давидович А.М. Указ. соч. С. 296; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 177, 196–197, 209–210, 222, 286; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 186, 187.

вались относительно редко. Так, австрийский император и бельгийский король не утвердили законопроекты, принятые обеими палатами, только по одному разу, соответственно – в 1876 и 1884 гг.

В Англии абсолютное вето королева применила в последний раз еще в 1707 г., однако здесь эквивалентом безусловного вето было обязательное получение кабинетом предварительного согласия монарха на внесение правительственного законопроекта в Палату общин, поскольку в случае несогласия суверена кабинет отказывался от осуществления запланированной меры (например – в 1844, 1866 и 1868 гг.). В Пруссии и других германских государствах за все время существования в них конституций их монархи вообще никогда не прибегали к абсолютному вето, однако это объяснялось не силой, а слабостью местных парламентов, которые, как, например, прусский Ландтаг, зависели через министров от короны, а потому негодные ей законопроекты, как правило, не получали депутатского большинства, а если и получали, то гарантированно проваливались верхними палатами с их наследственно-назначенным составом, еще более зависевшим от суверена. За весь конституционный период истории Италии ее король также ни разу не пользовался абсолютным вето по тем же самым причинам: если монарху было необходимо не довести законопроект до санкции, то он отсрочивал или закрывал сессию либо просто распускал парламент, делая недействительной в силу дисконтинuitета, начатую, но не доведенную до конца работу депутатов¹⁴⁸.

Статьи 9 и 24 Основных законов 1906 г., согласно конституционной традиции, предоставляли царю право абсолютного вето, причем статья 113 постановляла, что принятые обеими палатами законопроекты монарху должен был представлять председатель Государственного совета. Если народное представительство могло тянуть с одобрением любого законопроекта сколь угодно долго, то император обязывался немедленно либо в ближайшем будущем утвердить или отвергнуть каждый законопроект, одобренный Думой и Государственным советом. В 1906–1917 гг. Николай II воспользовался аб-

¹⁴⁸ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 102, 225, 295–296; Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 247; Гессен В.М. 1) Теория правового государства // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 185; 2) Основы конституционного права. С. 358, 426, 426–427; Ковалевский М.М. 1) Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 289; 2) История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 130; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 139; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 23, 38; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 19–20; Шейнис Л. Указ. соч. С. 78, 79; Энсон В. Английский парламент. С. 9, 243, 247, 266, 275, 277; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 142; Илберт К. Указ. соч. С. 60; Жилин А.А. Указ. соч. С. 274; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 280; 2) Конституционное государство. С. 133, 185, 186, 186–187, 187.

солютным вето только два раза – в 1909 и 1912 г.¹⁴⁹ Следовательно, к 1917 г. право вето превращалось в «уснувшее».

Во всех монархиях право обнародования закона принадлежало исключительно суверенам. Так, в Англии новый закон издавался по повелению короля (enacted by the King“s most excellent Majesty)¹⁵⁰. Уникальным исключением из этого правила стала статья 91 Основных законов: она предоставляла право на обнародование законов не царю, а Сенату, который, по статье 92, мог отказать в опубликовании закону, появившемуся в нарушение законодательного порядка. В результате в мае 1913 г. сенаторы отказали в публикации уже утвержденного Николаем II в порядке верховного управления нового Устава Военно-медицинской академии, подлежавшего, по их мнению, прохождению через палаты¹⁵¹. Таким образом, по крайней мере формально, в данном случае власть российского императора была ограничченнее, чем у всех остальных монархов.

Наряду с учредительным и общим законодательством народное представительство участвовало в осуществлении финансового законодательства, в области которого к началу XX в. права парламентов, независимо от их удельного веса в том или ином государстве, отличала крайняя ограниченность. Это наблюдалось и в Англии, и в Германской империи, и в Японии. Финансовое законодательство базировалось на бюджетном праве, главными принципами которого государственные юристы признавали годичность бюджета, специализацию его кредитов и утверждение бюджета в законодательном порядке¹⁵².

Бюджетное право Российской империи составляли статьи 13, 20, 21, 23, 96 и 114–119 Основных законов, 31 Учреждения Думы и 29, 53 и 69 Учреждения Государственного совета, а также правила 8 марта 1906 г. о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не

¹⁴⁹ Демин В.А. Государственная дума России. С. 49; Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова. С. 591–592.

¹⁵⁰ Энсон В. Указ. соч. С. 9, 266; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 143; Илберт К. Указ. соч. С. 53; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 228.

¹⁵¹ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 228–229; Куликов С.В. Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии. С. 217.

¹⁵² Бэджгот В. Указ. соч. С. 197; Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. XIII; Орландо В.Э. Указ. соч. С. 139–148; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 271, 275; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 439; Жилин А.А. Указ. соч. С. 333; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 295; 2) Юридические предпосылки. С. 253. См. также: Еллинек Г. Бюджетное право. Ростов-на-Дону, 1906; Стурм (Штурм) Р. Бюджет. СПб., 1907; Яснопольский Л.Н. Соотношение между нижней и верхней палатами в области бюджета // Право. 1909. № 37; Шингарев А.И. Бюджетные права законодательных установлений и их работа в области бюджета. СПб., 1910; Алексеев А.А. 1) Финансовые полномочия английского парламента // Журнал Министерства юстиции. 1914. Январь-февраль; 2) Бюджетное право французского парламента // Там же. 1915. Сентябрь-октябрь.

предусмотренных. Согласно этим актам, ограничение финансовой компетенции касалось не только палат, но и монарха, который в силу статей 114–119 Основных законов и правил 8 марта 1906 г. не мог единолично распоряжаться государственными расходами, поскольку это специально не предоставлялось ему в определенных случаях Основными законами (статьи 115 и 117–119). Финансовая компетенция Думы полностью соответствовала конституционному праву и была столь широка, что позволяла нижней палате влиять не только на собственно законодательную, но и, косвенно, на административную деятельность кабинета, заставляя министров соотноситься с точкой зрения народного представительства. В легислатуру III Думы правительство, официально протестовавшее против изменения правил 8 марта, фактически отказалось от их буквального исполнения, идя навстречу нижней палате¹⁵³.

Принцип голичности бюджета, подразумевавший ежегодное вотирование росписи доходов и расходов народным представительством, декларировали конституции почти всех стран, за исключением Франции, чьи конституционные законы 1875 г. вообще умалчивали о вотировании бюджета парламентом, и тех государств Германской империи, в которых бюджет вотировался палатами на два (3 государства), три (8) и даже четыре (одно государство) года. Далее, многие конституции декларировали принцип годичности лишь формально, поскольку фактически ежегодному вотированию парламентами в странах с такими конституциями подлежала только часть бюджета – временные (подвижные) доходы и расходы. Основанные на принятых ранее законах постоянные (неподвижные) доходы (налоги, поступления от государственных имуществ) и расходы (платежи по государственному долгу и контрактам, содержание армии, флота и гражданской администрации) под ежегодное вотирование не попадали, пока не изменялся или не отменялся соответствующий закон. Лишь во Франции, в отличие от большинства европейских государств, прямые налоги вотировались ежегодно.

Во всех монархиях, кроме Норвегии, к числу постоянных расхо-

¹⁵³ Яснопольский Л.Н. К характеристике нашего бюджетного права // Право. 1909. № 1. Стб. 17; Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве. Ее основы, роль и современное положение. Харьков, 1910. С. 286; Палиенко Н.Н. Указ. соч. С. 56; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 333; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. С. 219. См. также: Струве П.Б. К вопросу о нашем бюджетном праве // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. Вып. 1; Фридман М.И. Наше законодательство о бюджете // Там же: Яшунский И.В. Права Думы и Государственного совета по отношению к бюджету // Право. 1908. № 28; Шингарев А.И. 1) Вопросы государственного хозяйства и бюджет в Третьей думе // Русская мысль. 1908. Кн. X; 2) Бюджетные права Государственной думы // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1910. № 4–5.

дов, зачастую не подлежавших контролю административных и законодательных органов (как в Англии), относились ассигнования по цивиль-листу, т.е. государственное обеспечение монарха и его Двора. Цивиль-лист определялся: в начале правления суверена на все его царствование (большинство монархий, прежде всего – Англия и Бельгия), особым постоянно действующим законом (государства Германской империи, в том числе Пруссия, и Япония), на определенный период (10 лет) (Греция) и только в Норвегии – ежегодно. В Англии, в этом смысле – послужившей образцом для прочих государств, постоянные доходы и расходы образовывали еще с XVIII в. «консолидированный фонд» (Consolidated Fund) и к началу XX столетия составляли 3/4 и 1/4 бюджета (по другим данным – 50 и 16 %), в результате чего его подвижная часть, ежегодно вотировавшаяся парламентом, равнялась лишь 1/5–1/7, а финансовая компетенция народного представительства была чисто номинальной.

Практика разделения бюджета на постоянный и временный нашла применение в Бельгии, Голландии, Германской империи, Пруссии, Швеции, Японии. Вне ежегодного вотирования палатами находились расходы на содержание воинского контингента в Англии (относительно Индии), Португалии, Пруссии, Норвегии, Японии. Сокращению финансовой компетенции народного представительства способствовало и фиксирование подобных расходов в Австрии (с 1868 г.) на 10 лет и в Германской империи (с 1874 г., для личного состава флота – с 1898) – на 7 («септеннат»), дополнявшееся в Австрии проведением военного бюджета в порядке чрезвычайно-указного права. Кроме того, в Пруссии расходы на сооружения, эксплуатация которых вызывала увеличение доходов казны (железные дороги, каналы и т.д.), в бюджет не вносились, поскольку испрашивались министром финансов у парламента в течение последующего года и покрывались разрешавшимися палатами займами, чьи условия и время, однако, определялись упомянутым министром¹⁵⁴. Оче-

¹⁵⁴ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 158, 169, 170, 223, 230, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 266; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 50; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 84–85; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 201, 143; Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии. С. 120; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 19, 28; Мехелин Л. Указ. соч. С. 239; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 85, 87, 89; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 281; Энсон В. 1) Английский парламент. С. 254, 255, 268; 2) Английская корона. С. 363, 375, 381; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 275; Лазаревский Н.И. 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 195, 438, 440, 444; 2) Русское конституционное право. С. 209–210; Устинов В.М. Указ. соч. С. 68; Жилин А.А. Указ. соч. С. 272, 331–332, 332, 332–333, 333; Гессен В.М. Указ. соч. С. 417; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 150, 151, 152, 295, 335; 2) Конституционное государство. С. 138, 139; 3) Юридические предпосылки. С. 253, 261.

видно, что в крупных европейских государствах ежегодное вотирование парламентами бюджета на практике получало не абсолютное, а относительное воплощение.

В России принцип годичности бюджета содержался в статье 1 правил 8 марта 1906 г., однако, как и в других странах, статьи 5, 6, 7 и 9 правил 8 марта учреждали аналог «консолидированного фонда», часть бюджета, бронированную от обсуждения Думы и Государственного совета и состоявшую из расходов 1) на Министерство Императорского двора (цивиль-лист), зафиксированных на уровне 1906 г. (16.400.000 руб. – 1 % бюджета 1907 г., 0,5 % бюджета 1915), 2) на Собственную его величества канцелярию и Канцелярию по принятию прошений (800.000 и 500.000 руб. – сотые доли % бюджета 1915 г.), 3) на «экстренные в течение года надобности», не предусмотренные бюджетом и также зафиксированные на уровне 1906 г. (10-миллионный фонд), 4) на платежи по государственным долгам и другим обязательствам и 5) сверх того из доходов и расходов, основанных на действовавших законах или высочайших повелениях, последовавших в порядке верховного управления («легальные титулы»). Впрочем, статьи 6 и 9, в отличие от статей 5 и 7, не попали в Основные законы 1906 г. и, следовательно, могли изменяться или отменяться по инициативе палат, но самое главное – в России бронированная часть бюджета была вполне сопоставима с зарубежными аналогами и, во всяком случае, меньше, чем в Англии, составляя (на 1908 г.) не более 40 %. Только в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) в бюджет не включались 80 % расходов, поскольку, по статье 117 Основных законов, чрезвычайные кредиты «на потребности военного времени» открывались в порядке верховного управления. Статья 10 правил 8 марта, предоставляла Думе, как и парламентам остальных стран, неограниченное право на уменьшение бронированной части в законодательном порядке, что существенно ослабляло позиции правительства. В мирное время расходы на русские армию и флот, не в пример Австрии или Германии, вотировались ежегодно, а не на определенный длительный период. Расширению финансовой компетенции Думы содействовало и то, что, согласно статье 119 Основных законов, расходы на содержание воинского контингента подлежали ежегодному вотированию палат, и только в случае опоздания с утверждением ими численности контингента император имел ограниченное право призвать «необходимое число людей, не свыше, однако, назначенного в предшествующем году», однако практического значения эта статья не приобрела¹⁵⁵. Сле-

¹⁵⁵ Яснопольский Л. К характеристике нашего бюджетного права. Кредиты, изъятые от обсуждения палат // Право. 1909. № 8. Стб. 485; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. С. 447; Устинов В.М. Указ. соч. С. 68; Савич Н.В.

довательно, и здесь полномочия царя фактически были намного уже полномочий других монархов и, соответственно, права Думы – шире, чем права других парламентов.

Осуществление принципа специализации кредитов отличало крайнее разнообразие и образовывало довольно широкую амплитуду колебаний: от 1650 расходных глав (параграфов) в Пруссии до 250 – в Англии, однако во всех государствах допускалось отступление от этого принципа в виде перенесения ассигнования, но строго в рамках подразделения бюджета, из одной статьи в другую, что, например, делалось в той же Англии относительно расходов на армию и флот, во Франции же – всех остальных расходов. Более того, во французский бюджет ежегодно вводились несколько параграфов, цель которых определялась в течение бюджетного года декретами президента, изданными им по соглашению с Советом министров¹⁵⁶.

Статья 4 Правил 8 марта 1906 г., подразумевающая специализацию кредитов, делила доходную часть бюджета на параграфы, расходную – на номера (главные подразделения), причем доходная часть делилась на 41 параграф, расходная – на 431 номер. Хотя в России специализация кредитов получила реализацию в меньшей степени, чем во многих государствах Западной Европы (но в большей, чем в Англии), права народного представительства от этого не уменьшались, поскольку с молчаливого согласия правительства уже III Дума приобрела фактическое право на изменение классификации доходных и расходных статей бюджета в ходе его обсуждения палатами¹⁵⁷.

Переходя к принципу утверждения бюджета в законодательном порядке, необходимо прежде всего подчеркнуть, что в области бюджетной инициативы, как и в случае с законодательной инициативой вообще, почти во всех государствах правительство (монарх, или президент, и министры) безусловно доминировало над народным представительством, образцом чему послужила Англия, где еще в 1706 г. Палата общин полностью отказалась от инициирования бюджета (в том числе всех новых налогов) в пользу короны, которая в данном случае реализовывала прерогативу через кабинет. На континенте лишение палат бюджетной инициативы устанавливалось конституци-

Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 34; *Демин В.А.* 1) Государственная дума России. С. 59; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 111; *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки. С. 252, 257, 258; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 233–234; *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 219.

¹⁵⁶ *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 31; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 440–441, 441; *Илберт К.* Указ. соч. С. 80; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 333.

¹⁵⁷ *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 447; *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX в. М., 2000. С. 220.

ями (Греция) или практикой (Пруссия, Франция)¹⁵⁸. В России доминирование правительства над палатами при инициировании бюджета существовало фактически.

В подавляющем большинстве государств обсуждение бюджета происходило на основе приоритета нижней палаты по отношению к верхней, иными словами – проект бюджета правительство вносило вначале в нижнюю палату, откуда он поступал в верхнюю. В Австрии и Швеции подобный приоритет отсутствовал, между тем как в Англии с 1911 г. бюджет обсуждался только Палатой общин. Последнее обстоятельство не означало, что полномочия английского парламента при обсуждении бюджета были больше, чем при его инициировании, наоборот – и на данной стадии Палата общин полностью зависела от короны и кабинета, точнее – канцлера казначейства, обладавшего властью, которая превосходила власть министра финансов не только в монархии, но и в республике. Действительно, парламентский Комитет по рассмотрению бюджета не имел права на увеличение запланированных ассигнований и на изменение их цели, довольствуясь только критикой системы расходования казенных средств, а потому проект бюджета обыкновенно утверждался Палатой общин именно в том виде, в каком он вносился правительством¹⁵⁹.

Народное представительство в Германской империи и во входивших в нее государствах на стадии обсуждения бюджета являлось еще более бесправным, чем в Англии, поскольку передача проекта бюджета в комиссию Рейхстага признавалась необязательной, вследствие чего проект одобрялся депутатами почти без изменений. В Пруссии Ландтаг должен был успеть рассмотреть бюджет за 39 дней и, в результате, как правило, он проходил вообще без изменений. В некоторых германских монархиях Ландтаг мог понижать расходы обсуждавшегося бюджета сравнительно с предыдущим, но только с разрешения правительства¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Беджгот В. Указ. соч. С. 197; Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 247; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 78, 197, 225; Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 45; 2) Государство и роль министров во Франции. С. 106, 115; Энсон В. Английский парламент. С. 248, 250, 251; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 217; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 255, 438, 439; Илберт К. Указ. соч. С. 71–72, 93; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 295; 2) Конституционное государство. С. 139, 166; 3) Юридические предпосылки. С. 252.

¹⁵⁹ Беджгот В. Указ. соч. С. 197, 199; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 78; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 106; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 439; Илберт К. Указ. соч. С. 78, 79, 80, 87, 93; Устинов В.М. Указ. соч. С. 44, 45; Жилин А.А. Указ. соч. С. 329; Гессен В.М. Указ. соч. С. 369.

¹⁶⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 170, 197, 237; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 82–83; Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 120; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 44.

С другой стороны, в некоторых государствах Западной Европы народному представительству предоставлялось довольно широкое право на изменение проекта бюджета. В частности, в Италии правительство редко оспаривало решения соответствующей комиссии Палаты депутатов и часто шло на соглашение с нею. Во Франции законы и обычаи ни в чем не ограничивали право нижней палаты на изменение проекта бюджета, так что проект сильно изменялся вначале в парламентской Финансовой комиссии, а затем – в Палате депутатов, откуда поступал в Сенат (одобрявший все предыдущие изменения), являясь едва ли не полной противоположностью тому, что вносил кабинет, последствием чего, по наблюдениям Л. Дюприе, было «страшное расточительство государственных финансов».

Однако и в Италии, и во Франции министр финансов, внося законопроект об изменении или создании новых косвенных налогов, одновременно делал распоряжение о немедленном собирании этих налогов (*il catenaccio*), т.е. не имея одобрения нижних палат и ставя их перед совершившимся фактом¹⁶¹. Если верхняя палата (как в Австрии) имела большое влияние при обсуждении бюджета, то в случае ее разногласия с нижней палатой относительно статей доходов или расходов либо численности воинского контингента, принятой считалась меньшая из вотированных цифр¹⁶².

Статьи 110 Основных законов 1906 г. и 2 Правил 8 марта, соответствуя конституционной теории и практике, в области обсуждения бюджета устанавливали приоритет Думы по отношению к Государственному совету, хотя формально, по статье 1 Правил, проект бюджета вносился в обе палаты одновременно 1 октября, причем сметы отдельных министерств и их подразделений вносились начиная с 1 и заканчивая 25 сентября. Более того, статья 3 Правил 8 марта нормативно закрепляла за палатами право на образование особых комиссий, а за последними – право на «предварительное ознакомление» до открытия сессии с отдельными сметами и с проектом бюджета, причем рассмотрение Думой проекта, согласно статье 11 Правил, должно было заканчиваться к 1 декабря. Таким образом, Бюджетная комиссия и общее собрание нижней палаты имели для обсуждения сметных вопросов 3 месяца (90 дней), т.е. срок, замет-

¹⁶¹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 140; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 105, 106, 111, 113, 115, 161; Стурм Р. Указ. соч. С. 50; Шейнис Л. Указ. соч. С. 85; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 249; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 439; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 255.

¹⁶² Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 304; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 144; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 400; Гессен В.М. Указ. соч. С. 374; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 335.

но превышавший средний срок, отпускаясь для этого другим парламентам.

Особый журнал Совета министров 9 июня 1909 г., утвержденный Николаем II 31 июля, еще более гарантировал установленный порядок, постановив, чтобы междуведомственные совещания по рассмотрению бюджета заканчивали свою работу в период от 1 до 25 августа. Кроме того, отныне в объяснительных записках к сметам, по которым законодательными учреждениями были выражены пожелания сметного характера, надлежало приводить «точные, без всяких пропусков» перечни этих пожеланий по смете прошлого года и тех пожеланий по сметам прежних лет, которые ко времени представления последней сметы в палаты оставались невыполненными, «с объяснениями, в каком положении находится разработка возбужденных в пожеланиях вопросов». Тем самым подчеркивался высокий статус Бюджетной комиссии, куда, вспоминал С.И. Тимашев, «являлись как бы на экзамен, или скорее на суд, в последовательном порядке все ведомства, одно за другим», и и где «по поводу смет представителям ведомства ставились самые разнообразные вопросы по всем частям управления». Для депутата III и IV Дум Н.В. Савича, вспоминавшего про «большой моральный и политический вес Бюджетной комиссии», представлялась несомненной «громкая роль, сыгранная ею в думский период русской истории как в деле укрепления конституционного строя, так особенно в деле упорядочения целого ряда сторон государственного управления».

Как правило, обсуждение проекта бюджета Думой приводило к повышению доходов и сокращению расходов на несколько десятков миллионов рублей при среднем бюджете в 2.500.000.000 – 3.000.000.000 руб. и, следовательно, Дума изменяла бюджет более активно, чем парламенты Англии и Германской империи, отставая в этом смысле от нижних палат Италии и Франции. Государственный совет, подобно многим другим верхним палатам, лишь в единичных случаях изменял бюджет, одобренный Думой, хотя статья 12 правил 8 марта устанавливала механизм достижения обеими палатами согласия по статьям бюджета в виде особой комиссии, которая образовывалась на паритетных началах. Если ее деятельность оказывалась безрезультатной, то, по статье 13 Правил, вызвавший разномыслие кредит вносился в новый бюджет в прежнем размере либо, в случае принципиального согласия палат относительно увеличения или уменьшения кредита, он назначался в размере, ближайшем к размеру аналогичного кредита прошлогоднего бюджета.

Наиболее заметное применение статьи 13 имело место в связи с наблюдавшимся в 1908–1911 гг. сокращением Думой расходов на увеличение судов военного флота, вследствие чего Государственный

совет восстанавливал их в прошлогоднем размере¹⁶³. Очевидно, что все это существенно уменьшало объем императорской власти в бюджетном законодательстве и увеличивало полномочия Думы и Государственного совета.

Подавляющее большинство конституций предоставляли народному представительству право на принятие бюджета перед утверждением его главой государства, причем, согласно конституционной доктрине, палаты не могли отклонять бюджет целиком (*en bloc*). Однако в некоторых германских монархиях конституции все равно создавали специальные препоны в целях обеспечения невозможности подобного отклонения. Так, в одном из Ландтагов для провала бюджета требовалось квалифицированное большинство (2/3 голосов), а потому корона, вследствие состава Ландтага, проводила через него любые бюджеты¹⁶⁴. В истории европейского конституционализма случаи отклонения палатами бюджета целиком встречались неоднократно, что приводило к торжеству исполнительной власти и временному упразднению финансовой компетенции парламента. В 1862–1866 гг. правительство Пруссии собирало налоги и производило расходы без одобрения оппозиционной Палатой депутатов бюджета, ежегодно принимавшегося только Палатой господ, полностью послушной короне. В конфликте между монархом и народным представительством большинство немецких юристов поддержали короля, обосновав теорию, согласно которой он мог не считаться с волеизъявлением нижней палаты, подвергавшим опасности государственные интересы и посягавшим на полномочия исполнительной власти. В начале XX в. общепризнанное мнение о том, что в случае возникновения аналогичной ситуации прусское правительство не преминет опять управлять без утвержденного Палатой депутатов бюджета, вися над ней дамокловым мечом, фактически весьма суживало фи-

¹⁶³ Яшунский И.В. Права Думы и Государственного совета по отношению к бюджету // *Право*. 1908. № 28. Стб. 1554; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 445; Савич Н.В. Указ. соч. С. 34; Демин В.А. 1) Государственная дума России. С. 60; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 112; Особый журнал Совета министров 9 июня 1909 г. «О мерах к упорядочению составления смет на 1910 г.» // Особые журналы Совета министров. / 1909 год. М., 2000. С. 227–228, 229; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 259; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 255; Тимашев С.И. Указ. соч. С. 252. См. также: Яснопольский Л.Н. К характеристике нашего бюджетного права. Соотношение между нижней и верхней палатами в области бюджета // *Право*. 1909. № 41.

¹⁶⁴ Гессен В.М. 1) Теория правового государства // *Политический строй*. СПб., 1905. Т. 1. С. 181, 182; 2) Основы конституционного права. С. 417; 3) О правовом государстве. СПб., б.г. С. 37; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 240; Энсон В. Английская корона. С. 40; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 295; 2) Юридические предпосылки. С. 261.

нансовую компетенцию Ландтага, и без того крайне ограниченную: согласно конституции Пруссии, вотированием депутатами бюджет предопределялись только расходы, но не все – расходы на административный аппарат, как и взимание основанных на законах налогов, допускались и в случае непринятия бюджета¹⁶⁵.

В 1866–1894 гг. правительство Дании, по причине хронической оппозиционности Фолькетинга (нижней палаты), также вносило бюджет лишь на рассмотрение Ландстинга (верхней палаты)¹⁶⁶. В Италии в конце XIX в. король неоднократно вторгался в компетенцию Палаты депутатов, издавая декреты финансового свойства, а в январе-апреле 1895 г. с его согласия правительство, вообще распустив оппозиционную Палату депутатов, собирало налоги без парламентского вето, и если, в данном случае, конфликт между исполнительной и законодательной властью быстро закончился, то лишь потому, что новая Палата депутатов из-за правительственного давления на выборы полностью поддержала кабинет¹⁶⁷. Наконец, в 1902–1906 гг. император и правительство Австрии, вследствие перманентной обструкции, устраивавшейся оппозиционными фракциями Рейхсрата, проводили бюджет не в законодательном, а в чрезвычайно-указном порядке. Более того, если парламенты Австрии и Венгрии не приходили к согласию относительно своих долей в общеимперском бюджете, они устанавливались не их Делегациями (аналог верхней палаты), а единолично монархом, впрочем – на один год¹⁶⁸.

Чаще всего, однако, правительство управляло без бюджета, одобренного народным представительством, не в результате конфликта с ним, а по чисто технической причине – запаздывания парламента с окончанием рассмотрения проекта бюджета, который из-за этого принимался палатами не к началу финансового года (такого рода запаздывания в Пруссии, за 1897–1904 гг., возникали 5 раз, во Франции – постоянно), а по прошествии нескольких месяцев (в Англии – до 4). Во многих странах (государствах Германской империи, Дании, Испании, Румынии, Японии), если народное представительство не успевало или физически не могло, вследствие роспуска, обсудить новый

¹⁶⁵ Гессен В.М. Теория правового государства. С. 182; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 158, 197; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 86; Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. С. 21, 39, 40, 41, 43, 45; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 265; Жилин А.А. Указ. соч. С. 332; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 150; 2) Юридические предпосылки. С. 246.

¹⁶⁶ Линден Е. Указ. соч. С. 8, 21.

¹⁶⁷ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 136; Шейнис Л. Указ. соч. С. 80, 87.

¹⁶⁸ Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 88, 89, 90; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 145, 206; Звездич П. Австрия // Государственный строй. Т. 1. С. 31–32.

бюджет к положенному сроку, оставался в силе прошлогодний бюджет – в течение 4 месяцев (одна германская монархия), полугодом (большинство германских монархий), года (Испания, Румыния и 4 германских государства) и даже 3 лет (одно германское государство).

Почти везде непринятие палатами нового бюджета к положенному сроку влекло за собой применение института «предварительных 12-х долей», заключавшегося в отпуске правительству на каждый месяц безбюджетного управления по 1 / 12 части приблизительно вычисленного бюджета¹⁶⁹. Согласно конституционному праву, при наступлении чрезвычайной ситуации правительство с одобрения народного представительства имело право производить расходы, не предусмотренные бюджетом, а при перерыве в деятельности палат – открывать кредит на такие расходы посредством королевского указа (Пруссия) или президентского декрета (Франция) при условии последующего утверждения этого кредита парламентом. Конституции предоставляли народному представительству и разрешение государственных займов, однако установление их условий и времени заключения, в зависимости от целей займов (расходы на сооружения, эксплуатация которых увеличивала казенные доходы, в Пруссии) или обстоятельств их совершения (промежуток в деятельности законодательных учреждений во Франции) происходило, при отсутствии уполномочия министра финансов со стороны парламента, в порядке верховного управления, т.е. опять-таки королевскими указами или президентскими декретами¹⁷⁰.

Статьи 116 Основных законов и 14 правил 8 марта не предусматривали, согласно конституционной доктрине, отклонения Думой и Государственным советом всего бюджета, подразумевая, в случае их запаздывания с обсуждением росписи доходов и расходов, оставление в силе прошлогодней росписи с изменениями, обуславливавшимися исполнением законов, изданных после ее утверждения. До обнародования нового бюджета по решению Совета министров министерствам могли открываться, «постепенно» и «в размерах действительной потребности», по правилу «предварительных 12-х долей», ежемесячные кредиты, которые, однако, не должны были превышать 1 / 12 части общего итога расходов. Указанные статьи стали весьма актуальными,

¹⁶⁹ Гессен В.М. Указ. соч. С. 181; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 221, 227, 231, 237, 240; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 82–83, 86, 87; Стурм Р. Указ. соч. С. 266; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 444; Жилин А.А. Указ. соч. С. 334; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 262; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 137, 139.

¹⁷⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 31, 227; Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы. С. 84–85; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 229; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 448; Захаров Н.А. Указ. соч. С. 263.

поскольку, хотя финансовый год и начинался 1 января, обсуждение проекта росписи доходов и расходов в бюджетной комиссии Думы, вспоминал С.И. Тимашев, затягивалось до февраля, а в общем собрании нижней палаты – до мая и даже июня. В соответствии со статьями 15, 16 и 17 правил одобрением Думы и Государственного совета было обусловлено производство 1) условных кредитов, 2) расходов, не предусматривавшихся росписью (если только они не покрывались особым кредитом на подобные расходы и сбережениями в пределах ассигнований по главным подразделениям росписи) и 3) расходов, вызывавшихся чрезвычайными обстоятельствами: необходимостью быстрого расходования кредита и перерывом в деятельности народного представительства. В двух последних случаях представления о кредитах, открывавшихся по постановлению Совета министров, подлежали последующему внесению в Думу, кроме кредитов, расходование которых основывалось на соблюдении государственной тайны (до минования этого условия). За счет сбережений по сметам перераспределялись до 500.000 руб. в год, шедшие прежде всего на пособия чиновникам, однако в 1914 г., по требованию Думы, Совет министров запретил подобную практику. Согласно статьям 117 Основных законов и 18 правил 8 марта, в порядке верховного управления открывались только чрезвычайные сверхсметные кредиты предвоенного и военного периода. В соответствии же с особым журналом Совета министров, утвержденным Николаем II 7 декабря 1912 г., реализация упомянутых статей подразумевала открытие чрезвычайных кредитов предвоенного времени положениями правительства, одобренными царем, принимаемыми на основании представлений, вносимых в кабинет военным и морским министрами без сношения с министром финансов и государственным контролером и рассматриваемых кабинетом в день их внесения или на следующий день.

По статье 118 Основных законов, государственные займы разрешались исключительно в законодательном порядке, за исключением займов, заключавшихся в случае неутверждения палатами бюджета и накануне и в течение войны, причем время и условия совершения всех займов определялись в порядке верховного управления. Следовательно, в данной сфере бюджетного права полномочия Думы и Государственного совета, как и их реализация, вполне соответствовали конституционной теории и практике, тем более что царское правительство никогда не управляло на основании бюджета, не одобренного палатами, кроме бюджета 1907 г., который II Дума не успела принять из-за своего досрочного роспуска¹⁷¹. В этом смыс-

¹⁷¹ Шингарев А.И. Вопросы государственного хозяйства и бюджет в Третьей Думе. // Русская мысль. 1908. Кн. X. С. 86; Ландау Б.А. Отклонение бюджета по русскому праву. // Право. 1914. № 24. Стб. 1881; Демин В.А. 1) Государственная дума России.

ле Дума фактически имела больше полномочий, чем австрийский Рейхсрат или прусский Ландтаг.

Конституции предоставляли народному представительству контроль за исполнением бюджета, осуществлявшийся путем рассмотрения депутатами отчета Счетной палаты или аналогичных ей административных органов. Как в монархиях (Англия, Пруссия), так и в республиках (Франция) контроль парламентов в этой сфере был поставлен явно неудовлетворительно либо фактически вообще отсутствовал, из-за чего, к примеру, если прусский или французский министры финансов превышали кредиты без одобрения народного представительства, у последнего не существовало возможности привлечь этого министра к юридической ответственности¹⁷².

В соответствии со статьями 109 Основных законов и 31 Учреждения Думы, она имела право рассматривать отчет Государственного контроля по исполнению росписи доходов и расходов. Это право давало нижней палате реальные возможности для общего руководства правительственной деятельностью и высшего надзора за казенным хозяйством. Однако в действительности Дума пренебрегала такими уникальными возможностями, и рассмотрение ею отчета Государственного контроля было простой формальностью, тем более что впервые к рассмотрению отчета, причем еще за 1908 г., III Дума приступила только в 1912 г.¹⁷³

Во всех государствах компетенция народного представительства, по причине отмечавшейся государствами неопределенности границы между законодательной и исполнительной властями, распространялась не только на законодательную и финансовую сферы, но и, в известной степени, на область исполнительной власти, что предусматривало косвенное участие палат в управлении (административной деятельности)¹⁷⁴. В результате многие конституции устанавливали право парламента на принятие петиций, которые для их удовлетворения депутаты передавали министрам, однако в дей-

С. 79; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 110; *Кравец И.А.* Указ. соч. С. 230; *Захаров Н.А.* Указ. соч. С. 262, 263; Особый журнал Совета министров 25 октября 1912 г. «О новом порядке ассигнования чрезвычайных кредитов в подготовительный к войне период» // Особые журналы Совета министров. / 1912 год. М., 2004. С. 307–310; *Тимашев С.И.* Указ. соч. С. 252.

¹⁷² *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 31, 191–192; *Лоу С.* Указ. соч. С. 77–79; *Илберт К.* Указ. соч. С. 85.

¹⁷³ *Яшунский И.В.* Государственный контроль и Государственная дума // Право. 1913. № 11. Стб. 660; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 71; *Витте С.Ю.* Зальцшлирф (Германия). 14 июля 1912 г. // Из архива С.Ю.Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 460.

¹⁷⁴ *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 81; *Шалланд Л.А.* Указ. соч. С. 63; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 469–470; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 141.

ствительности использование этого права, признававшегося государствоведами второстепенным и даже несущественным, не оказывало (в частности – в Германской империи и Пруссии) заметного влияния на правительственную политику¹⁷⁵.

В Основных законах 1906 г. и Учреждениях Думы и Государственного совета не упоминалось о праве палат принимать петиции, однако фактически уже начиная с 1906 г. оно активно реализовывалось думами, получившими в I легислатуру до 14000 писем с разного рода просьбами, во II – 1.900.000, в I-ю сессию III – 747, в связи с чем в I–IV Думах функционировала комиссия для разбора адресуемой в нижнюю палату корреспонденции. Некоторые из писем председатели Думы, в частности М.В. Родзянко, предоставляли лично Николаю II исполнять содержащиеся в них просьбы даже если тем самым задевались интересы министров (например – внутренних дел)¹⁷⁶. На этих примерах хорошо видно, как думская практика восполняла пробелы в Основных законах.

Второстепенным и несущественным государствоведы признавали и право народного представительства на образование анкетных (следственных) комиссий, получивших особое развитие в парламентах Англии и Франции, хотя как в Англии, так и во Франции данное право не базировалось на законе, а потому, в зависимости от конкретной политической конъюнктуры, трактовалось не только широко, но и узко. Кроме того, в Англии с парламентскими комиссиями, не заседавшими при перерыве в деятельности Палаты общин, активно конкурировали королевские комиссии и комитеты департаментов (внутриведомственные комиссии), формировавшиеся, соответственно, монархом и министрами, причем если затрагивались политические вопросы, сами депутаты предпочитали парламентской комиссии королевскую или министерскую. В остальных государствах роль парламентских комиссий, в смысле контроля палат над министрами, была незначительной, поскольку комиссии могли обращаться исключительно к министрам и лишь от них получать необходимые документы. Более того, в некоторых государствах (Пруссия) образование депутатами следственных комиссий правительство всегда оспаривало и, насколько возможно, парализовало¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 122; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 31; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 266–267.

¹⁷⁶ Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 59; Демин В.А. Государственная дума России. С. 73, 110; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 266–267.

¹⁷⁷ Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 31, 48; 2) Государство и роль министров во Франции. С. 123; Илберт К. Указ. соч. С. 90, 91; Жилин А.А. Указ. соч. С. 379, 380; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 266–267.

Основные законы и Учреждения Думы и Государственного совета не упоминали и о праве народного представительства на создание следственных комиссий, однако само право на расследование депутатами деятельности представителей исполнительной власти было приурочено к депутатским запросам, адресовавшимся министрам относительно незаконных действий их и подчиненных им лиц и учреждений. Кроме того, уже I Дума, вопреки Основным законам, образовала следственную комиссию. Что касается Дум последующих созывов (III и IV), то их стремление к образованию таких комиссий власть удовлетворяла посредством создания, как в Англии, правительственных комиссий, в состав которых царь назначал членов обеих палат.

После возбуждения III Думой в апреле 1908 г. вопроса об образовании парламентской комиссии для обследования казенных и частных железных дорог, 21 сентября того же года Николай II учредил Особую высшую комиссию для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Комиссия, председателем которой являлся назначенный член Государственного совета генерал Н.П. Петров, функционировала до 1913 г. и оказала большое влияние на железнодорожную политику правительства. Идя навстречу пожеланиям III Думы, 14 августа 1910 г. Николай II повелел назначенным членам верхней палаты генералам А.Ф. Редигеру и П.Ф. Рербергу и М.Д. Дмитриеву обследовать деятельность Главного управления кораблестроения и снабжений Морского министерства и представить свои заключения монарху. В декабре ревизорам дали показания 12 думцев, от крайне правых до кадетов, после чего 29 января 1911 г. доклад о результатах ревизии П.Ф. Рерберг представил монарху. На основании выводов доклада был составлен императорский рескрипт, данный 28 февраля морскому министру адмиралу С.А. Воеводскому и содержащий программу реформы Морского ведомства, осуществлявшейся впоследствии. Учитывая мнение большинства IV Думы, 1 августа 1915 г. царь учредил Верховную комиссию под председательством Н.П. Петрова для расследования несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, которая инициировала дело бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова¹⁷⁸. Все эти комиссии оказались более эффектив-

¹⁷⁸ Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 101; Шацлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 165–166, 182–192; Особый журнал Совета министров 16 сентября «Об учреждении Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России» // Особые журналы Совета министров. 1908 г. М., 1988. С. 710–718; Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 312–331; Котляревский С.А. Указ. соч. С. 266–267; Куликов С.В. 1) Бюрократическая элита Российской империи. С. 130; 2) Государственная дума Российской

ными, чем чисто думские, поскольку в них представители законодательной и исполнительной власти действовали в тесном контакте, чего часто не наблюдалось в парламентских комиссиях на Западе.

Большее значение имело право народного представительства (точнее – отдельных депутатов или их групп) на запросы министрам, разделявшиеся государствоведами на вопросы и собственно запросы (интерпелляции), похожие по форме, но различные по содержанию. Простой вопрос задавался министру с его согласия и, преследуя цель информирования депутатского корпуса, не носил политического характера. Между тем интерпелляция инициировалась без учета мнения министра и кабинета в целом и предопределяла политические последствия, поскольку являлась основанием для парламентских дебатов, заканчивавшихся принятием резолюции по поводу объяснений правительства в форме мотивированного «перехода к порядку дня» или «к очередным делам», содержавшего одобрение или неодобрение политики кабинета. Право запросов конституции большинства государств оговаривали особо. В Германской империи, Японии и ряде других стран запросы, хотя и не упоминались конституциями, но культивировались на практике, между тем в США и копировавших их устройство американских республиках запросы вообще не практиковались.

Из европейских монархий только парламент Англии с 1882 г. почти не пользовался интерпелляциями и задавал одни простые вопросы, которые министр имел полное право удостоить любого ответа либо проигнорировать, сославшись на государственные интересы. Столь очевидное ограничение компетенции парламента проистекало из обоснованного англо-саксонскими государствоведами мнения о бесполезности и даже вредности интерпелляции для нормального функционирования народного представительства при любой форме правления. Долгое время английской традиции следовала Бельгия, где только с 1897 г. запросы стали разделяться на вопросы и интерпелляции¹⁷⁹. В Германской империи право на запросы (в виде как

империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907–1917) // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.): в 2-х т. СПб., 2004. Т. 2. С. 9; 3) Николай II и парламентаризм. С. 42.

¹⁷⁹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 79, 80, 83; Дюприе Л. Государство и роль канцлера в Германии. С. 122; Энсон В. Английский парламент. С. 231; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 219, 246; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 470, 470–471; Илберт К. Указ. соч. С. 89; Устинов В.М. Указ. соч. С. 73; Жилин А.А. Указ. соч. С. 378, 379; Котляревский С.А. 1) Конституционное государство. С. 143; 2) Юридические предпосылки. С. 267, 268. См. также: Набоков В.Д. Право интерпелляции // Труды Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1910. Т. 3; Розеггер Г.Л. Право интерпелляций в парламентах. Сравнительно-юридическое и политическое исследование. СПб.:М., 1911.

вопросов, так и интерпелляций, нуждавшихся в поддержке не менее 30 депутатов) реализовывалось на основании не конституции, а Устава Рейхстага, интерпелляции которого хотя и распространялись не только на незаконные, но и на нецелесообразные действия правительства, оказывали на его политику незначительное влияние, поскольку не имели какой-либо существенной санкции. Еще более призрачным являлось право запросов в Пруссии, где ответ министра на вопрос обуславливался не законом, но лишь его желанием, выражение же вотумов доверия или недоверия при интерпелляциях не практиковалось из-за осознания депутатами бесполезности таких вотумов, а потому запросы Ландтага также почти не оказывали влияния на правительственную политику. Похожая ситуация наблюдалась и в других германских монархиях¹⁸⁰. Если иметь в виду крупные европейские государства, то сравнительно большое развитие как вопросы, так и интерпелляции получили только в Италии и Франции, причем и в той, и в другой вопросы, с точки зрения количества, явно уступали интерпелляциям, лидером по которым являлась Италия (1889 г. – 192 интерпелляции, в 1890 – 222 и т.д.). Но и французские депутаты интерпеллировали кабинет по любому, даже самому ничтожному поводу, постоянно угрожая министерскими кризисами и доводя Францию, по наблюдениям Л. Дюприе, до «парламентской анархии»¹⁸¹.

В России право запросов устанавливали статьи 108 Основных законов и 33, 40, 41, 58–60 и 36, 37, 44, 57–59 Учреждений Думы и Государственного совета, позволявшие как задавать вопросы министрам (статьи 40, 41 и 36, 37 Учреждений), так и инициировать интерпелляции (статьи 108 Основных законов, 33, 58–60 и 44, 57–59 Учреждений). На вопросы, которые должны были непосредственно касаться рассматривавшихся палатами дел, министры или уполномоченные ими чиновники (заместители министров, директора департаментов и т.д.) могли не отвечать, если вопросы затрагивали предметы, не подлежащие оглашению «по соображениям государственного порядка». В действительности право вопроса думцы трактовали расширительно, распространяя его не только на дела, рассматривавшиеся ими в данный момент, но и на все вообще дела, входившие в компетенцию народного представительства. Адресатами интерпеллирования являлись министры и прочие начальники ведомств, подот-

¹⁸⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 171, 198, 225; Дюприе Л. 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 111, 122, 123; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 31, 47; Котляревский С.А. Юридические предпосылки. С. 268.

¹⁸¹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 79; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 120, 121, 161; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 240; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 143.

четные по закону Сенату, тогда, когда действия их и подчиненных им лиц и учреждений представлялись незакономерными.

На практике Дума расширяла свою компетенцию с молчаливого согласия правительства и интерpellировала не только по поводу незакономерности, но и нецелесообразности действий как обыкновенных министров, так и, вопреки закону, председателя Совета министров, Сенату не подотчетного. Интерpellация получала ход, если ее инициировали не менее 30 депутатов, и подразумевала предоставление министру месячного срока для ответа либо сообщения о причинах невозможности ответа. В реальности, когда запрос вызывал общественный интерес, министры не выжидали окончания месяца и даже иногда отвечали до формального принятия запроса нижней палатой. В соответствии с особым журналом 30 мая 1913 г. Совет министров подтвердил уже сложившуюся думскую практику, что объяснения министров и заменявших их лиц по запросам должны производиться только в устной, а не письменной форме. В I Думу депутаты внесли 391 заявление о запросах, из которых были предъявлены 222, министры ответили на 58 запросов. Вопросы правительству перводумцы не задавали вообще. Во II Думу внесли 36 заявлений о запросах и одно заявление о вопросе, из них по 11 предъявили запросы, из которых министры ответили на 7. В III Думу были внесены 157 заявлений о запросах и 42 – о вопросах, из них предъявили запросы по 60, задали вопросы – по 16, министры ответили на 54 запроса и 14 вопросов.

Очевидно, по степени интенсивности предъявления запросов и задавания вопросов Дума опережала многие европейские парламенты, отставая от Италии и Франции. Насколько активно предъявляла запросы Дума, настолько пассивно относился к имевшемуся у него праву Государственный совет: 1906–1917 гг. в него внесли только 3 заявления о запросах, из них 2 предъявили министрам, которые ответили на оба. Чуть больше члены верхней палаты задали вопросов – 5, из них ответ получили 4. Санкцией интерpellации было право Думы при признании большинством 2/3 ее депутатов ответа министра неудовлетворительным доложить об этом императору через председателя Государственного совета, но за 1906–1917 гг. обе палаты указанным правом ни разу не воспользовались. Несмотря на это, реализация думцами права запросов имела огромное политическое значение, способствуя увеличению фактической компетенции народного представительства¹⁸². Развитие запросного права напрямую вело к большей зависимости исполнительной власти от законодательной.

¹⁸² Алексеев А.А. Указ. соч. С. 287; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 471; Корф С.А. Указ. соч. С. 311; Боголепов А.А. Дума, Земство и Сенат им- Записки русской

Следствием участия народного представительства в управлении был институт ответственности министров перед палатами, имевший, согласно конституционной доктрине, две разновидности: ответственность судебную (за незаконные действия) и политическую (за нецелесообразные действия)¹⁸³. Судебная ответственность министров отличалась от общей, присущей остальным должностным лицам, особой организацией: предание суду принадлежало нижней палате (Англия, Бельгия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания, Италия, Мексика, Норвегия, Португалия, США, Франция, Швеция), обеим палатам вместе (3 германских монархии) и по отдельности (Австрия, 2 германских государства – в том числе Пруссия, Румыния), ведение процесса – верхней палате (Англия, Венгрия, Испания, Италия, Португалия, Сербия, США, Франция), высшей судебной инстанции (Бельгия, Голландия, Германская империя и другие входившие в нее государства, в т.ч. Пруссия, Румыния, Швейцария), коллегии, состоявшей из членов верхней палаты и высшей инстанции (Дания, Норвегия) и специальному верховному суду (Австрия, Греция, Сербия, Швеция и 3 германских монархии). Некоторые страны, например Япония, вообще не знали института судебной ответственности министров перед чем (или кем) бы то ни было. Но даже в тех государствах, в которых этот институт упоминался в конституциях, он фактически не функционировал по причине отсутствия закона о судебной ответственности (Австро-Венгрия, Бельгия, Германская империя, Пруссия, Франция и большинство других государств) либо в случае существования соот-

академической группы в США. 1980. Т. 13. С. 19, 20; *Демин В.А.* 1) Государственная дума Рос-сии. С. 71–73, 75–78; 2) Верхняя палата Российской империи. С. 113–114; *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки. С. 266, 271; Особый журнал Совета министров 30 мая 1913 г. «По представлению военного министра от 2 мая 1913 г., за № 5826 (по Канцелярии Военного министерства), по вопросу о способе предъявления объяснений по принятым Государственной думою запросам» // Особые журналы Совета министров / 1913 год. М., 2005. С. 274–276; *Маклаков В.А.* 1) Первая Государственная дума. С. 204; 2) Вторая Государственная дума. С. 184; *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 64. См. также: *Ландау Г.А.* Запросы и вопросы в Государственной думе // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 6; *Неманов Л.М.* Право запросов в III Думе // Право. 1910. № 1; *Горановский М.А.* 1) Пределы власти Государственного совета и Государственной думы на предъявление запросов по Основным государственным законам. Гродно, 1912; 2) О праве Государственной думы предъявить запросы по делам Судебного ведомства. Гродно, 1913; *Соколов К.Н.* Манифест 17 октября и право запросов // Юридический вестник. 1915. Кн. 11 (3).

¹⁸³ *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб., 1909. С. 106; *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 245; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 372, 380. См. также: *Соколов К.Н.* Теория ответственности министров // Право. 1906. № 7; *Горенберг М.Б.* К вопросу о контрассигнатуре и ответственности министров // Право. 1907. № 44; *Жилин А.А.* 1) Ответственность министров. Очерки из теории, истории и практики этого института в конституционных странах. Киев, 1908; 2) Записка об ответственности министров. Пг., 1916.

ветствующего закона, просто из-за его игнорирования (Австрия, Голландия и 3 германских монархии).

Помимо того, что институт судебной ответственности повсеместно являлся не более, чем фикцией, его необходимость оспаривалась государствоведами и с принципиальной стороны: в судебной ответственности видели предпосылку неизбежного искажения правосудия политической борьбой, так как подобная ответственность ставила перед судом несудебные цели, и подрыва фундамента правового государства, принципа разделения властей, поскольку, с точки зрения этого принципа, законодательная власть не должна подменять собой власть судебную¹⁸⁴. Таким образом, при всей своей, на первый взгляд, бесспорности институт судебной ответственности министров перед народным представительством являлся самой спорной аксиомой конституционного права начала XX в.

По статье 124 Основных законов 1906 г. министры «за преступные по должности деяния» подлежали гражданской и уголовной ответственности «на основаниях, в законе определенных», иными словами – Дума формально не имела права предавать министров суду непосредственно, но статьи 87–95 Учреждения Государственного совета, определявшие порядок осуществления судебной ответственности высших должностных лиц, в том числе и министров, напрямую не запрещали Думе требовать суда над министрами, предание которых суду хотя и происходило с согласия царя, но ведение самого процесса принадлежало I Департаменту Государственного совета (состоявшему из членов по назначению) и Верховному уголовному суду, куда входили назначенные члены Государственного совета и сенаторы, т.е. фактически, как и в других странах, верхней палате и коллегии из членов верхней палаты и высшей судебной инстанции. Впрочем, в 1915–1916 гг. IV Дума право предания суду министров реализовала на практике, поскольку именно ее ходатайство принял во внимание Николай II, согласившись на судебное преследование бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова. В конце 1916 г. царь одобрил доклад министра внутренних дел А.Д. Протопопова о

¹⁸⁴ Гессен В.М. 1) Теория правового государства. С. 144, 179–180; 2) Основы конституционного права. С. 411; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 191, 296; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 205; Дюприе Л. 1) Государство и роль министров в Пруссии. С. 11, 31, 35, 46, 48; 2) Государство и роль канцлера в Германии. С. 82, 86; 3) Государство и роль министров во Франции. С. 124; Иоллос Г.Б. Указ. соч. С. 20, 39; Ковалевский М.М. Бельгийская конституция. С. 68; Стеклов Ю. Указ. соч. С. 228; Орландо В.Э. Указ. соч. С. 220–225; Энсон В. Указ. соч. С. 329; Жилин А.А. Указ. соч. С. 374, 374–375, 375, 377; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 77; 2) Конституционное государство. С. 180, 182, 183, 183–184; 3) Юридические предпосылки. С. 269, 270, 270–271.

введении путем издания особого манифеста судебной ответственности министров, которая могла, по его мнению, «развить существовавшую русскую конституцию». Не исключено, что упомянутым манифестом являлся указ «об ответственном кабинете», подписанный Николаем II, хранившийся в письменном столе министра юстиции и предложенный к обнародованию «на Пасху», т.е. 2 апреля 1917 г., однако этому помешала Февральская революция¹⁸⁵. Следовательно, в дореволюционной России, в отличие от остальных государств, судебная ответственность министров перед нижней палатой формально отсутствовала, но фактически существовала, особенно учитывая то обстоятельство, что даже в тех странах, где эта ответственность не только провозглашалась в конституции, но и регулировалась особым законом, она имела исключительный характер на бумаге.

Другой, более актуальной, разновидностью ответственности министров перед народным представительством являлась политическая ответственность (парламентаризм в узком смысле слова), распространявшаяся как на незакономерные, так и на нецелесообразные действия правительства¹⁸⁶. При парламентаризме кабинет, будучи как бы комиссией парламента, комплектовался из депутатов, являвшихся членами партии, победившей на выборах, а потому пользовался доверием не только большинства депутатов, но и граждан. Отсюда вытекало, что, в нарушение принципа разделения властей, кабинет, исполнительная власть, находился в зависимости от общественного мнения и народного представительства (чаще всего — нижней палаты), власти законодательной, и проводил программу партии, главенствовавшей на данный момент в парламенте и стране.

Существенной предпосылкой парламентарной системы считалось разделение общества и палат на две большие партии или хотя бы на две партийные коалиции в случае чрезмерного развития многопартийности. Санкцией политической ответственности правительства перед парламентом и представляемым им народом являлся вотум недоверия, выражавшийся большинством каждой из палат либо наиболее влиятельной из них (нижней палатой) как прямо, в резуль-

¹⁸⁵ *Протопопов А.Д.* Предсмертная записка // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 186, 187; *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания быв. начальника Петроградского охранного отделения. // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 281–282, 295.

¹⁸⁶ *Мижух П.Г.* Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб., 1906; *Алексеев А.А.* К учению о парламентаризме. СПб., 1908; *Соколов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912; *Болдырь А.В.* Ответственность министров и ответственное министерство // Русская мысль. 1915. Кн. 9.

тате принятия после прений по поводу интерпелляции мотивированной формулы перехода к очередным делам, так и косвенно, путем отвержения важного правительственного законопроекта. После этого кабинет мог подать в коллективную отставку или апеллировать к суду страны и, распустив народное представительство, постараться заручиться доверием общественного мнения и большинства нового парламента, однако в случае неудачи и в этом случае – выход в отставку проигравшего кабинета считался обязательным¹⁸⁷.

Парламентаризму противостоял дуализм (конституционализм в узком смысле слова), т.е. отсутствие политической ответственности правительства перед народным представительством, когда, вследствие строгого проведения принципа разделения властей, исполнительная и законодательная власти функционировали параллельно, независимо друг от друга. В конституционно-дуалистических государствах министры несли ответственность не перед парламентским большинством и общественным мнением, а перед главой государства (монархом или президентом), который, поэтому, формировал кабинет по собственному усмотрению, вручая министерские портфели преимущественно чиновникам, формально находившимся вне партий (в монархиях), либо своим однопартийцам (в республиках). Дуалистическое правительство проводило личные взгляды короля, президента или министра, главенствовавшего в кабинете, и было совершенно не обязано выходить в отставку в случае разногласий с парламентом и обществом, даже если они приобретали перманентный характер. Исход подобного конфликта (отставка одного или всех министров либо досрочный роспуск палат) зависел в монархиях только от воли суверена. Вместе с тем при дуализме народное представительство принимало решающее участие в законодательстве и в контроле над закономерностью действий министров, имея право задавать им вопросы, интерpellировать их и предавать судебной ответственности, а также обращаться, в связи с этим, непосредственно к главе государства. Необходимость отчета дуалистических министров перед палатами была предпосылкой косвенной ответ-

¹⁸⁷ *Виноградов П.Г.* Указ. соч. С. 249; *Кудрин Н.Е.* Указ. соч. С. 495, 542; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 49, 50; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 129; *Ковалевский М.М.* 1) Общее конституционное право. С. 214; 2) История монархии и монархических доктрин. Вып. 1. С. 101; *Алексеев А.А.* Министерская власть в конституционном государстве. Ее основы, роль и современное положение. Харьков, 1910. С. 128; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 8, 33, 242, 474, 475, 476; *Жилин А.А.* Указ. соч. С. 377, 380; *Гессен В.М.* Основы конституционного права. С. 412, 415–416, 418, 430; *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство. С. 287; 2) Конституционное государство. С. 141, 146, 156, 180; *Маклаков В.А.* 1) Первая Государственная дума. С. 85, 85–86; 2) Вторая Государственная дума. С. 98–99.

ственности правительства перед парламентом, так как подотчетная власть, по крайней мере фактически, всегда зависит от той власти, которой она обязана отчетом¹⁸⁸.

Парламентарная система управления даже к 1913 г., по самому авторитетному мнению К. Илберта, клерка (начальника Канцелярии) Палаты общин, существовала только в Англии, Бельгии, Голландии, Италии и Франции, т.е. в ничтожном меньшинстве монархий и одной республике, а также в британских «владениях» (Австралии, Канаде, Новой Зеландии, Ньюфаундленде и Южной Африке). Некоторые государствоведы, в основном политически ангажированные сторонники парламентаризма, добавляли в приведенный список такие страны, как Австрия, Болгария, Венгрия, Греция, Дания, Испания, Норвегия, Португалия, Румыния, Сербия, оговариваясь, однако, что в них политическая ответственность министров существует лишь «в теории» и функционирует «фальсифицированный» или «мнимый парламентаризм». Очевидно, что сомнительность этого дополнительного списка объяснялась не только, да и не столько, тем, что при парламентаризме были возможны переходные формы, сколько тем, что в перечисленных государствах он отличался чисто внешним характером, из-за чего фактически безответственные правительства, оказывая активное давление на выборы, получали ручной парламент. Более того, даже в странах с бесспорным парламентаризмом (Англии, Бельгии, Голландии, Италии и Франции) лишь в Англии и Бельгии его принципы получили аутентичное воплощение, между тем как в Голландии, Италии и Франции они подвергались известному искажению, поскольку в Англии и Бельгии, по мнению англосаксонских государствоведов, наличествовала главная предпосылка истинного парламентаризма – двухпартийная система и отсутствовали институты, несовместимые с ним, – широкое избирательное право, постоянные парламентские комиссии и (только в Англии) право запросов в форме интерпелляций¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Ковалевский М.М. Общее конституционное право. С. 348; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 128, 474; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 475; Устинов В.М. Указ. соч. С. 85; Жилин А.А. Указ. соч. С. 380, 381; Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 430–431; Гессен В.М. Указ. соч. С. 416.

¹⁸⁹ Беджгот В. Указ. соч. С. 43; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 5, 50, 83, 295–296, 333; Винардель-Ройч А. Указ. соч. С. 49; Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 139, 141, 175; Григорьев Д. Указ. соч. С. 278; Линден Е. Указ. соч. С. 8; Шейнис Л. Указ. соч. С. 86; Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 171, 248; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 244, 249, 250, 251; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 478; Илберт К. Указ. соч. С. 183, 188; Устинов В.М. Указ. соч. С. 85; Гессен В.М. Указ. соч. С. 436; Котляревский С.А. 1) Правовое государство. С. 158, 273, 283, 284, 285; 2) Конституционное государство. С. 141, 147, 167, 168, 170; Щербатов А.Г. Обновленная Россия // Щербатов А.Г. Обновленная Россия и другие работы. М., 2002. С. 31.

Магистральной дорогой мирового конституционализма начала XX в. был не парламентаризм, а дуализм, который, в более или менее чистой форме, существовал в Австрии, Австро-Венгрии, Болгарии, Германской империи и во всех ее государствах (в т.ч. Пруссии), в Греции, Дании, Испании, Норвегии, Португалии, Румынии, Сербии, США и американских республиках, копировавших их устройство, Черногории, Швейцарии, Швеции, Японии, а также в британских «колониях» (в отличие от «владений»)¹⁹⁰.

Сомнения по поводу существования в той или иной стране дуализма или парламентаризма объяснялись не только политической ангажированностью государствоведов, но и тем, что, по наблюдениям В.М. Гессена, «грань, которая отделяет дуалистическую форму от парламентарной далеко не так отчетлива и ясна, как это кажется с первого взгляда». В свою очередь, отмеченное обстоятельство предопределялось основной особенностью парламентарного режима, заключавшейся в том, что везде (кроме Австралии и Франции) ответственность правительства перед палатами возникала и функционировала на основании не писаной конституции, а обычного права, повторяющихся фактов, политической практики, государственной целесообразности, конвенциональных норм, конституционных этики и морали, наконец, истории конкретного парламента¹⁹¹. В остальном в каждой стране парламентаризм имел свою специфику. Так, в одном случае ответственность министров существовала не только перед нижней, но и перед верхней палатой – чисто номиналь-

¹⁹⁰ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 184, 191, 220, 255, 295–296, 353, 359, 372; *Водозовов В.В.* Государственное устройство Швейцарии // Политический строй. СПб., 1906. Т. 2. С. 121; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 139, 141; *Гамбаров Ю.С.* Указ. соч. С. X, XIII; *Гурвич И.* Указ. соч. С. 160; *Дюприе Л.* 1) Государство и роль канцлера в Германии. С. 115, 116; 2) Государство и роль министров в Пруссии. С. 46; *Шрейдер Д.И.* Указ. соч. С. 279; *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 128; *Лазаревский Н.И.* 1) Лекции по русскому государственному праву. С. 475, 478; 2) Русское конституционное право. С. 237–238; *Илберт К.* Указ. соч. С. 183, 188; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 436; *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство. С. 77; 2) Конституционное государство. С. 147, 156, 170, 172; 3) Юридические предпосылки. С. 274; *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 220; *Могунова М.А.* Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 83, 297.

¹⁹¹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 22; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 557; *Вышеславцев Б.П., Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 141; *Дюприе Л.* Государство и роль канцлера в Германии. С. 86; *Ковалевский М.М.* Бельгийская конституция. С. 67; *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. М., 1907. С. 28; *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 247, 252; *Лазаревский Н.И.* Указ. соч. С. 477; *Устинов В.М.* Указ. соч. С. 83; *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 434, 435, 436; *Котляревский С.А.* 1) Правовое государство. С. 263, 285; 2) Конституционное государство. С. 146, 147, 157, 161, 167; *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 219, 250; *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. С. 94–95, 205.

ная (Англия) либо достаточно реальная (Франция и, отчасти, Италия)¹⁹².

Парламентаризм не всегда обеспечивал политическую солидарность кабинета, поскольку только в Англии, где он существовал нелегально в полном смысле слова, и в Бельгии министры рекрутировались исключительно из представителей победившей партии, заседавших как в нижней палате (большинство министров), так и в верхней (меньшинство). В остальных парламентных государствах правительства были не однопартийными, а, во-первых, коалиционными, включая в себя депутатов левых и правых фракций (трансформизм в Италии) или членов обеих палат разных партий и министров-специалистов (военный и морской министры во Франции, где также премьером зачастую назначался сенатор), или, во-вторых, чисто бюрократическими (в Бельгии в 1852–1855 гг., когда депутатом являлся только один министр, и в Голландии, где парламентарии после получения министерского портфеля сразу же слагали свои депутатские полномочия, превращаясь в коронных чиновников). Очевидно, парламентский характер личного состава кабинета отнюдь не являлся необходимым признаком парламентского режима¹⁹³.

В конце XIX – начале XX в. причины выхода в отставку правительства, ответственного перед народным представительством, также были разными для разных парламентских традиций, поскольку наряду с выражением вотума недоверия палатами, в форме ли мотивированной формулы перехода или неодобрения правительственного законопроекта, все большую роль начинали играть итоги досрочных выборов. Только во Франции отрицательный вотум законодателей, причем адресовавшийся, кроме кабинета, и отдельным министрам, продолжал являться главной причиной отставки всего Совета министров: за 1875–1896 гг. из двадцати французских кабинетов десять пали по причине отрицательных вотумов.

Но уже в Англии второй половины XIX в. правительство, как правило, свергали не коммонеры, а избиратели: за 1867–1900 гг. из восьми отставок кабинета шесть имели причиной неблагоприятные результаты выборов. Еще резче отмеченная тенденция проявлялась в

¹⁹² *Беджгот В.* Указ. соч. С. 31; *Кудрин Н.Е.* Указ. соч. С. 496; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 14–15, 105; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 63, 127, 128; *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. С. 230; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. С. 161, 166.

¹⁹³ *Гессен В.М.* 1) Теория правового государства. С. 168; 2) Основы конституционного права. С. 422, 425, 435; *Кудрин Н.Е.* Указ. соч. С. 497; *Лоуэлл А.Л.* Указ. соч. С. 47, 48, 67; *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. С. 56–57; *Ковалевский М.М.* 1) Бельгийская конституция. С. 67; 2) Общее конституционное право. С. 217, 230; *Шейнис Л.* Указ. соч. С. 86; *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 161, 166.

Бельгии, где только в 1894 г. министры ушли в отставку по причине враждебного вотума парламента, и в Голландии, где кабинет уходил в отставку почти исключительно после неудачных выборов¹⁹⁴.

Как это ни парадоксально, но в начале XX в. эволюция европейского парламентаризма, сопровождавшаяся заменой постоянного, но во многом фиктивного контроля депутатов над исполнительной властью более мощным, но спорадическим контролем над нею со стороны избирателей, привела к резкому расширению компетенции правительства за счет компетенции народного представительства и к едва ли не полной эмансипации кабинета от парламента. На смену «вестминстерской модели» парламентаризма шла «уайтхолловская». Причиной этого, в частности в Англии, было также усиление роли коронной администрации, все представители которой, будучи вне политической борьбы, при частых переменах министров оставались на своих постах и потому фактически оказывали громадное влияние на шефов-дилетантов, осуществляя преемственность между разными кабинетами и заменяя доктринерство партийной тактики прагматизмом общегосударственной стратегии. Парламентарное министерство, чей глава, премьер-министр, начал пользоваться почти диктаторскими полномочиями, стало реальным центром политической жизни, и теперь уже не министры зависели от коммонеров, а коммонеры — от министров, имевших такое сильное средство для укрощения строптивого парламента, как угроза его досрочного роспуска. Даже во Франции, в которой формально сохранялось подчинение правительства народному представительству, удельный вес кабинета в общей экономике государственной жизни тоже возрастал, тем более, что, в отличие от англо-саксонских стран, на европейском континенте исполнительная власть всегда обладала бóльшим авторитетом, чем законодательная¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 22; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 126, 130, 132; Ковалевский М.М. Общее конституционное право. С. 171, 230; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 219, 240, 247, 248; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 470; Соколов К.Н. Указ. соч. С. 135; Гессен В.М. Основы конституционного права. С. 430, 437; Котляревский С.А. 1) Котляревский С.А. Правовое государство. С. 301, 362; 2) Конституционное государство. С. 159.

¹⁹⁵ Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 261; Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 23, 29; Дюприе Л. Государство и роль министров во Франции. С. 64, 69, 70; Лоу С. Указ. соч. С. 47, 70; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 221; Энсон В. Английская корона. С. 121; Илберт К. Указ. соч. С. 87, 94; Котляревский С.А. Правовое государство. С. 293, 295, 296, 297, 299, 336; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. С. 244, 244–245. См. также: Loewenstein K. The Balance between Legislative and Executive Power. A Study in Comparative Constitutional Law // Law Review. Chicago, 1938. № 5. P. 566–608; Laski H.J. Reflections on the Constitution. The House of Commons, the Cabinet, the Civil Service. Manchester, 1951. P. 35.

Наметившаяся в начале XX в. эволюция европейского парламентаризма способствовала усилению фактического влияния не только правительства, но и главы государства, чье право назначать и увольнять министров, равно как и их формальная ответственность перед ним, и ранее никогда и нигде не оспаривались. Однако отныне прерогативы короля в области формирования кабинета и направления его деятельности, особенно в Англии, где во второй половине XIX в. эти прерогативы казались эфемерными, стали наполняться реальным содержанием, ибо в начале XX в. монарх учитывал пожелания не столько парламентариев, сколько избирателей, более масштабно, но менее часто выражавших общественное мнение.

Все акты, исходившие от высшей исполнительной власти, «короны в Совете» (*Crown in Council*), рассматривались исключительно как королевские повеления, многие из которых действительно обуславливались непосредственным участием суверена в отправлении властных полномочий, поскольку парламентарный монарх имел неоспоримое право быть осведомленным о решениях министерства, управлявшего от его имени, до их исполнения и давать советы каждому министру. При коллективной отставке кабинета премьер-министр указывал королю на своего желательного преемника из лагеря оппозиции, причем суверен мог учесть эту рекомендацию или, в случае сомнения либо отказа кандидата, посоветоваться с любым другим государственным деятелем. Выбирая остальных министров, монарх, как и прежде, считался с мнением премьера, но и ему приходилось считаться с королевскими симпатиями, по причине чего министры должны были пользоваться доверием не только парламента, но и суверена, и занимали свои посты, пока они «угодны королю» (*during pleasure*), т. е. до проявления недоверия к ним со стороны как общественного мнения, так и главы государства.

В Бельгии при формировании кабинета монарх тоже пользовался известной свободой, но по другой причине: здесь, из-за отсутствия института общепризнанного партийного лидера, внутри одной партии конкурировали несколько лидеров, между которыми суверен и выбирал премьера. Кроме того, бельгийский король неоднократно увольнял министров по собственной инициативе, невзирая на мнения премьера и парламента. В Италии влияние главы государства на образование кабинета и направление его деятельности было еще более значительным, чем в Англии, Бельгии или Франции, поскольку итальянский король имел дело не с двухпартийной, а многопартийной системой, зачастую играя решающую роль при составлении коалиционного министерства. В 1881–1887 гг. именно в Италии монарх назначал премьером одного и того же деятеля, постоянно терпевшего поражения в Палате депутатов и выходившего в отстав-

ку, но зато пользовавшегося безусловным доверием короля, причем эта практика прекратилась только вследствие кончины его фаворита. Таким образом, уже в конце XIX в., не говоря о начале XX в., представление о полной безвластности парламентарного монарха противоречило действительности, хотя степень его участия в государственной жизни была величиной непостоянной и зависела настолько же от конкретных условий места и времени, насколько и от личности самого суверена¹⁹⁶.

Основные законы 1906 г. ввели дуализм, ибо их 123 статья постановляла, что председатель Совета министров и министры «ответствуют пред государем императором за общий ход государственного управления». Таким образом, формально царские министры не были политически ответственны перед Думой и Государственным советом, которым надлежало только законодательствовать, а не управлять, и в России парламентаризм отсутствовал. Однако статьи 11 и 122, подчинявшие сферу управления закону, и 108, предоставлявшая Думе право запросов по поводу незакономерной деятельности министров, а также обязательное одобрение депутатами бюджета, создали предпосылки для косвенной ответственности правительства перед нижней палатой, поскольку контроль Думы за закономерностью неминусом выходил за пределы буквального толкования Основных законов. Законодательные и финансовые полномочия народного представительства вынуждали министров учитывать его пожелания в своей деятельности, хотя бы для того, чтобы думские ораторы на всю страну не обвиняли бюрократов в нарушении закона, а Бюджетная комиссия не урезала смету соответствующего ведомства. Более того, реализация нижней палатой права запросов содействовала постепенному фактическому введению парламентаризма, причем необходимые для этого изменения статей, регулировавших данное право в Учреждениях Думы и Государственного совета, нижняя палата при желании могла сделать по собственной инициативе – пересмотр Учреждений, в отличие от Основных законов, не зависел от почина одного царя.

Впрочем, фактическое введение парламентаризма было возможно и без всяких текстуальных изменений конституции 1906 г. Статья 120, возлагавшая на Совет министров «направление и объеди-

¹⁹⁶ Ковалевский М.М. 1) Общее конституционное право. С. 230; 2) История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 130; Энсон В. 1) Английский парламент. С. 17, 30, 31, 36; 2) Английская корона. С. 2, 40, 48; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 249; Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 477; Соколов К.Н. Указ. соч. С. 273, 288, 290; Илберт К. Указ. соч. С. 114; Устинов В.М. Указ. соч. С. 83; Гессен В.М. Указ. соч. С. 406–407, 414, 418, 423, 424, 425, 427; Щербатов А.Г. Указ. соч. С. 30, 31; Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 155, 156, 168; Макалов В.А. Первая Государственная дума. С. 94–95.

нение действия министров» и являвшаяся наряду с аналогичной статьей конституции Франции, уникальной в своем роде (остальные конституции подобные статьи не содержали), подразумевала коллективную ответственность министров, а статья 121 – вручение министерских портфелей не только бюрократам, но и членам обеих палат. Очевидно, что указанные статьи Основных законов давали возможность для образования объединенного правительства, которое состояло бы из думцев, иными словами – содержали юридические предпосылки для фактического введения парламентаризма, поскольку де-юре, по статье 123, парламентарный кабинет, будь он создан, отвечал бы перед императором.

Не случайно, что уже в июне-июле 1906 г. вопрос об образовании думско-бюрократического либо общественно-бюрократического кабинета был на волосок от разрешения и, если не разрешился, то в силу бескомпромиссности лидеров оппозиции. В 1909 г. данный вопрос возник опять – уже в январе и ноябре этого года министрами торговли и промышленности и путей сообщения стали выборный член группы центра Государственного совета В.И. Тимирязев и председатель Всероссийского национального союза, назначенный член подгруппы правого центра верхней палаты С.В. Рухлов, в сентябре же депутаты III Думы обсуждали новые списки думско-бюрократического кабинета.

В 1914 г. членами Комитета финансов были назначены депутат IV Думы, председатель ее бюджетной комиссии М.М. Алексеенко и назначенный член группы правого центра Государственного совета А.П. Никольский. В годы Первой мировой войны впервые за всю историю думской монархии портфель министра внутренних дел получили депутат IV Думы А.Н. Хвостов (сентябрь 1915 г.) и заместитель председателя нижней палаты А.Д. Протопопов (сентябрь 1916 г.). Кроме того, в 1915 г. на посты заместителей министров внутренних дел и земледелия назначались депутаты князь В.М. Волконский и граф В.В. Мусин-Пушкин. Всего из 56 министров, назначенных в период думской монархии, членами палат являлся 31 человек (55,4 %), т.е. более половины всех министров, из которых 26 (84 %) были назначенными, 3 (10 %) – выборными членами Государственного совета и 2 (6%) – депутатами Думы, причем 18 законодателей (58 %) входили в Правую группу (фракцию) Совета и Думы, 13 (42 %) – в более левые группы и фракции (правого центра, центра, кружка внепартийного объединения и левых октябристов).

Очевидно, что в России 1906 – 1917 гг. наметился процесс постепенной парламентаризации верховного управления, который особенно усилился в 1915–1917 гг., когда возникли и функционировали новые органы верховного управления – особые совещания по оборо-

не, перевозкам, продовольствию, топливу и беженцам и Финансово-экономическая комиссия. В них наряду с бюрократами заседали члены от обеих палат, в том числе и представители оппозиционного прогрессивного блока¹⁹⁷. Накануне Февральской революции 1917 г. в России фактически существовала форма правления, переходная от дуализма к парламентаризму.

Выше народное представительство Российской империи сопоставлялось с парламентами других стран по существенным параметрам, отразившимся в содержании конституции и ее применении на практике. Для завершения сопоставления необходимо хотя бы вкратце остановиться еще на двух параметрах: временном (полномочия народного представительства на момент его появления) и пространственном (степень территориальной распространенности компетенции народного представительства). Подробно анализировать первый из параметров в рамках данной статьи просто невозможно, поскольку пришлось бы писать историю каждого парламента, но это и не нужно, так как и без того хорошо известно, что в момент своего появления большинство парламента, которые функционировали к началу XX в., имели гораздо меньше полномочий, развив и упрочив их только впоследствии, в течение десятилетий (Франция) или столетий (Венгрия). «Большинство современных конституционных государств, — писал Б.А. Кистяковский в 1908 г., сравнивая Российскую империю и другие страны, — начинали свое конституционное развитие с учреждений еще менее демократических и обладавших еще более тесными и узкими правами»¹⁹⁸. Действительно, даже если бы созданная в 1905 г. Дума осталась законосовещательной, то и в этом случае Россия имела бы почти идеальное народное представительство, особенно по сравнению с английским парламентом XIII в. или германскими ландтагами первой половины XIX в. С открытием же в 1906 г. законодательной Думы Россия сразу получила народное пред-

¹⁹⁷ *Ивановский В.В.* Указ. соч. С. 444; *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 128, 230, 284; *Грибовский В.М.* Указ. соч. С. 100; *Ковалевский М.М.* История монархии и монархических доктрин. Вып. 3. С. 99; *Куликов С.В.* 1) Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения // *Личность и власть в истории России XIX–XX вв.* Мат. науч. конф. СПб., 1997. С. 149–155; 2) Политическая дифференциация членов Государственного совета. С. 19–22; 3) Николай II и парламентаризм. С. 23–25, 27–28, 43, 57, 59–64; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 525, 526; *Бородин А.П.* Указ. соч. С. 250–278; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 774–784; *Котляревский С.А.* 1) Конституционное государство. С. 171; 2) Юридические предпосылки. С. 271, 336; *Маклаков В.А.* 1) Первая Государственная дума. С. 85, 85–86, 95, 205; 2) Вторая Государственная дума. С. 98–99.

¹⁹⁸ *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 530.

ставительство, являвшееся одним из самых совершенных по сравнению с любым парламентом любой монархии на момент его создания.

Сравнивая Думу и остальные парламенты с точки зрения пространственного параметра, необходимо иметь в виду, что в большинстве государств, имевших колонии (Англии, Бельгии, Германской империи, Голландии, Дании, Испании, Италии, Португалии, Франции, Японии), компетенция народного представительства распространялась только на метрополию. Так, относительно Индии, «коронных колоний» и протекторатов Британской империи, в отличие от ее «владений» (3 федерации (Австралия, Канада и Южная Африка), Ньюфаундленд и Новая Зеландия), английский король законодательствовал абсолютно либо почти независимо от парламента. С 1885 по 1908 гг. бельгийский король являлся правителем «Независимого государства Конго», будучи по отношению к нему настоящим абсолютным монархом, но и после передачи в 1908 г. прав на Конго Бельгии в ее парламенте представители колонии, естественно, отсутствовали. С 1877 г. германский император издавал законы для Эльзаса и Лотарингии без участия Рейхстага¹⁹⁹.

Таким образом, в начале XX в. компетенция палат колониальных держав не распространялась на колонии, зачастую превосходившие метрополию по территории в десятки, а то и в сотни раз. Этим европейские парламенты существенно отличались от Думы и Государственного совета, компетенция которых распространялась на всю территорию Российского государства, как на метрополию, так и на окраины, в том числе (с 1910 г.) и на Финляндию, если закон имел отношение не только к ней, но и к Империи в целом. Исключение составляло Туркестанское генерал-губернаторство, управлявшееся Военным министерством, но и данный регион подпал бы в скором будущем под юрисдикцию народного представительства, поскольку введение там гражданского управления было уже предreshено и его приостановила лишь Первая мировая война.

Сравнительный анализ Думы, Государственного совета и других представительных учреждений 1906–1917 гг., учитывающий существенные параметры, показывает, что формально или фактически (либо формально и фактически) в одних случаях народное представительство Российской империи было полноценнее среднестатистических парламентов, в других – вполне аналогично им и, во всяком случае, нисколько не ущербнее их. Учитывая же, в дополнение к существенным, еще и временной и пространственный параметры, Думу и Государ-

¹⁹⁹ Лоуэлл А.Л. Указ. соч. С. 246; Алексеев А.А. Указ. соч. С. 218; Энсон В. Английская корона. С. 286, 287–288, 300, 306; Илберт К. Указ. соч. С. 188; Лазаревский Н.И. Русское конституционное право. С. 186, 221; Намазова А.С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX вв. М., 2008. С. 232–235.

ственный совет России можно признать наиболее полноценными по сравнению с современными им законодательными учреждениями европейских монархий начала XX в. и вполне соответствующими теории и практике мирового конституционализма того времени. Поэтому нельзя согласиться с мнением, согласно которому народное представительство Российской империи, как наименее полноценное, было типологически близко к европейским парламентам первой половины XIX в., к германским ландтагам или японскому парламенту.

Р.А. ЦИУНЧУК

Национальные фракции Государственной думы Российской империи: типология, состав

Созванная 27 апреля 1906 года Государственная дума и преобразованный Государственный совет явились новыми важными компонентами обновляющейся российской политической системы начала XX века, делающей первые шаги в направлении конституционного государства и представительной формы правления. Важную роль в развитии этих процессов сыграл факт образования в Думе (а затем и в Государственной совете) думских фракций и групп – объединений депутатов по политическим и иным признакам. Следует констатировать, что вплоть до недавнего времени в отечественной исторической науке основное внимание уделялось думским фракциям представителей общероссийских политических партий¹. С 1960–70-х гг. в зарубежной литературе начала разрабатывалась история польского коло в Думе²,

¹ *Слепков А.Н.* Классовые противоречия в I-й Государственной думе. М.;Пг., 1923; *Томсинский С.Г.* Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924; *Зайчиков Г.И.* Думская тактика большевиков. М., 1975; *Рудь А.С.* Депутаты большевики в IV Государственной думе. М., 1980; *Колесниченко Д.А.* Трудовая группа в период первой русской революции. М., 1985; *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907 гг. М., 1996; *Кияшко О.Л.* Трудовая группа в Государственной думе России (1906–1917). Волгоград, 2002; *Дорошенко А.А.* Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004; *Иванов А.А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006 и др.

² *Werzchowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa. 1966; *Lukawski Z.* Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie państwowej w latach 1906–1909. Wrocław, 1967; *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; *Brzoza C., Stepan K.* Posłowie polscy w Parlamencie rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001; *Jurkowski R.* Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913. Olsztyn, 2009.

а также появились первые работы об украинском и белорусском вопросах в Думе³. С 1990-х годов появляются первые отечественные исследования проблем национального и вероисповедального состава Думы и законодательной деятельности ее фракций в этноконфессиональной сфере⁴. Характеризуя литературу, исследующую локальный ракурс думской проблематики, необходимо заметить, что сегодня в России наиболее активно разрабатываются проблемы истории двух думских фракций – мусульманской⁵ и казачьей⁶ групп. Для энциклопедии «Государственная дума Российской империи»⁷ были подготовлены обобщающие статьи о польском коло, о мусульманской фракции, о русской национальной фракции (В.А. Демин), о фракции автономистов, о группе западных окраин, об украинской громаде, о казачьей, еврейской, сибирской группах (Р.А. Циунчук). Локализация исследований думской тактики позволяет подробнее рассматривать как местные выборы, так и деятельность депутатов Думы от регионов. Проблемы национально-регионального представительства и участия депутатов от имперской периферии в национальных фракциях в пос-

³ Herus O. The Ukrainian Question in the Russian State Dumas, 1906–1917 // *Studia Ukrainika*. 1982. № 4; *Запрудник Я.* Палітычнае змаганьне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных Думах (1906–1917 гг.) // *ARCHE* пачатак. 2009. № 1–2. С. 43–217.

⁴ *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели парламентаризма // *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of Russian Empire* / Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 83–105; *Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999; *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; *Кудрина Т.А.* Вероисповедальные реформы в России в начале XX века. М., 2003; *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004 и др.

⁵ *Циунчук Р.А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998; *Усманова Д.М.* 1) Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; 2) Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916). Казань, 2005 и др.

⁶ *Галутво Л.М.* Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996; *Карапетян Л.А.* Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996; *Братолобова М.В., Перехов Я.А.* Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 3; *Сергеев В.Н., Шансугов Д.Ю.* Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917). Ростов-на-Дону, 2003 и др.

⁷ Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. М., 2006. Т. 1; Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг.: Энциклопедия. М., 2008.

леднее двадцатилетие изучаются в новых независимых государствах – Литве⁸, Эстонии⁹, Белоруссии¹⁰, на Украине¹¹, в Казахстане¹² и Азербайджане¹³. Однако специальных работ, посвященных историко-политическому анализу всех существовавших в Думе национальных фракций, пока еще нет.

Хотя формально ни Учреждение Государственной думы, ни принятый ею Наказ не содержали статей, регламентирующих создание фракций и групп (лишь Наказ Государственной думы допускал вступления по мотивам голосования от имени групп депутатов¹⁴), однако, размежевание (и одновременно объединение) депутатов произошло уже накануне открытия первой Думы 27 апреля 1906 г. и в первые дни ее заседаний. Наиболее активные политические партии и объединения (например, депутаты от кадетов, представители от Царства Польского), выступавшие организованно на выборах в I Государственную думу, уже в апреле 1906 г. провели совещания своих партийных лидеров и избранных депутатов, где приняли решения о создании думских фракций. С открытием Думы в ходе первых парламентских дискуссий депутаты сразу стали использовать термины думская фракция, думская группа¹⁵, применительно как к партийным, так и к национально-региональным объединениям.

⁸ Staliūnas D. Rinkimai Ai Rusijos Dūma Lietuvoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai. Vilnius, 1994. P. 45–65; *Laukaitytė R.* Lietuviai Val'stybees Dūmoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai. Vilnius, 1994. P. 31–44; *Gaigalītė A.* Lietuvos Atstovai Pirmojoje Rusijos Vasl'stybės Dūmoje // Istorija. LIX–LX. 2004. P. 44–56.

⁹ *Karjahärm T.* The Political Organization of Estonian Society and the Political Parties in Estonia in the Years 1900–1914 // The Baltic Countries. 1900–1914: Proceeding from the 9-th Conference in Baltic Studies in Scandinavia. Stockholm, June 3–6, 1987. Ed. A. Loit // Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia. 5. Uppsala, 1990. P. 131–145.

¹⁰ *Забайскі М.М., Пуцік У.С.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.). Мінск, 1998; *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадско-палітычным жыцці Беларусі 1906–1917 гг. Мінск, 1999; *Смалянчук А.Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі Рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. Гродна, 2001 и др.

¹¹ *Киян М.Ш.* Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). Харьков, 1997.

¹² *Озганбай О.* Государственная дума России и Казахстан (1905–1917). Алматы, 2000; *Малтусынов С.Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы, 2006; см. также: *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008.

¹³ *Саид-Заде С.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе. Баку, 1991.

¹⁴ Наказ Государственной думы. Принят к руководству Государственной думой 23 ноября 1912 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Справочник. 1913 г. СПб., 1913. Вып. 6. С. 266.

¹⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 668, 753–755.

Для анализа думских объединений представляется целесообразным сформулировать несколько схем их группировки. Во-первых, депутатские объединения, сложившиеся в российской Думе, формально разделяются на две категории: на официально зарегистрированные (они подавали заявления о своем конституировании в Совете Государственной думы, которое регистрировало эти заявления, а с 1907 г. помещало информацию об их составе в официальных думских изданиях, например, в указателях к стенографическим отчетам II–IV Дум) и на неофициальные – *нерегистрированные*, которые могли действовать в качестве совещательных. Во-вторых, и те и другие также можно разделить на два типа: *партийные фракции и группы* (конституционно-демократическая, трудовая, мирнообновленческая, социал-демократическая фракции и т.д.) и *национально-региональные фракции (группы)*.

В-третьих, поскольку *национально-региональные* думские группы не были однородными и образовались по нескольким признакам и принципам, то можно предложить их соответствующую классификацию: этнотерриториальные (польское коло, украинская громада, латышская, литовская и эстонская группы), этноконфессиональные (мусульманская, еврейская группы), конфессионально-региональные (группа западных окраин – белорусско-литовско-польское коло), этносословные (казачья группа), региональные (сибирская группа). В I Думе действовало также межрегиональное объединение депутатов различных конфессий и национальностей – фракция автономистов. Согласно источникам, наибольшее число национальных фракций и групп (в том числе незарегистрированных) было в I Думе – это польское коло, группа западных окраин, мусульманская группа, украинская громада, еврейская группа, латышская, литовская, эстонская группы и фракция автономистов. В следующих созывах в числе зарегистрированных фракций стабильно были три (по одной каждого типа), члены каждой из которых уже входили только в состав своей национальной фракции – это польское коло (этнорегиональная), группа западных окраин (белорусско-литовско-польское коло) (конфессионально-региональная), мусульманская фракция (этноконфессиональная). На принципах двойного членства существовала этносословная Казачья группа (без регистрации в III Думе и с регистрацией в IV Думе). Сибирская группа (региональная), хотя в списке зарегистрированных фракций не числилась, но от ее имени делались в III–IV Думе заявления и вносились предложения.

Все эти группы ставили своей целью презентацию национальных и региональных интересов на общеимперской политической арене, выступали за демократизацию имперской национальной политики, требовали национального и конфессионального равенства, предлага-

ли развитие местного самоуправления и проведение децентрализации. В противовес национально-региональным фракциям в I–II Думах выступала Группа правых, а в II–IV Думах также действовала номинально организованная по национально-политическому, фактически по конфессионально-политическому принципу Русская национальная фракция. Эта группа совместно с другими консервативными силами в Думе выступала за продолжение имперской политики и сохранение привилегированного положения великороссов и Православной церкви.

На выборах в **I Государственную думу** прошло около 200 представителей нерусских народов. Важно, что национальные депутаты приняли участие не только в формулировании проблематики думских дискуссий, но и определили тенденции перводумского фракционного строительства. *Одна* группа национальных депутатов, прошедшая в Думу под четкими национальными партийными лозунгами, в соответствии с тактическими установками своей партии (польская национально-демократическая партия – эндеки) конституировалась в отдельную национальную фракцию (польское коло). *Вторая* часть национальных депутатов, которая в ходе думского политического процесса сформулировала национальные, религиозные, сословные и региональные требования, поначалу входила в состав фракций общероссийских политических партий (кадетов и трудовиков) или примыкала к ним и лишь со временем образовывала собственные думские национальные (этноконфессиональные, этносословные) объединения (мусульманская фракция, казачья группа), примыкавшие в своем большинстве при голосованиях по общеполитическим вопросам к кадетской фракции, частично – к трудовой группе. Третья группа национальных депутатов, которая лишь временами выделяла этноконфессиональные и региональные вопросы в общем контексте политической борьбы и рассматривала их в качестве постоянно соподчиненных социально-политическим проблемам, входила в состав думских фракций крупных общероссийских партий (например, кавказские депутаты – в социал-демократической фракции I–IV Дум, прибалтийские немцы – во фракции октябристов III–IV Дум).

Общее количество национальных фракций и их численность, достигнув наивысших показателей в I и II Думе (до 8 национально-региональных групп, входивших в объединение союза автономистов: украинская громада, мусульманская, латышская, литовская, эстонская, еврейская, казачья, западных окраин, а также польское коло), затем снизилось до 3–5 в III–IV Думах (польское коло, польско-литовско-белорусская, мусульманская, казачья и сибирская группы).

В большинстве фракций не были четко прописаны вопросы членства и дисциплины, имелась возможность двойного членства, некоторые депутаты не входили, а «примыкали» к фракциям, практиковался переход депутатов из одной фракции в другую. Поэтому численность фракций, в том числе национальных, была непостоянной, на что обратил внимание еще депутат I Думы и один из ее первых историков Н.А. Бородин¹⁶.

В I Думе кроме фракций общероссийских политических партий образовались национальные и региональные группы, в основном представлявшие народы западной окраины, где более активно развивалась политическая жизнь, — польское коло, литовская группа, украинская громада, группа западных окраин (или территориальное коло), еврейская группа и др. С развитием думского политического процесса и с увеличением числа мусульманских представителей за счет прибывших депутатов от Кавказа и Степного края начался процесс консолидации мусульманских депутатов в особую мусульманскую группу.

Самой первой национальной фракцией, организованной еще до открытия Думы, стало польское коло, которое составили депутаты, избранные в Польше. К 30 мая 1906 г. оно насчитывало 33 члена, председателем бюро стал врач Я. Гарусевич, а секретарем — адвокат Ф. Новодворский, в парламентскую комиссию кроме трех членов бюро вошло еще три депутата¹⁷.

Если польское коло имело строгую внутрифракционную дисциплину, обязательную при голосованиях, и принципиально возражало против вхождения своих членов в другие парламентские группы (схожие требования отличали близкую к польскому коло по политическим и национальным позициям группу западных окраин), то другие национальные группы принципиально не были против двойного членства. «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» обязывал евреев-депутатов I Думы «совещаться и координировать свои действия по вопросам еврейского полноправия, не образуя, однако, особой парламентской фракции с обязательной дисциплиной, как того требовали сионисты и националисты»¹⁸. В совещательной еврейской группе было около 10 членов (лидеры М.М. Винавер, Ш.Х. Левин, Л.М. Брамсон). Литовские депутаты Думы первого созыва входили в состав фракций общероссийских

¹⁶ *Бородин Н.* Личный состав первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах // Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение Первой думы. Сборник статей. СПб., 1907. С. 23–27.

¹⁷ *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996. С. 71.

¹⁸ *Дубнов С.М.* Евреи в царствование Николая II (1894–1914). Пг., 1922. С. 67.

партий, оставляя за собой право на особую национально консолидированную позицию в литовском вопросе. Схожие позиции занимали также незарегистрированные украинская громада (более 40 депутатов, лидеры – И. Шраг, В. Шемет, П. Чижевский и др.) и мусульманская группа, члены которых примыкали частично к кадетской фракции, частично – к трудовой группе.

В сословном отношении лишь польское коло и группа западных окраин (12 депутатов) имели дворянское большинство (и заметное число крупных землевладельцев), дворяне были также среди украинских депутатов. Заметным оказался дворянский сословный компонент среди мусульманских депутатов, составив в I Думе около половины всех мусульманских представителей. В составе правой группы и русской национальной фракции было немало помещиков и священников. В составе других национальных групп основную часть занимали представители непривилегированных сословий. Заметное место среди депутатов национальных окраин занимали лица свободных профессий – адвокаты, журналисты, врачи. Практически во всех национальных фракциях были представлены священнослужители.

Польское коло первым в Думе выступило с декларацией своей национальной программы. 30 апреля 1906 г. 27 польских депутатов выступили с предложением к Думе предоставить Я. Гарусевичу право вне очереди огласить их заявление и передать его в комиссию по составлению ответного адреса. Польские депутаты исторически и политико-юридически аргументировали необходимость восстановления автономии Царства Польского «как заветного требования всего населения нашего края»¹⁹.

По инициативе польских депутатов Думы от северо-западных и юго-западных губерний в начале мая 1906 года было решено образовать группу западных окраин (территориальное коло), в которую могли войти все представители края независимо от национальности. Руководителями группы стали А. Ледницкий, Ч. Янковский, князь И. Друцкий-Любецкий и Щ. Понятовский²⁰. Члены группы, с одной стороны, чувствовали близость к полякам Царства Польского, с другой стороны, ощущали принадлежность к Западному краю, с третьей стороны, разделяли многие идеологические установки российских либералов. По большинству общеполитических вопросов группа западных окраин отстаивала демократические требования, но не смогла выработать единства по аграрному вопросу.

¹⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 51.

²⁰ *Смалянчук А. Ф.* Паляки Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. Городня, 2000. С. 136.

Национальные депутаты, стремясь консолидироваться для совместной презентации общих национальных, конфессиональных и региональных требований и рассчитывая на коллективную законодательную деятельность по установлению национального и религиозного равноправия и достижению национального самоуправления, создали в Государственной думе первого созыва особую фракцию – фракцию союз автономистов. Это объединение представителей народов России опиралось на идеи съезда автономистов, прошедшего в Петербурге еще в ноябре 1905 г. под председательством профессора И.А. Бодуэна де Куртене с участием представителей 13 народов России. Группа насчитывала около 120 человек, из которых, по свидетельству Н.А. Бородин, 63 были автономистами, не входившими одновременно и в другие фракции в Думе²¹. К середине мая 1906 г. Н.А. Бородин насчитывал в составе союза автономистов 62 члена: «Польское коло (польский кружок) – 31 депутат, группа северо-западных и юго-западных окраин – 12, литовский кружок – 5, украинские демократы – 5, латышские национал-демократы – 5, казачья группа – 1, мусульмане – 3»²².

Ведущим принципом образования союза автономистов, в котором заметную роль играли поляки Западного края, было стремление к гражданскому равенству, децентрализации и автономному управлению окраинами империи. Там, где «признак областной совпадал с признаком национальным, группа объединялась на начале территориально-национальном»²³. Идеи территориально-национальной автономии развивались применительно к Царству Польскому, а областной автономии – к Западному краю, Украине и т.д. Среди еврейских депутатов были распространены идеи культурно-национальной экстерриториальной автономии. Мусульмане отстаивали требования культурной и конфессиональной автономии.

Руководителем думского объединения автономистов стал известнейший московский адвокат, один из организаторов польского прогрессивно-демократического союза и член ЦК конституционно-демократической партии, минский депутат А.Р. Ледницкий. Его выступление 3 мая 1906 г., в котором он горячо и образно говорил о положении в национальных регионах империи: о Царстве Польском, «задыхающемся в атмосфере пороха», о Грузии и Кавказе, «горы и долины которых увлажнены кровью и слезами», о «национально-обезличенной Украине, стремящейся к освобождению от национального гнета», о Лифляндии, Эстляндии и Литве, «изнемогающих в

²¹ Бородин Н. Личный состав первой Государственной думы. С. 33.

²² Бородин Н.А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 39.

²³ Цит по: Козбаненко В.А. Партийные фракции. С. 69.

тисках карательных отрядов», о мусульманском съезде, поднимающем свой голос в защиту политических прав народов Востока России, можно считать программным политическим выступлением группы автономистов. Ключевыми требованиями были названы свобода в организации национального и областного быта «на началах автономии и автономного самоуправления», относящихся к числу «общечеловеческих требований»²⁴.

В опубликованных 17 мая 1906 года положениях для образования парламентской фракции «союза автономистов» отмечалось, что она создается на областных или национально-территориальных началах для взаимной защиты и поддержки, а также для воплощения автономной идеи на демократических началах, за децентрализацию бюрократического управления²⁵. Черниговский депутат, адвокат И.Л. Шраг (заместитель руководителя группы автономистов) выступил также организатором украинской думской громады²⁶, которая не успела оформиться в I Думе.

Своеобразной фракцией в Думе стала этноконфессиональная мусульманская фракция (группа), организованная накануне роспуска Думы и включившая в себя практически всех думских представителей народов Поволжья, Приуралья, Казахстана и Кавказа, исповедовавших ислам (татар, азербайджанцев, башкир, казахов и киргизов, чеченцев и аджарцев). По своей географии фракция представляла собой межрегиональное объединение депутатов. По своей политической сущности она была национально-демократической группой, консолидировавшей мусульманскую часть депутатов Думы вокруг демократических требований национального и религиозного равноправия. Накануне разгона I Думы в июле 1906 г. численность депутатов-мусульман достигла 25 человек, однако в официальном списке членов Думы числилось 23 депутата²⁷.

подавляющее большинство избранных членов фракции – это авторитетные представители национальной общественной и интеллектуальной элиты (земские деятели, бывшие офицеры, адвокаты, публицисты и издатели, духовенство), а также купцы и промышленники. Поначалу прибывшие первыми на заседания депутаты-мусульмане из внутренних губерний числились либо в составе фракции кадетов и примкнувших к ним, либо в группе беспартийных депутатов, затем некоторая часть из них примкнула также к союзу автоно-

²⁴ Государственная дума. Т. I. С. 102–103.

²⁵ Козбаненко В.А. Указ. соч. С. 69–70.

²⁶ Шраг И. О союзе автономистов // Украинский вестник. 1906. № 1. С. 66–67.

²⁷ Двое из избранных не вошли в официальные списки членов Думы (выборы Ш. Кошегулова были обжалованы, а М. Таинов был избран накануне роспуска Думы).

мистов²⁸. По инициативе одного из идеологов Союза мусульман (Иттифак аль-муслимин) юриста и издателя бакинской газеты «Каспий» А.-М.А. Топчибашева 22 июня 1906 г. 22 мусульманских депутата провели первое собрание фракции²⁹. В бюро фракции вошли семь депутатов, председателем стал А.-М.А. Топчибашев, секретарем – С.-Г.С. Джантюрин, казначеем – М.М. Рамиев. На заседаниях подробно обсуждался аграрный вопрос и законопроект о свободе совести, о котором докладывал С.-Г.С. Алкин³⁰. Однако процесс оформления мусульманской фракции, которая с прибытием новых депутатов от национальных районов наверняка бы увеличилась, был прерван роспуском Думы³¹.

Правительство фактически проигнорировало поставленные депутатами I Думы этноконфессиональные и региональные вопросы. Вместе с другими оппозиционными депутатами многие деятели национальных фракций, подписавшие Выборгское воззвание, были лишены права избираться в Думу.

Складывание думских фракций осложнялось целым рядом факторов: во-первых, отсутствием парламентского партийно-политического опыта у членов Дум, во-вторых, отсутствием парламентской политической культуры и такого опыта в стране вообще, в-третьих, незавершившимся еще процессом складывания и размежевания идейно-политических взглядов и политическими колебаниями многих депутатов, в-четвертых, кратковременностью существования самой Думы. В развитии непродолжительной перводумской партийно-политической фракционной жизни проявилось несколько тенденций: с одной стороны, национальные депутаты стремились к образованию отдельных национальных групп, с другой – чувствовали потребность в консолидации с другими нерусскими депутатами, с третьей – понимали необходимость для проведения каких-либо думских решений политического блокирования с крупными общероссийскими фракциями. В дальнейшем три основные тенденции развития фракционной жизни Думы сохранились, национальные представители, приобретая в ходе парламентской работы опыт межфракционного и межэтнического взаимодействия, выработывали общие при-

²⁸ По свидетельству Н.А. Бородина (Государственная дума в цифрах. С. 39), в союзе автономистов в середине мая 1906 г. было трое мусульман.

²⁹ Мусульманская парламентская фракция. (Б.м.), (б.г.). С. 2.

³⁰ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. С. 49–50.

³¹ Фракция активно разворачивала работу, о ее формировании было известно председателю Думы, в Таврическом дворце фракции «был отведен особый кабинет», но «в самой Думе фракция еще не была <...> официально объявлена» (Мусульманская парламентская фракция. С. 1).

емы противостояния нарастающему правоконсервативному давлению и противодействия имперской политике.

Во **II Государственную думу** было избрано 189 нерусских депутатов. Крупнейшей национальной фракцией II Думы оставалось польское коло, к которому кроме 34 депутатов от Польши примкнули представители территориального коло Литвы и Белоруссии, составив вместе группу в 46 депутатов³². Главными требованиями польского коло оставались достижение автономии Царства Польского, полонизация его государственной и общественной жизни. Парламентская комиссия, как коллегиальный исполнительный орган фракции, была дополнена президиумом. Его председателем стал лидер национально-демократической партии Р. Дмовский, в руководство вошли проявившие себя в I Думе Я. Гарусевич, А. Парчевский, Ф. Новодворский, Я. Стецкий³³.

Члены группы западных окраин (территориального коло или коло польских депутатов-конституционалистов Литвы и Руси) в феврале 1907 г., не без влияния польского коло, выработали весьма четкий и дисциплинирующий своих членов регламент. Общие решения были обязательными для всех членов группы, и только с ее согласия депутат мог взять слово и выйти на трибуну; если депутат полагал, что общее решение противоречит его личным взглядам, то он мог не принимать участия в голосовании. Свобода действий сохранялась и при обсуждении одного из главных думских вопросов – аграрного. Председателем территориального коло стал бывший Виленский городской голова М. Венславский³⁴.

Двойное членство продолжали практиковать другие национальные группы. Сформировавшаяся во II Думе накануне ее роспуска украинская громада насчитывала 47 депутатов³⁵. Основная часть крестьянских ее членов входила также в трудовую и эсеровскую группы (священник А. Гриневич, фельдшер С. Нечитайло, бухгалтер Е. Сайко), ряд украинских депутатов входил в кадетскую фракцию (врач Н. Рубисов и др.). Члены украинской громады должны были совместно голосовать при обсуждении национального вопроса. Украинская громада политически базировалась на декларации украинской демократическо-радикальной партии (УДРП), провозглашав-

³² *Lukawski Z.* Koło Polskie. S. 80. Официальный список также указывал численность членов польского коло в 46 человек (Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. С. 30).

³³ *Павельева Т.Ю.* Польская фракция в Государственной думе России 1906 – 1914 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 114.

³⁴ *Смалянчук А.Ф.* Паляки Беларусі і Літвы. С. 179.

³⁵ История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 5. С. 171; *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 90.

шей борьбу за автономию и развитие украинского просвещения и культуры. Члены группы, не претендуя на отделение от России, высказались за «решительную и бесповоротную реорганизацию управления в смысле национальной и территориальной автономии» с предоставлением прав самоопределения и самоуправления³⁶. Органом украинской громады стала газета «Рідна справа (Вісти з Думи)».

Пять литовских социал-демократов вошли в социал-демократическую фракцию, по одному литовскому депутату вошло в кадетскую фракцию и трудовую группу. Почти все белорусы, как и часть украинцев, записались беспартийными. Пятеро евреев (из которых только двое избирались на западной окраине) примкнули к кадетам.

В то же время среди депутатов от многонациональных западных губерний появились и такие идеологи русских право-консервативных сил, как епископы Евлогий (православное население Люблинской и Седлецкой губерний) и Платон (Киевская губерния), профессор И.П. Созонович (Могилевская губерния), публицист В.В. Шульгин (Волынская губерния).

Заметной по численности стала во II Государственной думе и мусульманская фракция³⁷. Среди 36 мусульманских депутатов были представители восьми народов – татары, казахи, азербайджанцы, башкиры, узбеки, лезгины, туркмены и чеченцы. Две трети членов фракции имели высшее и среднее образование. Состав группы стал более представительным и демократичным: кроме дворян, духовенства и предпринимателей увеличилось число учителей, крестьян-земледельцев, скотоводов; появился рабочий. В бюро вошли М.М. Биглов, Р.-М. Медиев, Ф.И. Хан-Хойский, Б.Б. Каратаев, Х.А. Усманов, Х.Б. Хас-Мамедов, К.-М.Б.-Г. Тевкелев. Неофициальным лидером фракции оставался А.-М.А. Топчибашев.

В начале марта 1907 г. внутри фракции произошло политическое размежевание: шесть левых депутатов (Х.М. Атласов, Г.С. Бадамшин, З.Э. Зейналов, А.А. Нежеметдинов, Х.С. Массажутов и К.Г. Хасанов – руководитель) образовали мусульманскую трудовую группу и начали издавать газету «Дума» на татарском и азербайджанском языках³⁸. Эта группа не разорвала связей с другими мусульманскими депутатами, но по большинству голосований примыкала к трудовой группе.

³⁶ Цит. по: *Киян М.Ш.* Представительство от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). С. 123.

³⁷ В официальном списке членов мусульманской фракции было указано 30 депутатов (Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. С. 30).

³⁸ Дневник Казани. 1907. 17 марта.

Новым явлением для фракционной жизни II Государственной думы стало официальное конституирование особой этносословной межрегиональной группы – общей казачьей фракции думской оппозиции (казачьей фракции – казачьей группы)³⁹. Во фракцию вошли 17 депутатов, избранных от казаков, три четверти которых поддерживали кадетов (или ранее проходили в казачьих округах по кадетским спискам). Руководителем группы стал Ф.А. Щербина (от кубанских казаков), секретарем – адвокат А.И. Петровский (от донских казаков)⁴⁰. Организаторы казачьей группы ставили перед собой ряд задач: повысить политическое сознание казачества, укрепить авторитет казачьих депутатов, восстановить репутацию казаков, пострадавшую из-за участия казачьих отрядов в подавлении революции; установить прочную связь между депутатами и избирателями⁴¹. Выработанный М.П. Араканцевым, А.И. Петровским и К.П. Каклюгиным проект программы предполагал превращение России в конституционную монархию, отмену всех чрезвычайных мер (военно-полевых судов, смертной казни), введение широкого городского, земского и общинного самоуправления, создание независимого суда, установление восьмичасового рабочего дня и справедливое решение внутренних казачьих вопросов. Однако небольшая по численности казачья группа, проведя около 20 заседаний, не смогла дальше объединить представителей различных казачьих войск и в конце апреля 1907 г. распалась: донские депутаты, составлявшие наибольшую часть группы, вышли из ее состава⁴².

Новое правительство П.А. Столыпина попыталось предложить II Думе партнерство в осуществлении своего социально-экономического курса. В то же время Столыпин, выступая от имени «правительства стойкого и чисто русского», в своей декларации на заседании Думы ушел от признания существования в России национального вопроса и проигнорировал требование национального самоопределения и автономии, обещая «хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие»⁴³. Поэтому во II Думе противостояли друг другу курс правительства и политика национальных фракций и их союзников и, соответственно, два потока за-

³⁹ Петровский А.И. Донские депутаты во II Государственной думе. СПб., 1907. С. 123.

⁴⁰ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. С. 32.

⁴¹ Петровский А.И. Указ. соч. С. 123–124.

⁴² Там же. С. 112–114.

⁴³ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. Стб. 120.

конопроектов, касающихся национально-конфессионального и регионального обустройства жизни России: первый поток, правительственный – ограниченный по направленности и узкий по содержанию (снятие части национально-вероисповедальных проблем), дополнявшийся массовыми полицейско-карательными мерами, и второй поток – думско-оппозиционный, предлагавший реальную демократизацию национальных отношений, введение национального и религиозного равноправия, автономии Польши и других регионов, расширение регионального местного самоуправления и развития национальных языков. Требования, заявленные в программах национальных партий и движений, настойчиво звучали не только во внесенных национальными и общероссийскими фракциями законопроектах, но и в выступлениях и запросах. Объявленный тогда властью план преобразований отдельных сторон конфессиональной и национальной жизни нерусских народов Империи, хотя и был внесен во II Думу, но не был реализован. Обсуждение этих вопросов растянулось на долгие годы и перешло в Думы следующих созывов. 3 июня 1907 года была распущена II Дума и опубликован новый избирательный закон. Отказ от перводумской модели представительства и замена ее третьей июньской позволял власти создать временную иллюзию управляемости Империи, а на деле способствовал стагнации всей политической системы, особенно в этнорегиональном аспекте.

Благодаря избирательному закону 3 июня 1907 г., «предоставившему помещикам непропорционально большое представительство в Думе» и устранившему от выборов огромную массу нерусских избирателей, число правых депутатов в **III Государственной думе** составило до 140⁴⁴. В III Думе сохранилось представительство только 17 нерусских народов, а общее число нерусских депутатов сократилось до 108. Уменьшилось до трех число зарегистрированных национальных фракций – это польское коло, польско-литовско-белорусская группа и мусульманская группа.

В III Думе численность поляков сократилась более чем вдвое (до 22 депутатов). Большинство поляков вошли в две фракции – польское коло и польско-литовско-белорусскую группу. Первоначально одиннадцать депутатов: землевладелец и агроном И. Вонсович, врач Я. Гарусевич, один из лидеров национально-демократической партии В. Грабский, руководитель польского коло II Думы Р. Дмовский, приват-доцент Л. Дымша, председатель страхового общества В. Жуковский, крестьянин И. Наконечный, адвокаты А. Парчевский и В. Яронский, врачи А. Ржонд и И. Свежинский, избран-

⁴⁴ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992. С. 167.

ные от Царства Польского, составляли польское коло⁴⁵, которое по численности уменьшилось в III Думе почти втрое по сравнению со II Думой. Руководство польским коло до 1909 г. осуществлял Р. Дмовский. Членами бюро были И. Свежинский, Я. Гарусевич, а секретарем – В. Яронский. После отставки Р. Дмовского фракцию возглавил И. Свежинский. Большинство членов польского коло имело опыт парламентской работы в Думах первых созывов. В III Думе коло избрало новую тактику, выдвигая более умеренные требования реформ в польских губерниях – введение земского и городского самоуправления, восстановление прав польского языка и др. На этой базе группа стремилось наладить диалог с общероссийскими и национальными фракциями, рассчитывая на ответные конструктивные шаги от правительства.

Польские депутаты Западного края (дворяне – почетный мировой судья С. Ванькович, землевладельцы В. Есьман и И. Монтивилл, инженер К. Завиша, ксендз С.Г. Мацевич, действительный статский советник Г. Свенцицкий) вместе с одним литовцем (крестьянин М. Циунелис) вошли в польско-литовско-белорусскую группу (всего 7 членов)⁴⁶. Виленский депутат И. Монтивилл был председателем группы до 1911 года, после его смерти обязанности руководителя группы принял К. Завиша. По принципиальным вопросам польско-литовско-белорусская группа примыкала к польскому коло, отстаивая в Думе интересы польского, католического населения западных губерний.

Резко поправел состав депутатов от украинских и белорусских губерний. Более заметная, чем в предшествующих Думах, часть депутатов от этих губерний самоидентифицировала себя с русскими. Сменилась политическая ориентация украинских депутатов от западных губерний. Депутаты от губерний Западного края, вошедшие в русскую национальную фракцию, составили до 37 процентов ее состава⁴⁷.

Как и в I–II Думах, большинство литовцев придерживалось левых взглядов (трое входили в трудовую группу, один некоторое время был в социал-демократической фракции), еще один депутат-литовец принадлежал к польско-литовско-белорусской группе. В III

⁴⁵ *Павельева Т.Ю.* Польская фракция. С. 116. См. также: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Общие сведения. СПб., 1912. Ч. I. С. 9, 120–121. Вместо Р. Дмовского был избран и вошел в польское коло литератор В. Яблоновский; А. Ржонда сменил рабочий И. Румникевич.

⁴⁶ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Общие сведения. СПб., 1912. Ч. I. С. 9, 118–119. После смерти И. Монтивилла был доизбран и вошел в польско-литовско-белорусское коло Г. Свенцицкий.

⁴⁷ *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 36.

Думу смогли пройти только трое евреев (все вошли в кадетскую фракцию).

Избирательный закон 3 июня 1907 г. лишил избирательных прав мусульман Казахстана и Средней Азии, сократил представительство мусульман Кавказа. Общее представительство мусульманских народов в III Думе сократилось более чем в три раза. В III Думу были избраны 10 депутатов-мусульман – секретарь мусульманского благотворительного общества З.Н. Байбурин, инженер И.И. Гайдаров, директор фабрики и попечитель мусульманских учебных и благотворительных учреждений Г.Х. Еникеев, депутат II Думы, юрист С.Н. Максудов (секретарь), учитель Ш.З. Махмудов, отставной полковник И.М. Муфтий-Заде, присяжный поверенный и отставной подполковник А.Ш. Сыртланов, депутат I–II Дум, отставной полковник К.-М.Б. Тевкелев (председатель), депутат II Думы учитель М.М. Тукаев, депутат II Думы, адвокат Х.Б. Хас-Мамедов⁴⁸. И.И. Гайдаров в первых двух думских сессиях числился в составе социал-демократической фракции, а в последующих трех – в составе мусульманской фракции. И.М. Муфтий-Заде был октябристом.

Новый избирательный закон оказал серьезное влияние не только на численность мусульманских фракций III (и IV) Государственных дум, но и на их сословный и социальный состав. Среди мусульман III Думы оказались землевладельцы, предприниматели, земские деятели, офицеры и чиновники, адвокаты, учителя, но не было, как раньше, мулл, крестьян и рабочих. По сравнению с тремя предшествующими мусульманская фракция III Думы оказалась самой дворянской – среди 9 депутатов было пять дворян.

Проводниками имперской политики стали усилившиеся в III Думе правые фракции (среди постоянных правых ораторов – Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич), которые неизменно включались в полемику с членами национальных и оппозиционных фракций, часто провоцировали скандалы в Думе, разжигая национальную рознь в обществе.

На первой сессии III Думы фракция правых насчитывала чуть более 50 членов, национальная группа – 26, фракция умеренно-правых – 70, а на третьей сессии (1909–10 гг.) образовалась фракция русских националистов и умеренно правых (в составе 91 депутата, потом она сократилась; лидер – П.Н. Балашев), позднее была создана фракция независимых националистов (16 депутатов)⁴⁹. Несмотря на более однородный консервативный партийный и конфессиональный состав депутатов III Думы, относительно немногочисленные нацио-

⁴⁸ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. I. Приложения. С. 1–67, 122–123, 128–129.

⁴⁹ Там же. С. 98–99, 102–111.

нальные фракции продолжали активное сопротивление возросшему давлению имперских сил. Ключевыми вопросами противоборства стали правительственные законопроекты о земстве в западных губерниях, о выделении из состава Царства Польского Холмской губернии и комплекс финляндских законопроектов.

Под жестким давлением властей **IV Государственная дума** стала еще более и политически, и национально однородной. Число нерусских депутатов сократилось до 81 (представляли 19 нерусских народов). После выборов 1912 г. группе правых принадлежало 64 места, фракции русских националистов – 88 мест⁵⁰. Во фракции русских националистов до 57 процентов членов составляли депутаты от Западного края⁵¹.

В IV Государственной думе представительство поляков по сравнению с III Думой сократилось на одну четверть (с 22 до 17), 9 из которых вошли в польское коло, а 5 – в белорусско-литовско-польскую группу. Двое поляков были социал-демократами, один принадлежал к партии центра.

Избранные от губерний Царства Польского депутаты врач Я. Гарусевич (депутат I–III Думы), секретарь Польского сельскохозяйственного общества Г. Госьцицкий, приват-доцент Г. Дымша (депутат III Думы), вице-председатель Польского сельскохозяйственного общества переводумец М. Киниорский, горный инженер М. Лэмпицкий, депутат Думы первого и третьего созывов И. Наконечный, адвокаты А. Парчевский и В. Яронский (члены Думы трех созывов), врач И. Свежинский (депутат I и III Дум) составили польское коло, председателем которого стал И. Свежинский, товарищем председателя – Я. Гарусевич, а секретарем – В. Яронский⁵².

В белорусско-литовско-польскую группу (коло) вошли поляки – гласный городской думы В. Баньковский, член Думы третьего созыва, ксендз С. Мацеевич (секретарь), втородумец, граф Л. Путткамер (председатель), землевладелец Ф. Рачковский, действительный статский советник Г. Свенцицкий и литовец-крестьянин М. Циунелис (оба члены III Думы). В группе было шесть депутатов. Почти все их члены польского коло и белорусско-литовско-польской группы были опытными парламентариями, избирались в Думы предшествующих созывов.

Украинцами в IV Думе записались только 14 депутатов, семеро из них вошли во фракцию октябристов, трое причислили себя к рус-

⁵⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия первая. (Ч. I–III). СПб., 1913. С. 19–22

⁵¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм. С. 36.

⁵² Государственная дума. Четвертый созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия первая. (Ч. I–III). СПб., 1913. С. 22.

ским националистам и умеренно-правым, двое были социал-демократами и по одному депутату принадлежали к кадетам и партии центра. Меньше чем раньше депутатов от Западной окраины записались белорусами – 6, причем четверо вошли в группу русских националистов и умеренно-правых, а двое – во фракцию правых. Из пятерых литовцев двое были трудовиками, по одному входило в белорусско-литовско-польскую группу, кадетскую фракцию и фракцию прогрессистов. Трое евреев (депутаты от Ковенской, Курляндской губерний и Лодзи) вошли в кадетскую фракцию.

В IV Думу было избрано 7 мусульман. Мусульманская фракция была самой малочисленной (по сравнению с составом фракции в Думах предшествующих созывов) – в ней было 6 членов: юристы И.А. Ахтямов и М.Ю. Джафаров, счетовод волостного правления Г.Х. Байтеряков, депутат III Думы Г.Х. Еникеев, председатель волостного суда М.Г. Миннигалеев, депутат I – III Дум К.-М.Б. Тевкелев⁵³. Все члены фракции, кроме азербайджанца М.Ю. Джафарова, были татарами. Врач, лезгин М.М. Далгат числился примкнувшим к фракции прогрессистов⁵⁴. Председателем мусульманской фракции был К.-М.Б. Тевкелев, секретарем – И.А. Ахтямов.

В IV Думе на принципах двойного членства вновь консолидировались в особую группу казачьи депутаты. В составе казачьей группы насчитывалось 15 депутатов, из которых девять были членами кадетской фракции или примыкали к ней – это член Думы всех созывов К.Л. Бардиж, член Думы второго и третьего созывов М.С. Воронков, И.М. Гамов, член II – III Думы Ф.А. Еремин, А.А. Назаров и А.П. Саватеев (секретарь), втородумец С.А. Таскин, депутат Думы всех созывов В.А. Харламов и Ф.В. Черячукин, а остальные 6 членов Казачьей группы были прогрессистами или примыкали к ним: И.К. Ерымовский, член I и III Думы И.Н. Ефремов (председатель), М.И. Канашев, втородумец М.А. Караулов, Е.Д. Логвинов и А.П. Сидоров⁵⁵. Консолидировались в IV Думе в совещательную незарегистрированную группу и сибирские депутаты (председатель – кадет, агроном Н.К. Волков, активные деятели – товарищ председателя кадетской фракции, профессор Н.В. Некрасов, товарищ председателя трудовой группы В.И. Дзюбинский).

Политическая деятельность сравнительно немногочисленных депутатов от нерусских народов и окраин Империи заметно проявлялась в течение всего срока существования IV Государственной

⁵³ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Справочник. 1913. СПб., 1913. Вып. 6. С. 176.

⁵⁴ Там же. С. 176, 180.

⁵⁵ Там же. С. 188.

думы. Имперское и национальное до последних дней IV Думы жестко противостояли друг другу, даже умеренные предложения думских национальных фракций не находили реализации в правительственном курсе, что неминуемо расшатывало устои Империи. Стремление власти к сохранению, а тем более усилению имперского начала в политической жизни страны, ослабляло парламентаризм. Две первые Думы отличались не только многонациональным составом депутатов, но и наибольшим числом национальных групп. Проводя имперскую политику, Дума (начиная с III созыва) из фактора консолидации демократического движения различных наций стала превращаться в фактор разъединения общества по национальному принципу, что приводило к катастрофическому углублению конфликта и кризиса сразу в нескольких политических и социокультурных системах: власть – общество, центр – регионы, Дума – правительство, русские – инородцы, православные – иноверцы, коренные жители – переселенцы и др. В то же время нахождение в Думе разнонаправленных политических и этнорегиональных сил способствовало кристаллизации противоборствующих общественных позиций, открывало новые возможности для их парламентской презентации национально-региональными фракциями, а также для овладения представителями новых политических элит навыками как парламентской борьбы, так и политического диалога.

М.А. ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА

Политическая маркировка пространства Российской империи: Финляндия и Польша в думской дискуссии (1907–1912)

Государственная дума, несмотря на короткий срок своего существования, оставила богатейший материал для исследования последнего десятилетия существования Российской империи. Для историков представляет интерес не только непосредственно законотворческая деятельность русского парламента, но и та оживленная политическая дискуссия, которая ежедневно проходила в стенах Таврического дворца. Думские дебаты стали невиданной прежде для России возможностью услышать голос власти и разных общественных групп на публичной трибуне, это был открытый и относительно свободный публичный диспут о судьбах страны накануне ее гибели. Думские дискуссии не только дают нам представление об осуществленных и неосуществленных проектах развития страны, но и выявляют взгляды самых различных групп российской элиты на эконо-

мические, политические, социальные, национальные и культурные процессы, шедшие в России. Более того – анализ думской дискуссии дает нам возможность проникнуть в ментальность российской политической элиты, выявить целый ряд тех ее представлений, которые не были в достаточной степени ею самой отрефлексированы и сформулированы.

Предметом предлагаемой статьи являются нашедшие выражение в думской дискуссии представления депутатов об этнополитической карте России. Наш интерес будет сфокусирован на ментальной политической географии Российской империи, то есть на том, как видели политическую карту России ее жители, каковы были их представления о геополитическом структурировании страны. Понятие «ментальной географии» введено в научный оборот сравнительно недавно, и под ним обычно понимается комплекс знаний и представлений группы или групп людей о пространстве. Исследования по ментальной, воображаемой географии становятся все более популярными в последние годы, однако «пионерская» работа в этой области появилась более 30 лет назад – это ставший теперь классическим труд профессора Колумбийского университета Эдварда Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока»¹. Труд Саида хоть и с запозданием, но весьма активно был отрефлексирован в современной русистике². Проблемам ментальной географии посвящены также монографии Анатолия Ремнева³, Юрия Слезкина⁴, Ларри Вульфа⁵,

¹ *Said E. W.* Orientalism. Western Conceptions of the Orient. London, 1978. Русское издание: *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

² См., напр., дискуссию в журналах *Kritika* и *Ab Imperio*: *Khalid A., Knight N., Todorova M.* Ex Tempore: Orientalism and Russia // *Kritika*. 2000. № 1 (4). P. 691–728; *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 239–368 (*Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Ориентализм – дело тонкое; *Эткинд А.* 1) Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России – 1; 2) Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России – 2; *Найт Н.* Была ли Россия собственным «Ориентом»? Размышления по поводу статей Эткинда и Схиммельпенника в рамках дискуссии по ориентализму (на англ. яз.); *Кэмпбелл Е.* К вопросу об Ориентализме в России (во второй половине XIX века - начале XX века); *Вельченко С.* Проблема российского колониализма в украинской мысли. Идентичность и развитие в условиях зависимости (на англ. яз.))

³ *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004.

⁴ *Slezkine Y.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples Of the North. Ithaca, 1994. Русское издание: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.

⁵ *Wolff L.* Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994. Русское издание: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Марка Бассина⁶, Н.Н. Родригиной⁷, работы Натаниэла Найта⁸, недавний труд Дэвида Схimmelпенника ван дер Ойе⁹. К сожалению, объем статьи не позволяет дать распространенный библиографический очерк трудов по ментальной географии.

К моменту введения в стране парламентской системы Российской империя представляла собой крайне сложный государственно-политический организм. Пространство страны включало в себя множество пересекающихся между собой зон: естественно-географических, экономических, социальных, этнических, конфессиональных, цивилизационных, культурно-ментальных, политических. Вся страна была пронизана силовыми линиями, прочерчена разломами, создававшими внутри- и межзональное напряжение, приведшее в конце концов к взрывам 1905 и 1917 годов.

К числу наиболее серьезных проблем Империи относилась национальная. К началу XX века нерусские народы составляли более половины населения страны¹⁰ и располагались главным образом на ее периферии. Все «окраинные» национальные регионы (Польша, Финляндия, Западные губернии, Кавказ, Крым, Сибирь, Туркестанский край – Средняя Азия) были присоединены к России в течение трех столетий (XVII – XIX вв.) и главным образом насильственным путем. Все эти регионы, хоть и по разному, были административно освоены имперской властью, – для каждого была создана, после целого ряда экспериментов, специфическая административная система, подчинявшаяся напрямую центру. Постепенно регионы включались и в экономическую систему России. Однако их культурное и ментальное освоение шло медленнее, чем административное. Результатом была взаимная отчужденность национальных окраин от центра. Даже те регионы, которые одними из первых, в период раннего средневековья вошли в орбиту государств – предшественников России (Киевской Руси, Новгородской республики, позже – Московского царства) и жители которых были обращены в православие – такие,

⁶ Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographic Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, 1999.

⁷ Родригина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.

⁸ См., напр.: Найт Н. Империя напоказ: всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение. 2001. № 51.

⁹ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001. Русское издание: Схimmelпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

¹⁰ Канпелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 209–210.

например, как карельские уезды¹¹ или области проживания удмуртов, – оказались в начале XX века некими ментально непознанными объектами (о чем свидетельствует, например, так называемое «мултанское дело», получившее освещение в работах Роберта Джераси¹²). Но природа этого отчуждения была в разных регионах разная, и в этой «чуждости» окраин центру существовала известная иерархия.

Уникальную возможность представить себе ту иерархию национальных окраин, которой руководствовалась власть, дают дискуссии по выборному законодательству 1905 года (при подготовке т.н. «булыгинской» Думы) и принятое в результате 6 августа 1905 г. Положение о выборах в Государственную думу, а также закон от 3 июня 1907 г., изменивший порядок выборов в Думу. Такая возможность дана в исчерпывающем анализе, предложенном Р.А. Циунчуком в его монографии о думской модели парламентаризма¹³. Приведем лишь один пример, почерпнутый из этого труда. Даже в самом либеральном Положении о выборах от 6 августа предусматривалось четкое деление страны на две части: губернии и области Европейской России числом 51, включенные в единое избирательное правовое поле, и остальные части страны, определенные как «окраинные регионы» (Польша, Кавказ, Сибирь и Средняя Азия), для которых предусматривались специальные представительные нормы. Финляндия из этой конструкции исключалась, так как имела свой выборный орган – сейм, а после 1906 г. парламент. Интересно, что выборный закон не выделял «инородческие» регионы внутри «Центральной России». Это позволяет предполагать, что власти мыслили скорее в географических, а не этнических категориях. Для них прежде всего существовало сформировавшееся уже к первой половине XIX века историческое ядро – внутренняя Россия¹⁴, являвшаяся особым,

¹¹ О степени отчужденности российских карел от центральной России и власти см.: *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 169–177.

¹² *Джераси Р.* Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «мултанское дело» 1892–1896 годов // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 228–269, или: *Geraci R.P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Cornell University Press, 2001.

¹³ *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

¹⁴ По наблюдению Л.Е. Горизонтова, устойчивые представления о наличии в Империи ядра и обслуживающий их понятийный ряд – «коренная», «центральная» Россия, «внутренние губернии», формируются к первой половине XIX в. Этот стереотип присутствует как на уровне общественного сознания, так и в обиходе государственных инстанций. Обычно внутренняя Россия мыслилась как круг с цен-

функционально значимым регионом империи. К нему на ментальной карте России властью были присоединены так называемые «западные губернии», населенные белорусами и украинцами (малороссы), которые воспринимались как полноправные члены «большой русской нации», носители титульного имперского начала. Взятое в целом, это пространство Империи фактически исчерпывало ее европейскую часть (исключая Польшу и Финляндию, всегда считавшимися чужеродным элементом).

В выборных законах ярко выразилось присущее власти деление Российского пространства на азиатскую и европейскую части. Марк Бассин отмечает: «Фундаментальное географическое предположение, что Россия явным и естественным образом делится на азиатский и европейский сектора, легло в самое основание имперской идеологии...»¹⁵.

Итак, можно с уверенностью заключить, что выборное законодательство отчетливо отразило то, как власть политически осмысливала географическое пространство Империи. Полноправной и полноценной частью страны являлась «коренная», «центральная» Россия, которая была включена в единое правовое поле. Именно эту часть страны власть считала собственно Россией, включая ее в круг европейской культуры и цивилизации. Вне этого круга а, следовательно, и российского правового поля лежали «пониженные в правах», а то и лишенные их, национальные окраины – Польша, Кавказ, Сибирь и Средняя Азия. Особняком стояла Финляндия, отчуждение которой от метрополии достигло в этот период апогея. Каждой из упомянутых окраин были так или иначе посвящены думские дискуссии, которые дают нам возможность более пристально разобраться в природе ментально-географических воззрений политической элиты имперской России.

В этой статье мы сосредоточим свое внимание на думских дискуссиях, посвященных двум западным «окраинам» – Польше и Финляндии. К началу XX века эти два национальных региона, являвши-

тром в Москве и радиусом до 450 верст. На крайних орбитах непосредственного московского тяготения находились Нижний Новгород, Воронеж, Смоленск, Вологда. Очерченное таким образом пространство составляло особый, функционально значимый регион Империи, обладавший своими историческими, этническими, геополитическими, природными и экономическими характеристиками, причем их иерархия в течение XIX в. не оставалась неизменной. Своеобразным маркером «внутренних губерний» являлось русское помещичье землевладение (*Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 129–149).

¹⁵ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии.* Работы последних лет. М., 2005. С. 286.

еся западными форпостами России, ее наиболее развитыми и модернизированными районами, стали вызывать самые серьезные опасения и претензии как со стороны властей предрежащих, так и со стороны правых, националистических партий. К началу XX века национальное движение обеих окраин достигло самой высшей фазы (по классификации Мирослава Хроха, национальное движение начинается с фазы «А», означающей пробуждение интереса небольшой группы интеллигенции к языку и культуре народа, а завершается фазой «С», когда национальная идея получает массовую общественную поддержку¹⁶) и вошло в резкое противоречие с усиливавшейся в России русификационной политикой, девизом которой, по ироническому выражению С.Ю. Витте, являлось «обращу всех в истинно русских»¹⁷.

Противостояние Польши и Финляндии с метрополией выражалось в целом ряде затяжных конфликтов, которые достаточно описаны в литературе¹⁸. Сложность решения польского и финляндского вопросов состояла в том, что эти окраины по культуре, идентичности и цивилизационным маркерам несомненно относились к Западу, с которым идентифицировала себя как русская власть, так и российская элита. Цивилизаторский пафос, который призван был служить обоснованием господствующего положения метрополии¹⁹, не работал на западных окраинах, и поэтому власть должна была конструировать другие обоснования для своих притязаний.

¹⁶ См.: *Hroch M. In the National Interest. Demands and Goals of European National Movements of the Nineteenth Century: A Comparative Perspective.* Prague, 2000. P. 13–14.

¹⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 69.

¹⁸ См., напр.: *Schweitzer R. Autonomie und Autokratie: die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen Reich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899).* Marburg, 1977; *Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982*; Thaden E. *Russia's Western Borderlands, 1710–1870.* Princeton, 1984; *Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914.* DeKalb, 1996; *Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904.* СПб., 1997; *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863–1905).* Lublin, 1998; *Западные окраины Российской империи /* Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006.

¹⁹ Специалист по имперской проблематике Рональд Суни отмечает: «Нуждаясь в оправдании права иностранцев управлять народами, которые стали преобразовывать себя в нации, имперская элита использовала идею модернизации «младших» и нецивилизованных народов в качестве главного средства легитимизации имперского порядка вплоть до XX века» (*Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства /* Ред.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский. М.; Казань, 2004. С. 172).

Вплотную к рассмотрению польского и финляндского вопросов Дума приступила лишь в период третьего созыва, когда националисты получили в ней преобладающее место. В ряде случаев инициатором законодательных инициатив был сотрудничавший с националистическим крылом Государственной думы премьер-министр П.А. Столыпин. Так, именно его ведомством (МВД) был разработан законопроект о введении земства в шести западных губерниях (Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской), который предусматривал уменьшение влияния поляков в местном самоуправлении «Западного края». Другой законопроект, о выделении нескольких восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний из состава Привислинского края (как с 1867 года называли бывшее Царство Польское), объединении их в Холмскую губернию, и присоединении ее к «коренной России», был разработан заместителем Столыпина, товарищем министра внутренних дел, выходцем из Холмщины Сергеем Ефимовичем Крыжановским. Суть законопроекта сводилась к тому, что составлявшие большинство населения Холмщины украинцы (их в то время называли русскими и причисляли к так называемой «большой русской нации»²⁰), которые в большинстве своем были униатами, выводились из-под польско-католического влияния и включались в сферу русско-православного воздействия.

Идея выделения Холмщины из Польши возникла давно, еще в 1865 году, но интерес к этому проекту возродился в годы революции, когда после манифеста 17 апреля 1905 г., разрешившего переход из православия в другие христианские исповедания, в течение полутора месяцев перешли в католичество, только по официальным данным, 168 тысяч православных Холмского края²¹. Законопроект был внесен в III Думу в мае 1909 года и обсуждался в семнадцати заседаниях в ноябре 1911 – мае 1912 годов²². Активнейшим лоббистом, более того – пропагандистом проекта стал преосвященный Евлогий (Георгиевский), епископ Холмский и Люблинский, бывший депутатом Думы. Евлогий создал проекту громкий общественный резонанс, наводнив прессу статьями о Холмщине и знакомя представителей общественности с Холмским вопросом.

Итак, сутью и задачей борьбы за Холмщину в глазах правых было спасение куска русской земли от агрессивного польского влияния.

²⁰ О «проекте большой русской нации» см., напр.: *Горизонтов Л.И.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти. Исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001.

²¹ Конечно, это были бывшие униаты, вынужденные ранее формально перейти в православие.

²² О ситуации вокруг Холмского законопроекта и думских дискуссий по его поводу см. подробн.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

Поляки наступают – таков был тезис русских националистов. Выступления епископа Евлогия и еще одного представителя правых, гр. В.А. Бобринского, в своей значительной части состояли из примеров агрессивной политики ополячивания «русских» Холмщины. Бобринский говорил даже о царившем в крае в 1905 году «польском терроре»²³. «Польский серп жнет там русскую ниву», – образно отобразил польскую экспансию Бобринский. Помимо методов экономического принуждения к переходу в католичество (поляки-помещики вынуждали к этому украинских батраков) применялись, по свидетельству Бобринского, даже такие экзотические средства, как раздача граммофонов. «...ксендзы, – говорил он, – запрещают всем этим новым русским католикам петь русские песни, а для того, чтобы привить им польские песни, сотнями выписаны и розданы населению граммофоны с польскими песнями. Я эти граммофоны встречал везде и слышал, и вы понимаете, какую болью отзывалась во мне эта хриплая игра граммофонов»²⁴.

Епископ Евлогий рисовал драматическую картину, представляя «русских крестьян» жертвой польской культурно-экономической экспансии: «На польской стороне целая армия воинствующего католического духовенства, затем на его стороне экономическая сила помещика, которая часто переходит в засилье, на его стороне вся интеллигенция, адвокатура, врачи, наконец, мелкие городские ремесленники и многообразные общества, которые под видом культуры являются очагами самого неудержимого политического прозелитизма, и все это одной сплошной массой гнетет и давит нашего бедного, темного, забитого крестьянина, толкая его на путь измены своим родным началам. Все это влечет и соблазняет его даже внешним видом довольства, спокойствия и обеспеченной жизни, все это говорит: иди к нам и будешь сыт и доволен или оставайся русским, и тогда будешь в бедности забитым, часто преследуемым, обреченным на насмешки и издевательства. Что же этому сплошному натиску может противопоставить наша бедная русская сторона? На нашей стороне только один бедный сельский священник, бедный, также мало обеспеченный чиновник и еще более бедный народный учитель, который получает в нашей церковной школе 150–180 руб. в год. И это единственные защитники русского населения»²⁵.

Как справедливо отмечает Доминик Ливен, Российское государство чувствовало свою уязвимость перед более развитыми и нацио-

²³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 2736.

²⁴ Там же. Стб. 2742–2743.

²⁵ Там же. Стб. 703–708.

нально активными западными окраинами и стремилось защитить «простого “русского” крестьянина от лучше образованного, предприимчивого и коварного поляка, немца и еврея»²⁶. Западные окраины в глазах правых и националистов представлялись внутренними врагами, от которых требовалось обороняться. В речах правых звучит уверенность, что Россия проигрывает соревнование с собственной окраиной: «Варшаву мы не обрусим, – говорил епископ Евлогий, – и, думается, что никогда не обрусим, а добрую половину Холмщины допустили ополячить»²⁷. Жалобы на то, что «пленная Польша завладела суровым победителем (Россией – М.В.)» отзывают чувством уязвленной национальной гордости и неуверенности в своих силах. О «потере лица», трагедии национального масштаба с горечью говорил депутат Бобринский: «... тут поставлена, как ставка, честь русского народа и судьба части русского народа в этом крае, ибо раз этот закон будет отвергнут, то русское имя для всего 110-миллионного русского народа будет посрамлено...»²⁸.

Против Холмского проекта выступали главным образом поляки, а также прогрессисты, кадеты, трудовики и эсдеки. Представитель польского коло И.С. Гарусевич, описывая политику русификации, проводимую в Царстве Польском, заметил, что, несмотря на то, что метод управления Царством Польским скорее является длительной военной оккупацией, национальную идентичность нельзя изменить насильно²⁹.

Подчеркивая, что после манифеста о свободе совести от православия отпали десятки тысяч униатов, Гарусевич назвал проект отторжения части Царства Польского «актом мести по отношению к польскому народу» со стороны холмских политических деятелей, «уязвленных в своем самолюбии фактом массового перехода в католичество местного населения...». «Этим деятелям трудно примириться с тем фактом, что громадная часть местного населения ушла из принудительного пребывания в православии сейчас же после апрельского указа»³⁰. Так, мотив уязвленного самолюбия не остался незамеченным и противной стороной.

Диаметрально противоположной по отношению к правым и националистам была позиция леволлиберального крыла Думы. Идеалом либералов и левых были западноевропейские демократии с их конституционным правлением, сформировавшимися основами граждан-

²⁶ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 358.

²⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 2675–2676.

²⁸ Там же. Стб. 2729–2730.

²⁹ Там же. Стб. 2726.

³⁰ Там же. Стб. 2727.

ского общества, правовым сознанием народов и благоустроенным бытом. Польша и Финляндия были, по их мнению, островками западного устройства в Российской империи, и их «наступление» на «коренную Россию» нужно было приветствовать как распространение более высоких культурных стандартов. Иными словами, левые приветствовали цивилизационное воздействие западных окраин, не боясь утраты национальной идентичности. Прогрессист граф А.А. Уваров, подходя к Холмскому законопроекту рационально, стремился показать всю невыгодность для местных жителей административного перекраивания этого региона. Он доказывал, что, прежде всего, стоит подумать о «низких выгодах местного населения», а уже потом о таких высоких, но абстрактных понятиях как «русское дело» и «национальная гордость»³¹. Уваров иронически интересовался: если уж вы (правые – М.В.) хотите «оградить себя в Холмщине от всякого влияния Варшавы, <...> так чтобы даже женщины, дамы этой новой губернии не обращались к портникам Варшавы, чтобы между ними была китайская стена, <...> чтобы заяц не мог перебежать, чтобы ворон не мог перелететь», – почему вы оставляете в Холмщине все польские административные и экономические институты? И он отвечает на этот вопрос: потому что они лучше. И далее: «...то положение, которое существует теперь в губерниях Царства Польского, конечно, во многих отношениях несравненно выше того, что существует в Западной России...»³².

Итак, при обсуждении Холмского вопроса столкнулись две позиции в отношении к Царству Польскому: по мнению правых, этот край представлял собой угрозу для «русского дела», для построения «русской Империи», а левые приветствовали идущие из западных окраин культурные импульсы как несущие элементы лучшего государственного, административного и экономического устройства, свет западной цивилизации. Пожалуй, наиболее выпукло это столкновение противоположных представлений о западных окраинах проявилось в думских дискуссиях о Финляндии.

У властей предрежащих к началу XX века накопился целый пакет претензий к Великому княжеству. На первое место по своему значению вышел сюжет геополитический – нелояльная Финляндия, расположенная вблизи столицы России, представляла собой потенциальную угрозу, поскольку, по мнению власти, была готова представлять свою территорию как внутренним, так и внешним врагам империи. Крайне тревожным симптомом в этом смысле было использование русскими революционерами в 1905–1907 годах Великого

³¹ Там же. Стб. 2702–2703.

³² Там же. Стб. 2707–2708.

княжества в качестве базы и перевалочного пункта для доставки им оружия³³. Важнейшим был экономический блок – Финляндия, по мнению ее критиков, недостаточно участвовала в экономических тяготах России (в частности, в расходах на оборону), и поэтому эксплуатировала метрополию экономически, жила и богатела за ее счет. Существенным был правовой сюжет – на территории Финляндии ее граждане имели ряд преимуществ по сравнению с гражданами России. Наконец, раздражение «финнофобов» вызывала резко выраженная национальная и культурная чуждость финляндцев, их демонстративное отмежевание от Империи, то, что в правой прессе определялось как гордыня, «финское зазнайство».

Расширенные дебаты по «финляндскому вопросу» проходили в III Думе трижды. Впервые этот вопрос обсуждался с 5 по 13 мая 1908 г. в связи с несколькими думскими запросами по Финляндии³⁴. Второе обсуждение имело место с 21 по 28 мая 1910 г. и было посвящено законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. Третий раз финские проблемы стали предметом думской дискуссии с 28 октября по 5 декабря 1911 г. – обсуждались законопроекты о производстве финляндской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности и об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных. В ходе дискуссий дважды – в 1908 и 1910 гг. – выступал премьер-министр П.А. Столыпин, который стремился донести до думцев точку зрения правительства по финляндскому вопросу.

Для Столыпина, как и для националистического крыла Думы, приоритетом являлись «исторические державные права России»³⁵. В своем выступлении 5 мая 1908 г. Столыпин обосновал права России на Финляндию, обратившись к итогам Северной войны. Он говорил: «Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные

³³ Причиной этого было, с одной стороны, наличие в Финляндии своих законов, по которым революционная пропаганда не преследовалась, а с другой стороны – массовое сочувствие финляндских жителей к русским революционерам, «раскачивавшим» ситуацию в Российской империи.

³⁴ В их числе были: запрос о существовании в Финляндии тайных организаций «Красной гвардии» и «Воймы», запрос о подготавливавшихся в Финляндии посягательствах на государственный порядок и безопасность, и запрос о тенденциозном направлении законодательной деятельности руководящих финских властей в целях обособления Финляндии в ущерб Российскому государству (См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 2913–2914).

³⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. II. Стб. 2941.

права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе <...> Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии»³⁶. Так была обозначена тема исторических прав России на финляндскую окраину, завоеванную «русской кровью».

Финляндия – завоеванная окраина, и тем преступнее ее непокорность, неповиновение «государственному народу». Окраина затеяла бунт, который следовало безжалостно подавлять – по выражению Н.Е. Маркова (Маркова 2-го), «таким точно способом, каким Господин Великий Новгород усмирал предков (финнов – М.В.)»³⁷. Маркову вторил В.М. Пуришкевич, заявлявший, что «самые серьезные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины»³⁸. Лексика правых в их речах о Финляндии была агрессивной, силовой, их национальная риторика строилось на символическом «перезавоевании» Великого княжества. Как и Польша, Финляндия мыслилась непримиримым внутренним врагом для русской государственности. Марков 2-й заявлял: «Целый ряд актов и действий <...> доказывает, что Финляндия не дружественная нам страна, а явно враждебная»³⁹. Интересно, что, называя Финляндию «страной», Марков 2-й неосознанно подчеркивает ее отдельность от Империи, – именно то, против чего и боролись правые.

Отношение правых к Финляндии, как и к Польше, имело в своей основе чувство национального унижения и ощущение обиды, – процветающая Финляндия, обогнавшая метрополию по уровню и качеству жизни, не желала признавать старшинства над собою «государственного» народа и не собиралась разделять имперские и государственные интересы России. Это чувство оскорбленного национального достоинства проявлялось в подчеркнуто эмоциональной стилистике речей правых. Их выступления носили личностный характер; объект их критики, финляндская автономия, обретала почти человеческие, персонифицированные черты, воспринималась как враг, как чужой, как человек, вкравшийся в доверие, но обманувший его. Общее ощущение обиды и унижения, может быть, наиболее ярко выразил в своей наивной, безыскусной речи крестьянин Д.П. Гулькин, примыкавший к правым: «...достаточно многомиллионное русское крестьянство опекало финляндцев как малолетних детей в течение ста лет, а когда мы ныне просим у них руку помощи, они нами

³⁶ Там же. Стб. 2939–2940.

³⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. IV. Стб. 2372.

³⁸ Там же. Стб. 2237.

³⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. Стб. 370.

гнушаются <...> мы много перенесли за 100 лет, значит, мы страстотерпцы, а финляндцы жили себе и культуризировались, как у Бога за печкой»⁴⁰.

Левые и либералы защищали финляндскую автономию от наступления правых. Финляндия была для них почти идеальным олицетворением либеральной модели и имела, с их точки зрения, приоритетное право на сохранение всех своих привилегий и особых прав. По сути дела, Финляндия рассматривалась либералами как особый случай в российской имперской парадигме, они стремились защитить этот уникальный «культурный край» от разрушительных поползновений националистов и державников. Главным аргументом кадетских ораторов был тот, что в результате принятия предложенного закона российские власти получают возможность прийти в Финляндию со своими порядками, в результате чего особый, налаженный строй этой уникальной окраины будет разрушен, и сама автономия будет низведена до уровня российской губернии.

Особенно ярко эта мысль была сформулирована в речи В.А. Маклакова, с горечью предсказывавшего результаты «нивелировки» Финляндии: «Да, Россия победит. Еще несколько времени – и Финляндия превратится в Архангельскую и Вологодскую окраину с управлением наших типичных администраторов, место школы займет монополия, и приплачивать за Финляндию придется гораздо больше, чем теперь приплачивается. Можно этим не смущаться, но этого нельзя отрицать. А я вам скажу, что если можно этим не смущаться, то есть люди, которые этому будут радоваться. Да, привилегированное положение Финляндии, ее культура, ее свобода, ее порядки давно уже во многих возбуждали досаду. Есть не высокое чувство, но слишком человеческое, слишком естественное, которое побуждает отнимать у других то благо, которого нет у себя; и те, кто не в состоянии улучшить то, что есть плохого у нас, по крайней мере, умеют испортить то, что есть хорошего у других. <...> И потому многие будут радоваться разгрому финляндской культуры, будут злорадствовать этому, вымещая на ней свое собственное унижение»⁴¹.

Защита Финляндии в III Государственной думе была беспрецедентно массовой – левые и либералы выступали против националистов, октябристов и крайне правых широким фронтом, за выступлениями кадетов следовали речи социал-демократов, трудовиков, прогрессистов. Выступления были окрашены эмоционально, в них

⁴⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. IV. Стб. 2415.

⁴¹ Там же. Стб. 2132.

слышалась горечь и неистовое желание отстоять Финляндию — этот единственный и драгоценный уголок, где «народ свободно дышит и не угнетен экономически и духовно». Особую драматичность речам левых фракций придавало ясное ощущение, что их дело заведомо проиграно и разгром Финляндии неизбежен. Отсюда — то подчеркнутое тепло, которое звучало в их речах, выглядевших подчас как прощание с Финляндией. Социал-демократ И.П. Покровский 2-й констатировал: «Правительство не может терпеть рядом с собой страну, входящую в состав Российского государства, страну с действительным демократическим народным представительством, <...> где действительно, а не фиктивно существуют гражданские свободы, страну, где народное образование проникло в глубь, в деревню, страну, где культура дошла до глубины лесов и деревень»⁴². Трудовик крестьянин Г.Е. Рожков говорил о Финляндии с нежностью, как о безвинно приговоренной жертве: «Всякий человек, который хоть чуть имеет человеческую жалость, никогда не даст своего согласия на данный законопроект. Господа, если кто ездил, хотя по железной дороге в Финляндию, то он видел, что, как только переезжаешь границу, является какой-то другой свет»⁴³. Кадет генерал А.Ф. Бабянский выражал свое восхищение: «Маленькая Финляндия, далеко выдвинутая к северу, <...> стяжала уважение и, скажу, удивление всего мира»⁴⁴.

Подведем некоторые итоги. Думские дискуссии показали, что в глазах русской политической элиты западные окраины, и, прежде всего, Польша и Финляндия, выглядели вполне чужеродными территориями. При этом отношение к ним делило представителей элиты на два противоположных, и даже враждебных лагеря. Соглашались в том, что обе эти страны по традициям и идентичности принадлежат, как и Россия, к европейской культуре, а также признавая, что

⁴² Там же. Стб. 2390.

⁴³ Там же. Стб. 2299. Рожков продолжал свою трогательную речь так: «Посмотрите на железную дорогу, на станции; вы видите начальника станции, да сторожа у колокольчика, больше никого; ни шпиков, ни жандармов, ничего нет. Я был, господа, в городе в праздник; признаюсь, сколько я ни следил, я не видел ни одного нищего, я не видел ни одного пьяного. <...> И вот, господа, они сами себя воспитали; в этом воспитании наше правительство никакого участия не принимало. Теперь, господа, вы видите, что делается у нас. Выходите вы из Таврического дворца и вы через каждые 20 сажен видите городского в форме, вы видите около каждых ворот дворника, — это тоже полицейские; вам на каждом шагу встречаются то с подклеенной бородой, то в парике — шпик; вы встречаете извозчика, думаете, что это извозчик, а это тоже шпик. У нас на каждом шагу вы встречаете нищих; <...> Вы видите у нас все то, чего вы не видите в Финляндии. У нас полная безграмотность; <...> Вот это воспитание нашего правительства» (Там же. Стб. 2299–2300).

⁴⁴ Там же. Стб. 2339.

в области модернизации и развития гражданских институтов эти окраины обогнали метрополию, левые и правые резко расходились в политической оценке Великого княжества и Царства Польского. Правые, понимавшие, что более развитые окраины являются соперниками метрополии, считали, что они представляют собой опасность для «русского дела», способны перетянуть на свою сторону попавших под их влияние членов «большой русской нации». Помимо этого, пограничное положение Польши и Финляндии и их нелояльность делали, по мнению правых, их опасными и в геополитическом и стратегическом отношении. Поэтому правые и националисты были едины в том, что Польша и Финляндия – внутренние враги, с которыми Империя должна бороться, не стесняясь с выбором методов. Отношение правых как к Финляндии, так и к Польше, было дополнительно окрашено чувством национального унижения, что делало их борьбу с окраинами еще более яростной.

Отношение левых и либералов к западным окраинам было противоположным: их не пугало, а привлекало культурное и экономическое превосходство Польши и Финляндии, их успехи на пути модернизации, они мечтали о том, что из этих «культурных уголков» Россия сможет получить новые модернизационные импульсы. В этом смысле позиция либералов и левых была близка к модернизационным проектам завоевателя Балтии и Старой Финляндии Петра I и «присоединителя» Финляндии и Царства Польского Александра I. Оба императора стремились сделать из этих вновь присоединенных развитых районов некие модели для дальнейшего развития Империи.

В целом ментальная карта России в глазах политической элиты представляла собой перекошенную, асимметричную конструкцию. На востоке располагались азиатские окраины, которые воспринимались почти всеми политическими силами с позиций классической колониальной парадигмы. Запад представлял собою ментально близкое пространство, готовое, однако, к культурной экспансии на российские территории, бывшие для него востоком, и в связи с этим вызывавшим как тревогу, так и готовность это вторжение воспринять. Чужеродность национальных «окраин» метрополии была различной по природе, но в равной степени препятствовала их ментальному освоению. Имперская элита не готова была ни «переварить» окраины, ни отторгнуть их. Нарастала взаимная отчужденность элит, завершившаяся развалом Империи после октября 1917 года.

В.А. НАРДОВА

**III Государственная дума: законодательные инициативы
по изменению городского избирательного закона**

Реформа городского самоуправления в начале XX века оставалась в числе наиболее востребованных преобразований. Однако в деятельности III Государственной думы вопросы городского самоуправления не заняли места, адекватного остроте данной проблемы. На рассмотрение Думы Министерством внутренних дел были внесены законопроекты Городового положения для городов губерний Царства Польского и о сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в С.-Петербурге. При всей важности названных проектов они находились за рамками общей проблемы реформирования городского самоуправления. Эта проблема не стала приоритетной задачей и самой Государственной думы. Ее инициативные шаги ограничились рядом законодательных предположений: о распространении Городового положения на города, где оно не было введено; о предоставлении городским общественным управлениям права устанавливать сборы с домовладельцев на определенные надобности; о расширении прав городов для обложения казенных имуществ; об изменении городского избирательного закона. В настоящей статье будут рассмотрены законодательные предположения думцев об изменении городского избирательного закона.

27 июня 1908 г. за подписью 52 депутатов в Государственную думу было внесено законодательное предположение «Об изменении городского избирательного закона»¹. Законодательное предположение исходило от парламентской фракции партии народной свободы. Кроме кадетов, подписи под документом поставили трудовики, прогрессисты, мусульмане². Напомним, что в I Государственной думе кадетской фракцией был разработан проект Городового положения. Однако, вследствие роспуска Думы, он не получил движения³. Во II Государственной думе фракция сузила свою задачу: комиссией по местному самоуправлению при фракции был подготовлен проект о выборах городских гласных. Окончательно одобренный фракцией

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 4484.

² Кадеты – 26 подписей, трудовики – 15, прогрессисты – 7, мусульмане – 3, беспартийные – 1 подпись.

³ Проект был напечатан в журнале «Самоуправление». 1907. № 5. С. 6–11.

проект должен был поступить в Думу в начале июня 1907 г.⁴. Намеченный план оказался сорванным третьеиюньским переворотом.

В III Государственной думе кадетская фракция также решила ограничить свою задачу подготовкой проекта реформирования городского избирательного закона. В преамбуле законодательного предположения 52 депутатов подчеркивалось, что издание нового закона о выборах является «наиболее назревшей» задачей предстоящих законодательных работ. Дух недоверия к широким слоям общества, которым проникнуто все Городовое положение 1892 г., с особенной силой отразился на разделе, регулирующем городские выборы. Установление высокого имущественного ценза лишило избирательного права подавляющую часть городских жителей. В результате городские думы оказались в руках ничтожной в количественном отношении горстки горожан, представляющих интересы исключительно крупного домовладения и торгово-промышленных предприятий. Такое положение представляется особенно противоестественным в новых исторических условиях. «В настоящее время, – говорится в документе, – когда все население нашей страны, хотя и с некоторыми ограничениями, призвано к участию через своих представителей в высшем законодательном, бюджетном и контрольном управлении всем государством, сохранение олигархического строя городских дум, ведающих исключительно местными хозяйственными делами, потеряло всякий смысл, является пережитком иной эпохи». Утверждалось, что несостоятельность действующего избирательного закона фактически признало и само правительство при проведении реформы общественного управления в Петербурге. Однако оно не нашло в себе решимости сколько-нибудь последовательно демократизировать новое начало – право представительства квартиронанимателей в городском самоуправлении Петербурга и готовности распространить его на другие города. В документе указывалось, что при реформировании избирательного закона полумеры сейчас уже невозможны.

В соответствии с законодательным предположением активное избирательное право предоставлялось всякому русскому подданному без различия пола, национальности, вероисповедания, сословия, достигшему 21 года и проживающему в данном городе не менее 6 месяцев. Ценз оседлости не требовался для тех, кто владел имуществом, обложенным налогом в пользу города или уплачивал в год выборов личный городской или квартальный налог. Пассивное избирательное право не было ограничено обязательным 6-месячным пре-

⁴ Миллюков П. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1908. С. 300.

быванием в городе. Выборы в городские думы должны были проводиться прямым, равным и тайным голосованием раз в 3 года. Предусматривалось, что при числе жителей более 10 тыс. человек, город делится на избирательные участки. Число избираемых гласных от каждого участка должно быть пропорционально количеству избирателей, но гласные избираются по общему списку независимо от принадлежности к тому или иному участку. В законодательном предположении была подробно расписана техническая сторона проведения выборов⁵. Принципиальные положения законодательного предположения фактически полностью совпадали с разделом о выборах в кадетском проекте 1906 г., за исключением ценза оседлости; в проекте 1906 г. он предусматривался как для активного, так и для пассивного избирательного права.

18 августа 1908 г. законодательное предположение 52 депутатов Канцелярией Государственной думы было направлено председателю Совета министров, министрам внутренних дел и юстиции⁶. Правительственная реакция на законодательное предположение ограничилась перепиской между Министерством внутренних дел и Советом министров. 18 октября 1908 г. начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Л. Пшерадский отправил письмо на имя управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве. В письме не содержалось оценочных суждений относительно законодательных предположений 52 членов Думы. Пшерадский лишь довел до сведения своего адресата, что в Министерстве внутренних дел уже вырабатываются предположения о преобразовании городского представительства. В основу избирательного права положен налоговый ценз — уплата в городскую казну определенных сборов как «наиболее точный показатель степени заинтересованности плательщика в делах городского общественного управления». Министерство признало необходимым предоставить избирательное право высшим разрядам квартиронанимателей подобно тому, как это уже допущено в Петербурге. С той же целью — расширить круг лиц, участвующих в выборах, предполагается понизить избирательный ценз: для лиц, владеющих недвижимостью, — наполовину, для уплачивающих повинности за производство торговли и промыслов — на один разряд. Кроме того, имеется в виду возратить евреям черты оседлости те права, которые принадлежали им по Городовому положению 1870 г.⁷

По сути дела Пшерадским были изложены положения, содержащиеся в программе П.А. Столыпина — «Главные основания преобра-

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2338. ЛЛ. 2–9; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия первая. № 633.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2338. ЛЛ. 10–11.

⁷ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 848. ЛЛ. 13–14.

зования земских и городских учреждений», в декабре 1907 г. одобренной Советом министров⁸. «Главные основания» оказались вскоре забытыми на долгие годы, но в октябре 1908 г., как мы видим, документ еще рассматривался чиновниками Министерства внутренних дел как реальная программа, предназначенная для претворения в жизнь. Между тем 26 мая 1909 г. по постановлению общего собрания Думы законодательное предположение без всякого обсуждения было направлено в комиссию по городским делам на предмет «желательности»⁹. До конца работы III Государственной думы комиссия к рассмотрению законодательного предположения так и не приступила.

В ноябре 1908 г. по инициативе социал-демократической фракции в Государственную думу поступило законодательное предположение 32 членов Думы «Организация местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права». Кроме социал-демократов (14 человек), подписи поставили кадеты (4), трудовики (8), беспартийные (4). В «Объяснительной записке социал-демократической фракции» выдвигалась задача реформы всего строя местного управления и самоуправления. «Вопрос о реформе..., – говорится в документе, – является в настоящее время одним из наиболее жгучих вопросов, требующих безотлагательного разрешения во всем его объеме». По мнению социал-демократов, реформированные на широких демократических началах органы земского и городского самоуправления, волостного и сельского управления должны стать органами государственной власти на местах. Только «когда вся власть, все управление сверху донизу будет осуществляться выборными демократическими органами самоуправления, только тогда нужды широких слоев населения получат надлежащее удовлетворение». Цель этой реформы – передать власть демократически выборным органам самоуправления. Поэтому, подчеркивалось в «Объяснительной записке», социал-демократы придают особое значение реформе местного самоуправления и со своей стороны считают нужным сделать все, что в данный момент возможно». По мнению социал-демократической фракции, реформа должна идти в двух направлениях: с одной стороны, должны быть преобразованы органы местного управления, а, с другой стороны, коренным образом должны быть изменены их компетенция и пределы власти. Вносимый законопроект, сказано в документе, затрагивает лишь один из двух вопросов, а именно вопрос о реформе органов местного самоуправления и изби-

⁸ Особые журналы Совета министров царской России. 1907. М., 1985. Ч. II. С. 889–893, 897.

⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1997–1998, 2153.

рательных прав. Вопрос о компетенции и объеме власти составит вторую задачу¹⁰.

Законодательное предположение включало в себя отдельные Положения о выборах в участковое, уездное, областное земство, в поселковое управление и городские думы. По положению о выборах в городские думы право избирать в гласные принадлежит всем российским гражданам, без различия пола, вероисповедания, национальности, достигшим 20 лет ко времени составления избирательных списков по месту нахождения субъекта. (Списки должны были составляться в ноябре, выборы проходить в январе следующего года). В случае изменения местонахождения избиратель имел право не позже, чем за неделю до выборов потребовать внесения его в новые избирательные списки. (Приобретая избирательное право на новом месте, гражданин утрачивал активное избирательное право на месте первоначального внесения в списки) (пп. 6, 7, 29). Выборы осуществлялись тайной подачей голосов, непосредственно самим избирателем. Голосование по доверенности не допускалось (п. 29). Гласные избирались каждые 2 года (п. 30). Для производства выборов город делился на избирательные округа (участки), границы округов устанавливались самой думой (п. 33). Ценз оседлости не устанавливался. В «Объяснительной записке» к законопроекту социал-демократическая фракция сочла нужным обосновать нецелесообразность ценза оседлости. Указывалось, что на выборах в органы местного самоуправления каждый гражданин имеет право на 1 голос, и поэтому важно лишь соблюдение «техники» составления списков. Для пассивного избирательного права не требуется и такого ограничения. Правом быть избранным в гласные должны пользоваться все правоспособные лица, хотя бы они и не были внесены в списки данной местности¹¹.

По постановлению общего собрания Государственной думы от 26 мая 1909 г. законодательное предположение без обсуждения было передано в Комиссию по местному самоуправлению¹². Комиссия рассмотрела его 9 февраля 1912 г. в присутствии начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферова. Докладчиком был член комиссии октябрист Ю.Н. Глебов. Комиссия нашла, что участие в местном самоуправлении должно быть предоставлено лишь лицам, платящим сбор в пользу самоуправляющейся единицы и на этом основании признала законодательное предположе-

¹⁰ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия вторая. СПб., 1909. Т. 1. № 62. С. 6–7.

¹¹ Там же. С. 1 – 3.

¹² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1997–1998, 2153–2154.

ние об организации местного самоуправления, базирующегося на всеобщем избирательном праве, «нежелательным»¹³. Доклад комиссии был передан в Государственную думу 22 февраля 1912 г. До завершения работы III Думы он так и не был ею рассмотрен.

10 декабря 1910 г. в Государственную думу поступило законодательное предположение 40 членов Думы «Об изменении Положения об общественном управлении Петербурга». Оно включало в себя предложения, касавшиеся исключительно избирательного закона. Инициатива на этот раз исходила от трудовиков и была приурочена к началу обсуждения в Думе законопроекта Министерства внутренних дел «О сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Петербурге». Разразившаяся в Петербурге в 1908 г. эпидемия холеры заставила правительство обратить внимание на санитарное состояние столицы и в первую очередь необходимость решения проблемы удаления из города нечистот. Министерство внутренних дел заявило, что решение таких сложных в техническом отношении задач как устройство рациональной системы канализации и усовершенствование водоснабжения столицы для общественного управления оказалось непосильным. На этом основании Министерством был подготовлен законопроект о принудительных мерах по оздоровлению столицы. Предусматривалось, что все дело по устройству канализации и усовершенствованию водопровода будет передано в «непосредственное заведование» правительственного учреждения при минимальном участии общественного управления, но полностью за его счет.

В ходе обсуждения правительственного законопроекта в Думе от имени трудовой группы выступил А.А. Булат (17 января 1911 г.). Он заявил об отрицательном отношении трудовиков к законопроекту, нарушающему основные принципы самоуправления. Вместе с тем трудовики выразили сомнение в том, что передача дела канализации в ведение бюрократических структур явится гарантией успеха в решении проблемы оздоровления города. (Были упомянуты, в частности, неудачные результаты вмешательства администрации в устройство в столице водопроводного коллектора). Главную причину неудовлетворительной постановки городского хозяйства в Петербурге, в том числе с устройством канализации, трудовики видели в «нынешней системе организации городского самоуправления, отданного «волей правительства» в руки незначительной горстки наиболее крупных собственников. Это ненормальное положение обеспечивалось высоким избирательным цензом, разрядной системой выборов, гарантирующей 1 / 3 мест в городской думе мизерному числу бога-

¹³ Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1912. Т. 3. № 312.

тейших избирателей, а также порядком выборов по участкам, ограничивающим право избрания гласных только из числа избирателей своего участка, где «достойных» кандидатов могло и не оказаться. Булат заявил, что трудовая группа будет голосовать против перехода к постатейному чтению правительственного законопроекта: проведите реформу избирательного закона и обсуждения данного законопроекта не потребуется. Наилучшие условия для эффективного ведения городского хозяйства создаст организация самоуправления на началах всеобщего избирательного права. «Мы внесли подобный законопроект, но, — сказал Булат, — знаем хорошо его судьбу: Третья Государственная дума его не примет»¹⁴.

Законодательное предположение «Об изменении Положения об общественном управлении С.-Петербурга» включало в себя следующие пункты:

1. Право активного и пассивного участия в выборах гласных в Петербургскую думу принадлежит всем совершеннолетним лицам, живущим в Петербурге не менее 1 года, без различия национальности, пола и вероисповедания.

2. Производство выборов осуществляется прямой подачей голосов, без деления на курии и разряды.

3. Выборы производятся по участкам. Никто не может подать голос более, чем на одном участке. Но избираться могут лица и из других участков¹⁵.

Кроме трудовиков (14 членов Думы) подписи под законодательным предположением поставили социал-демократы (11), кадеты (6), мусульмане (2), беспартийные (4). 20 декабря 1910 г. законодательное предположение 40 депутатов из Канцелярии Государственной думы было направлено председателю Совета министров и министру внутренних дел¹⁶. Неделю спустя исполняющий должность управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве обратился к начальнику Главного управления по делам местного хозяйства С.Н. Гербелю с просьбой представить в Совет министров заключение на законодательное предположение 40 членов Думы с таким расчетом, чтобы вопрос мог быть в Совете министров рассмотрен не позднее 20 января 1911 г.¹⁷. Заключение Министерства внутренних дел было сообщено Гербелем в письме от 12 января 1911 г. В нем указывалось,

¹⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 21–26; Отчет думской трудовой группы. Четвертая сессия третьей Думы. СПб., 1911. С. 10–11.

¹⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1910. Т. 1. № 104.

¹⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2398. ЛЛ. 3–4.

¹⁷ Там же. Ф. 1288. Оп. 5. 1910. Д. 159. Л. 11.

что Положением об общественном управлении Петербурга, изданном лишь 7 лет назад, «уже сделан шаг в смысле демократизации городского представительства» – в круг городских избирателей введены не только владельцы недвижимых имуществ и торгово-промышленных предприятий, но и квартиронаниматели, уплачивающие не менее года государственный квартирный налог не ниже 33 руб. в год. Дальнейшие изменения в организации выборов по Санкт-Петербургу, говорится в письме, будут произведены при пересмотре общеимперской избирательной системы «в соответствии с общими началами городского представительства и указаниями опыта». До тех пор изменение правил городских выборов в Санкт-Петербурге «не имело бы для себя оснований».

Вместе с тем было обращено внимание на то, что законодательное предположение, намечающее производство выборов гласных на основании всеобщего избирательного права, «идет вразрез с тем началом, на коем исторически развивается наше городское представительство – имущественно налоговым цензом». По приведенным соображениям Министерство внутренних дел признает законодательное предположение неприемлемым¹⁸. 1 февраля 1911 г. начальник Главного управления по делам местного хозяйства был уведомлен о том, что Совет министров в заседании 29 января «вполне согласился» с соображениями министра внутренних дел по поводу законодательного предположения 40 членов Государственной думы¹⁹.

16 февраля на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко было послано подписанное министром внутренних дел П.А. Столыпиным «сообщение» с отказом Министерства приступить к разработке законопроекта об изменении порядка выборов по городу Петербургу согласно законодательному предположению 40 членов Государственной думы. В «сообщении» была повторена аргументация, содержащаяся в письме Гербеля в Совет министров. Законодательное предположение признавалось «неприемлемым» как по формальным основаниям (до общеимперского пересмотра городской избирательной системы «нет оснований созидать городское представительство в столице без соображений с теми началами, которые будут лежать в основе общей городской избирательной реформы»), так и «по существу» (намечаемое производство выборов городских гласных на основании всеобщего избирательного права находится в полном противоречии с тем началом, на коем исторически развивается наше городское представительство – имущественно-налоговым цензом). «Означенное начало, – подчеркивалось в документе, – дол-

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 16.

жно быть сохранено впредь с допущением лишь дальнейшего его развития «в смысле расширения круга лиц, коим предоставляется участие в городских выборах»²⁰.

Надо полагать, что содержащийся в «сообщении министра внутренних дел намек на возможность демократизации городского представительства в будущем не был случаен. И это обстоятельство не осталось незамеченным прессой. На незамедлительную реакцию правительства на законодательное предположение трудовиков обратил внимание орган кадетской партии газета «Речь», которая дала этому свое объяснение. «Законодательное предположение, внесенное членами Государственной думы в порядке думской инициативы, — писал орган кадетов газета «Речь», — не часто удостоиваются внимания кабинета. Тем интереснее отметить, что 29 января Совет министров рассмотрел законодательное предположение, внесенное 40 членами оппозиции об организации выборов в Санкт-Петербурге на основании всеобщего избирательного права... Разумеется, Совет министров признал предположение «неприемлемым», но, как бы то ни было, он вошел в суждение о деле, даже не дожидаясь, когда обычный ход парламентской процедуры сделал бы для правительства обязательным установить свое отношение к проекту». По мнению газеты, «столь неожиданный интерес к реформе городского представительства и даже некоторая готовность к его «дальнейшей демократизации» стоит в тесной связи с сопротивлением, на которое натолкнулось правительство в Государственной думе по вопросу о канализации Петербурга... Очевидно, при третьем чтении нужно успокоить Думу хоть обещанием относительно предстоящей «демократизации в дальнейшем» при каком-нибудь «будущем пересмотре Городового положения»²¹. Аналогичным образом «необычайную быстроту», с которой откликнулся Совет министров, объяснил и муниципальный журнал «Городское дело»²².

Еще 20 февраля 1911 г., не получив ответа Министерства внутренних дел, Общее собрание Государственной думы приняло решение о передаче законодательного предположения в комиссию по городским делам на предмет «желательности». До истечения срока работы Третьей Думы законодательное предположение не получило движения²³.

В 1911 г. в Государственную думу поступило еще два законодательных предположения об изменении городского избирательного

²⁰ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2398. Л. 7; Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. № 272.

²¹ Речь. 1911. 1 февраля.

²² Городское дело. 1911. № 4. С. 370–377.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2398. Л. 8; Ф. 1288. Оп. 5. 1910. Д. 159. Л. 16.

закона, исходивших от правых и националистов. Оба документа были составлены в русле националистически окрашенной политики правительства этого периода. 12 ноября в Думу было внесено законодательное предположение 57 членов «Об изменении некоторых статей Городового положения 1892 г. в отношении городов Закавказья». Подписи поставили правые (29 человек), националисты (24), беспартийные (2), октябристы (1). (Одна подпись неразборчива). В законодательном предположении ставился вопрос о том, что Городовое положение 1892 г. в применении к многонациональным окраинам России нуждается в определенных поправках для защиты интересов русского населения и обеспечения справедливого представительства русских в городском самоуправлении. Указывалось, что городские думы Баку, Тифлиса и других городов Закавказья состоят в основном из представителей от трех наиболее многочисленных народностей – армян, татар²⁴, грузин, в то время, как в них проживает весьма значительное количество русских. Приводились цифры: в Баку и уезде по переписи 1897 г. числилось армян – 23 тыс., татар – 43 тыс., русских – 45 тыс. человек. Однако в Бакинской думе к русской национальности принадлежало только 7 человек, которые к тому же, по словам документа, являлись «ставленниками инородцев». Отмечалось, что «за последнее время, а в особенности с 1905 г., местное инородческое население резко отмежевывается от русского, группируясь между собой по национальностям и действуя солидарно... всегда проводят своих представителей во все общественные учреждения». Поэтому для обеспечения интересов русского населения, говорилось далее, необходимо исправить пробелы и недостатки, допущенные в Городовом положении в отношении городов Закавказья. Доказывалось, что еще в 1908 г. Государственная дума признала недостаточную защищенность интересов русского населения Закавказья, приняв формулу перехода к очередным делам, предложенную фракцией Союза 17 октября при обсуждении вопроса о введении Городового положения в г. Карсе. В ней подчеркивалась «необходимость обеспечить при введении означенного Положения справедливое представительство русского населения и его интересы». С учетом этой рекомендации в проект Городового положения для г. Карса были внесены следующие изменения: 1) Для проведения городских выборов создавались 2 избирательных собрания: одно для русских, другое для туземного населения. 2) Право участия в выборах предоставлялось лицам, уплачивающим квартирный налог.

Наряду с изложением позиции Государственной думы в отношении

²⁴ В царской России тюркоязычные народности власти традиционно называли турками.

г. Карса в законодательном предположении было отмечено, что Дума по двум законопроектам поддержала предложение правительства об образовании для русских самостоятельных избирательных собраний (законопроект о западном земстве и законопроект Городового положения для городов Царства Польского). Таким образом, подчеркивалось в законодательном предположении, и правительство, и Дума не только признали, что Городовое положение 1892 г. «неприемлемо для городов окраин», но и предложили поправки, позволяющие обеспечить там интересы русского населения. Указав на имеющиеся прецеденты, 57 членов Думы предложили применительно к городам Закавказья внести соответствующие изменения в 2 статьи Городового положения: в ст. 24 – дополнение о праве участия в выборах квартиронанимателей, уплачивающих государственный квартирный налог; в ст. 34 – поправку об образовании двух избирательных собраний – одного для лиц русской национальности, другого – для туземного населения. При этом предлагалось установить квоту: гласным русской национальности в составе городской думы должно принадлежать не менее 50 % мест²⁵.

Следует обратить внимание на то, что в упомянутых выше законопроектах система национальных курий не была связана с установлением процентной нормы. Ее предположение 57 депутатами вызвало возражения со стороны наместника е.и.в. на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова. Свое несогласие с предложением о предоставлении русским не менее 50 % мест гласных он объяснял тем, что «эта мера, как принципиально несправедливая, может вызвать лишь постоянно неприязненное отношение в делах городского хозяйства к русским со стороны других национальностей, что нежелательно, и может лишь вредить правильному течению дел»²⁶.

Законодательное предположение было передано Думой в комиссию по направлению законодательных предположений для заключения по вопросу «о желательности». Комиссия в своем докладе (докладчик Г.В. Скоропадский) поддержала постановку вопроса о необходимости принятия мер для обеспечения справедливого представительства русских в органах городского общественного управления Закавказского края. Она признала «целесообразным» предложение о создании особого избирательного собрания для лиц русской национальности, тем более, что Государственной думой уже одобрена подобная мера в отношении г. Карса и городов Царства Польского.

Вместе с тем комиссия не сочла возможным поддержать «в настоящий момент» определение конкретной процентной нормы (50%)

²⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2429. ЛЛ. 2–3; Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1911. Т. 1. № 85.

²⁶ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 546; РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 39. ЛЛ. 11–13.

для представительства от русской части населения. Комиссия опасалась, что, кроме Баку и Тифлиса, для других городов такая норма может оказаться совершенно неприемлемой: из-за недостаточности в них русского населения будет невозможно составить половину думы из лиц русской национальности. В итоге комиссия посчитала возможным положительно высказаться лишь относительно основной мысли законодательного предположения – о необходимости защиты интересов русского населения. Конкретные меры, по ее мнению, требуют «дополнительных соображений», ознакомления с местными условиями. Поэтому комиссия ограничилась рекомендацией Государственной думе «признать желательным пересмотр Городового положения 1892 г. в отношении городов Закавказского края в целях обеспечения в городском самоуправлении справедливого представительства русского населения и его интересов»²⁷. Доклад был представлен в Думу 30 апреля 1912 г. Законодательное предположение не получило дальнейшего движения. В «Справке» по делу «Об изменении некоторых статей Городового положения в отношении городов Закавказья» указано: «За окончанием полномочий Государственной думы третьего созыва дело закончено»²⁸.

30 ноября 1911 г. 52 члена Государственной думы – националисты и правые²⁹ – внесли законодательное предположение «О дополнении некоторых статей Городового положения 1892 г. в отношении городов Западного края». В нем утверждалось, что применение в Западном крае Городового положения 1892 г. без всяких изменений, учитывающих его национальные, политические и бытовые особенности, привело к тому, что в исконно русском крае русское население оказалось «искусственно устранено» от участия в городском самоуправлении. По Городовому положению избирательным правом пользуются исключительно владельцы недвижимых имуществ определенной стоимости и значительных торгово-промышленных заведений. В городах Западного края среди состоятельных собственников, торговцев и промышленников, преобладают поляки и евреи.³⁰ Но поскольку последние лишены права участвовать в городских выборах, «господами положения» в избирательных собраниях и думах фактически стали поляки, в руки которых действующее Городовое положение «отдало всецело городское общественное управление». «Польское засилье в

²⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2429. ЛЛ. 9–10.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Подписи поставили: от русской национальной фракции – 24 человека, фракции независимых националистов – 1, правых – 19, октябристов – 3, правых октябристов – 4 человека. Подпись одного не установлена.

³⁰ Речь идет о городах 9 губерний: Витебской, Виленской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской.

городских общественных управлениях, — говорилось далее, — не отвечает ни интересам русского населения, ни интересам русской государственности, так как городские польские заправила энергично поддерживают колонизацию Западного края, где только возможно». Поэтому необходимы меры, способные подорвать «польское засилье» и «привлечь в органы самоуправления русских людей». С этой целью предлагалось расширить круг лиц, наделенных избирательным правом — допустить к выборам всех владельцев недвижимой собственности, а также нанимателей квартир.

Однако такая мера признавалась недостаточной для защиты интересов русского населения. «Само собой разумеется, — говорилось в законодательном предположении, — русское население в Западном крае, как принадлежащее к державному в империи русскому народу, должно иметь по всей справедливости преимущества перед поляками и другими инородцами в составе представительства в городском самоуправлении». Преимущественные условия намечалось обеспечить организацией куриальной системы выборов на национальной основе. 52 члена Думы полагали, что такое предложение не должно встретить «принципиальных» возражений: разделение избирательных собраний по национальностям предусмотрено действующим Положением о выборах в Государственную думу, Положением о земском самоуправлении в 6 западных губерниях, включено в законопроект Городового положения в городах Царства Польского. На этом основании 52 членами Думы было внесено законодательное предложение о пересмотре двух статей Городового положения — ст. 24, определяющей состав избирателей, и ст. 34, устанавливающей порядок проведения выборов в городские думы. Предлагалось в состав избирателей допустить всех лиц, имеющих в пределах города на праве собственности или пожизненного владения недвижимое имущество, обложенное городским налогом, а также лиц, снимающих квартиру и уплачивающих государственный квартирный налог и добавочный к нему квартирный сбор в пользу города. Оговаривалось, что при этом остается в силе примечание 3 к ст. 24, ограничивающее права евреев. Статью 34 предлагалось дополнить постановлением о разделении избирательного собрания на 2 отдела: первый — для русских избирателей, второй — для всех остальных; при этом устанавливалась квота: число гласных от русского населения должно составлять не менее половины всего состава гласных³¹.

Законодательное предположение было направлено в комиссию по городским делам для заключения по вопросу «о желательности».

³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2436. ЛЛ. 10 — 12; Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. Т. 1. № 141.

Комиссия (докладчик С.Н. Алексеев) нашла желательным дополнить ст. 24 Городового положения в соответствии с предложениями, указанными в законодательном предположении. В отношении вопроса о справедливом обеспечении интересов русского населения в городских самоуправлениях Западного края комиссия признала «в основном желательным» принятие мер к такому обеспечению. Однако нашла, что законодательное предположение членов Государственной думы «слишком подробно устанавливает пределы изменения ст. 34 Городового положения и что в настоящее время комиссии надлежит определить предполагаемую меру в более общих чертах». При этом комиссия сослалась на формулу перехода к очередным делам, принятую Думой 5 декабря 1911 г. при обсуждении Городового положения для городов Царства Польского. В ней содержалось пожелание, чтобы правительство в ближайшее время внесло законопроект об изменении положения 1892 г. в отношении западных губерний «в соответствии с бытовыми и политическими особенностями этого края»³². Комиссия высказалась за желательность изменения ст. 34 с тем, «чтобы были обеспечены интересы русского населения путем разделения избирательного собрания на отделения по народностям в тех городах, где это по надлежащем обследовании будет признано необходимым».

В заключение комиссия рекомендовала Государственной думе законодательное предположение о дополнении ст. 24 и 34 Городового положения 1892 г. в отношении городов западных губерний «признать желательным на указанных комиссией основаниях»³³.

5 марта 1912 г. доклад комиссии был вручен председателем Думы для представления на обсуждение Общего собрания. Согласно «Справке» по делу о законодательном предположении 52 членов Думы, «за окончанием полномочий Государственной думы третьего созыва — дело закончено»³⁴. Позиция Министерства внутренних дел в отношении законодательных предположений 52 и 57 членов изложена в письме министра внутренних дел А.А. Макарова председателю Совета министров В.Н. Коковцову (31 декабря 1911 г.). В нем говорится, что Министерство уже с 1907 г. было озабочено вопросом о реформе ныне действующей городской избирательной системы. Но «для всестороннего его изучения и соображения» нужно еще некоторое время, так как вопрос «должен быть разрешен на основании не отвлеченных и оmozрительных положений, а на данных дей-

³² Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 3249.

³³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2436. ЛЛ. 13–14; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1912. Т. 3. № 388.

³⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2436. ЛЛ. 15–16.

ствительности», и теперь еще невозможно предрешить, «какой именно облик получит в конечном выводе намечаемая реформа». Поэтому в ответе Государственной думе по поводу законодательных предположений следует заявить, что министр готов взять на себя не частные дополнения Городового положения правилами о национальных куриях в отдельных местностях, а разработку общего пересмотра вопроса о городских выборах, частью чего является и разделение избирателей на курии. Совет министров согласился с соображениями Министерства внутренних дел³⁵. Позицию Министерства, безусловно, определяли и боязнь обострения национальных отношений на окраинах, и традиционные опасения властей, что внесение частичных поправок (расширение круга избирателей на окраинах) потянет за собой необходимость решать этот вопрос на территории всей Империи.

Итак, ни одно из инициированных предложений депутатов III Государственной думы об изменении городского избирательного закона не было доведено даже до рассмотрения его общим собранием Думы. Законодательные предположения, основывавшиеся на всеобщем избирательном праве, были заведомо бесперспективны, не имели ни малейшего шанса получить поддержку Думы, не говоря о Государственном совете. Свое негативное отношение к законодательным предположениям 52 и 32 членов Думы думское большинство поспешило выразить еще до передачи их комиссиями на рассмотрение общего собрания при голосовании формул перехода, внесенных фракциями прогрессистов и народной свободы (январь 1911 г.). В первой из них говорилось о необходимости радикальной реформы городского самоуправления, основанной на привлечении широких кругов городского населения к заведованию городским хозяйством, и выражалось пожелание о скорейшем внесении правительством законопроекта о преобразовании городского самоуправления. Во второй формуле перехода утверждалось, что для изживания антисанитарных условий городской жизни необходимо незамедлительное преобразование местных управлений в учреждения местного самоуправления, избранные всем местным населением, и выражалось пожелание, чтобы комиссии (городская и по местному самоуправлению) в течение одного месяца внесли свои заключения по находившимся на их рассмотрении законодательным предположениям об изменении земского и городского избирательного законов. Оба документа были отклонены большинством голосов³⁶.

³⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 547; РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 39. ЛЛ. 16–18.

³⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 54.

Законодательные предположения об изменении городского избирательного закона в городах Западных губерний и Закавказья полностью соответствовали духу националистической политики правительства и, по сути дела, повторяли нормы, уже запущенные в законодательный процесс (Городовые положения для городов Царства Польского и для г. Карса). Однако законодательным предположениям не был дан ход до завершения полномочий III Думы, так как была принята во внимание сдержанная позиция комиссий по вопросу о «желательности».

В.Н. ГИНЕВ

Думские законопроекты о преобразовании сословной крестьянской волости во всесословную (1911 и 1916 гг.) и «Временное положение о волостном земском управлении» Временного правительства (21 мая 1917 г.). Последовательность разработки и сравнительная характеристика.¹

Намерение преобразовать сословную крестьянскую волость во всесословную (иногда она не вполне адекватно называлась бессословной) возникла во властных структурах России и у представителей различных общественных течений в начале 1860-х гг. в связи с отменой крепостного права. Являясь в течение нескольких десятилетий предметом обсуждений, идея эта в начале 1907 г. по инициативе П.А. Столыпина приобрела форму законопроекта и в феврале 1907 г. была им внесена во II Государственную думу.

Судьба законопроекта оказалась сложной и неблагоприятной. II Государственная дума до своего роспуска не успела его рассмотреть. Подвергнутый критике с консервативных или даже реакционных позиций, в несколько подправленном виде, с учетом возражений со стороны «объединенного дворянства» законопроект был передан в III Думу. Правые не были удовлетворены сделанными Столыпиным уступками. С другой стороны, правительственный законопроект в ряде положений не устроил разного толка либералов, представленных в Думе, особенно кадетов. Что же касается немногочисленной фракции социал-демократов, то она сочла его полностью неприемлемым. После длительных прений большинством голосов законопро-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 09-01-00026а.

ект все же был принят в октябристско-кадетской редакции и в мае 1911 г. передан в Государственный совет, где пробыл три года и, в конце концов, оказался забаллотированным. После этого правительство потеряло к нему интерес.

Но в августе 1915 г. в IV Государственной думе третьедумский законопроект волостной реформы по инициативе оппозиционно-либерального «прогрессивного блока» был реанимирован. Поначалу предлагалось, ничего в нем не меняя, проголосовать за него снова. Однако политическая обстановка 1915–1916 гг. была иная сравнительно с более спокойным и стабильным периодом 1908–1911 гг. Либеральная оппозиция в IV Думе была настроена более критично по отношению к правительству и монархии, и это сказалось, в частности, на оценке третьедумского законопроекта о волости. В итоге работы комиссии по местному самоуправлению IV Государственной думы в мае-июне 1916 г. законопроект волостной реформы получился более земско-самоуправленческим нежели тот, который вышел из третьей Думы. Представители правительства пытались повлиять на работу думской комиссии, но в основном безуспешно.

Подготовленный комиссией законопроект обсуждался в общем собрании IV Думы в начале декабря 1916 г. и прошел первое чтение. Но второе, постатейное, не состоялось: быстро нараставший политический кризис переключил внимание Думы на более животрепещущие проблемы, а Февральская революция вообще в корне изменила общественно-политическую ситуацию. Думский законопроект о волостном земстве, несмотря на свой относительный либерализм, уже не соответствовал новым реалиям.

Однако вопрос о реформе сословной крестьянской волости после победы революции стал еще более актуальным: органы местного самоуправления должны были стать действительно бессловными и служить опорой пока еще слабой центральной власти. Еще до революции член фракции кадетов в IV Государственной думе П.П. Гронский во время обсуждения волостной реформы говорил, что на «мелкую земскую единицу» необходимо опереться, чтобы добиться создания ответственного перед Думой правительства: «...С широкой политической точки зрения правильно это сопоставление двух основных надобностей текущего положения времени: смена правительства, организации общества, и в организации общества, прежде всего и главным образом, должны быть сорганизованы широкие слои населения. Широкие слои сельского населения могут быть сорганизованы в мелкую земскую единицу и, получив там совершенно определенную предуказанную им в пределах закона власть, могут использовать эту власть для организации местных общественных сил и для

создания той опоры, на которую может опереться рычаг из центра»².

После Февраля общедемократические волостные и уездные земства должны были как можно скорее вытеснить из властного поля такие сугубо классовые организации как различные самостийные комитеты и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Уже 26 марта 1917 г. «Совещание по вопросу о реформе местного самоуправления и управления» в присутствии министра-председателя Временного правительства Г.Е. Львова определило семь основных преобразований «местного строя», «подлежащих регламентации безотлагательно», и среди них на первое место было поставлено «создание волостного земства и поселкового управления» а на второе — «реформа избирательного права в земствах и городах...».

На этом же совещании была образована комиссия «О волостном земстве и поселке» под председательством товарища министра внутренних дел кадета Н.Н. Авинова. Среди членов комиссии значился депутат III и IV Государственных дум, активный участник подготовки думских законопроектов о волостной реформе октябрист В.И. Стемпковский³. Будучи докладчиком по волостному законопроекту в IV Думе, В.И. Стемпковский по некоторым спорным вопросам занимал умеренную позицию, стараясь найти компромисс с правительством. А в марте-мае 1917 г. ему и еще некоторым его сопартийцам по «Союзу 17 октября» предстояло срочно разработать законопроект, во многом принципиально отличающийся от думского. Во многом, но не во всем. Кое-что было почти дословно взято из дореволюционного думского законопроекта. Следы дореволюционных работ особенно заметны в предварительных мартовско-апрельских проектах. Хотя новое «Временное положение о волостном земском управлении» было подготовлено всего за два месяца, но и за это короткое время возникло несколько вариантов текста, в которых предстоит разобраться.

Главным в майском 1917 г. «Временном положении...» являлось введение всеобщего избирательного права вместо выборов по куриям в думском законопроекте. Напомним основные положения куриальной системы. Избирателями могли быть только владельцы недвижимой собственности на территории волости — частные землевладельцы и крестьяне-общинники, владельцы торговых и промышленных заведений (индивидуальные или в компаниях), домовладельцы. Тем самым от выборов в волостное собрание отсекалась

² Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 868–869.

³ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 5. ЛЛ. 1–3.

местная интеллигенция – врачи, учителя, служащие, если они не имели хотя бы собственного дома. Для остальных вводился имущественный ценз.

В зависимости от оценочной стоимости своего недвижимого имущества и, соответственно, от величины уплачиваемых земских волостных сборов избиратели, без деления на сословия, входили в одно из трех волостных избирательных собраний (курий). Четвертая курия была сословной – к ней принадлежали крестьяне-общинники, образовывавшие сельские общества. Количество избираемых гласных по каждой курии в отдельности определялось уездным земским собранием «соразмерно сумме волостного земского сбора», которым были «обложены находящиеся в пределах волости недвижимые имущества»⁴. По этой схеме немногочисленная первая курия, объединяя наиболее богатых собственников, выбирала непропорционально большее число гласных, чем многочисленные третья и четвертая курии. Этим гарантировалось достаточное присутствие в волостных земских собраниях гласных от крупных землевладельцев, торговцев и фабрикантов. Октябристы и более правые фракции в III и IV Государственных думах были убежденными сторонниками куриальной системы. Упомянутый выше В.И. Стемпковский, выступая в декабре 1916 г. в Думе, доказывал, что только при куриальной системе в волостных земских собраниях будет гарантировано участие необходимых для плодотворной работы «культурных элементов».⁵

Ликвидация куриальной системы и провозглашение принципа всеобщего избирательного права была, конечно, революционной мерой, неизбежной после февраля 1917 г. Однако идея всеобщих выборов не была чужда буржуазной леволиберальной среде и до марта-апреля 1917 г. Во время разработки законопроекта о волостной реформе в III и IV Государственных думах фракция партии кадетов критиковала куриальную систему, но ради создания мелкой земской единицы была вынуждена пойти на уступки своим соавторам по выработке закона – октябристам⁶. Когда же «партия народной свободы» получила преобладающее влияние в первом составе Временного правительства, уже ничто не мешало ей законодательно осуществлять свои дореволюционные программные установки. Еще в думских комиссиях и с трибуны общего собрания Думы кадеты пытались убедить своих несговорчивых партнеров не бояться всеобщих выбо-

⁴ Положение о волостном земском управлении // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Вып. V. № 345. С. 17, ст. ст. 13, 14, 19.

⁵ Доклад по законодательному предложению 86 членов Государственной думы о волостном земском управлении // Там же. С. 4.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 250.

ров. Крестьяне, утверждали они, обязательно выберут порядочных и честных людей из образованной дворянской и разночинской среды, почувствовав в них полезных земских деятелей. Первые же всеобщие выборы в волостные земства в августе-сентябре 1917 г. развеяли эти иллюзии. Но это тема для другой статьи.

Вернемся к «Временному положению о волостном земском управлении» мая 1917 г. Осуществление принципа всеобщего избирательного права требовало решения ряда конкретных вопросов. Первый из них – возрастной ценз. Правительственный проект волостной реформы, внесенный в III Думу, предусматривал приобретение избирательных прав для лиц, обладавших необходимым имущественным цензом, по достижению ими 25-летнего возраста⁷. Это не вызвало возражений ни в III, ни в IV Государственных думах. В думских законопроектах значилась та же цифра – 25 лет⁸. Тот же возраст был необходим и для избрания в гласные⁹. Очевидно, разработчики дореволюционных проектов волостной реформы полагали, что гражданская ответственность за состояние дел в волости созреет у потенциальных избирателей лишь к 25 годам.

Февральская революция вовлекла в общественно-политический водоворот огромные массы «простых» людей в городе, деревне, на фронте. У многих не имелось недвижимой собственности, многие были моложе 25 лет, но у тех, кто пришел к власти в марте 1917 г., не было никакой возможности отлучить их от выборов в органы местного самоуправления. Поэтому сразу возник вопрос о снижении возрастного ценза.

Поначалу решили снизить его до 21 года. При этом на правительственном «Совещании по вопросу о реформе местного самоуправления и управления», состоявшемся 26 марта, возникли разногласия: большинство настаивало на цензе в 21 год, тогда как «меньшинство членов Совещания останавливалось на возрасте в 20 лет»¹⁰.

⁷ Сравнительное изложение внесенного министром внутренних дел законопроекта «Положение о волостном управлении» в редакции, принятой Комиссией и правительственной // Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1910. Т. 1. № 122. С. 146, ст. 18.

⁸ Положение о волостном земском управлении // Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографический отчет. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 4618, 4619, ст. ст. 41, 43; Положение о волостном земском управлении // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Вып. V. № 145. С. 19, ст. 36.

⁹ Ст. 40 в «Положении...», принятом III Государственной думой; ст. 41 в «Положении...», разработанном Комиссией по местному самоуправлению IV Государственной думы.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 5. Л. 3.

В проекте «Временного положения о волостном земстве», датированном 10 апреля, отразилось мнение большинства вышеупомянутого Совещания: в статье 12 указывалось: «Правом участия в выборах волостных земских гласных пользуются русские граждане <...> в возрасте не менее двадцати одного года»¹¹.

Однако непредоставление избирательных прав гражданам моложе 21 года не устраивало представителей «революционной демократии». Они почти ультимативно предлагали снизить его (не указывая, впрочем, до какого предела). «На заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 10 мая было доложено о ходе работы образованного при министерстве внутренних дел Совещания по реформе местного самоуправления и управления. Из доклада выяснилось, что целый ряд первоначальных законопроектов, выработанных Совещанием, не мог не вызывать со стороны демократических слоев населения серьезных возражений, как например, вызвал законопроект об избирательном праве в органы городского самоуправления, в котором предполагалось установить возрастной ценз в 21 год, оседлость, сохранить имущественный ценз и т.д.». Повидимому, документ исходил от Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Возмущенные члены Исполкома требовали «изменения направления деятельности Совещания в смысле большего их приближения к желаниям демократических элементов населения» и пополнения состава Совещания делегатами от Советов и социалистических партий¹².

Нет оснований сомневаться, что подобные протесты против завышенного возрастного ценза имели место и ранее 10 мая и по поводу не только городских выборов. Временное правительство быстро отреагировало на пожелания «демократических слоев населения». Если в проекте «Временного положения» от 10 апреля (см. выше) еще фигурировал возрастной ценз в 21 год, то в проекте, составленном неделей позже – 17 апреля он был снижен на один год¹³. Возрастной ценз в 20 лет был зафиксирован 21 мая и в окончательном тексте «Временного положения о волостном земском управлении»¹⁴. Обязательный возраст в 21 год был оставлен только для председателя и членов волостной управы (ст. 63).

В дореволюционных проектах волостной реформы – как в правительственном, так и в думском, право избирать в волостное земс-

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 26 об.

¹² Там же. Оп. 6. Д. 17. Л. 15.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 216. Статья 5.

¹⁴ Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 2. С. 100.

кое собрание давалось только тем, кто, по мнению правительства и законодателей, имел прочную заинтересованность в успешном функционировании конкретного волостного самоуправления. Поэтому в закон вводилась обязательная длительная связь с той волостью, в которой голосовал избиратель: по правительственному проекту надо было иметь в волости недвижимое имущество не менее трех лет до выборов, а по думскому – по крайней мере, один год. Избираемые гласные также должны были иметь в своей волости недвижимость не менее года, поскольку избирались только «из числа лиц, пользующихся избирательным правом по волости»¹⁵.

После февраля 1917 г. мысль разработчиков нового «Временного положения» некоторое время работала в том же направлении – установить условием получения избирательного права связь избирателя с той волостью, где ему предстоит голосовать. Обязательный имущественный ценз отменялся, но оставался ценз оседлости. В «Схеме основных положений к проекту волостного земства» (документ не датирован, но явно один из самых ранних подготовительных) устанавливалось, что гласные избираются лицами, «к моменту выборов» «проживающими в пределах волости не менее одного года»¹⁶. На Совещании 26 марта этот вопрос также обсуждался, но присутствовавшие к определенному заключению не пришли, записав в журнале заседания: «Активные избирательные права предоставляются лицам, имеющим связь с местностью, причем вопрос о ближайших условиях и характере этой связи предоставляется обсудить подлежащей комиссии». «При этом три члена Совещания отвергли вовсе упомянутое ограничение активного избирательного права». Одновременно было постановлено, чтобы «пассивное избирательное право означенным условием не ограничивать»¹⁷.

Протоколы заседаний упомянутой комиссии нами не обнаружены, но в нашем распоряжении имеется текст проекта «Временного положения о волостном земстве» от 10 апреля. В нем условия оседлости присутствовали, но были заметно смягчены сравнительно со «Схемой основных положений...». Владение недвижимостью на территории волости было желательным, но не обязательным. Достаточным считалось проживание, и не целый год, а в течение трех месяцев.

¹⁵ Правительственный проект см.: «Сравнительное изложение...», ст. 11; «Положение...», принятое III Государственной думой, ст. 10; «Положение...», разработанное Комиссией по местному самоуправлению IV Государственной думы, ст. 11.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 3. Д. 22. Л. 2.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 5. Л. 3.

«Правом участия в выборах волостных земских гласных пользуются русские граждане обоего пола, всех национальностей и вероисповеданий, <...> если они не менее трех месяцев до дня распоряжения уездной земской управы о составлении избирательных списков проживают в данной волости или же в течение того же срока в пределах волости владеют недвижимостью на праве собственности, пожизненного владения, застройки или аренды, либо имеют торговое или промышленное предприятие, или занимают на свое имя отдельную хотя бы одну комнату, квартиру, либо состоят на службе, или имеют другие, связанные с волостью определенные занятия»¹⁸.

Но даже трехмесячная оседлость вступала в противоречие с принципом всеобщего избирательного права. Особенно остро в условиях войны и революции это проявилось в отношении военнослужащих, прежде всего солдат, отлученных от мест своего постоянного довоенного проживания.

Для авторов последнего думского дореволюционного волостного законопроекта этой проблемы как будто вообще не существовало, хотя он разрабатывался и обсуждался в IV Государственной думе в военные 1915–1916-е годы. Кстати, одним из аргументов противников срочного принятия закона о волостном земстве из правых думских фракций были их пафосные заявления о том, что кощунственно проводить выборы в волостные собрания в то время, когда миллионы солдат-крестьян на фронте. Пусть это был не более чем популистский ход: главная причина неприятия закона в его октябристско-кадетском варианте со стороны думских правых заключалась в его относительной демократичности. Но правые позиционировали себя в качестве защитников солдатско-крестьянских интересов, и против их доводов возражать было трудно.

После февраля 1917 г. игнорировать избирательные права солдатской массы, ставшей активной политической силой, конечно, стало невозможно. Но привязку избирателей-солдат к той волости, где они проживали до призыва на военную службу, члены комиссии МВД попытались поначалу сохранить. Солдатам предлагалось выдавать доверенности на голосование «лицам, занесенным в избирательные по волости списки», заверенные «начальством доверителя», и без уплаты гербового сбора¹⁹. Думается, однако, что на практике организовать пересылку десятков, если не сотен тысяч доверенностей, при этом, предварительно найдя и договорившись на расстоя-

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 3, ст. 13.

¹⁹ Там же.

нии с потенциально доверенными лицами, было бы очень трудно, даже невозможно. По всей вероятности, идея голосования по доверенности была заимствована из дореволюционного думского законопроекта, но там это касалось мужа, жены, родственников, опекунов, т.е. лиц вполне доступных.

В 1917 г. попытка учредить не только трехмесячную, но и вообще какую бы то ни было оседлость, и не только в отношении солдат, но и вообще всех граждан-избирателей продержалась всего неделю. В проекте, датированном 17 апреля, ценз оседлости уже отсутствует. Достаточным стало просто проживание в любом избирательном округе любой волости в период составления списков избирателей. Относительно солдат сочли необходимым записать специально: «Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях»²⁰. Это соответствовало послефевральской политической реальности, хотя иной раз приводило к парадоксальной ситуации. Так, в Царском селе численность гарнизона во многом превосходила наличность постоянного гражданского населения²¹.

В итоге соответствующая статья из проекта от 17 апреля с редакционной правкой, не меняющей ее суть, вошла в окончательный текст «Временного положения о волостном земском самоуправлении»²². Вместе с разрешением проблемы с солдатами отпала необходимость в норме голосования по доверенности. Возобладал принцип: один человек – один голос (ст. 12). С отменой имущественного ценза количество гласных, выбираемых по той или иной волости, ставилось в зависимость не от суммы уплачиваемых волостных земских сборов, а от численности населения волости (ст. 9).

Дореволюционный правительственный проект волостной реформы не предусматривал непосредственного участия женщин в выборах гласных. Те из них, кто обладал имущественным цензом, могли это делать только через уполномоченных мужского пола²³. Тем более они не имели права лично быть членами волостных собраний. В соответствующей 28-й статье правительственного «Положения о волостном управлении» об этом говорилось вполне недвусмысленно: «Не могут быть избираемы в волостные гласные <...> лица женского пола»²⁴.

²⁰ Там же. Л. 216, ст. 5.

²¹ Шотов А.Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917 гг.). М., 1997. С. 187–188.

²² Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 100, ст. 11.

²³ Сравнительное изложение. № 122. С. 146, 147, ст. ст. 18, 20.

²⁴ Там же. С. 149, ст. 28.

Против ущемления избирательных прав женщин активно выступали в Думе и в печати кадеты; в этом вопросе их поддержали и октябристы. Думские правые, напротив, доказывали, что идея женского равноправия в России еще не созрела, особенно в деревенской глубинке, а убеждение кадетов в возможности предоставить женщинам активную роль в делах волости они называли наивной. «Я бы хотел видеть те картины, которые будут разыгрываться в таком случае в волости», – иронизировал депутат III Думы землевладелец из Могилевской губернии И.П. Созонович²⁵.

Однако, преодолев сопротивление думских правых и не согласившись с правительственным проектом, и III, и IV Государственные думы большинством проголосовали за то, чтобы в выборах волостных гласных трех первых куриЙ непосредственно участвовали «лица обоего пола». В четвертой куриИ крестьян-общинников выборы гласных были не прямыми, а через уполномоченных (один на 10 дворов), выбиравшихся на сельских сходах, и там прохождение женщин в уполномоченные зависело от голосования крестьян-домохозяев²⁶.

Могли ли женщины по дореволюционным думским законопроектам избираться в гласные волостных земских собраниЙ, т.е. предоставлялось ли им пассивное избирательное право? Прямо об этом, как они сделали это в отношении активного избирательного права, авторы думских законопроектов ни в III, ни в IV Государственных думах заявить, по-видимому, не решились. Но в косвенной форме пассивное избирательное право женщинам, очевидно, предоставлялось. Ст. 18 в обоих законопроектах устанавливала, что «волостные гласные избираются волостными избирательными собраниями из числа лиц, пользующихся избирательным правом по волости». Статьи 12 и 20 в проекте III Думы и статьи 13 и 19 в проекте IV Думы такие права женщинам предоставляли. Из этого логически следовало, что они могли избираться в гласные. Однако по настоянию октябристов и к удовлетворению правых думских фракций председателями и членами волостных земских управ по думским законопроектам могли быть лица только мужского пола (ст. 70 в проекте III Думы, ст. 66 в проекте IV Думы). Кадеты, оставшись на этот раз в меньшинстве, вынуждены были уступить.

Во «Временном положении...» от 21 мая 1917 г. об избирательных правах граждан «обоего пола» прямо говорилось только в одной (11-й) статье, провозглашавшей принцип всеобщего активного изби-

²⁵ Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографический отчет. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 2133.

²⁶ «Положение...», принятое III Государственной думой, ст. ст. 12, 20; «Положение...», разработанное Комиссией по местному самоуправлению IV Государственной думы, ст. ст. 13, 19.

рательного права. Право женщин наравне с мужчинами быть гласными подразумевалось в статье 15-й, в которой было написано, что в волостные гласные могут избираться все, кто имеет право выбирать гласных.

Что касается права женщин быть председателями и членами волостных управ, то после февраля 1917 г. октябристы уже не могли мешать кадетам проводить свою линию при подготовке проекта волостной реформы. Но только в двух из известных нам проектах «Временного положения...» прямо указано, что на вышеназванные должности волостными собраниями избираются лица «обоего пола»²⁷. В окончательном майском тексте «Временного положения...» такого прямого указания почему-то нет. Вместо этого в статье 63 со ссылкой на статью 15 разъяснялось, что председателями и членами волостных управ могут быть те, «которые имеют право быть избранными в волостные гласные».

«Временное положение о волостном земском управлении» 1917 года пошло дальше думских законопроектов, предоставив женщинам право быть председателями волостных управ, но авторы «Временного положения...», как и думцы, предпочли сделать это в косвенной форме.

В послефевральском «Временном положении о волостном земском управлении» была определена категория лиц, на которых не распространялось всеобщее избирательное право. В нее входили «монашествующие», признанные по суду психически больными; осужденные за различные преступления, список которых приводился в ст. 14.

Подобный перечень оснований, по которым подданные Российской империи, даже обладавшие необходимым имущественным цензом, тем не менее, были лишены права участвовать в волостных выборах, приводился и в дореволюционных думских законопроектах (ст. 43 в третьедумском проекте, статья 40 – в проекте IV Думы). Категория «лишенцев» по думским проектам была шире сравнительно с соответствующей статьей «Временного положения...» 21 мая 1917 г. По думским законопроектам лишались избирательных прав не только осужденные за кражу и мошенничество, но и находящиеся под следствием в качестве обвиняемых, осужденные за уклонение от воинской повинности, отрешенные от должности по суду и даже имеющие накопленную недоимку по волостным сборам.

Но нас сейчас интересует другая категория лиц – людей вполне имущих и безупречных с точки зрения закона, но, однако, не могущих, по мнению законодателей, быть избирателями. П. 3 ст. 44 в за-

²⁷ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 25. Л. 10; Оп. 3. Д. 20. Л. 18.

конопроекте III Думы указывал: «Не могут участвовать в выборах волостных гласных <...> земские начальники в пределах своих участков и чины общей полиции в пределах того уезда, где протекает их служебная деятельность». Этот запрет был повторен дословно и в п. 3 ст. 40 законопроекта IV Думы. Налицо попытка думских либералов воспрепятствовать воздействию чиновников на избирательный процесс, иными словами, по современной терминологии, устранить или хотя бы ограничить возможности административного ресурса.

Нелюбовь либералов к полиции и, особенно, к земским начальникам понятна и общеизвестна. Но любопытно, что запрет участвовать в волостных выборах чинам общей полиции «в пределах той волости, где протекает их служебная деятельность», содержался и в предшествующем третьедумскому правительственном законопроекте (ст. 21)! Правда, о любимых властью земских начальниках в нем умалчивалось.

Как же этот вопрос решился в мае 1917 г.? Институт земских начальников вскоре после образования Временного правительства был упразднен. Но вместо земских начальников на местах появилась новая администрация, отчасти с теми же функциями. Обновленные кадры полиции были переименованы в милицию и поставлены в двойное ведение – уездной управы и административной вертикали. Сохранились ли для местных чиновников и чинов милиции дореволюционные запреты на участие в волостных выборах?

В ранней (по-видимому, не позднее середины марта) «Схеме положений по проекту волостного земства» конкретного перечня оснований лишения какой-либо категории лиц права участвовать в выборах не было. Имелось только подстрочное примечание о том, что «отрицательные условия избирательного права должны быть редактированы для всех местных выборов единообразно»²⁸.

На совещании при МВД под председательством товарища министра внутренних дел С.М. Леонтьева 27 марта обсуждались основания ограничения избирательных прав. Были высказаны предложения конкретизировать причины внесудебных «правопоражений». «Могут быть иностранцы, монашествующие...» и – что важно: «административные агенты, исполняющие свои функции». Решения, однако, принято не было. «Совещание признало необходимым передать на обсуждение соответствующей Комиссии высказанные мнения о желательности более подробного установления случаев ограничения избирательных прав, обусловленных причинами естественного либо юридического характера, как то: душевными болезнями,

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 2.

принадлежностью к монашеству, составу местной администрации (выделено мною – *В.Г.*) и проч.»²⁹.

Прошло около месяца, но вопрос об установлении внесудебных отстранений от участия в волостных выборах все еще не был решен, и, можно предположить, дело было не в сомнениях по поводу допущения или недопущения к выборам душевнобольных. 20 апреля на совещании под председательством того же Леонтьева «некоторыми членами Совещания был возбужден вопрос об активном избирательном праве в волостные гласные высших в пределах губернии и уезда представителей власти, которые по проекту <...> сего права лишаются». Ответ Леонтьева: «Вопрос этот во всей его полноте имеет быть разрешен Юридическим совещанием при Временном правительстве»³⁰.

Параллельно с обсуждением на общих министерских совещаниях основных положений волостной реформы в комиссиях шла работа над текстом, формулировками статей подготавливаемого «Временного положения о волостном земском управлении». Как уже отмечалось, в делопроизводстве этих комиссий отложились несколько вариантов обсуждавшегося документа. В проекте, датированном 10 апреля, было четко записано в ст. 16: «Из числа лиц, удовлетворяющих условиям означенных в статьях 12 и 13 (речь в них шла о возрастном цензе и цензе оседлости. – *В.Г.*), в выборах волостных земских гласных не участвуют ни лично, ни в качестве доверенного (ст. 15): 1) высшие – в губернии и соответствующем уезде – представители административной власти и их заместители и их помощники; 2) лица, состоящие в пределах губернии на службе по местной милиции (полиции)». Далее в той же статье пунктами три и четыре шли монашеские и слабоумные³¹.

Такой же четкий запрет имелся в проекте от 17 апреля и еще в четырех недатированных. Но в одном из недатированных проектов напечатанный на пишущей машинке текст о запрете участвовать в волостных выборах высшим чинам местной администрации и служащим в местной милиции был тщательно зачеркнут³².

В окончательном варианте «Временного положения...» никаких следов запрета чинам местной администрации и милиции участвовать в волостных выборах не было. Остались только наказанные по суду, монашеские, сумасшедшие с добавлением глухонемых (ст. ст. 13, 14).³³

²⁹ Там же. Оп. 6. Д. 5. Л. 4; Д. 6. Л. 2а.

³⁰ Там же. Д. 5. ЛЛ. 17, 17 об.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 30 об.

³² Там же. Оп. 3. Д. 24. Л. 7.

³³ Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 100.

На наш взгляд, причина исключения администрации из перечня лиц, не допускаемых к земским выборам, кроется в изменении отношения новой правящей элиты к правительству, которое после февраля 1917 г. стало своим правительством, как стала своей и назначаемая из центра местная администрация. Похоже, что стремление оградить органы самоуправления от влияния чиновников, присущее либералам до Февральской революции, не сразу, но довольно быстро угасало. Хотя без дискуссий на эту тему не обошлось. Разногласия проявились, в частности, в спорах об отношении к назначенным Временным правительством в уезды и губернии своих представителей – комиссарам. Петроградский городской голова Г.И. Шрейдер полагал, что этот институт по мере развития и укрепления местного самоуправления должен отмереть; другие, напротив, считали, что необходимо «забыть старое недоверие к власти, так как ныне власть не имеет ничего общего со старой властью и является выразителем народной воли». Эту позицию поддержал товарищ министра внутренних дел В.Я. Гуревич³⁴. Внедрение таких взглядов в общественное сознание могло стать началом опасной для молодой российской демократии тенденции к доминированию новой административной власти над зарождающимся гражданским волостным земским самоуправлением.

В «Положениях о волостном земском управлении», разработанных в III и IV Государственных думах, размер денежного содержания председателя и членов волостных управ определялся волостным земским собранием на первом после выборов заседании. Средства на это следовало брать из доходной части волостного бюджета; в обязательном порядке они должны были включаться в смету расходов (ст. ст. 76, 117, 137 в «Положении...», принятом III Думой; ст. ст. 72, 110, 130 в проекте «Положения...», выработанного комиссией по местному самоуправлению IV Думы).

В процессе обсуждения этих статей ряд членов правых думских фракций предлагал обратиться к правительству с просьбой возложить расходы по содержанию волостных управ на государство. Однако большинство в обеих Думах на это не пошло, видимо, не желая,

³⁴ Цит. по: *Шутов А.Ю.* Земские выборы в истории России. С. 193. 15 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум». В них, как первоначально и в волостных выборах, «поражались в избирательных правах высшие губернские, областные, городские и уездные представители административной власти, служащие местной милиции (полицейские), священнослужители». В примечаниях А.Ю. Шутов вскользь, без каких-либо своих комментариев сообщает, что 5 июня этот запрет был снят (*Шутов А. Ю.* Указ. соч. С. 195, 209).

чтобы члены выборного земского органа чувствовали себя материально (и, соответственно, морально) зависимыми от администрации.

Но в 1917 г. какая-то часть разработчиков волостной реформы, похоже, не считала такую зависимость от нового демократического государства в чем-то предосудительной. В одном из проектов «Временного положения о волостном земском управлении» предусматривались два варианта денежного содержания председателя и членов волостных управ: «на счет казны» и от волостного земского собрания. Все волости в этом проекте по представлению уездных управ распределялись министром внутренних дел по согласованию с министром финансов по трем разрядам в зависимости от численности населения, размеров территории «и других местных условий». По разрядам определялись размеры жалованья. В волостях первого разряда председателю управы было положено 720 руб. в год, второго – 600 руб., третьего – 540 руб.

Если же, по второму варианту, содержание должностных лиц волостной управы шло за счет бюджета волости, то их жалованье не должно было быть меньше указанного казенного³⁵.

В окончательный текст «Временного положения...» вариант содержания исполнительных органов волостного самоуправления за счет государства не вошел. Ст. 87 «Временного положения...» лаконично устанавливала: «Размер содержания председателю и членам волостной земской управы определяется волостным земским собранием на каждое трехлетие обязательно до выбора их и не может быть уменьшаем до истечения сего срока»³⁶.

Дать однозначно положительную оценку этой статье представляется сомнительным. Сомнения посетили и правоведа Н.И. Лазаревского, участвовавшего 27 марта 1917 г. в обсуждении принципа «платности при несении должности гласных». Хотя в том случае речь шла о вознаграждении рядовых гласных за участие в работе волостного собрания, сомнения Н.И. Лазаревского имели более общий характер. Ему представлялось, что «не удобно предоставлять самим земским собраниям устанавливать самим себе размер и способ вознаграждения за их труд. С одной стороны, может быть известная щепетильность, с другой – известные злоупотребления. Я бы предпочел, чтобы тот или иной принцип уплаты был бы установлен точно законом»³⁷.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 3. Д. 20. ЛЛ. 21, 21 об.

³⁶ Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 100.

³⁷ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 6. Л. 19.

Когда читаешь в газетах, как современные депутаты разного уровня законодательных собраний сами себе устанавливают непомерные зарплаты (о случаях «щепетильности» почему-то не пишут), невольно возникает мысль: а не лучше ли это, как предлагал в свое время Н.И. Лазаревский, прозрачно регламентировать?

Разрешив волостным собраниям самим устанавливать денежное содержание председателю и членам волостной управы, а заодно и размеры расходов на проезд до места заседаний и суточных за участие в них, разработчики «Временного положения...» строже, чем некоторые из них проектировали это в Думах, регламентировали доходную и расходную части волостного бюджета.

В комиссии по волостному управлению III Государственной думы в 1909 г. дебатировался вопрос об источниках финансирования волостных расходов: ограничиться ли предоставлением волости права на определенный дополнительный процент со сборов с недвижимых имуществ, которые уже облагаются уездными сборами, или еще дать волости возможность найти и облагать сборами в свою пользу недвижимые имущества, которые уездными сборами не затронуты. Третьедумская комиссия склонялась к тому, чтобы «допустить для волости право самообложения самостоятельно, независимо от обложения (уездным – В. Г.) земским сбором»³⁸.

Однако это не означало, что волостному земству дается полная свобода формировать свой бюджет. Волостные финансы были поставлены под действенный контроль уездного земства. Уездное земское собрание рассматривало волостную смету на предмет, не является ли установленное волостью обложение обременительным для населения. В 1909 г. контроль за «обременительностью» в скрытой форме был призван застраховать крупных землевладельцев от «чрезмерных» волостных сборов. Если волостные сборы признавались обременительными, то уездное земское собрание имело право вернуть смету волостному собранию «с указанием той суммы, которой не должна превышать данная смета»³⁹. Подобным же образом финансовая сторона функционирования волостного земства и его зависимость в финансовых вопросах от уездного земства проектировались при составлении законопроекта о волостной реформе в IV Государственной думе (ст. ст. 115, 116, 117, 138, 139, 142, 143).

В 1917 г. вопрос о волостном бюджете рассматривался в комиссии по местным финансам. Финансовые права волости были урезаны по сравнению с проектом, разработанным в IV Государственной

³⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 3509. ЛЛ. 14–16.

³⁹ Там же. ЛЛ. 181–182.

думе: волость была лишена права самостоятельно изыскивать объекты обложения, ей полагалось только 30 % отчисления от уездных сборов. Указывалась причина такого решения: «Невыясненность общей финансовой системы государства и тех источников дохода, которые потребуются казначейству для покрытия общегосударственных расходов». Именно эти соображения «ставили комиссию в необходимость не изыскивать для волостного земства новых источников доходов и не предоставлять ему самостоятельных объектов обложения»⁴⁰.

Вместе с тем сохранялся и финансовый контроль уездного земства над волостным, хотя на словах это отрицалось. «Установление порядка утверждения уездным земством смет волостного земства при демократизации уездного земства не может быть признано контролем уездного земства над волостным. Но эта мера признается полезной в том отношении, что даст возможность уездному земству объединять деятельность волостных земств и вместе с тем в начале их деятельности давать руководящие идеи»⁴¹.

Трудно сказать, насколько это было тогда целесообразно. Отметим лишь, что финансовые взаимоотношения между низшими и вышестоящими органами местного самоуправления, а также между самоуправлением и государством до сих пор далеки от совершенства и порождают споры.

Сравнение дореволюционных думских законопроектов волостной реформы с «Временным положением...», принятым 21 мая 1917 г., можно было бы продолжить еще по ряду параметров, но и имеющиеся в данной статье сопоставления позволяют сделать несколько определенных выводов.

«Временное положение о волостном земском управлении» – документ, конечно, гораздо более демократичный в сравнении с проектом, обсуждавшимся в IV Государственной думе и тем более с законопроектом, за который в 1911 г. проголосовало большинство в III Думе. Демократизм послефевральского постановления Временного правительства, преобразовавшего сословную крестьянскую волость в мелкую земскую бессословную единицу, выразился прежде всего во введении всеобщих выборов, равных для всех российских граждан без различия национальностей, вероисповедания и пола. В процессе разработки реформы сразу отказались от имущественного ценза, а затем и от ценза оседлости, уменьшили возрастной ценз, придали волости безоговорочный бессословный характер.

⁴⁰ Журнал Общего собрания Совещания, состоявшегося 12 мая 1917 г. (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 5. Л. 24).

⁴¹ Там же. Л. 28.

Вместе с тем надо отметить, что между «Временным положением...» 1917 г. и дореволюционными думскими законопроектами существует большая генетическая связь, на что до сих пор не обращалось должного внимания. Леволлиберальные идеи, в том числе и желание ликвидировать куримальную систему выборов, хотя и не смогли в условиях монархического строя стать составной частью думских законопроектов, но, заблаговременно проработанные умственно, они были быстро воплощены в соответствующие статьи правительственного постановления, как только для этого создались благоприятные внешние условия. Многие из конкретных думских наработок было просто перенесено во «Временное положение...». Это и позволило в сжатые сроки представить этот срочный документ на рассмотрение и утверждение правительства.

С другой стороны, не все из того, что казалось вполне позитивным до Февраля – например, тот же ценз оседлости и планка возрастного ценза – оказались приемлемыми в новой общественно-политической обстановке. Разработчики «Временного положения...» не сразу это поняли, о чем свидетельствуют различные варианты спешно готовившегося правительственного постановления о преобразовании волости.

Одновременно с «Временным положением...» были составлены и утверждены Правила о приведении его в действие. 11 июня 1917 г. был утвержден и начал рассылаться на места «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных», подробно разъяснявший техническую сторону избирательного процесса. Оставалось наиболее трудное – все это осуществить в реальной обстановке противостояния политических сил в беспокойном, нетерпеливо-революционном 1917 г.

Б.Д. ГАЛЬПЕРИНА

Взаимоотношения IV Государственной думы и Совета министров Российской империи по продовольственному вопросу в канун Февральской революции

Как известно, продовольственный кризис достиг своего апогея в 1916 г., особенно к осени. Даже в столице Российской империи, где находился Двор, Совет министров, Государственная дума, Синод, Сенат и другие правительственные учреждения, положение было крайне тяжелым. 17 сентября 1916 г. командующий Северным фронтом Н.В. Рузский писал председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру: «Вопрос о снабжении продовольствием в настоящее время

настолько обострился, что становится не невозможным предположение о крайне нежелательных, печальных последствиях, включительно до насильственного выступления населения против торговцев предметами первой необходимости». Цены на продукты, по его словам, «достигли непомерного размера, а некоторые совсем пропадают с рынка».

Бездействуют биржи: мясная, молочная, хлебная, яичная, масляная, а вот спекулянты, крупные и мелкие, действуют активно и даже уничтожают продукты, восполняя убыток «непомерным удорожанием». Далее Рузский отмечал, что нельзя все это объяснять только расстройством железнодорожного транспорта, так как было использовано только 50 % выделенных для подвоза продуктов в Петроград вагонов¹.

Реакция Штюрмера удивляет: он отделался отпиской, что в силу закона 17 августа 1915 г. вся полнота власти по продовольственному вопросу изъята из ведения правительства и передана, по инициативе Государственной думы, Особому совещанию по продовольствию и что у уполномоченного этого Совещания петроградского градоначальника кн. А.Н. Оболенского имеются обширные полномочия. Ему Штюрмер и переслал письмо Рузского².

Но ведь во главе Особого совещания по продовольствию стоял министр земледелия, а председатель Совета министров снимал с себя всю ответственность! Впрочем, как писал Штюрмер Рузскому в октябре 1916 г., он все-таки собирался принять по продовольственному вопросу некоторые меры. Какие же именно?

1. Необходимо использовать для снабжения Петрограда не только железные дороги, но и водные пути. 2. Провести разгрузку населения Петрограда. 3. Нужно чтобы крупные центры и отдельные промышленные районы были обеспечены за счет казны предметами первой необходимости. 4. Извлечение излишков продовольствия,

¹ См. подробн.: «Цены на продукты достигли непомерного размера» / Публикация Б.Д. Гальпериной // Источник. 1993. № 5–6. С. 69–78.

² До 1914 г. продовольственное дело было в ведении Министерства внутренних дел и Военного министерства. Снабжением продовольственных воинских частей ведало интендантское управление Военного министерства, которое контролировало работу по закупкам и заготовкам вместе с общественными организациями (земств, городов, биржевых комитетов). Никакой согласованности действий не было — полный разницей. Созданное Продовольственное совещание стало высшим государственным органом, который включал представителей: Государственной думы, Государственного совета, министерств и ведомств, а также Всероссийского городского и Земского союзов. Возглавлял его министр земледелия, который учредил на местах систему главноуполномоченных министерства по закупкам продовольствия для армии и населения.

скопившихся у граждан, благодаря введению свободной торговли и отмене твердых цен на продукты.

Не отрицая недостатков в деятельности организаций общественного самоуправления, ошибок в системе заготовок для армии, Штюмер главную ответственность возлагал на печать, которая находилась «всецело под влиянием оппозиционных партий»³.

Меры, предложенные председателем Совета министров, выглядят странно. Ведь речь идет о северной столице. Скоро ноябрь и водные пути вряд ли можно будет использовать. Что касается «разгрузки населения», то сам Штюмер тут же отмечал, что в этом вопросе наблюдается сопротивление военных властей, возражающих против перевода госпиталей и оборонных предприятий в дальние губернии.

Катастрофическое положение с продовольствием было не только в тылу, но и в армии. Е. Д. Черменский пишет, что последняя сессия Думы протекала в обстановке, когда продовольственный кризис достиг невиданной остроты. «Не только обе столицы и промышленные районы испытывали крайнюю нужду в продовольствии, но угроза голода нависла даже над фронтом»⁴. Это же отмечали все авторы, писавшие о продовольственном вопросе в годы Первой мировой войны⁵. Недавно специальную статью продовольственному снабжению армии посвятил М. В. Оськин⁶.

В. С. Дякин выделял несколько причин продовольственного кризиса. Во-первых, нехватка мяса и жиров была еще в довоенное время из-за низкого уровня животноводства, а резко возросшие потребности армии усугубили эту проблему. Хлеб же в стране был, зерно, выво-

³ «Цены на продукты достигли непомерных размеров». С. 75–76.

⁴ *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 225.

⁵ *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. 1923; *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вестник МГУ. Историко-философская серия. 1956. № 1; *Анфимов А. М.* Русская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917). Л., 1985; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы мировой войны. М., 1973; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции. Душанбе, 1975; *Черменский Е. Д.* Указ. соч.; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; *Аврех А. Я.* 1) Русская фракция октябристов в IV Думе // История СССР. 1978. № 4; 2) Царизм и IV дума. 1912–1914. М., 1981; Кризис самодержавия в России. Л., 1984; *Лукоянов И. В.* У истоков Российского парламентаризма. СПб., 2003 и др.

⁶ *Оськин М. В.* Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 144–152.

звившееся ранее на экспорт, оставалось в России, и по подсчетам А.М. Анфимова его запасы к середине июля 1916 г. составляли 2,2 млн пудов. Во-вторых, не справлялся транспорт, который был развит слабее, чем в большинстве стран Европы. Трудности усугублялись недобросовестной работой чиновников, взяточничеством, спекуляцией и мародерством. Так, ссылаясь на «Отчет о продовольствии Петрограда мерами правительства», исследователь пишет, что из двигавшихся осенью 1915 года в столицу маршрутных поездов с продовольствием до столицы дошло лишь несколько вагонов, остальные же исчезли, хотя за составами следила железнодорожная жандармерия⁷.

В постперестроечное время появилось много работ, в которых говорится о процветании России до Первой мировой войны. Но не только историк Дякин, как было указано выше, отмечает низкий уровень животноводства и слабое развитие транспорта. О проблемах пишет и министр земледелия А.А. Риттих, указывая на зависимость сельского хозяйства от заграничного рынка. За границей Россия покупала сельскохозяйственные орудия, семена, рыболовные сети, минеральные удобрения и т.д. В области сельского хозяйства не хватало специалистов. На заседании Думы 17 февраля 1917 г. октябрист Н.В. Савич говорил: «Мы привыкли думать, что раз мы много вывозим за границу, раз в городе дешевые сельскохозяйственные продукты, дешевые дрова, то всего этого избыток. Это было заблуждение, а сейчас колоссальная ошибка. Никогда (подчеркнуто мной – Б.Г.) у нас чрезмерных запасов не было, вследствие отсталости нашей деревни, бедности, низкой сельскохозяйственной культуры, «как нигде в свете быть может»⁸.

Как видно, депутаты и министры говорили не о процветающей перед войной России, а, наоборот, об ее отсталости в области сельского хозяйства, о зависимости от импорта в ряде областей. Война же, разумеется, резко усугубила и без того тяжелое положение.

Учитывая основательную освещенность продовольственного вопроса в годы войны в исторической литературе, мне бы хотелось остановиться лишь на одной стороне этой проблемы. На том, как ее решали в этих труднейших условиях две руководящие силы: законодательная и исполнительная власть. Что предпринимали они в этих невероятно трудных условиях? Закончились ли распри? Объединили ли они свои усилия? Каковы были меры, принимаемые теми и другими?

⁷ Дякин В.С. Указ. соч. С. 207–209; Анфимов А.М. Указ. соч. С. 306, 309; Сидоров А.А. Железнодорожный транспорт // Исторические записки. М. 1948. Т. 26. С. 3–64.

⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 1496–1501.

Министр земледелия А.Н. Наумов, возглавлявший одновременно по должности и созданное в августе 1915 г. Особое совещание по продовольствию, в своих воспоминаниях писал, что это Совещание не имело ни опыта, ни даже технического аппарата. Но ведь его предшественник А.В. Кривошеин, которого Наумов сменил в ноябре 1915 г., имел для налаживания работы всего два месяца, да еще в условиях войны. Наумов жаловался, что, приняв Министерство земледелия, он очутился перед полным хаосом решений, мнений и предложений. «Состав был разнообразный и многолюдный... Все почти ежедневно заседали до поздних часов – обсуждали, спорили, голосовали, протестовали...»⁹.

Особенно долгие и страстные споры вызывал вопрос о твердых ценах. Как мы знаем, это же происходило и в Государственной думе. Большая заслуга А.Н. Наумова и возглавляемого им Особого совещания по продовольствию в том, что была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись на 1916 год, данные которой были изучены и опубликованы в статистических сборниках¹⁰. Впрочем, А.И. Шингарев в одном из своих выступлений в Думе упрекал Наумова в том, что статистические данные сведены только по губерниям и «не обработаны до сих пор», равно как и в том, что на введение твердых цен министр решился только по требованию Думы¹¹. Последнее говорит скорее в пользу министра. Что же касается несовершенства в обработке собранных сведений, то, как известно, отставка Наумова последовала уже в конце июня 1916 г. Впрочем, сам Наумов полагал в мемуарах, что введение Продовольственным совещанием твердых цен было наиболее действенной и успешной мерой и что добиться положительных результатов можно было только при единстве действий законодательной и исполнительной властей¹².

В связи с этим хотелось бы отметить, что законодательная власть, несмотря на перерывы в сессиях, все-таки работала в основном своем составе с довоенного времени, с 1912 г. Об исполнительной власти этого сказать нельзя. К январю 1917 г. в составе Совета министров дольше всего работали министр финансов П.Л. Барк (с 30 января 1914 г.), министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской (с 18 февраля 1915 г.) и морской министр И.К. Григорович (с 1911 г.). Тем не менее правительство (особенно военного времени) зачастую воспринимают как единое целое, не учитывая частую

⁹ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 469.

¹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 224–226, 1017, 1230, 1250.

¹¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 458.

¹² *Наумов А.Н.* Указ. соч. С. 469–470.

смену министров и, ругая его, забывают о решающей роли верховной власти.

Наумов вспоминал, как тщательно он готовился к встрече с депутатами Думы и как нервничал по этому поводу. Первое его выступление в Думе состоялось 18 февраля 1916 года. Поприветствовав депутатов, он заявил о необходимости сотрудничества не только с законодательной властью, но и с общественными деятелями; говорил, что фронт и тыл едины, а поэтому обязанность Министерства земледелия – обеспечить продуктами первой необходимости не только фронт, но и тыл. Наумов писал, что чувствовал, как «невидимая связь» между ним «и думской аудиторией становилась все крепче и теснее».

Речь Наумова была встречена овациями «слева и справа», а присутствующий, на заседании товарищ министра земледелия А.А. Риттих крепко пожал ему руку и сказал: «Такого восторженного приема я не запомнил... и Столыпина так не принимали»¹³.

Но... 28 июня 1916 года в Ставке А.Н. Наумов подал Николаю II прошение об отставке (причина – конфликт с председателем Совета министров Б.В. Штюрмером). При этом сам министр отмечает, что фронт и тыл к этому моменту были обеспечены продуктами первой необходимости на три месяца и что сменивший его на посту министра земледелия гр. А.А. Бобринский оказался в значительно лучших условиях¹⁴.

А.А. Бобринский был назначен министром земледелия 21 июля 1916 г., а уже 14 ноября временно управляющим Министерства земледелия стал А.А. Риттих. Но возглавлял правительство и при Наумове, и при Бобринском все тот же Б.В. Штюрмер, при котором продовольственный кризис все больше набирал обороты.

Что же происходит в это время в Государственной думе?

Последняя сессия законодательной власти возобновила свои занятия 1 ноября 1916 г. Основным вопросом было снабжение армии и населения продовольствием, но дискуссия неизменно скатывалась к политической проблеме – проблеме недоверия правительству. Как отмечает В.И. Старцев, критика власти велась депутатами столь агрессивно, что напоминала времена, «если не Первой, то, во всяком случае, Второй Государственной думы – Думы народного гнева»¹⁵.

Первое заседание V сессии Думы 1 ноября было ознаменовано известным выступлением П.Н. Милюкова, в котором, бросая обвинения в адрес правительства, он постоянно задавал вопрос: «Что это –

¹³ Там же. С. 484–487.

¹⁴ Там же. С. 476.

¹⁵ Старцев В.И. Указ. соч. С. 211.

глупость или измена?» Последнее обвинение, правда, не имело доказательств и являлось чисто риторическим приемом. С резкой критикой правительства и требованием его отставки выступил С.И. Шидловский¹⁶. Профессор С.В. Левашов (правый) справедливо призывал «прекратить пагубную борьбу за власть, хотя бы до конца войны»¹⁷, а А.Ф. Керенский назвал членов правительства предателями¹⁸.

Резкая критика власти продолжалась и 3 ноября. В.В. Шульгин от имени прогрессивных националистов заявил, что они будут бороться с этой властью, пока она не уйдет¹⁹. Ну, а И.Н. Ефремов потребовал уже не министерства доверия, а ответственного правительства²⁰.

Товарищ председателя Думы (с 5 ноября – прогрессивный националист) гр. В.А. Бобринский заявил: «Мы, господа, работать с этим правительством больше не можем. Мы можем ему только помешать, как оно будет мешать нам, но совместная работа стала совсем невозможна»²¹. Ему вторил кадет В.А. Маклаков: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»²². С защитой правительства выступил только черносотенец Марков 2-й.

Вот на таком этом фоне и шла бесконечная дискуссия по продовольственному вопросу. А.И. Шингарев, председатель комиссии по военным и морским делам, ни с кем не договорившись, поставил 6 ноября в повестку дня доклад министра путей сообщения А.Ф. Трепова о Мурманской железной дороге. (Ходили слухи, вскоре подтвердившиеся, что его назначат председателем Совета министров вместо Б.В. Штюрмера).²³

Депутаты на заседании комиссии решили устроить Трепову обструкцию, даже не выслушав его. Когда министр появился, они подняли такой шум, который не давал ему возможности сказать ни слова. Кроме того, было сделано заявление, что они вообще не желают слушать членов правительства. Активно участвовали в этом социал-демократы, трудовики, прогрессисты. Был вызван М.В. Родзянко, и после его долгих уговоров депутаты согласились выслушать Трепова, но, желая выразить свой протест, слушали его молча. Я.В. Глинка пишет, что кадеты в этом протесте не участвовали, однако видели в нем и хорошую сторону. Мы, – говорили они, – показали

¹⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 12–13.

¹⁷ Там же. Стб. 22–28.

¹⁸ Там же. Стб. 33.

¹⁹ Там же. Стб. 68.

²⁰ Там же. Стб. 74.

²¹ Там же. Стб. 123.

²² Там же. Стб. 135.

²³ *Слонимский А.Г.* Указ. соч. С. 56.

ему этим, что на посту председателя Совета министров он для нас неприемлем»²⁴.

На следующий день 7 ноября проходило обсуждение в кадетской фракции, а 8-го представители меньшевиков и трудовиков заявили, что раз у них нет доверия к правительству, то и слушать его представителя незачем! Член фракции прогрессистов, вышедший из блока, поддержал их²⁵. Националист А.И. Савенко, впрочем, отметил важность предстоящего выступления министра путей сообщения и заявил, что его необходимо выслушать²⁶.

Но несмотря на транспортный кризис А.Ф. Трепов, все-таки, будучи министром путей сообщения, многое пытался сделать в этой области. Изучая правительственные документы, можно увидеть, что больше всего особых журналов Совета министров посвящено ремонту, достройке старых и сооружению новых шоссейных и железных дорог²⁷.

Невзирая на протесты Думы, 10 ноября 1916 г. А.Ф. Трепов был назначен главой Совета министров с оставлением в должности министра путей сообщения. Трепов – личность умная, властная, яркая; он ищет контакта с Думой. Как справедливо отмечает И. В. Лукоянов, «чем слабее чувствовала себя верховная власть, тем более она выказывала расположения Думе»²⁸. Но все дело в том, что Дума, априори, никакого контакта не желала. Для нее вопрос о власти был самым важным.

18 ноября Совет министров выслушал заявление своего нового председателя, с которым он намеревался выступить в Думе от имени правительства и полностью его одобрил. Кроме того было принято постановление, чтобы министры и главноуправляющие свои выступления в Думе и Государственном совете по общеполитическим делам обсуждали в Совете министров²⁹.

А утром 19 ноября, перед выступлением в Думе, Трепов посетил Родзянко, который в ходе беседы сказал, что главное условие для совместной работы – изгнание из правительства А.Д. Протопопова. В тот же день 19 ноября лидеры трудовиков и меньшевиков устроили обструкцию уже не только Трепову, но и Милюкову с Шингаревым, которые вступили в полемику с Керенским, заявляя, что скан-

²⁴ См.: Журналы заседания Комиссии, состоявшейся 6 ноября 1916 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. ЛЛ. 403–409 об.; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 155).

²⁵ См. подробн.: *Слонимский А.Г.* Указ. соч. С. 56.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: *Особые журналы Совета министров Российской империи.* 1916 год. М., 2008.

²⁸ *Лукоянов И.В.* У истоков Российского парламентаризма. С. 335.

²⁹ *Особые журналы Совета министров Российской империи* 1916 год. С. 553.

дали представителей левых партий сочувствия среди большинства Думы не встретят³⁰. Подробнее об этом заседании можно прочитать у А.Г. Слонимского³¹.

Что касается А.Д. Протопопова, ставленника П.А. Бадмаева и Г.Е. Распутина, назначенного 16 сентября 1916 г. управляющим Министерством внутренних дел, а 20 декабря министром, то, несмотря на его одиозность, он занял по продовольственному делу весьма разумную позицию, предложив ликвидацию твердых цен.

Дело в том, что твердые цены были назначены только на продукты сельского хозяйства и были они ниже себестоимости. А цены на гвозди, шпагат, сенокосилки, лопаты, ситец и т. д. были чрезмерно высоки, и поэтому крестьянину совершенно невыгодно было продавать хлеб и его стали утаивать, чем пользовались спекулянты и мародеры. Но предложение Протопопова вызвало такой скандал в Думе, что он поспешил от него отказаться. Особенно возмущались кадеты и левые социал-демократы, бывшие упорными сторонниками твердых цен.

14 ноября отправлен царем в отставку А.А. Бобринский и в этот же день, как указывалось выше, временно управляющим Министерством земледелия был назначен А.А. Риттих, который, начиная с этого дня вплоть до Февральской революции, отвечал за решение продовольственного вопроса в России. Его взаимоотношения с Думой играли большую роль, и поэтому хотелось бы сказать о нем несколько подробнее.

Александр Александрович Риттих (1868–1930) окончил Александровский лицей с большой золотой медалью. Начал службу в Земском отделе МВД (1888 г.), был чиновником особых поручений Переселенческого управления. С 1903 г. служил в Министерстве финансов. Риттих подготовил ряд обзорных работ для Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в том числе: «Крестьянское землепользование» (1903 г.), «Крестьянское дело. Краткий свод трудов местных комитетов...» (1903 г.), «Крестьянский правопорядок» (1904 г.). С 27 июня 1905 г. Риттих был назначен директором Департамента государственных земельных имуществ, с 1 мая 1906 г. – управляющим делами Департамента государственных земельных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия, а с 25 марта 1912 г. – товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. 14 ноября он стал временно управляющим, 29 ноября 1916 г. управляющим Министерством зем-

³⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 252.

³¹ Слонимский А.Г. Указ. соч. С. 78–79.

леделия, а 12 января 1917 г. – министром земледелия. Риттих был также сенатором, гофмейстером, имел чин действительного статского советника³².

Я.В. Глинка вспоминал, что 16 ноября он вместе с М.В. Родзянко находился в Ставке, где председателю Думы царем была дана аудиенция. Длилась она 1,5 часа. Когда Николай II спросил, довольны ли в Думе назначением Риттиха вместо гр. Бобринского, «Родзянко выразил полное удовольствие»³³. А.А. Риттих, несмотря на то, что он был назначен только временно управляющим Министерства земледелия, подготовил проект доклада Думе, который хранится в Российском государственном историческом архиве, совершенно никем не исследованный³⁴.

В этом проекте он, обращаясь к депутатам, говорил о необходимости совместной работы и предлагал целый ряд мер в области сельскохозяйственной политики. Приведу очень краткое изложение этого большого, чрезвычайно важного и еще не опубликованного документа.

Риттих считал необходимым:

1. Не допускать колебания твердых цен (понижать их нельзя, поскольку они и так достаточно низкие, а повышение, хотя и желательно, но вызовет выжидательное настроение на рынке, что недопустимо в настоящий момент), считая при этом возможным периодический пересмотр цен на перевозки.

2. Выработать единый план снабжения, поскольку нельзя противопоставлять армию и тыл.

3. Широкое привлечение к продовольственному делу городов и земств, в надежде на их содействие при закупках на началах обязательной разверстки, что позволило бы отменить твердые цены на зерно, оставшееся у производителей. При этом со стороны городов необходимо участие в распределении продуктов.

4. Объединение всех продовольственных организаций, так как единство власти – обязательное условие.

Министр обращался к депутатам с просьбой высказать свое мнение о работе сельскохозяйственного ведомства и говорил о сложностях: нехватке рабочих рук в связи с войной; недостатке мяса и рыбы уже через год после начала войны; истощении запасов муки и т.д. Он указывал, что после двух лет войны в стране нет общего плана и программы необходимых мероприятий, и в качестве основной задачи ви-

³² Министерская система в Российской империи. М., 2007. С. 558–559; Шолов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 570–572.

³³ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 161.

³⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 307.

дел поддержку падающей производительности сельского хозяйства, а также создание условий для его развития после войны. Однако для этого нужны рабочие, знания, машины. В связи с этим Риттих коснулся вопросов привлечения трудовых ресурсов, подготовки специалистов производства сельскохозяйственной техники.

По его словам, в самом начале войны сельские хозяйства откачивались от помощи военнопленных. Потом поняли ее необходимость. В 1915 г., в самый разгар уборки урожая, на сельскохозяйственных работах использовались примерно 300 000 военнопленных, часть из которых по окончании работ была возвращена. Вопрос об использовании всех здоровых свободных военнопленных в сельском хозяйстве был поднят уже в декабре 1915 г., но оказалось, что они необходимы и на предприятиях, работающих на оборону. В результате Совет министров постановил немедленно снять с сельскохозяйственных работ 155 000 военнопленных, т. е. 30 %, и передать их Военному министерству. В итоге в сельском хозяйстве осталось 400 000 военнопленных.

30 июня 1916 г. последовало высочайшее повеление о привлечении к сельскохозяйственным работам инородцев. Но, по мнению Риттиха, такие меры необходимо использовать в совокупности, так как каждая сама по себе существенного значения иметь не будет.

Важнейшей задачей, по мнению нового руководителя Министерства земледелия, является обеспечение деревни сельскохозяйственными орудиями и машинами. Еще в 1915 г. Министерством земледелия был образован Особый закупочный союз, который определил объем необходимого импорта. На 1917 г. было заказано 75 уборочных машин на сумму 26 млн руб. Риттих отмечал, что в этом отношении, к великому сожалению, Россия была зависима от иностранного рынка. На покупку сельскохозяйственных орудий в 1913 г. был потрачен 141 млн руб. Даже шпагат доставлялся из-за границы. Из Австрии и Германии до войны получали семена, рыболовные сети, жезл без которой невозможно изготавливать консервные банки. В будущем, после войны, по мнению министра, необходимо будет исключить самую возможность таких затруднений. Для это предстоит развивать собственное производство машин и товаров для сельского хозяйства, тем более что в связи с войной наряду с падением импорта сократилось и отечественное машиностроение.

Из-за начала военных действий прекращен был и ввоз из-за границы нужных для сельского хозяйства минеральных удобрений: фосфора, калия, азота. В связи с этим в докладе указывалось на необходимость оборудовать соответствующими цехами для производства удобрений химические заводы. Для развития сельского хозяйства нужны специалисты и, поэтому следует открывать новые сельско-

хозяйственные учебные заведения. Три из них уже учреждены в Петрограде, по одному в Киеве и Одессе, Рязани и Тифлисе. Организованы лесные отделения при высших женских сельскохозяйственных курсах. По мнению Риттиха, нужно повсеместно насаждать низшие сельскохозяйственные школы, готовить сельских агрономов, техников для сельского хозяйства, создавать курсы для инвалидов войны.

Как следует из доклада, во время войны наблюдалась значительная убыль скота. В связи с этим была необходима неотложная деятельность государства по созданию благоприятных условий для животноводства. Поэтому Риттих предлагал Думе законодательно ограничить убой скота. Он отмечал, что сокращение потребления мяса требует увеличения производства других продуктов. В частности, надо развивать огородничество, а земствам – обеспечить хозяев семенами. Министр обещал также, что будет стремиться приблизить агрономическую помощь к населению.

Богатство России – это леса и поэтому, по мнению Риттиха, надо иметь в виду, насколько выгоден России будет вывоз переработанной древесины. Развитие лесообрабатывающей промышленности, улучшение сплавных путей, проведение железных дорог особенно необходимы на Севере.

Большое значение имеет переселенческое движение. В связи с этим Риттих обращал внимание на освоение земельного фонда в России, оросительные работы в Семиречье, Закавказье, Киргизии и т.д. Конечно, все это скажется не сразу, и для выхода из кризиса необходимы срочные меры. И успех тут зависит не только от Министерства земледелия, но и от «дружеской поддержки» Думы³⁵.

Думается, что доклад Риттиха следует опубликовать полностью. Но даже его краткое изложение говорит о знаниях министра, его тщательной подготовке и серьезном желании навести порядок в возглавляемом им ведомстве. На документе дата: 22 ноября 1916 г.

Однако при своем первом появлении в Думе 24 ноября Риттих не озвучил свой проект, сказав, что он всего несколько дней на своем посту и еще недостаточно ознакомился с положением и, кроме того, срочное дело, связанное с продовольственным вопросом, требует его «немедленного участия». Этим он вызвал возмущение левых депутатов и кадетов, которые спрашивали, зачем же он занял свой пост, если ничего не знает! В этот день Риттих, выступая на заседании Думы, заявил о своем удовлетворении, связанном с тем, что Государственная дума признала продовольственный вопрос первоочередным и что она считает «резкую ломку в этой области эко-

³⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 307. ЛЛ. 1–36.

номических отношений совершенно невозможной» и призывает «к совместной работе с правительством» (подчеркнуто мною – Б. Г.)³⁶.

Отповедь Риттиху дал А.И. Шингарев. Он говорил, что управляющий (тогда еще временно) Министерством земледелия заявил себя сторонником эволюционного порядка, отвергает полемику, призывает к совместной работе, но никакого ответа по снабжению продовольствием дать не может, так как всего несколько дней в этой должности. Но где же были, спрашивал депутат, его предшественники, и что Министерство делало два с половиной года?! «Пустое место в Совете министров, в котором нет ни знания, ни плана, ни системы!.. Разве продовольственный вопрос был делом только гр. Бобринского, министра Наумова, и разве это не обязанность всего Совета министров, а им ответить нечего»³⁷ – резюмировал Шингарев. За ним и другие депутаты упрекали Риттиха в неподготовленности к новой должности.

Вряд ли можно это назвать справедливым, учитывая послужной список Риттиха, приведенный выше, теплое отношение к нему А.Н. Наумова, пользовавшегося авторитетом в Думе. Чем же вызвано такое острое неприятие? Вероятно, несколькими причинами. А.Н. Наумов не был совсем посторонним для депутатов. Как министр он встречался с ними 30 ноября 1915 г., и был очень тепло принят. Согласно его воспоминаниям, «среди членов Государственной думы были группы», ему «близко и хорошо знакомые, в силу долголетнего... пребывания в их составе в качестве избранника Самарского губернского земства» (с 1909 г. Наумов – член Государственного совета по выборам от Самарского земства). Кроме того, на всевозможных съездах, земских и сословно-дворянских, он также встречался с депутатами Думы.

Помимо этого, посещая заседания Думы до назначения министром, он успел свести довольно многочисленные знакомства «с депутатами различных партийных группировок». Хорошему мнению о себе, по его собственным словам, Наумов «в значительной мере обязан своим друзьям-самарцам, которые всегда распространяли среди своих думских сочленов самые добрые... отзывы о нем»³⁸. Да и первая встреча с депутатами произошла у него через 3 месяца после назначения министром, в отличие от А.А. Риттиха, не обладавшего такими связями в Думе, да еще бывшего временно управляющим Министерством всего несколько дней.

³⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 448.

³⁷ Там же. Стб. 56.

³⁸ Наумов А.Н. Указ. соч. С. 477.

Но основная причина — это полное нежелание думцев сотрудничать с правительством. Повторюсь, главным для них было не решение продовольственного вопроса, а полная смена кабинета, то есть создание правительства доверия или ответственного министерства. Это очень ясно видно из цитированного выше выступления Шингарева, упрекавшего Риттиха в том, что его предшественники два с половиной года ничего не делали. Но ведь к ним относился и столь уважаемый ими А.Н. Наумов!

В своих записках «Крушение империи» (впервые изданных в 1927 г.) председатель Государственной думы М.В. Родзянко писал: «Депутаты раскритиковали Трепова и Риттиха и энергично принялись за продовольственный вопрос. Мне было обидно за Риттиха: по политическим соображениям левое крыло (не только левое! — Б.Г.) сразу повело на атаку на Риттиха. Я его всегда считал выдающимся, необыкновенно работоспособным, талантливым человеком. Мне пришлось с ним вместе работать еще в то время, когда я был председателем земельной комиссии. Еще тогда я смог оценить Риттиха как безупречного и знающего свое дело работника. К сожалению, он был назначен слишком поздно, и был в дурной компании»³⁹. (Речь идет о том, что А.А. Риттих был в одном правительстве с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым.)

Но вернемся к заседанию Думы 24 ноября. Депутат С.И. Шидловский говорил на нем, что деятельность Совета министров была в продовольственном вопросе «мало целесообразна»; рассуждал о зависимости этой проблемы от транспортной, о нехватке рабочих рук, о бессистемности использования труда военнопленных. Депутат обращал внимание на то, что твердые цены были объявлены только на хлеб, а производителю ведь нужен сахар, керосин, деготь, уборочные машины и т.д., и поэтому он вправе требовать твердых цен на эти и другие продукты. Шидловский считал, что если бы «к хлебу был применен какой-нибудь разверсточный порядок, то тогда бы не было того отрицательного явления, которое сейчас», и чем раньше будет обсуждение перспектив будущего года, тем меньше будет затруднений⁴⁰.

Прогрессист А.П. Мельгунов возмущался бессистемной реквизицией хлеба при заготовке для армии, при которой целые местности России оставались без зерна. Он напомнил, что во время летней сессии в 1915 г. было создано Особое совещание по продовольствию, на которое было возложено снабжение армии продуктами, что во

³⁹ Родзянко М.В. Крушение империи. М., 1992. С. 191.

⁴⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 425–428.

главе его был поставлен министр земледелия, учредивший институт особоуполномоченных. Институт этот работал без особого плана, не согласованно, и, в конце концов, те запрещения, которые были введены на местах, совершенно нарушили правильный обмен продуктами питания и, торговый аппарат, который был посредником между производителем хлеба и его потребителем, оказался совершенно разрушен.

Оратор нарисовал такую картину. Рыбинск, являясь распределительным центром закупок на местах, остался совершенно без зерна, хлеб не доставляют и в Нижний, а из 75 % хлебозакупочных районов в течение 6 месяцев до открытия навигации его невозможно было вывезти. Самаро-Златоустовская железная дорога с одним мостом в Сызрани забита сибирскими грузами, Бугульминская – не окончена, в Симбирске не благоустроены мосты. Разве возможен вывоз продуктов оттуда? Мельгунов требовал ответа правительства и настаивал на необходимости совместной работы Совета министров и Думы. Но главный его вывод: не должно быть никаких колебаний твердых цен⁴¹.

Далее мы слышим темпераментную речь правого депутата Б.Н. Лелявского: «Когда-нибудь государственное начало победит над началом политическим и вы отвергнете тогда твердые цены на продукты, как вы уже в свое время отrekliсь от твердой власти, от твердой воли и других «твердых» эпитетов, обычно свойственных в политике тем сверхминистрам, которым всегда аплодирует Заратустра, и иногда – современники. Разве без твердых цен и без уполномоченных не реквизируются уже продукты?!» И далее депутат обрушился на Министерство земледелия⁴².

Секретарь финансовой комиссии П.В. Синадино (фракция центра) полагал, что установление твердых цен привело страну к настоящей разрухе. Нет ни дорог, которые могли бы соединить Восточную и Западную Сибирь, ни новых шоссейных путей. Он не сторонник ответственного министерства, но считает, что «в такой момент нельзя допускать полной разобщенности власти, народа и законодательных учреждений»⁴³. С таким выводом трудно не согласиться!

На заседании 29 ноября В.И. Стемпковский (земец-октябрист) обратил внимание на то, что совсем недавно все обрушились на аграриев и с жаром стали доказывать, что низкие твердые цены выгодны стране, и повышение цены за пуд зерна на 10 или 20 коп. грозит потрясением финансам, промышленности, приведет к удорожанию про-

⁴¹ Там же. Стб. 437–447.

⁴² Там же. Стб. 474–483.

⁴³ Там же. Стб. 502–507.

изводства. А потом с думской трибуны высказывалась прямо противоположная точка зрения.

Стемпковский призывал подумать о том, что чувствует крестьянин, если у него отбирают хлеб по цене ниже себестоимости, в то время как ему нужно покупать по высокой цене необходимые товары. Депутат полагал, что в продовольственном деле нужна предусмотрительность и следует «заглядывать вперед». Но сделать это, по его мнению, при разъединении власти трудно, поскольку любые меры (например, перераспределение рабочих рук из города в деревню, отказ от выращивания цветов в пользу производства овощей) требуют продуманности⁴⁴.

П.Н. Ягодинский (прогрессивный националист) справедливо заявлял, что винить в тяжелом продовольственном положении нужно не только правительство, но и Продовольственное совещание, которое состоит из людей, избранных Думой. «Если они не в силах выполнить свою задачу, почему они не уходят?! – спрашивал он. – Почему не выработать план действий совместно с правительством?! (подчеркнуто мной – Б.Г.)». Кроме того, по его мнению, упрек властям в том, что нет плана, по мнению Ягодинского, не совсем справедлив. План есть. Это – твердые цены на хлеб, уполномоченные на местах, которые этот хлеб закупают и пользуются большой властью. Другое дело, что этот план неудовлетворителен. Твердые цены настолько преуменьшены, что они являются главным злом, поскольку не соответствуют расходам, которые нужны крестьянину для ведения хозяйства.

Ягодинский обрисовал положение в нескольких губерниях. Так, в Пензенской губернии до войны 1 фунт ржи стоил 80–85 коп., сейчас твердая цена – 1 руб. 52 коп. Но как изменились другие цены! Трудно найти рабочих. Тем, которые есть – по 17–18 лет. Раньше им платили 40–45 руб. за лето с полным содержанием, теперь нельзя найти дешевле, чем за 150–170 руб. Следовательно, стоимость рабочей силы выросла в 4 раза, а цена на хлеб – в 2 раза. Рабочий с лошадью до войны получал 1 руб. 20 коп. в день, а теперь мальчик с двумя лошадьми получает 8 руб., т.е. опять в 4 раза больше. Женщинам до войны в день платили 60 коп., а сейчас 2 руб. 50 коп. В 4 раза поднялось в цене железо. Телега до войны стоила 27 руб., сейчас – 140–150 руб. и т.д. Как же хозяин может придерживаться твердых цен? Он ведь разорится.

Что же в будущем сулят, по мнению Ягодинского, твердые цены? Ответ – сокращение посевов, поскольку крестьяне в убыток сеять не будут. И помещики также. «Боюсь, что мы переживаем канун хлебной революции» – предупреждает депутат. «Чем же в будущем

⁴⁴ Там же. Стб. 554–565.

году мы будем кормиться, и чем армия?» – спрашивает он. Никогда не было, чтобы хлебные цены оставались на одном уровне! Надо срочно повысить твердые цены. Ошибка в таком деле, как продовольствие, полагал депутат, недопустима!

Представитель правительства отстаивал на совещании повышение цен, но пошел на компромисс! Но ведь он видел, что это разрушение хозяйства! Что это легкомыслие, недостаточное знание. В таком случае он не должен заниматься этим вопросом. «Не правительство виновато, – обращался, однако, депутат к своим коллегам, – на себя посмотрите, какова ваша роль? Какая помощь была оказана правительству?!»⁴⁵.

К.М. Околович (правый) в своем выступлении заявил, что потрясен бесконечными очередями за хлебом в земледельческой стране, тем, что в Петрограде продается не хлеб, а клейстер и замазка. Даже в лучших кондитерских Филиппова, даже в лучших ресторанах невозможно достать хорошего хлеба, выпеченного не из затхлой, вредной для питания муки. Петроградцев кормят сосисками и колбасами, начиненными, как говорят, петроградскими котами, и за фунт такой колбасы нужно платить до трех рублей. «Что же касается сахара, муки, молока, мяса, – говорил депутат, – все это является роскошью и достоянием только людей богатых. Петроград, который среди лесов, без дров. Причина? Война закрывает подвоз, отрывает трудящийся люд от производительного труда. Да так, но все же! Все-таки, главное, причина в спекуляции. Война ведь не уменьшила наши запасы хлеба и дров? Разве мы не вывозили хлеб и лес за границу?! На рынке этих товаров остается гораздо больше, и они должны были бы подешеветь, а если дорожают, то виноваты тресты и отдельные торговопромышленники, пользующиеся случаем «ободрать обывателя». Бесконечные хвосты женщин и детей, ожидающих сахара и муки, потемневшие улицы и неограниченная перспектива дальнейшего развития кризиса». И в это время поезда возят фрукты: ананасы, виноград, груши, персики – предметы роскоши! Как только объявляют таксу на какие-либо товары, – они сразу исчезают⁴⁶.

Октябрист И.В. Годнев говорил о вредности в разделении деятельности в продовольственной сфере между военной и гражданской властями, утверждал, что «влияние Совета министров по продовольствию должно быть всячески устранено или ограничено соответствующими законоположениями». Завершил он свою речь требованием правительства доверия⁴⁷.

⁴⁵ Там же. Стб. 565–587.

⁴⁶ Там же. Стб. 588–606.

⁴⁷ Там же. Стб. 538–553.

На заседании 2 декабря спор продолжался. Представитель фракции русских националистов С.М. Богданов говорил о вредной роли запрещения вывоза продуктов из одной области в другую и обязанности продавать их только уполномоченным.

Его фракция, по словам депутата, разделяла точку зрения о несвоевременном установлении твердых цен на продукты и считала, что, по крайней мере, надо объявить твердые цены на все предметы первой необходимости. Против твердых цен, по словам депутата, выступали даже губернии не производящие сельскохозяйственные продукты: Новгородская, Псковская и др. Далее Богданов заявлял: «Необходимо отменить твердые цены... Нужно ввести хлебную повинность. Правительство вступило на этот путь и фракция русских националистов это одобряет. Ведь сельское население – деревня – переплачивает за многое, что дает город, и поэтому ставить город в исключительно благоприятные условия приобретения хлеба по низким, может быть убыточным ценам, даже при осуществлении этой хлебной повинности в пользу города, предоставив такую льготу, когда деревня не пользуется льготами при покупке продуктов, производимых в городах, было бы неправильным, несправедливым, было бы посягательством на интересы деревни! Фракция русских националистов никак не может с этим согласиться... В будущем надо отказаться от таких искусственных мер, как твердые цены»⁴⁸.

Представитель фракции социал-демократов И.Н. Туляков, оглашая формулу своей фракции перехода к очередным делам (так назывались думские резолюции), мер борьбы с продовольственным кризисом вообще не коснулся. Главная задача, говорилось в формуле перехода, – это решительная борьба с режимом и правительством⁴⁹.

Заседание 5 декабря опять было посвящено спорам о твердых ценах и критике правительства. Против твердых цен решительно выступил прогрессист А.И. Чистов, отмечая, что они могут привести к сокращению посевной площади крестьянами и, следовательно, к неминусовой катастрофе⁵⁰.

Член кадетской партии М.С. Воронков упрекал Министерство земледелия, которое будто бы не имеет единого продовольственного плана, а его уполномоченные приобретают хлеб по разверстке только для армии, не заботясь о населении. Он считал, что запрещение вывоза хлеба из одной области в другую (17 февраля 1915 г.) нанесло большой вред и привело к нарушению обмена товарами и к усилению спекуляции. Но главный вывод депутата – одобрение твер-

⁴⁸ Там же. Стб. 637–644.

⁴⁹ Там же. Стб. 667.

⁵⁰ Там же. Стб. 779.

дых цен и требование «правительства доверия»⁵¹. Это постулат, который проходит через все выступления членов партии народной свободы!

Я.В. Кривцов (правый) возразил Воронкову, заявив, что в Особом совещании по продовольствию он неоднократно говорил о несвоевременности твердых цен, установленных тогда, когда урожай еще не был убран, и его размер неизвестен, о неосмотрительности при установлении твердых цен ниже себестоимости, о чрезвычайной опасности этого решения. «Вы рискуете стать перед недостатком продуктов», – предупреждал он коллег по Думе и настаивал на том, что твердые цены должны быть повышены⁵².

М.Л. Киндяков (земец-октябрист) предлагал правительству закупать овес и пшеницу в Центральной России, где был приличный урожай, и перевезти его в неурожайные губернии. При этом он заявил, что «никто из думцев не говорит, что установленные твердые цены справедливы»⁵³. С последним заявлением Киндякова согласиться нельзя – активными сторонниками твердых цен были члены партии народной свободы и левые социал-демократы, защищавшие их на всех думских заседаниях.

Большой интерес представляет выступление П.Н. Макогона (земец-октябрист), заявившего, что ему ужасно тяжело наблюдать в Думе борьбу и слушать взаимные обвинения сторонников твердых цен и свободной торговли. Депутат отметил, что Риттих – единственный министр за пятилетнее существование Думы, признавший, что 70 % хлеба дает крестьянство, и нужно помочь именно этому министру, который «взял на себя смелость сказать, что он хочет сделать». Надо сначала посмотреть, что и как у него получится, а не кричать! Макогон заявлял, что Риттих учел самые тяжелые, «самые ответственные тяжбы крестьян... и мы должны во всеуслышание выразить благодарность такому министру»⁵⁴.

К.Е. Городилов (правый) решил продовольственную проблему просто, заявив о немецком засилье и потребовав убрать немцев из банков, с заводов, фабрик, железных дорог, университетов, после чего, как он верил, бунты прекратятся и Россия будет процветать⁵⁵.

В течение долгого заседания шли политические споры, и были заслушаны формулы перехода к очередным делам, предложенные разными фракциями. Фракция правых независимых ругала банки и

⁵¹ Там же. Стб. 742–762.

⁵² Там же. Стб. 790–794.

⁵³ Там же. Стб. 762–774.

⁵⁴ Там же. Стб. 786–790.

⁵⁵ Там же. Стб. 794.

потребовала приравнять сельское хозяйство к предприятиям, работающим на оборону, заявив, что снабжение деревни всем необходимым является важнейшим вопросом⁵⁶. Русская национальная фракция постановила, что после разверстки необходимых для армии продуктов твердые цены должны быть отменены и разрешена «свободная торговля зерном». Кроме того, следует разработать меры для борьбы со спекуляцией, оказывая при этом правительственную поддержку «общественному и частному почину», и ввести предварительные заказы⁵⁷.

Единства среди членов прогрессивного блока не было, но с небольшим преимуществом они приняли формулу перехода, в которой защищались твердые цены, предполагалось возложить разверстку не на губернаторов, градоначальников и пр., а на земские учреждения, установить государственное регулирование цен, разработать план продовольственной кампании на следующий год, реорганизовать Особое совещание по продовольствию и т. д. Но, разумеется, главный вывод состоял в том, что никакие меры немислимы без «правительства доверия»⁵⁸.

Таким образом, огромная резолюция свелась к тому же политическому вопросу – смене правительства. Попытка ее обсуждения фактически была пресечена, данная формула оглашена А.И. Шингаревым и принята 114 голосами, против 17 и 87 воздержавшихся. Если сложить воздержавшихся и проголосовавших против, то получится, что преимущество сторонников формулы было всего в 20 голосов⁵⁹.

Что касается социал-демократической фракции, то ее формула перехода была весьма лаконична. Содержавшиеся в ней требования явно не могли обеспечить решение продовольственного вопроса в настоящем, но планы на будущее были весьма решительные, а именно: 1. Строгая регламентация и организация сельского хозяйства в смысле регулирования производства, транспорта, обмена и потребления. 2. Создание новой системы налогов, перекладывающей их бремя с трудящихся масс на плечи имущих и дающей возможность покрывать расходы на войну не беспредельным выпуском бумажных денег, а беспощадным обложением неслыханных прибылей капитала и землевладения, в интересах которых ведется война. 3. Проявление свободной широкой и организованной самодеятельности всего населения. Вывод же состоял в том, что Государственная дума

⁵⁶ Там же. Стб. 798–799.

⁵⁷ Там же. Стб. 799–800.

⁵⁸ Там же. Стб. 801–804.

⁵⁹ Там же.

считает неотложной задачей борьбу с существующим режимом и поддерживающим его правительством⁶⁰.

Мы видим, что все бесконечно длящиеся, иногда многодневные заседания Думы при обсуждении столь важного продовольственного вопроса сводились к дискуссии о смене кабинета «правительством доверия» или «ответственным министерством». Как тут не согласиться с П.Н. Макогоном, что только А.А. Риттих «взял на себя смелость сказать, что (подчеркнуто мной – Б. Г.) он хочет сделать», и его следует не обвинять, а благодарить.

Не буду описывать дальнейшие заседания Думы в декабре – обсуждение продовольственного вопроса проходило на них примерно одинаково. Последнее в 1916 г., 18-е, заседание Думы состоялось 16 декабря. После него первоначально предполагался краткий перерыв, но в итоге 19-е заседание было назначено на 14 февраля 1917 г. Между тем со 2 января 1917 г. Риттиха заменял Н.В. Грудистов (товарищ министра земледелия), в то время как сам министр предпринял длительную поездку по российским губерниям для того, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. И именно о ее результатах министр говорил в своем докладе на заседании Думы 14 февраля 1917 г. Полагаю, что он изложил свою точку зрения и царю, так как после поездки, как явствует из камер-фурьерского журнала, 13 февраля, в 10 часов утра, Николаем II ему была дана аудиенция⁶¹.

В своем докладе в Думе Риттих совершенно справедливо отмечал, что к продовольственному кризису привели не только твердые цены, проблемы транспорта и климатические условия, но и острая политическая борьба, которая шла на всех думских заседаниях. Доклад длился более двух часов. Поскольку значение его чрезвычайно велико и все последующие заседания Думы были посвящены именно ему, то приведу его основные тезисы.

Основной бедой Риттих считал то, что интересы потребителей и производителей весьма разошлись. Голоса в защиту производителей убедительно указывали на тяжелые условия сельскохозяйственного труда, на страшный недостаток рабочих рук, на чрезвычайную дороговизну производства сельского хозяйства, на высокую себестоимость урожая. Голоса в защиту потребителя также убедительно доказывали, что цена на хлеб определяет все остальные цены и поэтому надо отнестись к этому «с особым вниманием и осторожностью».

Министр справедливо отмечал, что в дискуссию, несомненно, была внесена политическая нота, что голоса в защиту потребителей

⁶⁰ Там же. Стб. 800–801.

⁶¹ Николай II накануне отречения: Камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 71.

оказались громче и к 9 сентября 1916 г. последовало утверждение твердых цен. При его посещении Поволжья, во время бесед со многими земскими деятелями в январе 1917 г., выяснилось, что когда цены на зерно оказались ниже рыночных, зерно из продажи быстро исчезло. «Подвоз на рынки сократился до крайности и вскоре совершенно прекратился». Что касается уполномоченных, то, выискивая запасы зерна у торговцев, приобретенные с некоторым повышением твердых цен, они реквизировали его и, пользуясь предоставленным им правом, отправляли в армию. В таких условиях частная торговля сократилась и «совершенно сошла на нет».

Риттих объездил 24 губернии, провел множество бесед и убедился, как он предполагал и раньше, что суть проблемы в твердых ценах, установленных осенью 1916 г., а также в «резкой политической борьбе, внесенной в этот вопрос», который требует величайшей осторожности, поскольку представляет собой «серьезное вмешательство государственной власти в сферу частноправовых отношений», причем во время войны. Риттих говорил, что он решился на непопулярные меры, согласовав это с Особым совещанием, Государственной думой и Государственным советом. Речь идет о разверстке. О ее необходимости еще на первом заседании пятой сессии Думы заявил Шидловский. О том же говорил и он, и другие депутаты как на заседании 24 ноября, так и раньше. По докладу Риттиха вопрос о разверстке рассматривался на Особом совещании по продовольствию, которое поддержало эту меру двадцатью тремя голосами против трех. Наконец 29 ноября министр земледелия подписал постановление о разверстке, 2 декабря оно было опубликовано, а с января 1917 г. вступило в силу⁶².

Говоря о порядке проведения разверстки, министр пояснял, что, во-первых, она обязательна для каждого владельца хлеба, но ему надо объяснить, что это его долг во время войны. Во-вторых, в норму разверстки включено количество хлеба, необходимое для армии и лиц, работающих на оборону. На губернию объявлялась средняя цифра, которую надо было распределить по уездам, а затем по волостным и сельским сходам. При разверстке нормы были увеличены всего на 5–7 пудов против того количества, которое крестьяне поставляли в мирное время.

Часть волостей выполнила ее на 91 %, часть на 60 %, да и то с опозданием, а некоторые волости и сельские общества отказались выполнять совсем. Впрочем Риттих полагал, что и в таких случаях с реквизицией следовало поспешить, предварительно выяснив при-

⁶² Китанина Т.М. Указ. соч. С. 256.

чину отказов. Важно, что в целом, по оценке министра, сдвиг в поставках зерна произошел.

Сказал министр и об ошибке, произошедшей в отношении доставки зерна на станции. Предполагалось, что это расстояние не будет превышать 20 верст, но при необеспеченности железными и шоссейными дорогами многих селений подвоз зерна с дальних расстояний становился убыточным. Тем не менее, отмечает Риттих, за декабрь и январь подвоз хлеба увеличился вдвое. Правда, как заметил докладчик, в разверстке имеется еще один недостаток. В нее не были включены потребности населения.

Что же касается заявления Милюкова, будто бы осенью благодаря введению твердых цен доставка хлеба увеличилась вдвое, то, по мнению министра, приведенные им цифры существовали только на бумаге и не отражали реального положения дел.

Предложение учредить волостные закупочные комитеты, в которых большая роль была бы отведена земским служащим, Риттих отверг. Министр считал, что это не принесет пользы, поскольку местный патриотизм будет толкать земцев к узкокорыстным действиям в пользу своей волости или деревни.

Главное же, чего боялся министр, это отрицательное отношение к Министерству земледелия. «Здесь говорится о том, — заявлял он депутатам, — что правительство не пользуется доверием Думы, следовательно, все меры, проводимые им, обречены на неуспех (подчеркнуто мной — *Б.Г.*)». Он боялся, что дело обеспечения хлебом будет погублено, причем главную роль в этом сыграют психологические мотивы. Если бы все внушали крестьянам, говорил Риттих, что поставки хлеба их гражданский долг, что этого требует Родина, война, что Россия сейчас переживает решающий момент и что все силы должны быть направлены на это, хлеб пошел бы вдвое быстрее.

В конце доклада министр вновь напомнил депутатам об отчаянном положении с продовольствием и еще раз обратился к ним с предложением конструктивного сотрудничества. «Неужели около этого громадного дела, которое имеет такое страшное значение для России, — говорил Риттих, — в переживаемое время, мы будем продолжать вести эту политическую борьбу, будем разъединяться, или, быть может, мы все соединимся около этого дела, потому что оно имеет слишком большое значение для России...». Завершая выступление, министр сказал, что с волнением будет ожидать ответа Государственной думы на свой доклад и слова эти были встречены рукоплесканиями справа и в центре⁶³.

⁶³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1261–1286.

Доклад был подробный и обстоятельный, но часто прерывался как левыми депутатами, которые мешали министру говорить, так рукоплесканиями и криками «браво!» правых и центра. Впрочем, как отмечает В.И. Старцев, негодующие крики «собственно относились не к тому, что он говорил, а к тому, что он был представителем не любимого правительства»⁶⁴. При голосовании 121 депутат был за то, чтобы обсуждение доклада перенести на следующее заседание, против было 60 голосов. При изучении стенограмм пятой сессии IV Государственной думы возникает желание поддержать министра, который пытался что-то сделать в противовес политическим играм. Однако депутаты вели себя иначе.

С.И. Шидловский, учитывая важность вопроса, от имени фракции прогрессивного блока предложил перейти к обсуждению их заявления, в котором говорилось, что частая смена министров, «не способных работать с законодательными учреждениями, не возбуждающих их доверия» и т. д., привела к расстройству управления, «к печальным и грозным явлениям в области снабжения армии и страны продовольствием, топливом и к транспортной разрухе», что в свою очередь «возбудило у населения глубокую тревогу и беспокойство». Далее Шидловский предложил принять обращение к председателю Совета министров, министрам земледелия, морскому и путей сообщения, в котором содержался вопрос, что будет сделано для устранения создавшегося положения. Это предложение Думой было принято⁶⁵.

А.А. Ритиху пожелал ответить В.М. Пуришкевич, который попытался объяснить, почему между законодательной и исполнительной властью образовался такой раскол и почему так затруднительна их совместная работа. Впрочем, он также свел все к политике — ругал «немецкую партию», А.Д. Протопопова, Н.П. Раева. Но самого министра земледелия, правда, назвал талантливым, заявив, что с ним и с такими как Н.Н. Покровский, И.К. Григорович, Э.Б. Кригер-Войновский совместная работа Думы возможна. Однако по существу доклада Пуришкевич не сказал ни слова⁶⁶.

П.Н. Милюков отказался от выступления, сказав лишь с места, что «времени мало»⁶⁷. Н.С. Чхеидзе в конце своего очень долгого выступления заявил, что «правительство роковым образом стремится провалиться в пропасть и благоразумнее, очевидно, оторваться от него вовремя, чтобы оно не увлекло и тех, которые вкупе с ним со-

⁶⁴ Старцев В.И. Указ. соч. С. 352.

⁶⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1286–1288.

⁶⁶ Там же. Стб. 1304–1315.

⁶⁷ Там же. Стб. 1316.

жительство, в эту самую пропасть». Он призвал к решительной борьбе с правительством, а также резко выступил против Риттиха, не обсуждая предложенные им меры⁶⁸. Прогрессист И.Н. Ефремов требовал ответственного министерства, поскольку существующее правительство «антигосударственно, антинародно и оно никогда не пойдет навстречу насущным интересам страны»⁶⁹.

В исторической литературе существует точка зрения, что А.А. Риттих обрисовал в своем докладе выполнение разверстки в более радужных красках, чем это было в действительности и «потребовал прекращения критики правительства под предлогом выполнения хлебных поставок»⁷⁰.

Внимательное прочтение доклада, и особенно его завершающей части, показывает, что Риттих говорил об отчаянном, катастрофическом положении России и просил депутатов отложить в такой момент политические споры. В другой, более поздней работе сказано, что Министерство земледелия разработало проекты, имевшие целью возобновление после войны столыпинской аграрной реформы, но не предложило мероприятий по разрешению продовольственного кризиса на данный момент. Кроме того, введение разверстки обеспечило только нужды армии и предприятий, работающих на оборону⁷¹. Если последнее замечание справедливо, то об этом, как о недостатке, говорил в докладе и сам Риттих. Что касается мероприятий по разрешению продовольственного кризиса, то ведь именно этому и был посвящен доклад Риттиха! Вместе с тем замечание исследователя о том, что при попытках представителей городов купить зерно уполномоченные, боясь срыва продразверстки, запрещали вывоз закупленного хлеба⁷², совершенно справедливо.

Свое впечатление об этом первом после перерыва заседании Думы передал Я.В. Глинка: «Принялись за рассмотрение продовольственного вопроса (после доклада А.А. Риттиха – *Б.Г.*). Ни у кого никакого плана. Риттих своей персоной внес раскол в блок, так как октябристы горячо его поддерживают, а кадеты сваливают. Шестьдесят ораторов – один скучнее другого»⁷³.

Скучным это заседание не кажется, просто важнейший в этот момент продовольственный вопрос практически не обсуждался. Все свелось к резким нападкам на правительство. Что же касается фразы Я.В. Глинки, что Риттих внес раскол в прогрессивный блок, то она не со-

⁶⁸ Там же. Стб. 1295–1298.

⁶⁹ Там же. Стб. 1311–1316.

⁷⁰ Дякин В.С. Указ. соч. С. 316.

⁷¹ Кризис самодержавия в России. С. 645.

⁷² Там же.

⁷³ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 179.

всем точно передает обстановку, так как согласия среди членов блока не было и раньше, что ясно видно из их выступлений на предыдущих заседаниях начиная с первого заседания пятой сессии Думы.

На следующий день, 15 февраля, обсуждение доклада министра земледелия все-таки состоялось. П.Н. Милюков заявил о том, что в то время, когда решается судьба многих грядущих поколений, выступление Риттиха, по его мнению, показало неспособность правительства охватить продовольственный вопрос «во всей его широте и глубине», и обвинил министра в том, что он сузил вопрос о продовольствии «до вопроса о своем личном успехе». Речь лидера кадетской партии была направлена не на обсуждение предложений Риттиха по решению продовольственной проблемы, она была полна довольно резкой и несправедливой критики самого министра, часто переходящей границы. Он даже сравнил почему-то А.А. Риттиха с В.А. Сухомлиновым.

«Та же самоуверенность и самодовольство, — говорил Милюков, — та же свобода обращения с фактами и то же неуважение к аудитории, которая вводится в заблуждение. Не чувствуется в его выступлении, что вопрос о продовольствии — это не только вопрос о твердых ценах, о раскладке, о расстройстве транспорта, о распутице и т.д.»

Что же, полагает Милюков, Риттих также должен был включиться в бесконечную политическую полемику?! Сам же П.Н. Милюков выступал в защиту твердых цен, возражая А.А. Риттиху, что приводимая им, Милюковым, статистика о «высшей цифре» по доставке хлеба в сентябре — реальная, а не бумажная.

Но как ни важен продовольственный вопрос, заявил Милюков, самое главное — это вопрос о «приспособлении всего народного организма к войне, об организации всего народного хозяйства»⁷⁴.

Изучая документы, стенограммы Думы, воспоминания, нельзя не согласиться с точкой зрения В.И. Старцева о том, что кадеты изменились. «П.Н. Милюков, который в 1905–1906 гг. высокомерно насмеялся над «гнусной ролью», отведенной буржуазии социалистическими партиями, теперь был готов на все, лишь бы, наконец, получить правительственную власть»⁷⁵.

Павел Николаевич был готов даже поддержать А.Ф. Керенского. А Керенский в своей горячей речи на заседании Думы 15 февраля дошел до того, что заявил, будто «смута 1613 года — детские сказки по сравнению с тем, что происходит с Россией». Но, поднявшись до таких высот, он не забыл помянуть и Риттиха, назвав его первым учени-

⁷⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1328–1342.

⁷⁵ *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 225.

ком Столыпина и объединенного дворянства, который свою школу прошел на разрушении сельской общины, а свою карьеру делал на «ставке на сильных мужиков». Удивляет, что в феврале 1917 г. еще можно было говорить о пользе общинного хозяйства. Более того, Керенский даже прогрессивный блок обвинил в империалистических настроениях на том основании, что его члены мечтают о проливах⁷⁶.

Оценил происходящее профессор С.В. Левашов. Приведу часть его выступления: «...с тяжелым и тревожным чувством следим мы, правые, за деятельностью Государственной думы в течение ноября-декабря прошлого года, да и в последние два дня. Большинство ораторов, выступавших с этой трибуны, не считаясь ни с подавляющей серьезностью момента, ни с совершенно особыми обстоятельствами его, и должен прибавить, пренебрегая насущнейшими нуждами страны, посвящает свои речи ожесточенной борьбе с правительством, озлобленным нападка на власть, и сведению партийных счетов, причем очень часто тон и страстность выступлений напоминает происходившее в первых двух, печальной памяти Государственных думах».

Далее Левашов говорил, что министр земледелия привел важнейшие данные по снабжению продовольствием «страны и войска», указал на важные препятствия, которые встречает правительство в таком важном деле, а Дума отложила обсуждение его доклада и перешла к общеполитическим речам. Левашов осудил резолюцию прогрессивного блока, которая, по его мнению, не содержала ни одной здоровой мысли, ни одного правильного серьезного указания. Эти слова были встречены рукоплесканиями справа и репликой Воронкова: «Подождем, вот съезд хулиганов будет». «Хулиганы и будут хулиганями», — ответил Левашов. Констатируя, что резолюция прогрессивного блока по продовольственному вопросу равна нулю, депутат продолжил: «Полное ничтожество и бессодержательность этой резолюции, очевидно, было вполне ясно и членам блока, так как они для проведения ее должны были прибегнуть к самому грубому насилию над своими товарищами, постановив ничтожным большинством, что-то двумя-тремя голосами, вотировать эту резолюцию немедленно, не дав сколько-нибудь ознакомиться с текстом членам Думы, не входящих в состав прогрессивного блока». Левашов предложил во главе продовольственного дела поставить диктатора с широкими полномочиями, подчеркнув, что речь идет только о продовольственном деле, и заявил о необходимости единения Думы с правительством⁷⁷.

⁷⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1345–1360.

⁷⁷ Там же. Стб. 1360–1390.

Земец-октябрист Д.П. Капнист 2-й заявил, что октябристы и правые не согласны с точкой зрения Милюкова и поддерживают министра земледелия⁷⁸. А.А. Риттих 2,5 часа говорил об уже принятых мерах и просил Думу поддержать его в дальнейших действиях. А Дума как будто оглохла и обращалась к нему, как и к другим министрам, в декларации прогрессивного блока!

В качестве приложения к стенограмме этого заседания был опубликован список законопроектов, внесенных в Государственную думу с 17 декабря 1916 г. по 14 февраля 1917 г., т.е. во время перерыва в ее работе. Остановлюсь лишь на законопроектах, внесенных тогда еще управляющим Министерством земледелия А.А. Риттихом. Их было 15, но непосредственно к нашей теме относятся 12:

1. (41) Об отпуске сверхсметных средств предметов на закупку оборочных машин⁷⁹;

2. (42) Об отпуске сверхсметных средств на снабжение населения сноповязальными шпагатами;

3. (43) Об отпуске сверхсметных средств на организацию ремонта сельскохозяйственного машинного инвентаря;

4. (44) Об отпуске сверхсметных средств на мероприятия по мотокультуре;

5. (45) Об отпуске сверхсметных средств на прокатные пункты;

6. (46) Об отпуске сверхсметных средств по улучшению лугов и развитию травосеяния;

7. (47) Об отпуске сверхсметных кредитов в 170 000 руб. на меры по развитию животноводства;

8. (48) Об отпуске сверхсметных средств на снабжение хлопководов семенами;

9. (49) О сверхсметных ассигнованиях по огородничеству и технической переработке плодов и овощей;

10. (50) Об отпуске сверхсметных средств на мероприятия по борьбе с вредителями сельского хозяйства;

11. (51) О продлении льготного срока для обращения вин, указанных в 11-м разделе закона от 24 апреля 1914 г.;

12. (52) О работе по подготовке государственного земельного запаса⁸⁰.

Последние два пункта Риттихом внесены 3 января 1917 г. Разумеется, ни одного из этих пунктов (кроме последнего, внесенного в

⁷⁸ Там же. Стб. 1390–1391.

⁷⁹ В скобках представлены номера из общего списка законопроектов, поданных другими министрами.

⁸⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. С. 438–439.

земельную и бюджетную комиссии) депутаты вплоть до 25 февраля включительно не касались, так же как и законопроектов министра торговли и промышленности.

П.Н. Милюков в своих воспоминаниях так пишет об этих днях: «В заседаниях 14 и 15 февраля резко выступала вся внеблоковская оппозиция слева и справа». Лукавил Павел Николаевич. Резко выступали и члены прогрессивного блока и отнюдь не единодушно! О себе он писал, что решительно не помнит, что говорил⁸¹. Это удивляет, поскольку его выступление, как и речь А.И. Шингарева, была не только резкая, но и весьма грубая и довольно продолжительная. Думаю, что он не хотел вспоминать об этом, поскольку его претензии были некорректны по форме и несправедливы по сути. Об этом красноречиво свидетельствуют стенограммы.

Итак, дебаты продолжались. На заседании Думы 17 февраля П.Н. Милюков в ответ на обвинение А.А. Риттиха в защите твердых цен говорит, что его цифры не «бумажные», а реальные. Но Риттих говорил не о статистических данных, а о количестве хлеба, реально поступившего на склады. Министр пояснил, что когда появились твердые цены, стали заключаться сделки о поставках хлеба, но реально он не поступал. Именно за счет этого «заподряженного», как выражался Риттих, хлеба и сложились в октябре-ноябре высокие цифры. Например, уфимский уполномоченный докладывал о 19 611 000 пудов к началу навигации, но сделка была только на бумаге. И если бы Милюков, по словам министра, привел свои цифры на каком-либо губернском или земском собрании, представив их как результат введения твердых цен, то «это бы вызвало чувство величайшего смущения». Судя по данным, приводимым Милюковым, получалось, что твердые цены обеспечили поставку хлеба в большем объеме, чем в мирное время.

Как бы хотелось, чтобы Павел Николаевич оказался прав! Но в чем же тогда проблема и почему говорят о надвигающейся катастрофе? Упорство Милюкова в отстаивании твердых цен, помимо прочего, связано еще и с чертами его характера. Как отмечал министр юстиции Временного правительства А.С. Зарудный, «ничто не могло его заставить свернуть, сойти вправо или влево, хотя бы для вида, с тем, чтобы потом продолжить свою политику»⁸².

По словам Риттиха, крестьян начинают убеждать, что может быть неурожай и надо им оставлять хлеб на черный день. Эта пропа-

⁸¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 243.

⁸² Гальперина Б.Д. Архив А.С. Зарудного как источник по истории политической борьбы в 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989. С. 267.

ганда, по мнению министра, равняется саботажу. После объезда 24 губерний он выразил также надежду и на помощь земств. Ведь сейчас, быть может, решающий момент и надо выбросить все запасы, чтобы обеспечить победу, сейчас решается судьба России. Решали ли предварительно вопрос о доверии, когда решали вопрос о войсках? Исход войны зависит от снарядов и от продовольствия, а не от доверия, делал вывод министр.

В своем выступлении Риттих также отметил, что после введения твердых цен частная торговля большей частью прекратила свою деятельность. Обратил он внимание и на свое решение об изменении оплаты за перевозку хлеба, так как большая разница везти хлеб за 5 верст или 95.

Министр земледелия считал излишним созыв Всероссийского съезда всех общественных организаций по продовольственному вопросу, поскольку работает Дума, уделяющая этой проблеме огромное внимание, и большего «освещения этого вопроса» трудно себе представить. В заключение Риттих сказал, что предпочел бы, чтобы обиды и нападки были направлены лично на него, а не на сельскохозяйственную Россию, поскольку в противном случае они грозят срывом продовольственной кампании. Это выступление сопровождалось продолжительными рукоплесканиями правых и правой части центра⁸³.

Возражая министру, трудовик В.И. Дзюбинский упрекнул его за предположение, что будто бы в стране нет никакой разрухи, а только недостаток в подвозе продуктов⁸⁴. Более чем странный вывод, если помнить, что Риттих говорил о катастрофическом, отчаянном положении! А земец-октябрист Н.В. Савич заявил, что у правительства не было осмотрительности и осторожности по отношению к сельскому хозяйству и что во время войны в деревне было гораздо тяжелее, чем в городе. Правительство вкладывало деньги в развитие промышленности, необходимой для обороны, рабочие получали отсрочки, а из деревни были мобилизованы здоровые мужчины, и в ней оставались в большинстве дети, старики и женщины. Не было самого необходимого ни для посевов, ни для уборки урожая. Реквизиция происходила в деревне по минимальным ценам, далеко уступающим рыночным. У торговцев скупали хлеб тоже несправедливо. Отсюда и спекуляции и мародерство. Деревня перестала торговать и стала требовать в обмен не деньги, а вещи. Этот путь, по мнению Савича, ведет к полному краху. Депутат утверждал, что сейчас без развер-

⁸³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1454–1471.

⁸⁴ Там же. Стб. 1471–1485.

стки из положения не выйти, но она не должна превратиться в грабеж. Он полагал, что в настоящее время без твердых цен в закупках для армии не обойтись⁸⁵.

В.В. Шульгин заявил, что введение твердых цен только на хлеб – большая ошибка и в этом виноваты все, так как были люди, предупреждавшие об опасности этого шага. Настало время отказаться от твердых цен, и Шульгин поддержал в этом министра земледелия. Меры по устранению непосредственной опасности, принятые А.А. Риттихом, он считал правильными, а вот выступления некоторых думцев – неверными. Министр не рисовал радужных перспектив! Он говорил, что было очень плохо с подвозом хлеба, сейчас стало немного лучше, но положение остается весьма тревожным.

Шульгин был возмущен поведением Милокова, сравнившего Риттиха с Сухомлиновым, и Керенского, который сказал, что Распутин сменил Протопопов, а Протопопова Риттих. «Так можно докатиться до логики охранного отделения». И если Риттих выведет Россию из трудного положения, то Россия простит его, заявил депутат под рукоплескания в центре и справа⁸⁶.

Националист П.П. Кузьмин, по достоинству оценив обстоятельную речь министра земледелия, совершенно точно заметил, что прения по докладу Риттиха носили «не созидательный характер, а разрушительный»⁸⁷. Однако С.И. Гриневич (прогрессивный националист) обвинил Риттиха в совершенной неопытности, утверждая, что он не знаком с сельскохозяйственным делом (что само по себе забавно). При этом он критиковал программу министра земледелия и защищал твердые цены⁸⁸. П.Н. Новицкий (правый) считал введение твердых цен огромной ошибкой, в которой виновны кадеты. В земледельческой стране этого делать, по мнению депутата, было нельзя⁸⁹.

Итак, на заседании Государственной думы 17 февраля вновь шли споры вокруг твердых цен, и, разумеется, виновности правительства. И вместо обсуждения мер, предложенных Риттихом, говорили о необходимости создания «правительства доверия» или «ответственного министерства». После 17 февраля до начала Февральской революции Дума заседала только один раз, и это заседание посвящено было памяти скончавшегося в Екатеринославской губернии депутата Думы Михаила Мартыновича Алексеенко.

⁸⁵ Там же. Стб. 1485–1495.

⁸⁶ Там же. Стб. 1496–1501.

⁸⁷ Там же. Стб. 1665–1670.

⁸⁸ Там же. Стб. 1501–1512.

⁸⁹ Там же. Стб. 1512–1513.

Февральская революция началась, как известно, 23 февраля. Чем же занималась в этот судьбоносный день Государственная дума?! В повестке дня – 9 пунктов. В первом – доклад Комиссии по здравоохранению «по внесенному главноуправляющим Государственным здравоохранением законопроекту об учреждении Главного управления Государственного здравоохранения»; во втором – продолжение обсуждения доклада министра земледелия Риттиха. Это тот самый тусклый, как отмечали некоторые авторы, доклад, который бесконечно и многословно обсуждался вплоть до 25 февраля включительно.

В остальных пунктах содержались обращения за разъяснениями к министрам юстиции, путей сообщения и др. о том, какие меры они собираются предпринять на будущее время. А один пункт не может не вызывать улыбку – об обращении к министру иностранных дел, юстиции, внутренних дел и обер-прокурору Святейшего Синода с запросом по поводу незаконного содержания под стражей в монастыре греко-католического митрополита галицийского и львовского Андрея (графа Шептицкого). (Первым под запросом подписался Керенский)⁹⁰. Начиная с открытия 5-й сессии Думы, этот вопрос постоянно стоял в повестке дня и так ни разу не обсуждался.

Все как всегда свелось к продовольственным прениям «по докладу министра земледелия». Как отмечает Е.Д. Черменский – «бесплодное топтание на месте»⁹¹. К.Е. Городилов (правый) заявил, что твердые цены погубили страну, убили торговлю и все земледелие, что деревня теперь будет сеять только для своего пропитания. Он возмущался, почему твердые цены составляют от 1 руб. 34 коп. до 1 руб. 62 коп. за пуд, в то время как рыночная стоимость зерна 4 руб. 50 коп. Депутат обратился к министру земледелия с просьбой повысить твердые цены и обвинил членов прогрессивного блока, которые добились их установления, в том, что они не знают жизни деревни. Под возгласы правых «браво!» Городилов обращался к коллегам: «Вы, господа, обвиняете министров, посмотрите, кто поднимает восстание?!». По его мнению, это прогрессивный блок, который натравливал один класс населения на другой и заставлял отдавать хлеб по самым низким ценам. Разве можно было устанавливать твердые цены только на один хлеб, проигнорировав другие предметы первой необходимости? «Нас заставляют покупать и железо по дорогой цене, и гвозди, и ситец, все, что только для крестьянина необходимо, это все остается по тем ценам, кто какую захочет взять, а для купцов, для фабрикантов, для подрядчиков для них нет границ, для них нет твер-

⁹⁰ Там же. Стб. 1562.

⁹¹ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 230–234.

дых цен, только для одного несчастного крестьянина», – говорил Городилов. Более того, депутат выразил возмущение тем, что кадеты потребовали убрать Протопопова, когда он хотел объявить свободную торговлю. «Вы гг. во всем обвиняете правительство, – резюмировал Городилов, – но надо как-то посмотреть самим на себя». Именно кадеты, по его мнению, установили твердые цены и «подняли восстание в стране»⁹².

Затем выступал А.И. Шингарев, оценки которого были весьма далеки от объективности. Он упрекал Риттиха, что тот не говорил обстоятельно о положении с продовольствием и о том, что будет предпринимать Министерство для борьбы с хозяйственной разрухой. Создается впечатление, что он и не слушал многочасовой доклад Риттиха. Шингарев считал, что виновны в разрухе не низкие твердые цены, а государственная власть, которая не проводила этот принцип «твердо и планоно». Он, защищая твердые цены, полагал, что удар был нанесен Протопоповым, который поднял вопрос о свободной торговле (даже не ввел ее, а только вопрос поднял!). Поддерживал Милюкова в его полемике с Риттихом по поводу бумажных и реальных цифр. Но все это только бездоказательные слова. Ну и, конечно же, в речи присутствуют упреки, бесконечные упреки министру земледелия, сопровождающиеся рукоплесканиями слева и в левой части центра⁹³.

Когда Риттих пытается ответить, его все время перебивают, не дают говорить. Крики, шум! Правые рукоплещут министру и кричат «Правильно!», но тут же слышны выкрики М.С. Аджемова и П.Н. Милюкова: «Уходите!», «Земля не клином сошлась!»

В ответ Риттих говорил: «Гг., может мы не будем размениваться на мелочи в настоящую минуту, на эту чисто личную политику? Все это просто ужасно! Гг., ведь мне кажется, и, быть может, все это чувствуют, что мы переживаем торжественную историческую минуту, ведь может быть последний раз рука судьбы подняла те веса, на которых взвешивается будущее России... В это время нельзя заниматься личными счетами, доказывать кто прав, кто виноват...»⁹⁴.

Земец-октябрист В.И. Стемпковский поддержал ту точку зрения, что большую роль в происходящих событиях сыграло противопоставление интересов производителя и потребителя (имеется в виду твердые цены). Он призвал к дружной работе общественных сил и правительства, поскольку в Думе происходят небезопасные по отноше-

⁹² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1569–1571.

⁹³ Там же. Стб. 1571–1593.

⁹⁴ Там же. Стб. 1594–1597.

нию к правительству вещи. «Они не облегчают, а только тормозят путь к победе. Нам надо откровенно признать свои ошибки в продовольственном вопросе. И вину в установлении твердых цен», – заявил Степковский. Он утверждал, что министр прав, говоря о возникновении больших препятствий для разверстки. В прессе – постоянная критика и «именно тех людей, которые не могут не сознавать своей вины». Депутат не согласен с Милюковым и Шингаревым, по-прежнему защищавшими твердые цены, и продолжил: «Милюков упрекал Риттиха, что он враг политической экономии, но та политическая экономия, которой придерживается П.Н. Милюков, ошибочна. Ведь если нужен хлеб, то естественно дать за ночь цену, которая соответствует наибольшей себестоимости производства». И далее Степковский заявил, что позиция кадетов чрезвычайно вредна, так как загнала хлеб в подвалы и ямы и в будущем может отразиться на посевах, и выразил надежду, что в будущем таких ошибок удастся избежать⁹⁵.

Прогрессивный националист П.Н. Ягодинский также выступил против твердых цен, заявив, что Милюков и Шингарев защищают их либо потому, что, вероятно, ничего не понимают в сельском хозяйстве, либо только из самолюбия, не желая признавать свои ошибки. Подобная позиция – преступление! Более того, депутат счел ошибочной и позицию министра, который не решался объявить на хлеб свободные цены. Ягодинский защищал разверстку, но только в сочетании со свободными ценами. В следующем году Министерство, по его мнению, должно проявить в этом отношении больше твердости⁹⁶. Но мы знаем, что следующего года ни для правительства, ни для Думы, если не считать частных совещаний, где продолжались не игравшие никакой роли дебаты, уже не будет.

От фракции русских националистов выступил профессор С.М. Богданов, который, отмечая важность продовольственного вопроса, говорил, что любое обсуждение в Думе сводится к борьбе с правительством и разговорам о правительстве доверия или об «ответственном»⁹⁷.

Практические предложения внес депутат А.П. Вишневский (правый). Если хлеба действительно нет, то, по его мнению, надо подумать о разгрузке Петрограда от излишнего населения. И в ответ на реплику М.С. Аджемова с места о том, что нет поездов, заметил, что причина этого в нехватке угля, а, тем не менее, освещение не сокращено и идет вечерняя торговля теми же предметами роскоши.

⁹⁵ Там же. Стб. 1598–1606.

⁹⁶ Там же. Стб. 1606–1621.

⁹⁷ Там же. Стб. 1621–1626.

Вишнеvский предлагал сократить на 1–2 часа театральные представления, кинематографы (это все дало бы большую экономию топлива) и далее замечал, что население, может быть, поделилось бы с армией последним куском хлеба, но оно желает видеть, что хлеб и скот не гибнет, что все направляется туда, куда следует. В заключении депутат сказал о необходимости согласованной работы всех министерств⁹⁸.

А.Ф. Керенский говорил о том, что на улице стихия голодных женщин и это уже крах, «это состояние, которое нельзя организовать, почти нельзя управлять, оно уже не поддается убеждению...»⁹⁹; А.И. Шингарев – о неправильном распределении хлеба и о происходящем на улице¹⁰⁰. Социал-демократ М.И. Скобелев заявил, что он с изумлением слушал г. Риттиха. «Что сделал г. Риттих? – спрашивал он. – Организовал Россию, разрешил продовольственный вопрос, разрешил все другие проклятые вопросы? Он окончательно дискредитировал твердые цены»¹⁰¹.

А я с изумлением читаю это выступление Скобелева! У Риттиха было всего 3 месяца, и он кое-что сделал! Еще в своей работе 1967 г. В.С. Дякин отмечал, что министры уклонялись от работы, не зная, что делать, а «Протопопов, занимая важнейший пост министра внутренних дел, открыто игнорировал Совет министров» и только А.А. Риттих и Э.Б. Кригер-Войновский проявляли активность¹⁰². Но вот что сделал М.И. Скобелев и его товарищи за все время пребывания в Думе, а главное, получив всего через несколько дней вождельную власть?! Какие проблемы решил он и они за 7 месяцев?!

Все слова, слова, слова, как писал В. Шекспир.

В этих условиях, в условиях начавшейся революции, Милюков оглашает формулу перехода. Поздно! Ее текст я приведу без комментариев!

«Признавая необходимым:

1. Чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием население столицы, также, в частности, как и других городов.

2. Чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающих на оборону.

3. Чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные эле-

⁹⁸ Там же. Стб. 1625–1640.

⁹⁹ Там же. Стб. 1649–1653.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 1653–1657.

¹⁰¹ Там же. Стб. 1642–1649.

¹⁰² Дякин В.С. Указ. соч. С. 275.

менты и организованы продовольственные комитеты – Государственная дума переходит к очередным делам»¹⁰³.

Эту формулу перехода поддерживает Керенский, предложив только добавить один пункт об уволенных рабочих Путиловского завода¹⁰⁴. Поправка Керенского не была принята, но это уже другая тема.

Надо сказать, что эту полемику невозможно читать не только с точки зрения сегодняшнего дня, а даже с того самого, когда она велась, когда началось восстание. Уже тогда депутаты Думы понимали и говорили, что уже наступил крах, а сами бесконечно продолжали заседать и спорить!

Наступило 24 февраля, а в Думе опять первый вопрос повестки дня – обсуждение доклада Риттиха, остальные вопросы такие же, как и накануне¹⁰⁵. Но какое имеет значение повестка дня?! Ведь кроме продовольственного, депутаты не один из стоящих в ней вопросов не обсуждают. Опять все тот же спор о твердых ценах, о правительстве. А революция разгорается.

П.М. Макогон упрекал А.И. Шингарева, который, будучи уже четвертый год гласным Петроградской городской думы, сообщил, что в Петрограде запасов хлеба на 20 дней, а сам возмущался, что его нет в булочных! Шингарев предлагает дать Городской думе право закупок продовольствия, внеочередной перевозки закупленных продуктов, предоставить городскому голове право уполномоченного Министерства земледелия.

Однако возникает вопрос: если по данным Шингарева есть двадцатидневные запасы хлеба, то почему же он не говорит о мерах по их распределению?! Непонятно, почему Александр Иванович Шингарев вместо ругани с Александром Александровичем Риттихом, не предложил этих мер 14 февраля на заседании Думы?! А вместо этого он предложил принять обращение к председателю Совета министров с запросом о предпринимаемых мерах¹⁰⁶. И это 24 февраля!

И.В. Годнев заявил, что с большим удивлением слушал заявление А.И. Шингарева о том, что петроградский градоначальник опротестовал постановление Городской думы, которая пожелала выполнить требование Городового положения Петрограда о борьбе с нехваткой продовольствия¹⁰⁷.

Далее прения продолжают в том же духе.

¹⁰³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1657.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 1664.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 1674–1683.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 1715–1718.

Кадет В.В. Лашкевич в своем выступлении сообщил, что отчаянное положение с продовольствием и в других городах¹⁰⁸. Н.С. Чхеидзе ругал правительство, которое, по его словам, всегда было антинародным, говорил что катастрофа неминуема, если народ не возьмет сам власть в свои руки. «Народ может смести правительство». «Все ваши радикальные резолюции я поддерживаю, но люди действуют, когда нужно с оружием. Мы не знаем гг., не пущено ли это оружие в ход на улицах Петрограда», – предупреждал он¹⁰⁹.

Неужели Дума так изолирована в Таврическом дворце, что не знала о происходящем в городе?! Скорее всего, это риторический вопрос!

Обращаясь к продовольственному вопросу, депутат под рукоплескания слева заявил, что продовольственное дело немедленно должно быть передано в руки свободных организаций, самочинных, созданных явочным порядком, с одной стороны, а с другой – в руки городского самоуправления.

В своей речи Чхеидзе заявил, что когда люди выходят на улицу и объявляют гражданскую войну – резолюции бесполезны. Справедливо! Но Дума приняла обращение к правительству с запросом, какие меры принимаются для урегулирования продовольственного кризиса в Петрограде¹¹⁰.

В этот же день после бесконечных дискуссий М.В. Родзянко сделал внеочередное заявление: «Волнения, возникшие в Петрограде и других центрах и городах на почве расстройства правильного снабжения населения пищевыми продуктами достигли, как вы знаете, в настоящее время таких размеров, которые несомненно угрожают превратиться в явления крайне нежелательные и недопустимые в тяжелое военное время, нами переживаемое... Но обострившееся время требует быстрых и неотложных мер для успокоения населения». Поэтому на вечер 24-го для обсуждения положения в стране назначено совместное заседание Совета министров, товарища председателя и председателя Государственного совета, председателя, товарища председателя, секретаря Государственной думы, городского головы и председателя Губернской земской управы¹¹¹. Голосованием следующее заседание Государственной думы назначено на 25 февраля

Повестка дня 25 февраля у Государственной думы все та же¹¹².

¹⁰⁸ Там же. Стб. 1718–1719.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 1720–1721.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Стб. 1733–1734.

¹¹² Там же. Стб. 1735–1736.

Конечно же, первым пунктом шло обсуждение сообщения министра земледелия о положении продовольственного дела в Империи.

Далее следовал пункт о разъяснении министра путей сообщения о принимаемых мерах по предупреждению «на будущее время (подчеркнуто мной – *Б.Г.*) замешательства в транспорте». Неужели думцы, находящиеся в центре Петрограда, говорящие о катастрофе и т.д., как и Николай II, не понимали, что будущего у них нет! Или как Милоков считали, что, вызывая революцию, овладеют следующей стадией развития событий?! Без сакраментального вопроса о графе Шептицком в этой повестке дня также не обошлось.

И, наконец, 9-й пункт повестки – обращение к председателю Совета министров и министру внутренних по поводу причины отмены выборов гласных в Московскую городскую думу на четырехлетие (1917–1920) и медлительности в назначении новых выборов¹¹³.

Итак, утром 25 февраля 1917 г. депутаты опять обсуждали продовольственный вопрос! Председательствовал Н.В. Некрасов. Совет министров поручил Риттиху дать разъяснения Думе по продовольственному вопросу (в связи с думским запросом от 24 февраля). Риттих рассказывал, что очень серьезно упал подвоз продовольственных грузов из-за снежных заносов, которые задержали движение поездов. Это сопровождалось угольным кризисом на железных дорогах. Он послал телеграмму своему заместителю, чтобы тот срочно вызвал уполномоченного по продовольствию Петрограда и Москвы и точно выяснил ту норму, до которой может быть доведена выдача хлеба из имеющихся запасов. Положение оказалось хуже, чем предполагалось, так как снежные заносы длились больше трех недель. Норма была установлена в 35 вагонов в сутки ржаной муки и только 5 – пшеничной.

Такую выдачу производили около месяца вплоть до последних дней. Первое время, особенно с ржаным хлебом, затруднений не было. Пекарни даже иногда заявляли, что за день забран не весь хлеб. Но три дня назад по этому поводу начались волнения в Выборгском районе. Риттих вызвал уполномоченного, чтобы тот объехал эти кварталы, затем сам объехал пекарни и булочные, и оказалось, что в них имеются достаточные запасы муки и полным ходом шла выпечка. Но неожиданно появились огромные «хвосты» с требованием именно черного хлеба и купившие хлеб в одной лавке сразу же становились в «хвост» в другой. Так, во всяком случае, говорили. При таких условиях, конечно, обычной выпечки не хватало.

Все владельцы хлебопекарен и булочных утверждали, что у людей возникло беспокойство по поводу отсутствия в Петрограде муки.

¹¹³ Там же. Стб. 1740.

Росла паника. Все запасались хлебом, делали сухари. Нечто подобное, говорил Риттих, было и две недели тому назад, но быстро прошло. Паника же возникла из-за произносившихся накануне речей о том, что снижена норма выдачи хлеба, и его распределение происходит неправильно. Распространялись слухи и о том, что часть муки исчезает и перепродается по дорогой цене.

Какие меры были приняты? В начале февраля был назначен целый ряд маршрутных поездов для возмещения той страшной задержки, которая произошла вследствие стихийных явлений. Эти поезда уже вышли и следуют к Петрограду: по одному поезду через день с каждого из трех направлений: юго-восточного, рязанско-уральского, с самаро-златоустовского. Поезда назначены из тех мест, в которых уполномоченные убедились, что определенный властями наряд можно выполнить. Есть сведения, что вышло 19 маршрутных поездов – это от 450 до 500 вагонов. Кроме того, в последние дни подход к Петрограду как будто улучшился.

Разумеется, говорил министр, продовольственный вопрос чрезвычайно важен и положение очень сложное, трудное. Но больше всего его пугает возникшая паника. Поэтому для ее предотвращения, для того чтобы население знало положение вещей, правительство и сам он считают, что продовольственное дело следует передать в руки Петроградского общественного управления. Риттих говорил, что он это предлагал еще 2 ¹/₉ месяца назад при вступлении в должность министра земледелия. Об этом же, как и о необходимости разверстки, речь идет и в третьем пункте его проекта от 22 ноября 1916 г.

Но выяснилось, что это решение не соответствует ни Городовому положению, ни программе работы Особого совещания по продовольствию. В связи с этим министр обращался к депутатам с просьбой немедленно, не откладывая, провести соответствующее решение. Предложил он внести этот вопрос в Думу и городской голове. Но быстро принять решение не удалось, и Риттих теперь вновь, в дни революции, ставит этот вопрос. Министр сообщил депутатам, что накануне, т.е. 24 февраля, было решено, что как только Петроградская городская управа будет готова принять это дело, в тот же день оно будет ей передано. Между тем, Риттих договорился, чтобы пока распределение продуктов «происходило при обязательном участии представителей города»¹¹⁴.

При чтении стенограммы заседания Думы от 25 февраля особенно «радует» оптимизм Н.В. Некрасова, который утверждал, что в ближайшее время кризис будет преодолен и обеспеченное продуктами

¹¹⁴ Там же. Стб. 1741–1747.

население Петрограда успокоится. Однако Дума, по его словам, должна иметь в виду, что передача продовольственного дела городскому общественному управлению поставит последнее в довольно трудное положение, поскольку у него не будут тех возможностей, которые имелись у правительственных органов, оказавшихся не в силах справиться с этой грандиозной задачей. Некрасов считал, что трения между правительственными и общественными органами неизбежны, но за спиной последних «будут стоять два важных фактора – творческая, организующая роль самой идеи самоуправления и доверие со стороны местного населения». И это даст возможность призвать население к терпению¹¹⁵.

А.И. Шингарев в своей речи упрекнул А.А. Риттиха, что он за 2¹/₂ месяца не сумел справиться с задачей передачи дела распределения продуктов городскому самоуправлению, «пока на улицу не вышел народ Петрограда». Александр Иванович Шингарев не перестает удивлять. Ведь только что министр земледелия подробно рассказывал, что это предложение было им сделано при вступлении в должность и застопорилось по бюрократическим причинам. Далее Шингарев говорил, что город может взяться за распределение продовольствия, если будет обеспечен его подвоз, поскольку самоуправление не заведует железными дорогами¹¹⁶. Но, во-первых, чем же Александр Иванович занимался, будучи четыре года членом Городской думы? А, во-вторых, и Риттих в эти месяцы также не заведовал железными дорогами.

Далее Шингарев уверял, что если правительство не будет мешать, то общественное самоуправление справится, а если станет препятствовать – ответственность падет на правительство¹¹⁷. Ну что ж, через несколько дней А.И. Шингарев уже не имел возможности упрекать правительство в торможении дела, так как сам стал членом Временного правительства.

Н.С. Чхеидзе в своем выступлении напомнил, что есть местности, где нет ни земств, ни местных самоуправлений. К ним относятся, например, Кавказский театр военных действий и Туркестан...

«Как будет решен этот вопрос?», – спрашивал он и предложил подготовить обсуждаемый законопроект уже к понедельнику (т.е. к 27 февраля). Однако при голосовании решено было обсуждение законопроекта перенести на вторник (на 28 февраля)¹¹⁸.

¹¹⁵ Там же. Стб. 1747–1750.

¹¹⁶ Там же. Стб. 1750–1752.

¹¹⁷ Там же. Стб. 1754.

¹¹⁸ Там же. Стб. 1754–1755.

А.Ф. Керенский огласил формулу перехода к очередным делам. «Господа, — обратился он к депутатам. — Я считаю, что голосование по поводу объяснения министра Риттиха должно быть произведено сегодня. По моему, прений по этому вопросу не должно быть, так как положение совершенно ясно. Министр ничего нового нам не сказал; поэтому я предлагаю сейчас же проголосовать ту формулу, которую я вношу в Государственную думу — формулу перехода к очередным делам по поводу объяснения министра Риттиха: «Выслушав объяснения г. министра земледелия и считая их совершенно неудовлетворительными, Государственная дума признает, что дальнейшее пребывание у власти настоящего Совета министров совершенно нетерпимо. Во-вторых, что интересы государства требуют создания правительства, подчиненного контролю всего народа. В-третьих, чтобы немедленно населению должны быть гарантированы: свобода слова, собраний организаций и личности. В-четвертых, что продовольственное дело должно взять в свои руки само население, свободно организовавшись в обывательские и фабрично-заводские комитеты, подчинив деятельность городских самоуправлений интересам трудящихся классов. Принимая это к сведению, Государственная дума переходит к очередным делам»¹¹⁹.

Выступивший по мотивам голосования Чхеидзе предлагал все же еще раз обсудить объяснения министра земледелия по продовольственному вопросу. Председатель поставил на голосование вопрос, продолжать ли работу и обсуждать формулу перехода к очередным делам Керенского и предложение Чхеидзе, либо считать заседание закрытым и возобновить его во вторник в 11 часов утра. По результатам баллотировки заседание закрылось в 12 час. 50 мин. дня¹²⁰.

Это было последнее заседание IV Государственной думы. Снова обсуждать продовольственный кризис и вопрос о графе Шептицком депутатам не довелось. П.Н. Милюков вспоминал, что в эти последние дни Городская дума обсуждала вопрос о хлебных карточках, а Государственная — о расширении прав городского самоуправления в области продовольствия... «Было очевидно, что все безнадежно запоздало...»¹²¹. Так он писал в эмиграции. Но если он так хорошо понимал обстановку в эти дни, то почему не прекращены были бесконечные дебаты его однопартийцев?! Что все кончено он понял только в момент отречения Михаила Александровича!

На фоне столь острого продовольственного кризиса в армии и в тылу могут показаться удивительными особые журналы Совета ми-

¹¹⁹ Там же. Стб. 1756–1757.

¹²⁰ Там же. Стб. 1757–1758.

¹²¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 246–247.

нистров от 10 января и 21 февраля 1917 г., в которых отражено обсуждение доклада министра земледелия А.А. Риттиха о поставке Великобритании и Франции 40 млн пудов хлеба и обращения министра иностранных дел Н.Н. Покровского о выделении из них 4–5 млн пудов Италии, поскольку итальянское правительство еще в ноябре 1916 г. обращалось с ходатайством о продаже ему «хотя бы около 7 млн пудов зерна». Поскольку полный отказ в этом Италии со стороны русского правительства «при удовлетворении просьбы Великобритании и Франции представлялся бы по политическим соображениям нежелательным», Совет министров одобрил оба предложения и обстоятельно обсуждал способы доставки зерна¹²².

Но все дело в том, что Россия должна была выполнять свои обязательства перед союзниками. Еще в начале войны было заключено соглашение о размещении русских военных заказов в Великобритании и Канаде, равно как и о продаже Россией союзникам 72 млн пудов пшеницы. А 21 сентября 1915 г. между российским министром финансов П.Л. Барком и его французским коллегой А. Рибо была заключена конвенция, гарантировавшая России французский кредит для обеспечения платежей по займам и заказам предметов вооружения¹²³. Как мы видим, решение правительства было вынужденным — в противном случае и союзники могли нарушить свои обязательства.

Историки часто приводят фразу из выступления С.И. Шидловского на совместном заседании прогрессивного блока с представителями Земского и Городского союзов 16 ноября: «Правительство думает, что мы делаем революцию, а мы ее предупреждаем». С.Д. Черменский, цитируя С.И. Шидловского, делает вывод о том, что тот не только не был в оппозиции к правительству, но и желал сотрудничества с ним¹²⁴. Стенограммы Государственной думы и резолюция, принятая прогрессивным блоком, говорят обратное. На заседании Думы 1 ноября С.И. Шидловский выступил с резкой критикой правительства, требуя его отставки, а 24 ноября, как уже отмечалось, заявил, что «деятельность Совета министров малоцелесообразна».

Частая смена Николаем II министров во время войны привела к тому, что даже у самых талантливых из них не было возможности воплотить в жизнь свои проекты. Кроме того, разумеется, не было единства действий и согласованности в самом правительстве. Министр земледелия зависел от действий министров транспорта, торговли, финансов и т. д. Не хотелось бы создавать впечатление, что я

¹²² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1917 год. М., 2009. С. 53–54, 266–267.

¹²³ См. подробн.: Китанина Т.М. Указ. соч. С. 99.

¹²⁴ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 222.

оправдываю последнее российское правительство и верховную власть, но это уже тема другой работы.

Что же касается действий депутатов во время 5-й сессии Думы, то главным для них была борьба с правительством, не взирая на лица. Они даже слушать не желали министров, которые пытались что-то сделать. Это видно на примере и Трепова, и Риттиха.

Когда горит дом, надо срочно всем тушить пожар, а не вести бесконечные споры и дискуссии, как его погасить, да еще во время войны! Об этом и говорил все время А.А. Риттих, ища поддержки у законодательной власти. В заключение нельзя не согласиться с В.С. Дякиным, который отметил: «Не желая революции, буржуазная оппозиция, в известной мере способствовала ей своей критикой самодержавия»¹²⁵.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Думская благотворительность: помощь жертвам Февральской революции

Временный комитет Государственной думы (ВКГД) занимался и благотворительной деятельностью. О важности ее для думского Комитета говорил тот факт, что он создал Комиссию для рассмотрения ходатайств о выдаче пособий пострадавшим от революции. Вплоть до сегодняшнего дня специального углубленного исследования, посвященного деятельности этой Комиссии, так и не было опубликовано. Правда, некоторые сведения о ней содержится в статьях справочного характера¹. Упоминание о Комиссии присутствует и в ряде других работ². Вместе с тем механизм функционирования Комиссии практически не изучен. Отсутствует и представление о тех лицах,

¹²⁵ Дякин В.С. Указ. соч. С. 353.

¹ [Витенберг Б.М.] Комиссия Временного комитета Государственной думы по оказанию помощи жертвам революции и их семьям [...]—18.10.1917 / 1917. Чрезвычайные учреждения Государственной думы // Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917 гг. СПб., 1998. Т. 1. С. 231; Николаев А.Б. Комиссия для рассмотрения ходатайств о выдаче пособий пострадавшим от революции // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 267.

² Николаев А.Б. 1) Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. 1995. № 5. С. 57; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 90–91.

которые получили помощь от думской Комиссии как жертвы Февральской революции³.

Долгое время Февральскую революцию с «легкой руки» А.Ф. Керенского называли «бескровной»⁴. Но в дни Февраля 1917 г. в Петрограде погибшими, ранеными и заболевшими оказалось около 2000 человек⁵. Начиная с 27 февраля и до середины марта 1917 г., только в Таврический дворец «поступило более 3000 задержанных лиц – низших прислужников старого режима». Кроме этого, среди арестованных были офицеры, чиновники, сановники, а также уголовники

³ Исключение составляют работы, в которых приводятся данные Комиссии о некоторых лицах, пострадавших в дни Февральской революции: 1. Медведев Михаил Константинович – прапорщик 86-й пешей Вологодской дружины; 2. Никольский Александр – реалист 5-го класса; 3. Пирогов Александр Степанович – шофер Трубочного завода; 4. Богатов Александр Филиппович – прапорщик 33-го пехотного Елецкого полка; 5. Бок Лев Карлович, фон – коллежский советник в отставке; 6. Ершова Ольга Николаевна – торговка; 7. Мамин Сергей Федорович – рядовой Запасного Самокатного батальона; 8. Недолужный Алексей Евдокимович – рядовой Запасного батальона л.-гв. Петроградского полка; 9. Кузьмин Алексей Васильевич – судебный следователь Окружного суда; 10. Мартынов Николай Иванович – военный цензор, подполковник в отставке; 11. Иванов Иван Иванович – околоточный надзиратель Петергофского участка Петроградской столичной полиции; 12. Полищук Самуил Иванович – городской Петергофского участка; 13. Рогов-Матвеев Сергей Иванович – штабс-капитан 1-го Екатеринославского полка, слушатель Академии Генерального штаба; 14. Сницерук Макарий Артемьевич – городской; 15. Лопатин Митрофан Игнатьевич – околоточный надзиратель 4-го участка Московской части Петроградской столичной полиции; Шупп (Шупп) Елена Альбертовна – сестра милосердия (*Николаев А.Б.* 1) Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: персональный состав // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 87; 2) Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале-марте 1917 года // Из глубины времен. 2000. Вып. 12. С. 73; 3) 27 февраля 1917 г.: к вопросу о центрах революции // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых “Клио”. Второй год выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 238, 248; 4) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 40, 49, 64, 71, 97, 113, 114, 132, 152, 162, 172, 176, 202, 203, 223; 5) Февраль 1917 г.: Государственная дума и революционное насилие // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2003. №1. С. 3, 8, 9, 10, 11, 13; 6) Революция и власть. 168, 181, 184, 220, 228, 229, 231, 235, 437, 460, 467, 468, 520).

⁴ См. подробн.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 508–509.

⁵ А.В. Мельников на основе архивных документов и материалов периодической печати составил базу данных жертв Февральской революции, в которую включил сведения о 2047 пострадавших. При работе со списком он выявил 220 повторных упоминаний о жертвах революции (*Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2007. С. 46). Т.е., получается, что в дни Февраля 1917 г. в Петрограде пострадало 1827 человек. Думается, что и эти сведения не являются окончательными.

и обыватели, схваченные в революционном запале восставшим народом. Все они содержались зачастую в непригодных помещениях⁶. Нельзя не указать, что в результате криминального разгула неустановленное число обывателей⁷ пострадало от грабежей и другого насилия со стороны преступников, вышедших на свободу в дни Февральской революции, зачастую переодетых в солдатскую одежду.

Пострадавшие в дни Февраля 1917 г. не были оставлены без общественного внимания. Пожалуй, первым проявил инициативу в деле сбора пожертвований Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Первоначально денежные средства собирались им на материальное обеспечение семейств, павших в дни революции⁸. По сообщению «Русской воли», в кассу Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в пользу жертв революции поступило 500 000 руб.⁹ Известно, что Петроградский Совет оказывал помощь не только семьям погибших, но и непосредственно пострадавшим в дни Февральской революции в результате ранений¹⁰.

Проводили сбор средств в пользу жертв Февраля 1917 года и некоторые газеты Петрограда. В частности, редакция «Маленькой газеты» организовала «сбор пожертвований для помощи» матерям, женам и детям¹¹, а также и «родственникам павших от рук жандармов товарищей»¹². Средства в пользу жертв революции поступали в контору «Русской воли»¹³.

14 марта 1917 г. в Таврический дворец явился М.З. Чаадаев и обратился к думцам с предложением «записаться в число членов вновь

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 480, 487, 507, 544–545.

⁷ 17 октября 1917 г. автор «Очерка главнейших преступлений с 1 марта по 1 октября 1917 года», составленного в Осведомительном отделе Главного управления по делам милиции, писал: «Точных статистических сведений по преступлениям этого рода (разбой, кражи, грабежи – А.Н.) за текущий год в Главном управлении по делам милиции не имеется. Нет их и в Министерстве юстиции <...>» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1133. Л. 21).

⁸ Пожертвования // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 и 10 марта.

⁹ В пользу жертв революции // Русская воля. 1917. 17 марта (веч. вып.).

¹⁰ Вопрос о советской благотворительности пока не изучен. В данной статье присутствуют сведения об оказании помощи со стороны Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов некоторым лицам, пострадавшим в дни Февраля 1917 года.

¹¹ Богоявленский Евст. Матерям и детям павших товарищей // Маленькая газета. 1917. 9 марта.

¹² Богоявленский Евст. Семьям павших героев (сбор редакции «Мал[енькой] газеты») // Там же. 14 марта.

¹³ В пользу жертв революции / Хроника // Русская воля. 1917. 14 марта (веч. вып.).

образованного «Комитета при Государственной думе по сбору пожертвований и оказанию помощи жертвам революции и политическим освобожденным». Несколько позднее 9 депутатов IV Думы писали по этому поводу следующее: «Имея в виду благую цель Комитета, мы, а равно и другие члены Государственной думы, выразили согласие на внесение нас в число членов означенного Комитета, именно имея в виду, что таковой состоит при Государственной думе»¹⁴. В думском делопроизводстве хранится список членов Комитета, датированный 19 марта 1917 г.¹⁵. Председателем Комитета указан депутат Государственной думы А.Ф. Керенский, а товарищем председателя – М.З. Чаадаев. Среди членов Комитета было 4 лица¹⁶, не являвшихся депутатами Государственной думы и 42 думца¹⁷. В.М. Пуришкевич согласился вступить в состав Комитета, но при условии, что «председателем Комитета будет М.В. Родзянко»¹⁸.

Канцелярия ВКГД поспешила проинформировать депутатов IV Государственной думы, что этот Комитет «возник по частной инициативе без какого-либо участия как Временного комитета Государственной думы, так и Государственной думы вообще»¹⁹. В свою очередь, думский Комитет обратился к ряду депутатов Государственной думы с просьбой сообщить, состоят ли они членами «Комитета помощи жертвам революции». По журналам исходящих бумаг ВКГД удалось установить, что такие запросы были отправлены 20 марта 1917 г. в адрес Г.Х. Байтерякова, К.Л. Бардижа, И.К. Вистяка,

¹⁴ Письма в редакцию // Речь. 1917. 26 марта.

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 451.

¹⁶ Александр Моисей Захарович – купец 1-й гильдии, председатель правлений Акционерного общества «Сибирская слюда» и Торгово-промышленного акционерного общества «Бахмутская центральная соляная копь»; Левинсон-Левинг Леон Осипович – купец, директор-распорядитель Правления Акционерного общества Механических и жестяных заводов, Северного товарищества торговли металлом (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1917. С. 12, 390). В списке значатся также П. Захаров и священник А. Лотоев (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 451).

¹⁷ 1) В.И. Алмазов, 2) Г.Т. Алферов, 3) Г.Х. Байтеряков, 4) К.Л. Бардиж, 5) И.К. Вистяк, 6) И.М. Гамов, 7) П.П. Гронский, 8) В.И. Дзюбинский, 9) М.П. Дмитриев, 10) А.А. Дуров, 11) Н.Н. Евреинов, 12) И.Т. Евсеев, 13) С.А. Иванов, 14) С.А. Калинин, 15) М.И. Канашев, 16) Ф.О. Кейнис, 17) С.Р. Кириллов, 18) Е.Г. Колбинцев, 19) В.В. Лашкевич, 20) А.Г. Лелюхин, 21) Е.Д. Логвинов, 22) Н.Н. Львов, 23) И.Ф. Малайчук, 24) А.А. Можайский, 25) А.И. Мухин, 26) А.Н. Мухин, 27) А.И. Новиков, 28) Н.С. Орлов, 29) В.Н. Пепеляев, 30) И.Ф. Половцев, 31) Н.И. Родзевич, 32) С.Н. Родзянко, 33) С.А. Рыблов, 34) А.И. Рыслев, 35) Н.Н. Рычков, 36) В.И. Самчук, 37) А.П. Сидоров, 38) М.-К.Б. Тевкелев, 39) Ф.Д. Филоненко, 40) А.П. Фотинский, 41) Д.И. Шаховской, 42) П.М. Шмяков (Там же).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Письма в редакцию // Речь. 1917. 26 марта.

В.И. Дзюбинского, А.Ф. Керенского, Е.Г. Колбинцева, В.В. Лашкевича, Е.Д. Логвинова, Н.Н. Львова, И.Ф. Малайчука, Мухина²⁰, С.Н. Родзянко, В.И. Самчука, П.М. Шмякова²¹, а несколько позднее – И.Т. Евсеева и В.Н. Пепеляева²². 9 депутатов, среди которых были И.К. Вистяк, С.Р. Кириллов, И.Ф. Половцев, С.А. Рыблов, В.И. Самчук и др., заявили о своем выходе из состава «Комитета по сбору пожертвований» и сложили с себя всякой ответственности за его деятельность²³. 30 марта в Канцелярию ВКГД поступили заявления депутатов Евсеева, Колбинцева и Пепеляева о том, что они «в обществе по сбору пожертвований в пользу жертв революции» не состояли²⁴. Напомним, что все они значились в списке Комитета, созданного по инициативе Чаадаева. Благодаря опросу, проведенному ВКГД, выяснилось, что часть членов чаадаевского Комитета была внесена в его состав без их согласия. Это, несомненно, заставляло думский Комитет заподозрить Чаадаева если не в корыстном умысле, то в нечистоплотности при создании Комитета помощи жертвам революции.

ВКГД установил, что в газетах были опубликованы, расклеены по городу и в вагонах трамвая объявления «от имени “состоящего при Гос[ударственной] думе Комитета” для сбора пожертвований и оказанию помощи жертвам революции и политическим освобожденным». В перечне мест приема пожертвований указывались: комната № 46 Таврического дворца, дворец великого князя Дмитрия Павловича (Невский пр., д. 41), «все банки и их отделения». В связи с этим ВКГД был вынужден «во избежание возможных недоразумений» выступить в прессе с разъяснением о том, что упомянутый Комитет, «не являясь организацией, учрежденной по инициативе Гос[ударственной] думы, произвольно пользуется наименованием “состоящий при Гос[ударственной] думе” и ничего общего с Временным (Исполнительным) комитетом Гос[ударственной] думы не име-

²⁰ В записи журнала исходящих бумаг инициалы депутатов не указаны. В IV Государственной думе было два Мухина – прогрессивный националист Алексей Иванович и кадет Александр Николаевич. В списке чаадаевской организации указаны оба депутата. Скорее всего, запрос был отправлен на имя А.Н. Мухина, т.к. известно, что он в марте 1917 г. находился в Петрограде и принимал активное участие в думской деятельности. Сведений о пребывании в столице А.И. Мухина в это же время не имеется (См.: *Николаев А.Б.* 1) Мухин (Мухин 1-й) Александр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 388; 2) Мухин (Мухин 2-й) Алексей Иванович // Там же. С. 388–389).

²¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 28.

²² Там же. Д. 26. Л. 25.

²³ Письма в редакцию // Речь. 1917. 26 марта.

²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп.10. Д. 26. Л. 25.

ет. В указанных местах приема пожертвований Временным комитетом Гос[ударственной] думы не производится»²⁵.

То, что инициатива по оказанию помощи жертвам революции исходила не от Государственной думы, а среди членов Комитета Чаадаева оказались «мертвые души» из числа думцев, видимо, вынудило думский Комитет предпринять (запоздалые, конечно, по сравнению с Петроградским Советом²⁶) шаги для организации помощи жертвам революции в рамках думской благотворительности.

27 марта 1917 г. на заседании ВКГД было принято постановление образовать под председательством члена Временного комитета Думы, депутата IV Государственной думы Александра Геннадьевича Ратькова-Рожнова (центр) «особую комиссию для рассмотрения поступающих в Комитет ходатайств о выдаче пособий лицам, пострадавшим в связи с революционным движением». Кроме Ратькова-Рожнова, в Комиссию должны были войти еще пять членов из числа депутатов IV Думы²⁷. 28 марта были оформлены, а 29 марта 1917 г. отправлены приглашения Ивану Федоровичу Половцеву (прогрессивный националист), Францу Осиповичу Кейнису (трудовик), Дмитрию Николаевичу Сверчкову (центр), Николаю Романовичу Шагову (большевик) и Борису Александровичу Энгельгардту (земец-октябрист) с просьбой «состоять чл[еном] Комиссии для рассмотрения ходатайств о выдаче пособий пострадавшим от революции». В случае согласия им предлагалось прибыть в Таврический дворец 29 марта в 17 часов. О времени начала заседания сообщалось только Кейнису и Энгельгардту²⁸. Судя по имеющимся документам, Полов-

²⁵ От Временного комитета Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 28 марта. Как сообщала «Петроградская газета», Чаадаев самовольно занял под свой Комитет дворец в.к. Дмитрия Павловича. Министр юстиции А.Ф. Керенский вместе с прокурором Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзевым прибыли во дворец, где Чаадаева не оказалось. Керенский «заявил присутствующим, что деятельность Комитета он объявляет ликвидированной, и потребовал выдачи всех дел». Видимо, днем 22 марта 1917 г. «Чаадаев явился в Таврический дворец, как заявил он, по делу своего Комитета». И здесь же «он был немедленно арестован» (Самозванный комитет пр[исяжного] пов[еренного] Чаадаева // Петроградская газета. 1917. 23 марта).

²⁶ Заметим, что в адрес отдельных депутатов IV Государственной думы поступали денежные средства в пользу жертв революции. Но из-за того, что ВКГД этим видом благотворительности не занимался, депутаты были вынуждены передавать средства в другие организации. В частности, на имя члена Государственной думы Н.М. Фридмана поступило, по нашим подсчетам, 251 руб. 37 коп. в пользу жертв революции и семейств, павших за свободу, которые он передал в Финансовую комиссию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Хроника // День. 1917. 29 марта).

²⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп.10. Д. 17. Л. 31.

²⁸ Там же. ЛЛ. 32, 35.

цев, Кейнис и Сверчков приняли приглашение. Н.Р. Шагов, вернувшийся из Туруханского края, куда был сослан царской властью «на вечное поселение», тяжело больным подал заявление об отпуске. Просьба была удовлетворена, и он получил отпуск с 30 марта²⁹.

Б.А. Энгельгардт обратился в думский Комитет с просьбой «о желательности иметь в распоряжении несколько тысяч рублей для выдачи пособий офицерам, пострадавшим от революции». Письмо Энгельгардта было зарегистрировано Канцелярией ВКГД 29 марта 1917 г.³⁰, т.е. Энгельгардт предполагал оказывать помощь офицерам – жертвам Февральской революции через Отдел сношений с войсками, которым он заведовал. Судя по имеющимся документам, Энгельгардт успел оказать материальную помощь, по крайней мере, одному офицеру³¹. Каких-либо сведений об участии Шагова и Энгельгардта в деятельности Комиссии не имеется. Вместе с тем думский Комитет продолжал и в апреле 1917 г. считать их членами Комиссии по выдаче пособий лицам, пострадавшим в связи с революционным движением³². В мае 1917 г. состав Комиссии пополнился. 5 мая впервые в ее работе принял участие член ВКГД, депутат IV Государственной думы И.И. Дмитриюков³³. Секретарем Комиссии был И.Ф. Половцев³⁴, он же, в случае отсутствия А.Г. Ратькова-Рожнова, вел заседания и подписывал документы «за председателя»³⁵.

Делопроизводство Комиссии вел В.М. Донской³⁶. Заметим, что делопроизводством, связанным с деятельностью Комиссии, занимались также управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка³⁷, старший де-

²⁹ Там же. Д. 28. Л. 40.

³⁰ Там же. Д. 26. Л. 20.

³¹ Там же. Д. 17. Л. 38 об.

³² Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1.

³³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1367. Л. 335.

³⁴ Там же. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 332, 369 а и др. Заметим, что подпись И.Ф. Половцева как секретаря Комиссии встречается на документах реже, чем как рядового ее члена.

³⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 36, 146, 198, 201, 280, 296, 303 и др.

³⁶ Там же. ЛЛ. 36, 52, 89, 149, 164, 174, 200, 204, 215 и др.; Д. 18. ЛЛ. 5, 13, 22, 26 б., 51 и др. Донской Василий Михайлович – делопроизводитель Канцелярии Государственной думы с 1 декабря 1916 г. Управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка приказом от 3 марта 1917 г. назначил Донского для производства дел по Управлению делами думского Комитета (*Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 557).

³⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 38, 39 и др. Глинка Яков Васильевич – начальник Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии Государственной думы с 20 августа 1908 г. Управляющий делами Временного комитета Государственной думы с 2 марта 1917 г. Сенатор с 1 мая 1917 г. (Там же. Оп. 9. Д. 997. ЛЛ. 94, 97, 102 об.).

лопроизводитель И.И. Батов³⁸, делопроизводитель М.П. Машков (Мошков)³⁹ и помощник делопроизводителя А.А. Кондратьев⁴⁰. В ряде случаев отношения в Казначейство думского Комитета подписывал председатель IV Государственной думы и ВКГД М.В. Родзянко⁴¹.

Документы, отложившиеся в РГИА, а также материалы периодической печати показывают, что Комиссия называлась по-разному: Комиссия по выдаче пособий жертвам революции⁴²; Комиссия по выдаче пособий жертвам революции и их семьям⁴³; Комиссия по выдаче пособий лицам, пострадавшим в связи с революционным движением⁴⁴; Комиссия по выдаче пособий борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением⁴⁵; Комиссия по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением⁴⁶ и др.

Как сообщали «Известия Временного комитета», Комиссия «имеет своей задачей оказание материальной помощи семействам погибших и лицам, физически пострадавшим в связи с революцией»⁴⁷. Заседания Комиссии, начиная с первого, которое состоялось 29 марта

³⁸ Там же. Оп. 10. Д. 17. Л. 525; Д. 18. ЛЛ. 22, 26 б., 51 и др. Батов Иван Иванович – старший делопроизводитель Канцелярии Государственной думы с 1 апреля 1911 г. (приказ секретаря Государственной думы от 18 апреля 1911 г. за № 25). После Февральской революции – начальник Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии Государственной думы. 14 июня 1917 г. назначен помощником управляющего делами ВКГД «с возложением на него исполнения обязанностей управляющего делами Временного комитета на время его отсутствия» (*Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 557; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 956. Л. 9 об.).

³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 53, 210. Машков (Мошков) Михаил Петрович – делопроизводитель (с 1 апреля 1911 г.), старший делопроизводитель (с 10 марта 1917 г.) Канцелярии Государственной думы (Там же. Оп. 9. Д. 1139. ЛЛ. 15 об., 72).

⁴⁰ Там же. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 559, 584. Кондратьев Александр Алексеевич – помощник делопроизводителя Канцелярии Государственной думы с 24 октября 1908 г. Делопроизводитель Канцелярии Государственной думы с 16 мая 1917 г. (Там же. Оп. 9. Д. 1077. ЛЛ. 11 об., 13 об.).

⁴¹ Там же. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 525, 528, 529, 534, 540, 549, 552 и др.

⁴² Там же. Л. 333.

⁴³ Там же. Д. 18. ЛЛ. 51, 64.

⁴⁴ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 31, 32, 35.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 282.

⁴⁶ Список пособий, выданных Временным комитетом Государственной думы и Комиссией по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением // Известия Временного комитета. 1917. 14 мая. № 5.

⁴⁷ Учреждения при Временном комитете Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1.

1917 г., проходили в комнате № 51 Таврического дворца.

В истории Комиссии можно выделить несколько этапов ее деятельности. Положив в основу периодизации такой критерий как интенсивность ее заседаний, можно выделить 3 периода: 1) 29 марта – 19 июня; 2) 20 июня – 24 августа; 3) 25 августа – 10 ноября 1917 г.

Первый период характеризуется наибольшим количеством заседаний Комиссии: состоялось большая их часть – 19 из 23. Заседания проходили 1–2 раза в неделю, как правило, по вторникам и пятницам. Напомним, что согласно постановлениям от 10 и 20 мая 1917 г. установлено специальное расписание, по которому заседания ВКГД проходили по вторникам, четвергам и субботам в 20 часов⁴⁸. Заседаниям думского Комитета, проходившим по вторникам, предшествовали комитетские заседания, начинавшие свою работу в 17 часов. Укажем, что два раза прошения были рассмотрены на заседаниях ВКГД. За этот период Комиссия и ВКГД рассмотрели 85 прошений жертв революции. Из них 74 были удовлетворены на общую сумму 30 190 рублей, а 11 отклонены.

Во второй период ходатайства рассматривались исключительно на заседаниях ВКГД (10 заседаний), а Комиссия в это время не собиралась. Причины этому не установлены. Это можно было бы объяснить тем, что председатель Комиссии А.Г. Ратьков-Рожнов ушел в отпуск с 20 июня по 20 июля⁴⁹. Но «бездействие» Комиссии продолжалось и после того, как ее председатель вернулся из отпуска. Думский Комитет под председательством М.В. Родзянко рассмотрел 55 прошений жертв революции. Из них 50 было удовлетворено на общую сумму 19 300 руб., а пять отклонено.

В третий период прошения лиц, пострадавших от революции, а также родственников, погибших в результате революционных событий, разбирались семь раз: на трех заседаниях Комиссии, одном заседании ВКГД, один раз лично председателем ВКГД М.В. Родзянко и два раза лично И.И. Дмитрюковым. Всего было рассмотрено 62 ходатайства жертв революции. Из них 51 были удовлетворены на общую сумму 20 650 руб., 5 отклонены, а 6 не решены. Последнее заседание Комиссии состоялось 28 сентября 1917 г.⁵⁰. Укажем, что деятельность по рассмотрению прошений продолжалась до 10 ноября, а делопроизводство Комиссии велось до 14 ноября 1917 г. включительно⁵¹.

⁴⁸ Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 109.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 262; Д. 28. Л. 103.

⁵⁰ Там же. Д. 25. ЛЛ. 2–2 об.

⁵¹ Там же. Д. 18. ЛЛ. 488, 494, 498.

Механизм оказания помощи жертвам Февральской революции был следующим. Пострадавшие от революции или члены их семей и семей убитых подавали ходатайства о получении денежного пособия. Подчеркнем, что немногие просители адресовали свои ходатайства непосредственно в Комиссию. В большинстве случаев прошения шли на имя М.В. Родзянко, ВКГД, Государственной думы, реже – министра юстиции⁵², военного министра⁵³. В дальнейшем эти прошения перенаправлялись в Комиссию.

Ходатайства составлялись самими просителями или третьими лицами из-за неграмотности просителя или по другим причинам. Так, например, депутат IV Государственной думы Василий Николаевич Зверев написал прошение в Комиссию с просьбой выдать денежное пособие жене слушателя Академии Генерального штаба Сергея Ивановича Рогова-Матвеева Ольге Дмитриевне. Зверев писал в прошении: «2 марта 1917 г. в кв[ртиру] штабс-капитана Рогова-Матвеева явилась группа неизвестных лиц в солдатской форме и арестовали его в присутствии жены, увели, как они сказали, в Государственную думу». По словам Зверева, о Рогове-Матвеева «с тех пор сведений <...> ниоткуда никаких поступало» и его «можно считать почти наверняка пропавшим без вести»⁵⁴. Предположительно прошение за депутатской подписью имело больше шансов на его удовлетворение.

Рассмотрение прошений и принятие решений о назначении денежного пособия или отклонении просьбы проходило на основе инструкции, в которой было не менее 5 пунктов. К сожалению, текст инструкции пока не выявлен. Благодаря пометкам на заявлениях пострадавших, установлено содержание только п. 5. В нем разъяснялось, что жертвой революции может считаться только лицо физически пострадавшее⁵⁵. На основании этого пункта инструкции Комиссия отказывала в пособии лицам, понесшим в дни Февральской революции материальные убытки.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют утверждать, что члены Комиссии собирали сведения с целью установления фактов, позволявших или назначить просителю денежное пособие, или отклонить его прошение. В том случае, если у Комиссии или ощущался недостаток сведений, или они казались сомнительными, то она предпринимала шаги, направленные на сбор необходимой информации. Он осуществлялся путем командирования того или ино-

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 48. Л. 76.

⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 399.

⁵⁴ Там же. ЛЛ. 146–147.

⁵⁵ Там же. ЛЛ. 296, 300.

го члена Комиссии для наведения справок в лечебные учреждения, опроса пострадавшего и пр.

Так, 10 апреля 1917 г. в Комиссию обратилась крестьянка д. Вязка, Лужского уезда, Петроградской губернии Марфа Григорьева, проживавшая на Обводном кан., д. 21, квартира дворника. В ходатайстве о пособии на специальное лечение сына Михаила она сообщила, что он был ранен 28 февраля в поясничную область. Кроме этого, просительница предоставила удостоверение от старшего врача лазарета № 246 (Невский пр., д. 135) от 7 апреля за № 7685⁵⁶. Комиссия на заседании 11 апреля 1917 г. поручила И.Ф. Половцеву собрать дополнительные сведения. 12 апреля он, выполняя поручение Комиссии, посетил лазарет, побеседовал с врачом и потерпевшим. 14 апреля на очередном заседании Комиссии Половцев сообщил следующие сведения: 1. Возраст Григорьева: 16 лет. Семейное положение: 3 брата, отец и мать, старший брат в плену. 2. Имущественное положение: печатник в типографии; зарабатывал 6 рублей в день: трудом поддерживал семью. Отец состоит дворником. 3) Характер ранения: «тяжелый; револь[верной] пулей [“]Маузер [а”] или подобной этому типу пробит спинной позвонок, и пуля проникла в почечную область; возможны параличные явления; лечение должно быть упорным и продолжительным (2–3 месяца); рана еще гноится». 4) Время и место ранения: 28 февраля на Суворовском проспекте. 5) Срок и стоимость лечения: от 2–3 месяцев; необходимо климатическое лечение; стоимость, установленная старшим врачом, 300–400 рублей. Комиссия назначила Григорьеву денежное пособие в 300 руб.⁵⁷. Заметим, что сведения о М. Григорьеве были опубликованы в «Ведомостях общественного градоначальства» 17 марта 1917 г.⁵⁸, т.е. сомнений в том, что он является жертвой Февральской революции, у Комиссии не должно было возникнуть. Цель расследования, которое проводил Половцев, состояла, на наш взгляд, в том, чтобы выяснить стоимость лечения Григорьева, исходя из которой и предполагалось назначить ему пособие.

Комиссия в целях сбора дополнительных сведений чаще не командировала своих членов, а направляла запросы самому просителю и в лечебные заведения. В частности, в связи с ходатайством крестьянки Екатерины Ивановны Юхновой, получившей 28 февраля

⁵⁶ Там же. Л. 61.

⁵⁷ Там же. Л. 60.

⁵⁸ Список убитых и раненых в дни революции // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 17 марта. В списке упоминается дважды. Во второй раз уточнена специальность пострадавшего. Укажем, что в списке сообщалось о том, что Григорьев был ранен на пл. Александро-Невского, а не на Суворовском пр., как следовало из сведений, собранных Половцевым.

сквозное ранение левой голени, Комиссия направила запросы с просьбой, во-первых, 12 апреля за № 1051 ей лично «представить в дополнение к прошению медицинское удостоверение из лазарета», во-вторых, 25 апреля за № 1537 в лазарет на Садовой ул., д. 83 – «сообщить сведения о характере и серьезности ранения, семейных обстоятельствах потерпевшей и имущественном положении»⁵⁹. Сведения предлагалось адресовать во Временный комитет Думы.

Запросы направлялись и по месту службы пострадавшего. В том случае, если Комиссии не удавалось собрать дополнительных сведений, то она оставляла прошение нерешенным. В остальных случаях она принимала постановление об удовлетворении просьбы и назначении пособия или об отказе в просьбе. Выявлен единственный случай, когда Комиссия приняла постановление о выдаче денежного пособия, но при условии предоставления недостающего документа. Речь идет о постановлении Комиссии от 2 мая 1917 г. о выдаче О.Д. Роговой-Матвеевой «пособия в сумме трехсот рублей при условии предоставления в Комиссию удостоверения начальника Академии Генерального штаба о пропаже штабс-капитана Рогова-Матвеева в дни революции»⁶⁰. Удостоверение Николаевской военной академии от 12 мая 1917 г. за № 5451 о пропаже без вести ее слушателя Рогова-Матвеева, хранится среди документов Комиссии⁶¹. Любопытно, что, не дожидаясь этого удостоверения, Комиссия 5 мая за № 1687 направила в Казначейскую часть ВКГД распоряжение о выдаче денег О.Д. Роговой-Матвеевой⁶². Иначе говоря, условный характер постановления Комиссии от 2 мая был ею же (Комиссией) фактически отменен распоряжением от 5 мая.

В том случае, если Комиссия удовлетворяла прошение, то она в некоторых случаях письменно уведомляла просителей о том, что «назначенное Вам пособие Вы можете получить во Временном комитете Государственной думы (комната № 48)»⁶³. В ряде случаев Комиссия отдавала распоряжение Казначейской части ВКГД о пересылке денег по почте как внутри Петрограда⁶⁴, так и по стране⁶⁵.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 52, 117; Комиссия по выдаче пособий 8 мая 1917 г. постановила выдать Е.И. Юхновой единовременное пособие в сумме 300 руб. (Там же. Л. 215; Список пособий, выданных Временным комитетом Государственной думы и Комиссией по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением, за время с 28 апреля по 8-е мая с[его] г[ода] // Известия Временного комитета. 1917. 14 мая. № 5).

⁶⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 146.

⁶¹ Там же. Л. 148.

⁶² Там же. Л. 149.

⁶³ Там же. Л. 307.

⁶⁴ Там же. ЛЛ. 89, 215.

⁶⁵ Там же. ЛЛ. 149, 164; Д. 18. Л. 64.

Заметим, что Комиссия сама устанавливала размер денежного пособия. Сведения о лицах, получивших денежное пособие от Комиссии, дважды публиковались в «Известиях Временного комитета». Подчеркнем, что были указаны все лица (47), получившие денежные пособия как жертвы революции с 29 марта по 8 мая 1917 г. включительно⁶⁶.

Деятельность Комиссии финансировалась Временным комитетом Государственной думы. Средства, выделяемые ВКГД для помощи жертвам Февральской революции, формировались за счет благотворительных пожертвований. 28 марта было опубликовано уведомление ВКГД о том, что им «открыт прием пожертвований как на общие нужды, связанные с укреплением нового государственного строя, так и со специальным назначением оказания помощи жертвам революции». Здесь же сообщалось, что «пожертвования можно направлять на имя Комитета Государственной думы или вносить казначею Временного комитета, члену Государственной думы Н.М. Панкееву или его заместителю Д.Я. Попову»⁶⁷. Заметим, что публикация обращения ВКГД была приурочена к открытию деятельности Комиссии помощи жертвам революции. Вместе с тем необходимо указать, что благотворительные средства стали поступать во Временный комитет еще в дни революции. К сожалению, в нашем распоряжении есть только неполные сведения о средствах на благотворительность, поступивших в Казначейство ВКГД в пользу лиц, пострадавших и семейств лиц, погибших в связи с революцией с 1 марта по 31 мая 1917 г. – 252 743 руб. 56 коп.⁶⁸ Можно с уверенностью предположить, что благотворительные средства для жертв революции продолжали поступать в Казначейство ВКГД и в последующие месяцы.

В комиссию было подано гражданскими лицами 85 прошений в связи с тем, что они сами или их родственники пострадали в дни Февральской революции. Среди них были люди, пострадавшие в результате несчастных случаев. В конце марта 1917 г. в думский Комитет

⁶⁶ Пособия жертвам революции, выданные Временным комитетом Государственной думы по 27 апреля // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1; Список пособий, выданных Временным комитетом Государственной думы и Комиссией по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением, за время с 28 апреля по 8-е мая с[его] г[ода] // Там же. 14 мая. № 5.

⁶⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

⁶⁸ Подсчитано по: Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1; 11 мая. № 4; 14 мая. № 5; 1 июня. № 8; 15 июля. № 11; 28 августа. № 13. Согласно «Справке о состоянии денежных сумм Казначейства Временного комитета Государственной думы на 21 апреля 1917 г.» «для лиц и семейств, пострадавших за свободу» имелось 257 640 руб. 49 коп. (Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1).

обратилась корректорша Канцелярии Государственной думы Ольга Ефграфовна Никольская, которая сообщала, что «27-го февраля в 3-м часу дня, в воротах своего дома ружейным выстрелом из окна Окружного суда <...> был смертельно ранен и через полчаса скончался мой единственный сын, реалист V-го класса, мальчик 15 лет». Похороны стоили 670 руб. Никольская просила ВКГД придти ей на помощь. 29 марта Комиссия помощи жертвам революции назначила ей единовременное пособие в размере 700 руб.⁶⁹. 26 июня 1917 г. во Временный комитет Думы подала прошение портниха Глафира Павловна Смигельская. Она писала: «От полученного 27 февраля сего года тяжкого поранения пулею в голову с раздроблением черепа и повреждением мозгового вещества я лишилась совершенно работоспособности». Смигельская просила оказать ей «денежное вспомоществование». Здесь же она указывала, что имеет «дочерей 13 и 11 лет». К прошению приложено удостоверение Французской больницы Св. Марии Магдалины (В.О., 14-я линия, д. 59) от 7 апреля 1917 г., в котором уточнялось, что Смигельская была ранена 28 февраля «ружейной пулей в квартире по 15 линии, д. 68, кв. 34 во время революционного движения через окно, выходящее на улицу». 28 февраля ей была проведена операция по извлечению «осколков костей черепа». В больнице она находилась до 29 марта, а затем переведена на амбулаторное лечение. 10 июля ВКГД постановил выдать Г.П. Смигельской «единовременное пособие в размере пятисот рублей»⁷⁰. Крестьянка Виленской губернии Марьяна Томашевич Амброжевич, проживавшая на Обводном канале, писала 9 июня, что ее 19-летняя дочь Мария «27-го февраля, направляясь из костела, попала в толпу, была ранена в правую ногу и по настоящее время находится в Обуховской больнице». Комиссия назначила Марии Михайловне Амброжевич пособие в размере 200 руб.⁷¹.

Ряд гражданских лиц пострадали во время оказания помощи пострадавшим. В частности, в 4 часа утра 28 февраля была тяжело ранена сестра милосердия Елена Альбертовна Шупп⁷². Комиссия постановила выдать ей два пособия на общую сумму 760 руб. (21 апреля – 500 руб.⁷³, 16 мая 1917 г. – 260 руб.⁷⁴).

⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 1; Пособия жертвам революции, выданные Временным комитетом Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 447–449.

⁷¹ Там же. ЛЛ. 367–367 об.

⁷² Там же. ЛЛ. 86–89.

⁷³ Там же. Л. 86; Пособия жертвам революции, выданные Временным комитетом Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 225.

Большую часть жертв революции составляли рабочие, принимавшие активное участие в революции. Так, рабочий завода «Промет» Василий Алексеевич Фомин получил огнестрельное ранение кисти правой руки 28 февраля на Большом Сампсониевском проспекте, участвуя в снятии народом Самокатного батальона. 28 июня он обратился в думский Комитет с просьбой о назначении ему пособия. 10 июля ВКГД назначил ему единовременное пособие в размере 500 руб. При определении суммы думский Комитет учитывал, видимо, что на его иждивении находятся жена, четверо детей, мать и брат⁷⁵.

Всего из 85 прошений, поданных гражданскими лицами, включая 10 повторных от раненых и 1 – от семьи убитого, Комиссия назначила 75 пособий на общую сумму 28 190 руб. Из них: раненым – 50 пособий на 15 610 руб., семьям убитых – 23 пособия на 11 780 руб. и семьям пропавших без вести – 2 пособия на 800 руб.

Наименьшее пособие размером в 50 руб. получил Александр Васильевич Гольцев, раненый 26 февраля на Выборгской стороне. Это был 21-летний холостой башмачник. Комиссии стало известно, что он уже получил пособие в Финансовой комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в размере 300 рублей⁷⁶.

Наибольшую по размерам помощь получила Зинаида Васильевна Кузьмина – вдова судебного следователя Петроградского окружного суда Алексея Васильевича Кузьмина, который скончался от полученного 27 февраля ранения. Кроме этого, во время пожара в здании Окружного суда погибли все его сбережения – 2000 руб. Кузьмин содержал свою семью из жены и двоих дочерей. 4 апреля 1917 г. З.В. Кузьмина родила третью дочь. 25 августа Комиссия постановила выдать ей единовременное пособие в размере 500 рублей, а 28 сентября 1917 г. ВКГД назначила ей пособие в размере 1000 рублей⁷⁷.

25 августа 1917 г. Комиссия отклонила 2 повторных прошения, посчитав вполне достаточными пособия, которые просители получили в первый раз⁷⁸. Речь идет о пострадавших в дни Февральской революции слесаре Алексее Богданове и фрезеровщике Сергее Петровиче Кузьмине. Кузьмин 21 июля 1917 г. писал «Во Временный комитет по оказанию помощи жертвам[,] пострадавшим от революции Государственной думы», что 27 февраля на Кожевенной линии В.О. был ранен двумя пулями – 1-я навывлет прошла через правое бедро, а 2-я – застряла в левом бедре. Он был доставлен в больницу Св. Магдалины «на излечение, где пролежал более двух месяцев и под-

⁷⁵ Там же. ЛЛ. 450–453.

⁷⁶ Там же. Д. 18. ЛЛ. 50–57.

⁷⁷ Там же. ЛЛ. 20–26 об.

⁷⁸ Там же. ЛЛ. 5, 13.

вергся тяжелой операции». Кузьмин также сообщал, что в результате ранения потерял трудоспособность и средств к проживанию не имеет. Полученное же за это увечье от Думы пособие оказалось слишком мало для поддержки и поправки здоровья. Комиссия назначила 300-рублевое пособие Кузьмину при первом обращении 23 июня 1917 г. Заметим, что ранее он получил такую же сумму от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁷⁹.

Богданов обратился вторично во Временный комитет Государственной думы 13 августа. Он напоминал думскому Комитету, что «получил инвалидность в дни Великой революции 1 марта 1917 г.» – «прострелены обе ноги с раздроблением кости и перемята грудь». Здесь же он сообщал, что полученное ранее пособие «пролечил и прожил со своим <...> семейством»⁸⁰. В первый раз его прошение было удовлетворено: 9 июня Комиссия назначила ему пособие в 500 руб.⁸¹.

Комиссия отклонила 6 прошений лиц, пострадавших материально. Среди них был 74-летний торговец и шапочный мастер Юда Бенционович Бенчин, проживавший в Апраксином пер., д. 3. Он жаловался, что вследствие революции полностью разорился. 28 февраля в его магазине (Б. Сампсониевский пр., д. 43) были выбиты стекла и похищен шапочный и шляпный товар на 2 000 руб. И хотя стекла стоимостью 1 000 руб. были застрахованы, но Страховое общество отказало в выплатах, сославшись на то, что по его уставу убытки в результате народного восстания не подлежат возмещению⁸². В Комиссию поступил и ряд прошений от нижних чинов, пострадавших в дни революции и от семей убитых в эти же дни: 36 раненых и 6 вдов, 4 матерей и 3 отцов убитых.

В большинстве случаев пострадавшие солдаты принимали непосредственное участие в снятии еще верных царизму воинских частей, уличных боях, поддержании порядка на улицах Петрограда и проведении арестов. Например, 3 июля 1917 г. в Комиссию обратился рядовой Запасного батальона л.-гв. Волынского полка Павел Иванович Бабаев, раненый 27 февраля в правое бедро (ягодицу). ВКГД 10 июля постановил выдать ему 100-рублевое денежное пособие⁸³. 2 марта солдатский патруль, направленный для розыска «пулеметов и полицейских», вступил в перестрелку с полицейскими, засевшими на крыше лазарета (Таврическая ул., д. 45). Во время перестрелки получил огнестрельное ранение грудной клетки, от которого и скончался пат-

⁷⁹ Там же. Д. 17. ЛЛ. 418, 420.

⁸⁰ Там же. Д. 18. ЛЛ. 11–12.

⁸¹ Там же. Д. 17. ЛЛ. 332–333.

⁸² Там же. Л. 300.

⁸³ Там же. ЛЛ. 496–498.

рульный вольноопределяющийся Запасного батальона л.-гв. Петроградского полка Андрей Иванович Кузнецов. Семья убитого получила пособие размером в 300 руб.⁸⁴.

Среди нижних чинов были и случайные жертвы. Так, в дни революции на излечении в Семеновском Александровском военном госпитале находился ефрейтор Запасной Химической роты Василий Иванович Краснюков. 28 февраля он был смертельно ранен в живот пулей, залетевшей в окно 20-й палаты. 25 августа 1917 г. Комиссия постановила выдать вдове умершего крестьянке Марии Иосифовне Краснюковой 400-рублевое денежное пособие⁸⁵.

Из 59 поданных прошений Комиссия удовлетворила только 49 на общую сумму 15 200 руб. Комиссия оставила 4 прошения нерешенными, отказала двум солдатам, понесшим материальные убытки, отклонила просьбу легкораненого, одну повторную просьбу и третью просьбу одного из раненых в дни революции, а также повторную просьбу отца убитого матроса. В последнем случае речь шла о матросе 1-го Балтийского флотского экипажа Василии Георгиевиче Телятникове, состоявшем в партии эсеров под именем Ивана Герасимова, раненого 28 февраля на Невском пр. и умершего от раны 4 марта 1917 г. 23 марта он был похоронен на Марсовом поле в 1-й братской могиле⁸⁶. Его отец – Георгий Семенович – получил 27 марта материальную помощь в размере 50 руб., видимо, от Финансовой комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депу-

⁸⁴ Там же. ЛЛ. 398–399.

⁸⁵ Там же. Д. 18. ЛЛ. 63–67.

⁸⁶ В делопроизводстве думской Комиссии отложилась копия удостоверения Похоронной комиссии при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов от 26 марта 1917 г., в котором Василий Телятников проходит как крестьянин Петроградской губернии (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 202). В публикациях, посвященных жертвам Февральской революции, похороненным на Марсовом поле, о нем общается следующее: Телятников Василий Егорович – 26 лет, уроженец Петроградской губ., Гдовского уезда («Вспомним всех поименно...» О тех, кто похоронен в братских могилах на Марсовом поле / Публ. А.И. Мельникова // Белые ночи. Л., 1978. С. 247); Телятников Василий Егорович – 26 лет, кр[естьянин] Петроградской губ., Гдовского уезда. Умер 4 марта. Лежал в Петропавловской больнице (*Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде. С. 48). В связи с этим интерес представляет прошение отца убитого. Он писал, что его сын, «состоя на военной службе в 1-м Балтийском флотском экипаже в гор. Кронштадте с 1916 г.», находил иногда время работать в типографии (ул. Гороховая, д. 16) «в качестве наборщика» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 201). Можно предположить, что В.Г. Телятников в день ранения был в штатской одежде с документом на имя Ивана Герасимова. Под этим именем он и был зарегистрирован в приемном покое Петропавловской больницы. Именно здесь и выяснилось, что он не Иван Герасимов, а Василий Телятников (Там же. Л. 203).

татов, а 2 мая думская Комиссия постановила выдать ему «единовременное пособие в сумме двухсот рублей»⁸⁷. Позднее Г.С. Телятников, сославшись на свой преклонный возраст (62 года) и отсутствие средств к жизни, вновь обратился в думскую Комиссию с просьбой: «освободить от военной службы моего сына Ивана, и выдать временное пособие до его увольнения со службы или если освобождение его неосуществимо, то прошу назначить мне ежемесячное пособие». 17 июля ВКГД отклонил просьбу Телятникова⁸⁸.

В случае же об отклонении третьей просьбы речь идет о рядовом 7-го Сибирского полка Андрее Петровиче Шлейне. 28 февраля на лестнице у Гвардейского флотского экипажа он получил сквозное ранение предплечья правой руки с повреждением кости и нервов. 27 апреля он обратился в первый раз и на следующий день думская Комиссия постановила выдать ему 200-рублевое денежное пособие⁸⁹. Через месяц Шлейн подал второе прошение, ссылаясь на то, что полученные деньги ушли на лечение и похороны сестры, а «теперь ему понадобятся деньги (74 рубля), чтобы уехать на родину в Екатеринославскую губ. 26 мая ему вновь было назначено 200-рублевое пособие⁹⁰. В третий раз он отправил прошение в Комиссию уже из дома. В нем он просил «последнее единовременное пособие» по нынешней дороговизне (пуд ржаной муки стоит 7 рублей), потому что в семье из 9 человек (жена, 4 детей, отец, 12-летний брат и 15-летняя сестра) никто не работает. Все пособия: 400 рублей от Временного комитета и 350 от Совета рабочих и солдатских депутатов – уже прожиты. Кроме того, проситель, вывезший всю свою семью в деревню, был вынужден купить для нее избу за 805 рублей. Насколько можно понять из письма, Шлейн не смог заплатить за нее и просил назначить денежное пособие именно для покупки избы. 17 июля ВКГД отклонил эту просьбу⁹¹.

В Комиссию был подан ряд прошений от пострадавших офицеров, от семей убитых и депутата IV Думы Б.А. Энгельгардта. В свя-

⁸⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 201, 204; Список пособий, выданных Временным комитетом Государственной думы и Комиссией по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением, за время с 28 апреля по 8-е мая [его] г[ода] // Известия Временного комитета. 1917. 14 мая. № 5.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 515.

⁸⁹ Там же. ЛЛ. 170, 174. Список пособий, выданных Временным комитетом Государственной думы и Комиссией по оказанию помощи борцам за свободу и семьям лиц, пострадавших в связи с революционным движением, за время с 28 апреля по 8-е мая [его] г[ода] // Известия Временного комитета. 1917. 14 мая. № 5.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 280, 282.

⁹¹ Там же. ЛЛ. 516 – 516 об.

зи с гибелью офицеров в Комиссию обратилось 19 человек: в 16 случаях – вдовы, в двух случаях – родители и в одном случае – временно мать и вдова погибшего. Другие прошения поступили в связи с ранениями 12 офицеров, трех арестованных, одного пропавшего без вести и двух, понесших материальный ущерб.

Наименьшее по размеру пособие за убитого офицера – 300 руб. – было назначено Сергею Яковлевичу Шабунину – отцу умершего 28 февраля от смертельной раны прапорщика Запасного батальона л.-гв. Московского полка Бориса Сергеевича Шабунина⁹². А наибольшее – 1 900 руб. – получили родственники прапорщика 2-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка Вадима Сергеевича Вирского, убитого матросами 4 марта в Гельсингфорсе. В связи с гибелью Вирского поступило 4 ходатайства: два от его вдовы Натальи Вирской, проживавшей в Бессарабской губернии с тремя детьми без родственников и оставшейся без средств к существованию, и два – от матери погибшего единственного сына и кормильца, бывшей сестры милосердия, беженки из Ковно в Финляндию, уже более года нетрудоспособной из-за расширения сердца, Марии Станиславовны Теннер, по первому браку Вирской⁹³.

Всего же от членов семей офицеров, убитых в дни Февральской революции, в Комиссию поступило 26 прошений, по которым было назначено: 3 пособия по 300 руб., 17 – по 500, одно – в 800, 4 – по 1000, одно – в 1500, а в общей сложности 15 700 руб.

11 офицеров обратилось в связи с полученными ранениями. Так, в июне 1917 г. прапорщик 33-го Елецкого полка Александр Филиппович Богатов подал во Временный комитет Государственной думы прошение, в котором рассказал о своем участии в снятии Запасного батальона л.-гв. Измайловского полка и обстоятельствах того, как он после этого сломал ногу. 14 июня ВКГД направило прошение Богатова в «Комиссию о ходатайствах». 16 июня Комиссия постановила выдать ему пособие в размере 300 рублей⁹⁴.

Одно дело о выдаче пособия было рассмотрено в связи с информацией, которая поступила от заведующего Отделом сношений с войсками ВКГД Б.А. Энгельгардта об оказании им материальной помощи И.И. Пастору⁹⁵. 1 апреля ВКГД «решил возратить члену Государственной думы Б.А. Энгельгардту пятьдесят руб., выданные им И.И. Пастору»⁹⁶. Всего раненым офицерам было выдано 11 пособий

⁹² Там же. ЛЛ. 576, 578.

⁹³ Там же. ЛЛ. 454 – 462; Д. 18. ЛЛ. 121, 233.

⁹⁴ Там же. Д. 17. ЛЛ. 368 – 368 об., 369 а.

⁹⁵ Пастор Иосиф – 7 апреля 1916 г. окончил 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков (Сообщил С.В. Волков).

⁹⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 38 об.

на общую сумму 4 750 руб.: 1 – 50 руб., 1 – 100, 1 – 200, 3 – по 300, 3 – по 500, 2 – по 1000 руб.

Комиссия отклонила два прошения – прапорщиков Филиппа Федоровича Триполецца и Михаила Константиновича Медведева. Прапорщик 244-го пехотного запасного полка Триполец, раненный 27 февраля в левую стопу и находящийся на лечении в Юсуповском лазарете, в своем ходатайстве просил денежное пособие на внегоспитальное лечение. Но после расследования, проведенного по поручению Комиссии И.Ф. Половцевым, выяснилось, что пострадал он несерьезно, ему необходим был массаж, который во всех госпиталях и лазаретах Петрограда делался бесплатно⁹⁷. 30 марта прапорщик 86-й пешей Вологодской дружины Медведев обратился с прошением «в Комиссию члена Государственной думы А.Г. Ратькова-Рожнова», в котором сообщил, что был ранен 27 февраля при исполнении служебных обязанностей в должности начальника караула Таврического дворца революционерами в грудь и правую руку, которая была ампутирована в Николаевском военном госпитале. Медведев просил назначить ему денежное пособие, так как лишился «вследствие ампутации правой руки значительной доли трудоспособности». 1 апреля ВКГД назначил ему пособие в 1 000 руб. Во второй раз Медведев ходатайствовал перед ВКГД о денежном пособии в связи с тем, что, будучи призван на воинскую службу, после полученного на ней ранения был уволен с гражданской и вследствие этого остался без средств к существованию. Комиссия направила запрос за № 2647 от 29 мая в Петроградскую контору Государственного банка: «Состоит ли на службе Медведев, если нет, то почему оставил, и есть ли за ним пенсия». В ответ пришло уведомление за № 176338 от 31 мая, в котором сообщалось, что «на основании ст. 40 Устава о воинской повинности <...> за призванным из запаса в действительную воинскую службу в качестве прапорщика Медведевым занимаемая должность контролера 1-го разряда сохраняется. Медведев в отставку не подавал с гражданской службы, и пенсия ему не производится»⁹⁸.

Комиссия отклонила два прошения офицеров, связанные с компенсациями материального ущерба. Подпоручик 93-го пехотного Иркутского полка Сергей Петрович Свиридов подал прошение в «Комиссию члена Государственной думы А.Г. Ратькова-Рожнова», в котором рассказал о том, как 5 марта в г. Брянске подвергся нападению со стороны четырех солдат, которые отняли у него оружие и 3000

⁹⁷ Там же. ЛЛ. 13–15.

⁹⁸ Там же. ЛЛ. 24, 38, 315–317; Пособия жертвам революции, выданные Временным комитетом Государственной думы // Известия Временного комитета. 1917. 27 апреля. № 1.

руб. полковых денег, оставшихся после закупки им вермишели и капусты для нужд полка. Свиридов просил оказать ему помощь в покрытии отнятых у него казенных денег. 29 марта прошение было рассмотрено и принято следующее решение: «Комиссия <...> полагала бы ходатайство удовлетворить», пополнив недостающие 3000 руб. непосредственно в полку. В этот же день прошение Свиридова было доложено ВКГД, который 1 апреля 1917 г. рассмотрел его. Председатель Комиссии А.Г. Ратьков-Рожнов писал 6 апреля, что ВКГД «отклонил ходатайство подпоручика Свиридова на том основании, что в распоряжении Комитета не имеется сумм для возмещения убытков казны, хотя бы произошедших и не по вине пострадавшего в революционные дни»⁹⁹.

Прапорщик Успенский, находившийся на излечении в лазарете Министерства путей сообщения (наб. р. Фонтанки, д. 21), подвергся в дни революции ограблению со стороны рабочих и солдат, которые забрали у него чемодан и все походные постельные принадлежности. 11 апреля Комиссия рассмотрела прошение и постановила его отклонить, так как «проситель лично от революционных беспорядков не пострадал, что болезнь его не является результатом описываемого случая и что потери материальные, им понесенные, учету не поддаются»¹⁰⁰. Всего по 45 ходатайствам от пострадавших в дни революции офицеров было выдано 41 пособие на общую сумму в 21 950 рублей.

В дни Февральской революции наибольшее насилие было обращено восставшим народом против полиции и жандармов. Но в Комиссию за помощью обратились только 12 человек: в 7 случаях – вдовы убитых, в трех – жены арестованных, а в двух – сами пострадавшие, ограбленные в дни Февральской революции. Установлено, что 11 из них пострадали в Петрограде: 28 февраля – семеро, а 1 марта – четверо. Интересно, что только один из них – унтер-офицер Северского отделения Жандармского полицейского управления Северо-Западных железных дорог Даниил Андреевич Черницкий – был убит при исполнении служебных обязанностей. 2 мая 1917 г. вдова Черницкого – Степанида Ивановна – обратилась во Временный комитет Государственной думы с прошением, в котором сообщала, что после смерти мужа «осталась с пятью малолетними детьми». Она писала, что «в Отдельном корпусе жандармов был установлен порядок выдавать каждой вдове <...>, кроме похоронных, еще единовременное денежное пособие в размере 500 рублей, за каковым и обращаюсь». 26 мая Комиссия удовлетворила ее просьбу¹⁰¹. Шестеро

⁹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 20–21 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 49 б.

¹⁰¹ Там же. ЛЛ. 306, 308–308 об.

других были убиты, несмотря на то, что не оказывали никакого сопротивления. Так, 28 февраля городской Марк Черепок сдался составшим, но по дороге из Петергофа в Петроград был убит. Его вдова – Анна Петровна – просила Комитет при Государственной думе по оказании помощи жертвам революции назначить ей ежемесячное пособие, так как «осталась с двумя малолетними детьми без всяких средств к существованию». Комиссия 16 мая 1917 г. постановила выдать ей «денежное пособие в сумме пятисот рублей единовременно»¹⁰². 1 марта по дороге в Государственную думу городской 3-го участка Нарвской части Макарий Артемьевич Сницерук был убит «против резиновой фабрики на Обводном канале», а труп его «брошен в воду», писала вдова городского Татьяна Федоровна 22 апреля 1917 г. в своем прошении. 2 мая Комиссия постановила выдать Т.Ф. Сницерук «единовременное пособие в сумме трехсот рублей»¹⁰³. Во Временный комитет Государственной думы с просьбой о денежном пособии обратилась Мария Яковлевна Лопатина – вдова околоточного надзирателя 4 участка Московской части Петроградской столичной полиции Митрофана Игнатьевича Лопатина. Как следовало из представленных Лопатиной документов, ее муж 28 февраля был арестован на домашней квартире (Казачий пер., д. 9, кв. 62). При аресте он не оказал солдатам никакого сопротивления. Выведя его на улицу, солдаты нанесли Лопатину огнестрельное и штыковое ранение живота. Раненый был доставлен в Обуховскую больницу¹⁰⁴. 1 марта в Обуховскую больницу ворвались неизвестные в солдатской форме. Один из солдат нанес прооперированному околоточному Лопатину штыковую рану «в область подреберной дуги справа». От этой раны Лопатин скончался в 11 часов утра 2 марта¹⁰⁵. 29 июля 1917 г. ВКГД постановил выдать М.Я. Лопатиной 500-рублевое пособие¹⁰⁶.

Всего по ходатайствам полицейских и жандармов было назначено 10 пособий: 5 по 500 руб., 2 по 300, 3 по 200 – на общую сумму 3700 руб. Заметим, что среди получивших пособие (по 200 руб. каждый) были и два унтер-офицера Кронштадтской жандармской команды Павел Зыков и Андриан Михайлович Попов, находившиеся под арестом с 1 марта по 16 июля. Уточним: получили их жены – Февронья Антиповна Зыкова и Мария Прокофьевна Попова¹⁰⁷.

¹⁰² Там же. ЛЛ. 219–223.

¹⁰³ Там же. ЛЛ. 198, 199, 200.

¹⁰⁴ Там же. ЛЛ. 580–582.

¹⁰⁵ Там же. Л. 582.

¹⁰⁶ Там же. Л. 584.

¹⁰⁷ Там же. Д. 18. ЛЛ. 491–498.

Два полицейских, которые пострадали в дни революции в материальном отношении, денежного пособия не получили. Дважды – 16 мая и 20 июня – было отказано младшему помощнику пристава 3-го полицейского участка Александро-Невской части Александру Ивановичу Стражеву, квартира которого была разграблена 28 февраля неизвестными лицами, одетыми в солдатскую форму. Стражев оценил ущерб в 2 476 руб. 50 коп. Кроме этого, Стражев был ограблен на улице толпой – у него отняли золотые часы стоимостью в 355 руб. и шашку – в 50 руб.¹⁰⁸. 29 мая 1917 г. Комиссия отклонила просьбу бывшего городского Петроградской столичной полиции Василия Александрова. В своем прошении от 15 мая 1917 г. он писал: «Во время разгрома дома 20а по 8 роте все мои вещи, которые я 20-летним трудом нажил, были уничтожены, и в настоящее время я и мое семейство, ничего не имеют, кроме платья, в котором ушли из дома». Александров оценил ущерб от разгрома в 3 000 рублей¹⁰⁹.

Всего от жертв революции и членов их семей поступило 202 прошения, из которых 175 было удовлетворено на общую сумму 70 140 руб. При решении вопроса о назначении пособия принималось во внимание только то, действительно ли проситель пострадал от революции (арестован, ранен) или муж/родственник автора прошения погиб в связи с революционными событиями. При определении же размера пособия учитывалось следующее: степень и срок потери трудоспособности; расходы на лечение; наличие средств к существованию; количество иждивенцев. Наименьшие по размеру денежные пособия назначались лицам нетяжело раненым, молодым и холостым.

Обратим внимание на то, что средства, имеющиеся у ВКГД для помощи жертвам революции, не были израсходованы и на 1/3. Можно утверждать, что эффективность думской благотворительности была низкой, так как ВКГД и Комиссия помощи жертвам революции не потратили на благотворительность всех средств, хотя число жертв и пострадавших от революции более чем в 10 раз превосходило количество лиц, получивших денежное пособие. И дело не в том, что число нерешенных и отклоненных прошений было невелико (6 и 21 соответственно), а в том, что ВКГД и Комиссия помощи не предприняли тех шагов, которые существенно бы увеличили количество лиц, получивших денежную помощь в рамках думской благотворительности. Не был в полной мере задействован и депутатский корпус. К реальной работе Комиссии было привлечено всего пять думцев, тогда как желание принять участие в деятельности по организации оказания помощи жертвам революции высказали 39 депу-

¹⁰⁸ Там же. Д. 17. Л. 248; Д. 25. Л. 106.

¹⁰⁹ Там же. Д. 17. Л. 296.

татов Думы. Во всяком случае, именно столько членов IV Государственной думы входило в Комитет, созданный по инициативе Чаадаева. Из них только двое – Ф.О. Кейнис и И.Ф. Половцев – были задействованы в думской Комиссии по оказанию помощи жертвам Февральской революции.

А.Д. ГРОНСКИЙ

Государственная дума Российской империи в современной белорусской историографии

В белорусской исторической науке к истории парламентаризма в дореволюционной России особого интереса нет. Этот сюжет не является значимым для обоснования белорусского суверенитета, поэтому он не вызывал пристального внимания в начале 90-х гг. XX в. Не появилось оно и теперь. Однако в Белоруссии существует ряд работ, посвященных деятельности Государственной думы и изучению избирательной активности местного населения.

Первым автором, которого следует отметить, является Н.М. Забавский. В 1988 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Общественно-политическая борьба в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью III Государственной думы»¹. В автореферате Забавского встречаются штампы советской историографии, например, о влиянии на избирательные предпочтения «шовинистической деятельности в западных губерниях»². С другой стороны деятельность противников режима не имеет таких оценок, хотя их методы и лозунги иногда были похожи. «Шовинистической деятельностью» объясняется и 80,5 % голосов избирателей западных губерний, отданных за проправительственные силы³. Все другие объяснения попросту отсутствуют.

Интересно, что из восьми положений, выносимых на защиту, в пяти упоминается «великорусский шовинизм»⁴. Кроме того, отчетливо проявляется и советская научная риторика⁵. В докторской дис-

¹ *Забавский Н.М.* Общественно-политическая борьба в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью III Государственной думы: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Минск, 1988.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 19–21.

⁵ В качестве примера можно привести цитату: «Истинными выразителями и защитниками интересов трудящихся масс Белоруссии являлись не депутаты Думы от пяти западных губерний, а прошедшие в Думу в других регионах представители

сертации Н.М. Забавский также исследовал думские вопросы и связанную с ними общественно-политическую жизнь⁶ в ходе выборов и в период деятельности всех четырех Дум. Интересно, что актуальность исследования объяснялась политическими, а не научными мотивами: «В условиях, когда вырабатываются основы национальной политики⁷, когда существуют две палаты высшего законодательного органа, особенно важно акцентировать внимание не столько на первых шагах становления парламентаризма, сколько на анализе трансформации взглядов политических партий на национальные проблемы в высшем представительном учреждении царской России»⁸.

После защиты кандидатской диссертации Н.М. Забавский в соавторстве с В.С. Путиком подготовил к изданию книгу «Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнаў думе Расіі (1906–1917 гг.)»⁹. Это больше справочник, чем исследование, поскольку более половины объема книги занимают приложения. Собственно же информация по истории представительства белорусских губерний подана следующим образом: коротко о деятельности Думы и далее список депутатов от белорусских губерний с краткими биографиями. Причем, четко различается стиль написания введения и первых двух частей, посвященных, соответственно, первым двум Думам, и остальных двух, посвященных III и IV Думам. Начало книги построено более аналитично. Во введении указывается, что эйфория, охватившая общество после 17 октября 1905 г., вызвала еще более радикальные настроения. Подчеркивается, что ни радикалы, ни либеральная оппозиция, ни правительство не желали искать компромиссы и воспри-

демократического лагеря – большевики, социал-демократы и трудовики, большевистская и в целом демократическая печать. К этому лагерю примыкало и белорусское национальное движение с газетой «Наша ніва», народническое по своему характеру» (С. 21). В чем состояли «истинные интересы трудящихся масс Белоруссии» Забавский не расшифровывает.

⁶ *Забайскі М.М.* Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): Аўтарэф. дысс. ... д. гіст. н. Мінск, 2000.

⁷ Кстати, на момент защиты докторской диссертации Н.М. Забавского Белоруссия была независимой уже около 9 лет, поэтому упоминание про «выработку основ национальной политики» в этот период заставляет задуматься, что же было вместо национальной политики все предыдущее время от начала получения независимости.

⁸ Обратите внимание на логическую связку с одной стороны существования двухпалатного белорусского парламента, а с другой – анализа «трансформации взглядов политических партий на национальные проблемы...». Каким образом эти два момента взаимосвязаны остается загадкой.

⁹ *Забайскі М.М., Пуцік У.С.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнаў думе Расіі (1906–1917 гг.). Мінск, 1998.

нимали открытие Государственной думы как «арену политической борьбы, в которой оппонент обязательно должен быть уничтожен»¹⁰.

При анализе деятельности Первой Думы указано на то, что думцы сами провоцировали монархию. Кадеты сразу же взяли установку на «штурм власти», требуя отставки правительства, ликвидации Государственного совета и т.д. «Эйфория, которая царил в стенах Таврического дворца, втягивала членов Думы в соревнование по красноречию и декларации партийных программ»¹¹. Вина за конфликт Думы и правительства возлагалась не только на последнее¹². В принципе, это не типичная для белорусской историографии оценка деятельности I Думы. Обычно Дума представляется идеальной, а правительство демонизируется.

В том же ключе проведен и анализ деятельности II Думы. Сделан достаточно четкий вывод о том, что II Дума, как и ее предшественница, не собиралась сотрудничать с правительством¹³. В качестве примера приведены споры вокруг обсуждения законопроекта о весеннем призыве. Подчеркивается, что представители правительства в самой корректной форме объясняли депутатам тонкости законопроекта, а в ответ слышали только депутатские эмоции, оскорбительные высказывания об армии и даже призывы к вооруженному восстанию. Еще одна антиправительственная акция была проведена левыми депутатами, когда они демонстративно отсутствовали на обсуждении инициированного правыми запроса по поводу заговора с целью покушения на императора¹⁴. Исходя из анализа деятельности II Думы, можно сделать вывод, что думцы сами подталкивали правительство к роспуску парламента.

Анализ деятельности III Думы отличается по стилю от предыдущего текста. Появляются упоминания о великодержавном шовинизме. В таком же стиле дан анализ деятельности IV Думы. Критикуются правые за их обвинения либерального крыла в том, что оно подстрекает массы к революционным выступлениям¹⁵. В итоге создается впечатление, что подстрекательство к революции было чем-то законным и обвинения в подстрекательстве являлись нарушением норм права. Видимо, две последние главы написаны Забавским.

Вообще, пожалуй, главным выводом книги можно сделать цитату: «История российского парламента — это скорее история конфрон-

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 53.

таций, в лучшем случае – соперничества с самодержавием. Правым был тот, у кого было больше прав: правительство неизменно брало верх, а очень своевольные думы разгонялись»¹⁶.

В 1999 г. Н.М. Забавский издал монографию «Расійская Дзяржаўная дума ў грамадзка-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.)»¹⁷. В исследовании отражено положение в белорусских губерниях Северо-Западного края в предвыборные периоды, а также деятельность депутатов от этих территорий в Государственной думе разных созывов. Исследование отражает конфессиональную картину населения. Н.М. Забавский приводит процентное отношение православных и католиков в белорусских губерниях. Эти цифры полезны для анализа итогов выборов. Также подробно описан механизм выборов, проблемы с выдвижением кандидатов и ведением предвыборной кампании на местах, противодействие властей некоторым политическим силам. Однако, как и ранее, автор имеет склонность к использованию советско-белорусской оценочной терминологии.

Интересным является определение социального положения думцев. В частности, Р.А. Скирмунт был отнесен Забавским к интеллигенции¹⁸, хотя он был помещиком¹⁹. Но, тем не менее, когда упоминается о дискуссиях по аграрному вопросу, в которых Скирмунт занял жесткую антикрестьянскую позицию, Забавский называет его уже не интеллигентом, а помещиком²⁰. Такой быстрый переход депутата из одного социального статуса в другой можно объяснить отношением исследователя к деятельности объекта исследования. Если Скирмунт выступает с антикрестьянскими лозунгами, а все крестьяне, по убеждению большинства белорусских историков, однозначно ассоциируются с белорусами, то Скирмунт становится помещиком, т.е. человеком, враждебным крестьянам-белорусам.

Без критики Забавский воспринимает требования депутатами тотальной амнистии²¹, хотя борьба с революционным терроризмом в период революции являлась суровой необходимостью для поддержания государственной безопасности и тотальная амнистия была бы

¹⁶ Там же. С. 63.

¹⁷ *Забавскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадзка-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск, 1999.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ Видимо, это дань уважения к пробелорусской ориентации Скирмунта. Помещики со времен советской традиции не могли быть положительными персонажами, а Скирмунт позже даже участвовал в белорусской активности, т.е. автоматически попадал в ранг «правильных» политических деятелей.

²⁰ *Забавскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадзка-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). С. 43.

²¹ Там же. С. 41.

воспринята революционными деятелями как слабость правительства, что спровоцировало бы новую волну террора.

Очень оценочно описана пропаганда различных политических партий и активность избирателей разных взглядов накануне выборов. Если речь идет об оппозиционных силах, то они «проявляли высокую активность, «призывали» крестьян голосовать за своих кандидатов²². Если речь заходит о прогосударственных силах, то они для того, чтобы «перетянуть на свою сторону белорусское православное крестьянство» требовали улучшения его положения²³. Если белорусские крестьяне голосовали не за русские организации, они с точки зрения автора, были политически подкованы и делали свободный выбор, а голосование за русские организации объясняется тем, что крестьяне «духовно обрабатывались» и «попадали под влияние»²⁴. Говоря о небелорусских организациях, автор постоянно называет их «великорусские шовинисты и польские националисты»²⁵. Такая риторика является традиционной как для белорусской публицистики, так и науки.

Встречаются и завышенные оценки деятельности белорусских националистов того периода. Так, Н.М. Забавский пишет, что сотрудники редакции газеты «Наша ніва» и корреспонденты с мест делали много для того, чтобы белорусское крестьянство нашло правильный выбор при выдвижении уполномоченных и выборщиков, не пропускало²⁶ в их число «истинно-русских» и «истинно-польских» людей, особенно помещиков²⁷. Однако «много делания» ни к чему не привело, поскольку никто из сторонников белорусского национализма в Думу не прошел. Большинство депутатов от белорусских губерний оказались правыми. Это подчеркивает то, в каком положении объективно находилась белорусская националистическая активность.

Так же оценочно подается материал о подготовке выборов в III Думу. Разделение на курии рассматривается не как попытка правительства не пропустить в Думу большого количества поляков, а как сознательная провокация национальной вражды²⁸. В научной монографии Н.М. Забавский говорит не о чиновниках и священниках (речь идет о православных священниках), а о «чиновниках и попах»²⁹.

²² Там же. С. 54.

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ Там же. С. 68.

²⁶ В оригинале не согласовано: «<...> крестьянство нашло правильный выбор <...>, не пропускали <...> «истинно-русских» и «истинно-польских» людей».

²⁷ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадзка-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). С. 69.

²⁸ Там же. С. 74.

²⁹ Там же. С. 75.

Забавский подчеркивает, что крестьяне не понимали смысла Думы, приводя в качестве примера слова одного пинского крестьянина. Когда того спросили, кого будут выбирать в Думу, он ответил: «Да мабуць таго ж самага цара, што и зараз»³⁰. Иногда крестьянские предпочтения определялись по обозначению политической принадлежности кандидатов. Так, правые рассматривались крестьянами более положительно. Дело в том, что правый в народном представлении было синонимом слова правдивый, честный, поэтому правые автоматически представлялись крестьянами как более честные³¹.

Вообще, судя по книге, вся внутренняя политика империи, в том числе и в предвыборные периоды, была шовинистической и сводилась к разжиганию национальной вражды, расширению активности черносотенной деятельности³² и приведению к полной покорности всех нерусских народов России, чтобы «парализовать их волю к борьбе за национальное равноправие»³³.

Указывая, что депутаты от белорусских губерний не оправдали чаяния белорусов (так, как их понимает белорусская историография), исследователь находит депутатов, которые отражали белорусские идеалы. Этими депутатами оказались трудовики, которые выступали за придание всем народам России права на свободно-национальное культурное развитие и культурно-национальную автономию. По мнению автора, «их позиция по национальному вопросу отражала психологию широких масс деревенской и городской буржуазии»³⁴. Однако в психологии белорусской сельской и городской буржуазии проблемы национально-культурной автономии никак не отражались, они попросту были неактуальны для массы.

Заканчивая анализ общественной активности в период IV Думы, Забавский делает вывод, что «настоящих защитников социальных и национальных прав белорусского народа в IV Думе не было»³⁵. В принципе, этот вывод можно расширить на все созывы Государственной думы, учитывая, что «настоящие социальные и национальные права» белорусского народа понимаются современной белорусской историографией только в националистическом (или, если сказать мягче, радикально-национальном) ключе.

В 2008 г. Забавский выпустил монографию «Расійская Дзяржаў-

³⁰ Там же. С. 80.

³¹ Там же. С. 92.

³² Там же. С. 99.

³³ Там же. С. 107.

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Там же. С. 141.

ная дума ў лесах Беларусі (1906–1917 гг.)»³⁶. Это, по сути, расширенное издание предыдущей монографии, анализированной выше. В новую книгу была добавлена глава по думской историографии и источникам. Деление глав отличается от предыдущего исследования. Кроме того, в конце книги появилась глава «Роль Государственной думы в революционном процессе (февраль-март 1917 г.)»³⁷.

Собственно о роли Думы в революционных событиях в главе дано немного информации. Описывается то, как данный вопрос рассматривался в историографии, кратко упомянуто о событиях 27 февраля 1917 г. Также кратко описана биография Б.А. Энгельгардта и структура Военной комиссии Временного комитета Государственной думы.

Интересна информация о том, что полицейские, спасаясь от толпы, сдавались депутатам, которые проводили их в здание Думы, где полицейские арестовывались. Совершенно не к месту упоминание того, что один из депутатов называл себя белорусом³⁸. Если вспомнить цитату Забавского о том, что «настоящих защитников социальных и национальных прав белорусского народа в IV Думе не было»³⁹, тогда становится заметно, что подобные упоминания всего лишь желание придать большую значимость белорусской идентификации. Забавский рассуждает о роли думцев в качестве революционеров-руководителей, считая, что думцы действовали оппозиционно власти, потому что считали, что так можно достичь идеального государства⁴⁰.

Еще одним исследователем думской проблематики является Д.С. Лавринович. В 2002 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в которой рассмотрел некоторые вопросы, связанные с деятельностью последней имперской Думы⁴¹. В отличие от принятой в белорусской историографии критики имперской власти и оправдания порой антигосударственной деятельности депутатов дореволюционных дум, Лавринович сразу же подчеркивает, что «события 1917 г. во многом были предопределены деятельностью либерально-консервативных групп в предшествующие годы»⁴². Также исследователь подчеркивает, что российские либералы и консерваторы имели схо-

³⁶ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лесах Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск, 2008.

³⁷ Там же. С. 214–216.

³⁸ Там же. С. 216.

³⁹ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадзка-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). С. 141.

⁴⁰ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лесах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 216.

⁴¹ *Лавринович Д.С.* Либерально-консервативная оппозиция России на пути к власти (июнь 1914 – март 1917 г.): Автореф. ... к. ист. н. Минск, 2002.

⁴² Там же. С. 1.

жие идеологические установки, поэтому могли блокироваться против правительства⁴³.

Очень интересной является информация, посвященная стремлению думцев к реальному влиянию на управление государством. Лавринович указывает, что с осени 1916 г. некоторые думцы были извещены о возможных планах дворцового переворота, а к концу года П.Н. Милюков и его сторонники начали разрабатывать тактику думского большинства на случай устранения Николая II. В начале февраля 1917 г. вопрос об устранении от власти императора был решен окончательно, а думцы начали формировать списки нового кабинета⁴⁴. Также Лавринович указывает, что в сформированном думцами Временном правительстве сразу же решающую роль стали играть личные связи, что позволило в скором времени выдвинуться А.Ф. Керенскому⁴⁵. Вообще автореферат Лавриновича выгодно отличается от авторефератов того же Забавского отсутствием упоминания советских штампов.

Теми же достоинствами обладает и монография Лавриновича «Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 – март 1917 гг.)»⁴⁶. Автор проводит широкое исследование. В частности, анализирует деятельность партии прогрессистов, чьи представители попали в Думу и предложили кадетам и октябристам образовать «конституционный центр». И хотя это предложение вызвало ряд проблем, но либерально-консервативный блок сложился в 1914 г. еще до начала войны⁴⁷, в то же время создание правоцентристского блока в Думе не удалось⁴⁸.

Первая мировая война примирила думские фракции. Все они, кроме левых, заявили о поддержке правительства. Однако, как замечает Лавринович, у думцев в первые месяцы войны наметилась «тенденция к "раздвоению" сознания». Публично проявляя веру в скорую победу России, депутаты одновременно сомневались в реалистичности официального патриотизма. Однако критиковать правительство депутаты не стремились, так как среди либерально-консервативных кругов существовало мнение о возможности революции во время войны. Страх такого поворота событий толкал думцев высказывать показное единение с монархом и правительством⁴⁹.

⁴³ Там же. С. 2–3.

⁴⁴ Там же. С. 12–13.

⁴⁵ Там же. С. 14.

⁴⁶ *Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 – март 1917 гг.)*. Могилев, 2006.

⁴⁷ Там же. С. 35.

⁴⁸ Там же. С. 35–36.

⁴⁹ Там же. С. 37.

С началом первой мировой войны органы безопасности империи забеспокоились существованием Думы как потенциальной оппозиции правительству. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков, брат депутата В.А. Маклакова, подготовил проект перерыва работы Думы до осени 1915 г. Проект возмутил всех депутатов, даже правых, поэтому его не удалось осуществить⁵⁰, а Н.А. Маклаков был вынужден уйти в отставку. Действия министра внутренних дел были одобрены коллегами, но жандармский генерал А.И. Спиридович писал, что министр не имел для роспуска Думы «ни достаточного ума, ни опыта, ни характера, ни людей, которые бы поняли его и поддержали»⁵¹. В свою очередь, кадеты и прогрессисты «в тайне мечтали использовать начавшуюся войну для достижения своих политических целей»⁵². Однако ни одна из сторон не шла на решительные действия и не вела активной пропаганды, поскольку всем было выгодно «священное единство»⁵³.

К неискренности примирения со стороны правительства Лавринович относит «усиление репрессий против рабочих организаций и печати, рост применения административной высылки, преследования "инородцев" и т.п.»⁵⁴. Однако в данном случае правительство усиливало меры безопасности в военное время. Подобные действия проводились бы властями и в случае отсутствия в стране парламента. Ужесточение законодательства во время войны было естественным, однако общественные настроения связывали любое ограничение «свободы» с антидумскими кознями правительства. Таким образом, вся формальность примирения Думы и правительства проявилась практически в первые месяцы войны. Каждая из сторон стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих целях.

В отличие от остальных белорусских исследователей Думы, Лавринович анализирует не только отношение Думы и Совета министров с думской, «прогрессивной» точки зрения. Автор пытается проанализировать и думские мотивы борьбы с правительством. Российская Дума не обладала той широтой полномочий, которая была у западноевропейских парламентов, но, тем не менее, она старалась вести себя так, как вели парламенты на Западе⁵⁵.

Лавринович проводит в монографии анализ «правительства доверия». Было несколько списков этого правительства, некоторые опубликованы в открытой печати, другие ходили по рукам думцев.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск, 2004. С. 121.

⁵² Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 – март 1917 гг.). С. 37.

⁵³ Там же. С. 38.

⁵⁴ Там же. С. 37.

⁵⁵ Там же. С. 66.

Отношение к правительству И.Л. Горемыкина было у думцев неоднозначным, даже кадеты разделились на две группы. Одна считала, что с правительством нельзя договариваться, другая – что можно договориться с некоторыми действующими министрами. Кроме того, некоторые кадеты предлагали взять управление страной в свои руки немедленно⁵⁶. Споры о премьере будущего министерства также интересны, например, предлагавшийся М.В. Родзянко расценивался как чрезмерно честолюбивый человек и зависимый от фракции земцев-октябристов. Поэтому остановились на Г.Е. Львове. Кадеты хотели сделать свое партийное министерство, но понимали, что сразу это не получится, поэтому и возникли споры о премьер⁵⁷.

Октябристы добивались создания правительства из думского большинства и либеральных бюрократов. Сначала премьером предлагался А.И. Гучков, а потом М.В. Родзянко⁵⁸, так как Родзянко пользовался правом докладов императору и мог донести до него программу. Родзянко пытался отговорить Николая II от принятия на себя должности главнокомандующего, так как правое крыло думской оппозиции было настроено на сотрудничество с царем. Опасение вызывало то, что при продолжающихся поражениях русской армии авторитет монарха может пострадать настолько, что появится риск революции. Родзянко даже потребовал у Совета министров их отставки в случае принятия Николаем II обязанностей главнокомандующего, но Горемыкин ответил отказом⁵⁹.

Правые думцы напоминали своим коллегам, что во время войны игры в «министерство доверия» и реформы, предлагаемые оппозицией, требуют денег, а это опасно для обороны⁶⁰. Часть правых в августе 1915 г. подчеркивала, что лучше немного крена влево сейчас, чем катастрофический крен влево после войны⁶¹.

Лавринович указывает, что депутаты имели свои политические расчеты, которые влияли на их политическое поведение. Думцы ради достижения своих целей готовы были общаться даже с персонажами, которые воспринимались обществом отрицательно. Так, в 1916 г. в Думе стало все громче звучать требование «ответственного правительства», думская оппозиция стремилась к этому любыми силами. Даже пытались привлечь на свою сторону Г.Е. Распутина, с которым встречались некоторые депутаты. Это делалось для того, чтобы Распутин с помощью своего влияния помог реализации требований от-

⁵⁶ Там же. С. 69.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 71.

⁶⁰ Там же. С. 74.

⁶¹ Там же. С. 75.

ветственного министерства. Однако договориться не удалось, так как этому мешали Департамент полиции и А.А. Вырубова⁶².

Лавринович старается подробно рассматривать деятельность той или иной фракции, учитывать слияние других политических сил в Думе, правительстве, обществе. Так же учитывать поведение и характеры думцев, чтобы сделать корректные выводы. Единственный упущенный Лавриновичем момент – это отсутствие сопоставления стремлений Думы и реальной обстановки, сложившейся в воюющей стране. Некоторые отсылки по тексту даются, но общей картины нет. Интересно было бы проанализировать, как действия Думы, например, борьба за «министерство доверия», могли повлиять на обороноспособность империи. Ведь во время войны именно это является заботой первостепенной важности. Также интересно было бы проследить, как взаимосвязаны и взаимосвязаны ли вообще действия членов Думы и общественное мнение о войне, насколько деятельность думцев создавала оппозиционность в обществе во время войны. Например, Горемыкин считал, что рабочие выступления происходят не от заявлений Думы, а под влиянием других, внедумских факторов⁶³.

В целом монография Лавриновича является хорошим примером качественного исследования, в котором автор уходит от шаблонных и штампованных аксиом, рассматривая то или иное событие с разных сторон и в контексте текущей ситуации.

В 2009 г. Лавринович выпустил очередную монографию «Деятельность конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.)»⁶⁴ В ней автор не затрагивает Государственную думу как таковую, но отдельные главы посвящены тактике правых в период думских выборов и во время работы российского парламента⁶⁵. В тексте анализируется партийная работа кадетов, октябристов и их союзников, выработка программ правых сил,

⁶² Там же. С. 97.

⁶³ Там же. С. 73.

⁶⁴ *Лавринович Д.В. Деятельность конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.).* Могилев, 2009.

⁶⁵ В частности, это главы «Тактика конституционных демократов в период выборов и работы I Государственной думы» (С. 64–81), «Тактика конституционных демократов в условиях нарастания правительственных репрессий, в период выборов и работы II Государственной думы» (С. 81–94), «Тактика октябристов в период выборов и работы I Государственной думы» (С. 139–152), «Тактика октябристов в период выборов и работы II Государственной думы» (С. 152–162), «Структура, состав и численность организаций кадетской партии, тактика во время выборов и работы III Государственной думы» (С. 163–173), «Тактика конституционных демократов во время выборов и работы IV Государственной думы» (С. 173–180), «Структура, состав и численность организаций октябристов, тактика во время выборов и работы III Государственной думы» (С. 183–194).

ведение предвыборной агитации, отношение к думской работе на местах. Интересным является попытка Лавриновича проследить, как относилась общественность на местах к тем или иным инициативам думцев. В частности, на примере «Выборгского воззвания» можно сказать, что местные правые, видимо, как и вся оппозиционная общественность, переоценивали, иногда очень серьезно, влияние Думы на массы. Видимо, оппозиционные силы, охваченные эйфорией от уступок властей, очень серьезно переоценили свои силы, а поддержку оппозиционной частью мыслящего общества воспринимали как поддержку всего народа. Однако на местах ряд правых политиков скептически относились к возможности поднять население с помощью «Выборгского воззвания», объясняя это «отсталостью наших крестьян». В результате именно скептики оказались правы – поднять массы на защиту Государственной думы не удалось⁶⁶. Лавринович не рассматривает причины переоценки оппозиционерами своей значимости, как и причины аморфного отношения массы населения к проблемам парламентской борьбы. Это не является темой его исследования, хотя анализ состояния общества, причем не только интеллигенции, но и простых подданных империи, мог бы очень многое прояснить в объяснении того, почему именно такая ситуация сложилась в начале XX в.

В 2009 г. для белорусских исследователей стала доступна монография Я. Запрудника «Палітычнае змаганне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных думах (1906–1917 гг.)»⁶⁷. Это перевод на белорусский язык диссертации Запрудника, написанной в 1969 г. Из шести глав две первые не относятся к анализу думской деятельности, они рассматривают происхождение термина «Белоруссия», положение культурного и политического белорусского национализма, проявление самосознания в прессе и т.п.⁶⁸. Остальные главы посвящены работе четырех Дум. Депутаты от белорусских губерний в первых двух Думах, по мнению Запрудника, работали прежде всего над попытками добиться автономии Северо-Западного края⁶⁹. Однако, если учитывать, что Северо-Западный край – это не только Белоруссия, а еще и Литва, то создается впечатление некоторой натяжки. «Змаганьне за Беларусь» («Борьба за Белоруссию») в первых двух Думах получалась очень условной. Запрудник старается понятия Северо-Западный край и Белоруссия сделать синонимами. Если проследить

⁶⁶ Там же. С. 81.

⁶⁷ Запруднік Я. Палітычнае змаганьне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных думах (1906–1917 гг.) // АРСНЕ. 2009. № 1–2. С. 43–217.

⁶⁸ Там же. С. 50–95.

⁶⁹ Там же. С. 48.

большинство цитат, приводимых Запрудником в качестве доказательства депутатской «борьбы за Белоруссию», то скорее это будут попытки добиться льготных условий по занятию местных должностей краевыми поляками⁷⁰. Редкое упоминание белорусов как этнографической группы вряд ли можно считать каким-то стремлением «поборотся за Белоруссию»⁷¹.

Интересно и отношение Запрудника к депутатам от белорусских губерний, стоящих на противоположных позициях. Так, говоря об А. Ледницком, исследователь замечает, что он «приехал в Минск из своей московской резиденции, чтобы баллотироваться в Думу от кадетской партии»⁷². Т.е. Запрудника не волнует то, что Ледницкий вообще московский адвокат и вряд ли хорошо знает все насущные проблемы «многострадального белорусского народа». Но когда речь заходит о правых русских депутатах от белорусских губерний, например, отставном полковнике Г.А. Лашкареве, то подчеркивается его «пришлость», которая должна означать непонимание ситуации в крае. Лашкарев, подчеркивает автор, «не жил в своем белорусском поместье»⁷³. Таким образом, подспудно дается оценка понимания одного и того же вопроса различными депутатами.

В некоторых случаях одно и то же событие, описываемое Запрудником в разных частях исследования, представляется как имеющее разную силу. Так, Запрудник со ссылкой на воспоминания А. Бурбиса пишет, что белорусские крестьяне засыпали I Думу наказами, требуя не только земли, но и автономии Белоруссии и национализации школы⁷⁴. Интересно, что далее по тексту Запрудник указывает,

⁷⁰ Там же. С. 95–133.

⁷¹ В свете этого становится понятным такое долгое вступление Запрудника к собственно описанию думских событий. Видимо, две первые главы были нужны для того, чтобы создать у читателя впечатление о белорусской активности в регионе. А потом, используя это впечатление подтягивать достаточно спорные факты до предположения в том, что это были действия именно в рамках «борьбы за Белоруссию». Хотя знание специфики региона, расстановки сил, значимости культурных влияний очень помогает тому, чтобы сделать объективные выводы. Однако практически никто из белорусских историков, занимающихся периодом начала XX в., не указывает на то, что в Белоруссии того времени доминировали русские и польские устремления, поэтому огромные параграфы, посвященные белорусскому национализму, и упоминания вскользь о пророссийской и пропольской ориентациях наоборот создают достаточно субъективную картину расстановки сил в регионе. Авторы попросту не обращают внимания на то, что 80 % белорусского населения стихийно поддерживала западнорусизм, остальные были ориентированы на Польшу, и только менее половины процента населения имело какое-то отношение к белорусскому национализму.

⁷² *Запруднік Я.* Палітычнае змаганьне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных думах (1906–1917 гг.). С. 95.

⁷³ Там же. С. 122.

⁷⁴ Там же. С. 104.

что «крестьяне в некоторых деревнях <...> посылали указы своим представителям, требуя национальных белорусских школ»⁷⁵. Кроме того, эти акции проходили не как добрая воля крестьян, а с подачи Белорусского крестьянского союза⁷⁶. Т.е. об одном и том же событии в разных частях текста один и тот же автор приводит разную информацию. Однако, если аграрная проблема белорусских крестьян волновала, то национально-культурная не волновала в принципе. Практически никто из крестьян даже не подозревал о существовании белорусского национализма и националистической периодики.

Достаточно подробно автор рассматривает «борьбу за образование» в западной части Российской империи. Вся борьба сводится к противостоянию двух систем подачи информации во время школьного обучения, а именно, на каком языке преподавать детям, если они не являются русскими. Целый раздел посвящен проблеме обсуждения земского самоуправления в Северо-Западном крае⁷⁷. Однако все споры о земстве вращались не вокруг белорусского вопроса, а вокруг того, чье влияние, русское или польское, будет преобладать в Северо-Западном крае.

Пожалуй, единственный параграфом в книге Запрудника, соответствующим своим названием названию работы, является «Третья Дума и вопрос белорусской национальности»⁷⁸. Поскольку прямых вопросов по отношению белорусов у думцев не возникало, «вопрос белорусской национальности» рассматривается косвенно. Споры вокруг языка обучения в начальной школе являлись одним из камней преткновения. Причем депутаты-белорусы нормально воспринимали обучение на русском литературном языке, используя при необходимости белорусские говоры в начале обучения. За обучение на белорусском активно выступал литовский депутат А. Булат⁷⁹.

Достаточно лояльно Запрудник относится к западнорусизму и его представителям в Думах, например, к историку А.П. Сапунову. Запрудник считает, что хотя западнорусы и считали белорусов частью русского народа, они много чего сделали для того, чтобы противостоять польской пропаганде, а выводы западнорусских ученых

⁷⁵ Там же. С. 140.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 157–171.

⁷⁸ Там же. С. 171–179.

⁷⁹ Там же. С. 173. На самом деле белорусские крестьяне не воспринимали белорусский язык как нечто самостоятельное. Белорусский и русский для них были как бы двумя диалектами одного и того же языка. Только белорусский был языком крестьян, а русский – интеллигенции, учителей, горожан и т.д.

давали почву для националистических белорусских интерпретаций⁸⁰.

Запрудник указывает, что все проблемы польско-русского противостояния на западе империи в IV Думе проявились вновь. Споры вокруг использования местных языков или наречий в преподавании, требования расширить права католиков, взаимные обвинения и нападки православных и католических депутатов от Северо-Западного края были естественными проблемами, поднимавшимися белорусскими думцами.

Не типичным для белорусской историографии является описание состояния российского общества в первые дни войны. Фраз о шовинизме нет. По мнению Запрудника, «атмосфера в стране характеризовалась патриотическими призывами и нагнетанием военной истерии. Подавляющее большинство газет, которые издавались в Белоруссии, самодовольно пропагандировали панславизм и официальный национализм»⁸¹. Видимо, объясняется это тем, что советские штампы для Запрудника, жившего в эмиграции и критически относящегося к советской власти, были неприемлемы. Что же касается «борьбы за Белоруссию» в Думе во время войны, то основная масса материала, представленная Запрудником, это анализ польского вопроса в связи с известным воззванием великого князя Николая Николаевича, что напрямую к белорусскому вопросу не относилось.

В целом Я. Запрудник поставил целью своей работы доказать актуальность белорусского вопроса для думцев, однако при критическом отношении к системе доказательств становится ясно, что «борьбы за Белоруссию» ни в одной из четырех Государственных дум не существовало. Отдельные моменты, посвященные разным аспектам белорусского вопроса, скорее использовались в качестве антуража для русско-польского противостояния.

Можно утверждать, что белорусская историография, посвященная Государственной думе Российской империи разных созывов, медленно, но развивается. Проанализированные работы не затрагива-

⁸⁰ Самым ярким примером таких интерпретаций может служить научное наследие академика Е.Ф. Карского. Карский достаточно четко указал в своих исследованиях, что все те, кто считает белорусское наречие языком, просто не знаком с русской диалектологией. Несмотря на это выводы Карского были проинтерпретированы в том ключе того, что все, о чем Карский говорит как о диалекте, нужно рассматривать как язык. В настоящее время любой белорус скажет, что Карский впервые доказал, что белорусский язык является самостоятельным. Когда я однажды прочитал перед коллегами несколько цитат из Карского, в которых он подчеркивал, что самостоятельного белорусского языка нет, последовал ответ: «Карского мы, конечно, не читали, но думаем, что он писал не так».

⁸¹ *Запруднік Я.* Указ. сач. С. 195.

ют отдельных частных моментов, они более общи. Забавский и Запрудник стараются подчеркнуть белорусские моменты в думской деятельности, иногда найти «борьбу за Белоруссию» там, где ее нет. Лавринович, напротив, не заостряет внимания на политически значимых для сегодняшней белорусской идеологии вопросах. Его работы анализируют реальный расклад сил, в них нет перекоса в «национальную» сторону. Достоинства всех вышеуказанных авторов заключается в том, что в их исследованиях можно найти достаточно много цифр, которые создают представление о некоторых сюжетах истории Государственной думы Российской империи.

Оргкомитет конференции: К. А. Пшенко, Л. А. Крохина, А. Б. Николаев, И. В. Лукоянов

4 декабря 2009 года. Международная научная конференция «Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература и искусство»

Выступление М. И. Кротова на пленарном заседании

Участники пленарного заседания В. Н. Баталин, Э. Кросс, И. В. Лукоянов, А. Б. Николаев, И. А. Гучков

Выступление на пленарном заседании И. А. Гучкова, внука председателя III Государственной думы Российской империи А. И. Гучкова

Думский зал Таврического дворца. Пленарное заседание

Заседание секции «Думская биографика». Руководитель секции
И. В. Лукоянов

Заседание краеведческой секции. Руководители секции Н. Н. Лазукова,
А. Р. Демидова

Заседание секции «Развитие парламентаризма в государствах–участниках СНГ». Руководители секции А. В. Курочкин, А. В. Павроз

Заседание секции «История парламентаризма в России: Государственная дума, самодержавие и революция». Руководители секции А. Б. Николаев, Р. А. Циунчук

3 декабря 2009 года. Выставку «Парламентаризм: история и современность» в атриуме Таврического дворца открыли Б. В. Грызлов и С. М. Миронов

Думская биографика

Р.Р. ШИГАБУТДИНОВ

«72 дня первого Русского парламента» в политической практике профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича

Габриэль (Гавриил-Иосиф-Губерт) Феликсович Шершеневич (1863–1912) – выдающийся правовед, политик, профессор Казанского (1888–1906), Московского (1906–1911) университетов и других высших учебных заведений Москвы, где был организатором научной работы, разработчиком учебных курсов и дисциплин. Он внес значительный вклад в политико-правовую науку, занимался широкой разработкой как общих проблем становления правового государства и гражданского общества, так и новых теоретико-практических направлений в отечественном правоведении: гражданского, торгового, авторского права и т.д. Г.Ф. Шершеневич был не только ученым, педагогом, но и политиком, одним из идеологов отечественного либерализма. Еще с 1880-х гг. он участвовал в деятельности общественных объединений и органов местного самоуправления г. Казани. В начале XX в. он принимал активное участие в политической жизни России.

Шершеневич являлся одним из организаторов и видным деятелем Казанского отдела кадетской партии¹. Количество членов партии быстро росло, поэтому 31 декабря 1905 г. был создан Казанский губернский комитет, в списке которого отсутствовала фамилия Габриэля Феликсовича. Предположим, что формально он был членом Санкт-Петербургского комитета партии. Во-первых, 18 января 1906 г. Г. Шершеневич именно как представитель Санкт-Петербургского комитета, по приглашению Ямбургского комитета, приезжал на предвыборный митинг². Во-вторых, на II съезде партии он был

¹ В секретариат отделения партии вошли М.С. Венецианов, барон А.А. Симонин, Г.Г. Тельберг – ученики и А.Г. Бать, А.В. Васильев – друзья Г. Шершеневича.

² Вечернее эхо. 1906. 25 января.

избран членом Центрального Комитета как представитель Санкт-Петербургского комитета³. Конечно, необходимо учитывать, что партия только формировалась, и могли быть допущены неточности в определении принадлежности Шершеневича к Казанскому губернскому комитету партии кадетов. Но фактически им руководили профессор А.В. Васильев, Г.Ф. Шершеневич, управляющий отделением Волжско-Камского коммерческого банка А.Н. Аносов⁴. Поэтому неудивительно, что правовед был выбран делегатом от Казанского губернского комитета на II общероссийский съезд партии⁵.

На II съезде Г. Шершеневич подчеркнул важность сотрудничества с лидерами татарского национального движения: «Татары – это элементы, на который наша партия может сильно опереться» и необходимо, чтобы «наша программа была переведена на татарский язык», и если «татары примкнут к нашей партии, то мы приобретем тридцать миллионов сочленов»⁶. В январе 1906 г. на II Всероссийском мусульманском съезде было принято решение примкнуть на выборах к кадетам. В соответствии с этим решением, в Казанской губернии мусульмане вошли в блок с кадетами, выставив общий список⁷.

На II съезде Г. Шершеневич выступал за участие партии в выборах. «Участие в предвыборной агитации даст возможность подвести наши счета, – говорил он, – сплотиться еще более, чем в настоящее время. Мы должны ввести партийную дисциплину, которой не существует у нас до сих пор»⁸. Съезд большинством голосов санкционировал участие партии в выборах в Думу⁹. На заседание был избран Центральный Комитет, куда вошел Габриэль Шершеневич¹⁰.

Еще в ноябре 1905 г. кадеты начали вести агитацию в Казани. Секретариат начал знакомить население с программой партии, ко-

³ Конституционно-демократическая партия. (Партия народной свободы). Постановления II-го съезда 5–11 января 1906. Программа. СПб., 1906. С. 3.

⁴ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. М., 1983. С. 80.

⁵ Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900 – 1917). Казань, 2003. С. 42.

⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. М., 1997. Т. 1. С. 57.

⁷ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 240. К слову, во всех регионах национальное население отдавало голоса кадетам. В Нижегородской и Тамбовской губернии избиратели-мусульмане примкнули на выборах к умеренно прогрессивной партии (Сидельников С.М. Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962. С. 123).

⁸ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 78–79.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 149.

торая продавалась «в огромном количестве разносчиками на более людных улицах, площадях и в учреждениях, посещаемых публикою»¹¹. Г. Шершеневич написал брошюру, которая популяризировала программу партии. Она распространялась и в Санкт-Петербурге, и в Риге¹². Брошюра имела огромное значение, и на II съезде член ЦК А.А. Корнилов перечисляя популяризаторов программы, отметил, что «следует упомянуть о подробном изложении программы к.-д. партии, изданном в Казани проф. Шершеневичем»¹³.

Программа получила оценку правомонархистов. Газета «Казанский телеграф», отстаивающая лозунг «единой и неделимой России», критиковала программу кадетов, в том числе пункт о реорганизации Русской Православной церкви, освобождения ее от государственной опеки. Автор, скрывающийся под псевдонимом Своедум, с издевкой подчеркивал еврейскую национальность некоторых членов Казанского отдела¹⁴. Подобные статьи появились и на брошюру Г. Шершеневича. В них подчеркивалась его национальность – «он – поляк, т.е. сын того славянского племени, которое отличается горячностью темперамента (недаром поляков называют северными французами)»¹⁵.

Наряду с массовым распространением кадетской литературы широких размеров достигла устная пропаганда. Для подготовки кадров пропагандистов в Москве и Санкт-Петербурге были организованы агитаторские курсы. ЦК пригласил Г. Шершеневича выступить в качестве лектора на агитационных курсах в Москве¹⁶. В октябре 1905 г. Г. Шершеневич выступал с лекциями в Костроме¹⁷. 18 января 1906 г.

¹¹ Казанский телеграф. 1905. 18 ноября.

¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Программа конституционно-демократической партии в общедоступном изложении. Казань, 1905. Уже 24 ноября 1905 г. появились объявления о продаже его брошюры, которую можно было приобрести в книжных магазинах «Бр. Башмаковых» по цене 10 копеек (Казанский телеграф. 1905. 24 ноября). К слову, Н.Я. Башмаков – видный казанский кадет и его магазин – место агитации программы (Волжский листок. 1905. 9 декабря).

¹³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 52.

¹⁴ Член партии проходимцев Алексей. Окончание программы конституционно-демократической партии // Казанский телеграф. 1905. 24 ноября. «Мы со своей стороны вполне присоединяемся к последнему требованию и надеемся, что такие знатоки православия как Г.Г. Тельберг (по национальности швед – *Р.Ш.*), а в особенности А.Г. Бать и М.С. Венецианов успешно справятся с намеченным поручением... Жаль только, что этой компании не добавлен еще почтеннейший М.Б. Зельдович, которого познания в Талмуде были бы нелишние при этой работе» (Там же).

¹⁵ Своедум. Программа конституционно-демократической партии в общедоступном изложении // Там же. 2 декабря.

¹⁶ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции // Вспомогательные материалы. 1990. № 5. С. 89.

¹⁷ Френкель З.Г. Записки о жизненном пути // Там же. 2006. № 9. С. 109–110.

он вместе с И.В. Гессеном и Г.Ф. Гессенем был на предвыборном митинге в Ямбурге. В результате в члены партии записалось свыше ста человек¹⁸. С разъяснениями программы Г. Шершеневич планировал выступить и в Казани. На 31 января 1905 г. была намечена публичная лекция «Аграрный вопрос с точки зрения Конституционно-демократической партии», но 30 января ему было отказано в прочтении лекции¹⁹. Также были запрещены и лекции других кадетских ораторов. По свидетельству газеты «Волжский листок», председатели участковых предвыборных собраний получали специальное распоряжение не допускать речей на политические темы²⁰.

Г. Шершеневич принимал активное участие в работе ЦК. Он вместе с П.Б. Струве выработал проект соглашения с другими партиями для проведения некоторого числа представителей от рабочих в Думу. В соавторстве с П.Н. Милюковым составил комментарий и указатель литературных пособий к программе партии и ее тактическим постановлениям. Вместе с М.М. Винавером и Л.И. Петражицким организовывал издание брошюр, которые «выясняли действия правительства, отношения к ним партии и способствовали бы организации общественного мнения»²¹. В «серии Б издание для народа» были переизданы брошюры Г. Шершеневича «Народные представители» и «Программа партии народной свободы (конституционно-демократическая) в общедоступном изложении». В Москве цензура запретила выпуск брошюр его и Ф.Ф. Кокошкина²².

В начале марта 1906 г. в самый разгар предвыборной кампании Г. Шершеневич возвратился в Казань²³. Местное отделение партии наметило его и А.В. Васильева в выборщики по I избирательному участку²⁴. Царско-Народный Союз пытался отстранить от участия его в выборах. Была подана жалоба в губернскую комиссию по выборам. В ней говорилось, что он незаконно включен в список избирателей, так как избирательный ценз по должности утратил и не обладает цензом квартирного налога, потому что не живет в городе. Но губернская комиссия признала его включение в список правильным²⁵.

Г. Шершеневич активно включился в избирательную борьбу и уже 9 марта 1906 г. был в составе делегации партии, отправившей-

¹⁹ Там же. 31 января.

²⁰ Волжский листок. 1906. 15 февраля, 25 января.

²¹ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции. С. 89, 90, 92.

²² Там же. С. 98.

²³ 30 января 1906 г. Г.Ф. Шершеневич по партийным делам уехал из Казани (Вечернее эхо. 1906. 31 января).

²⁴ Казанский телеграф. 1906. 10 марта.

²⁵ Там же. 16 марта; Вечернее эхо. 1906. 23 марта.

ся к прокурору по поводу ареста Ю.Х. Акчуры²⁶. 12 марта 1906 г. в зале Городской думы состоялось четвертое предвыборное собрание по I участку. Было еще более многолюдно, чем на предшествующих собраниях. Оппонентами были правомонархические партии²⁷. Профессор поднял аграрный вопрос и указал, что необходимо не только наделять крестьянина землей, но «образованием и правами», потому что «дать одну землю и не дать образования – значит, вызвать аграрный вопрос к жизни через каких-нибудь 10 лет, дать образование и не дать земли – значит, развить потребности и лишить средств на их удовлетворения». Г. Шершеневич указал, что «земля должна быть приближена к земле-владельцу», но необходимо соблюдать священное право собственности. Он видел выход в выкупе земли, но выкуп не по рыночной, а по справедливой цене²⁸. Оппоненты высказали мнение, что главное различие между кадетами и их партией – вопрос о самодержавии, а «люди, стоящие за конституцию, – враги Государя»; и рекомендовали выбирать в Думу «людей православных, верующих, верноподданных, и не выбирать таких, которые меняли свою религию»²⁹.

17 марта 1906 г. кадеты представили своих выборщиков в городское избирательное собрание. В списке по I участку под № 20 указан Г. Шершеневич³⁰. 26 марта состоялись выборы выборщиков. Явка избирателей была низкой, и из 3214 избирателей голоса подали лишь 1442. Избранными оказались все выставленные кандидаты в выборщики – члены партии народной свободы³¹. Больше всех голосов получили: ректор университета – профессор Н.П. Загоскин – 804, профессор А.В. Васильев – 797, купец А.Д. Чернояров – 783, профессор Г.Ф. Шершеневич – 778³².

²⁶ Ю.Х. Акчура имел высокие шансы стать депутатом. В начале марта 1906 г. он был арестован. Перед этим был произведен обыск в редакции – Ю.Х. Акчура являлся фактически секретарем газеты «Казан мухбире» – и на его квартире. Обыски оказались безрезультатными, тем не менее он был помещен в тюрьму. Акчура был исключен из числа кандидатов и, просидев чуть более месяца в тюрьме и не получив никакого обвинения, на следующий день после окончания выборов вышел на свободу (*Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 13–14).

²⁷ К выборам в Государственную думу [Предвыборное собрание по 1 участку] // Казанский телеграф. 1906. 15 марта.

²⁸ Четвертое предвыборное собрание по 1 участку г. Казани 12 марта // Вечернее эхо. 1906. 13 марта.

²⁹ К выборам в Государственную думу [Предвыборное собрание по 1 участку] // Казанский телеграф. 1906. 15 марта. Газета «Волжский курьер» констатировала: «Кадеты одержали верх» (Предвыборное собрание // Волжский курьер. 1906. 15 марта).

³⁰ Казанский телеграф. 1906. 17 марта.

³¹ Вечернее эхо. 1906. 28 и 29 марта.

³² Казанский телеграф. 1906. 29 марта.

Монархисты пытались оспорить результаты итогов выборов. Вновь была подана жалоба, в которой утверждалось, что Г. Шершеневич не имел права участвовать в выборах и в список избирателей по квартирному налогу включен неправильно. Отмечалось, что на I участке в день выборов в помещении управы раздавались избирателям-кадетам заготовленные заранее избирательные списки с именами кадетских выборщиков³³. Жалоба была признана неосновательной и оставлена без последствий³⁴.

Вскоре выборщики-кадеты совместно с губернским комитетом партии наметили первым кандидатом в члены Государственной думы от Казани Г.Ф. Шершеневича, вторым – И.И. Бабушкина, третьим – Н.И. Гусева. 31 марта состоялось второе собрание выборщиков партии, где присутствовали и выборщики от мусульман. Последние заявили, что наиболее желательным лицом является Г. Шершеневич, за которого мусульмане и будут подавать голоса на выборах. Габриэль Феликсович поблагодарил за оказанное доверие и отметил то обстоятельство, что «за меня подают голоса как члены партии народной свободы, так и все мусульмане, дает мне право считать себя истинным представителем от Казани». Кандидат считал, что «именно наша партия более способна дать России новый порядок», а ее программа настолько широка, что выполнение ее способно удовлетворить накопившееся в народе недовольство». Он ответил и тем, кто считал, что определяющим в выборе должны быть национальность. «Да, я поляк и никогда от этого не отрекался... я не изменил своей вере (римско-католического вероисповедания – *Р.Ш.*), хотя в интересах службы меня и манили в православие». «Я проникнут общерусским мировоззрением, я служил русской науке, я воспитывал сам русских деятелей»³⁵.

В начале апреля состоялось собрание партии, на котором было принято решение наметить Г. Шершеневича кандидатом в члены Государственной думы от Казани. В «Казанском телеграфе» появились публикации октябристов, считавшие выбор кадетов неудачным. Они полагали, что к партии народной свободы примкнуло достаточно деятелей «солидных, известных, уважаемых, во всяком случае, стоящих выше г. Шершеневича, не кричащих о себе» и указывали, что достойные кандидаты – профессор Н.П. Загоскин и доктор Р.Ф. Николаи. «Конечно, этим людям не занимать у г. Шершеневича ума и знаний, а опытность, знание людей и жизни, пожалуй, г. Шершеневичу можно занять у этих людей. Если он горяч на словах – это не

³³ Там же. 6 апреля.

³⁴ Там же. 11 апреля.

³⁵ К вопросу о депутатии от г. Казани [Начало] // Вечернее эхо. 1906. 6 апреля.

значит, что он покажет себя на делах»³⁶. Октябристы призывали Г. Шершеневича снять свою кандидатуру и «уступить ее следующим кандидатам, иначе он останется без поддержки казанского общества, большинство которого все-таки состоит из октябристов и царско-народников». По их мнению, кадеты перешли «“предел напряжения” общественного настроения», когда планируют «посадить поляка, каковым считает себя г. Ш. (Шершеневич – Р.Ш.), в Думу от русско-татарского города»³⁷. Октябристы причисляли Г. Шершеневича к «польским агитаторам», утверждая, что автономия Польши, за которую выступали кадеты, негативно скажется на территориальной целостности страны. Г. Шершеневич и кадеты – космополиты, симпатии которых «на стороне инородцев, особенно поляков и евреев» и считали, что казанские татары совершили крупную ошибку, поддержав кандидата кадетов, полагая, что последние совершенно равнодушны «к татарским интересам»³⁸.

Правые монархисты и октябристы категорически не могли согласиться с кандидатурой кадетов, мотивируя тем, что «он не местный уроженец, не постоянный житель и поляк» и готовы были смириться с избранием профессора Н.П. Загоскина, и даже готовы были принять меры «к проведению в депутаты кого-нибудь из выборщиков-мусульман, не принадлежащих в действительности ни к одной из названных партий»³⁹. По инициативе октябристов, 14 апреля состоялось предварительное совещание выборщиков по вопросу о желательном кандидате от Казани. Явились в собрание почти все выборщики. Октябристам не удалось наметить другого кандидата. Они предложили обсудить личные качества кандидата, но кадеты сходились в том, что личность депутата не имеет никакого значения, а главное – политические убеждения. Октябристы вновь предложили наметить другого кандидата, но большинство отклонило это предложение, после чего все представители Союза 17 октября и Царско-народного общества «демонстративно поднялись с мест и удалились из зала заседания»⁴⁰.

16 апреля в зале Казанской городской думы состоялось городское избирательное собрание по выборам представителя от Казани в Государственную думу. Явилось в собрание 80 выборщиков из 81. Записками были намечены кандидаты. При подсчете записок за профессора Г.Ф. Шершеневича было подано 66 записок “за”,

³⁶ Неудачный кандидат в Государственную думу от города Казани // Казанский телеграф. 1906. 13 апреля.

³⁷ Рудин. Кадетский кандидат в Государственную думу // Там же. 14 апреля.

³⁸ Рождествин А. К чему приведет автономия Польши // Там же. 16 апреля.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 18 апреля.

П.Н. Загоскина – 13 “за” и И.И. Бабушкина – 1 “за”. Последние отказались баллотироваться. Г. Шершеневич получил 66 избирательных шаров и 13 неизбирательных. Таким образом, депутатом Казани был избран Г.Ф. Шершеневич⁴¹.

Первый российский парламент начал свою работу 27 апреля 1906 г. Со всех уголков империи посылались телеграммы с приветствиями народным представителям. На имя председателя Думы пришли телеграммы от Казанской присяжной адвокатуры и Казанского юридического общества. Последнее отправило телеграмму и Габриэлю Шершеневичу: «К началу тяжелой работы и трудной борьбы шлем вам от имени Казанского юридического общества горячий привет и пожелание одержать победу на благо России»⁴².

Г.Ф. Шершеневич вошел в состав президиума, когда 362 голосами был избран на должность товарища секретаря Думы⁴³. Он избирался в состав комиссий: редакционной, законодательных собраний⁴⁴. С думской трибуны выступал шесть раз в качестве докладчика по законопроекту или по поручению отдела⁴⁵.

Наиболее яркими речами были выступления по проектам законов о собраниях и об амнистии. Вопрос об амнистии был насущным вопросом общества. 29 апреля 1906 г. при чтении телеграмм от политических заключенных депутаты подняли вопрос об амнистии. В результате дискуссий было принято предложение кадета Ф.И. Родичева избрать комиссию из 33 лиц для составления ответа на тронную речь императора и «возложить ныне же на комиссию неперемennую обязанность включить в адрес указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии...»⁴⁶. О позиции Г. Шершеневича по этому вопросу вспоминал М. Винавер: «Помню первый день Думы, когда возвращающиеся из Зимнего Дворца депутаты встречались ликующей столичной толпой, и когда среди радостных возгласов толпы пронеслось и раскатилось по всему городу слово: «амнистия». Вполне хватило всех; самые спокойные люди в нашей среде еле сдерживали порыв, – Шершеневич, бледный, весь, дрожа, бегал из угла в угол по кулуарам Думы и все просил, со слезами на глазах просил: «Ради Бога, требуйте немедленно амнистию, – как можно не отвечать на этот крик души народный? Не ждите... – требуйте амнис-

⁴¹ Там же.

⁴² Вечернее эхо. 1906. 29 апреля.

⁴³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 19–20. Всего было 5 товарищей секретаря.

⁴⁴ Там же. Т. 2. С. 1196, 1723.

⁴⁵ Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. С. 77.

⁴⁶ Государственная дума. Т. 1. С. 13, 21.

тии, и она дастся. Больших трудов стоило успокоить общее волнение и в особенности волнение нашего бурного цивилиста. Зато не прошло получаса, как он с такою же бурною радостью, с просиявшими глазами потрясал руку тому, кто нашел выход из положения, — выход, спасающий Думу и самый вопрос об амнистии. Гениально, гениально! Как вам везет сегодня на выдумки! Вы нас спасли...»⁴⁷.

30 апреля 1906 г. представители левых партий предложили послать императору телеграмму, «в которой просить об освобождении, сегодня же, всех политических заключенных по политическим, военным и аграрным делам»⁴⁸. Г. Шершеневич просил «разрешить ему, именно как бывшему стороннику решительных мер, отстоять лично точку зрения интересов Думы»⁴⁹. Он в своей речи указал на правильность решения включить вопрос об амнистии в ответ на тронную речь и считал, что «отдельное положение представляется в высшей степени рискованным» и может привести к конфликту с властью, а в случае неполучения ответа мы «должны будем пойти на конфликт». Г. Шершеневич выступал против конфликта, потому что Дума должна решить вопрос «земли и воли»: «Может ли Дума разойтись, бросить свою работу, не заявив этого основного требования? Ведь амнистия, выпуск тех, кто томится, еще не предрешает вопроса о земле и воле. Мы его не ставили и, если бы нас разогнали, если бы распустили Думу, или Дума сама разошлась, не заявив требования о земле и воле, то я опасюсь, что наши избиратели останутся неудовлетворенными»⁵⁰.

На протяжении всей жизни Г. Шершеневич проповедовал принцип законности, поэтому поддержал своей подписью многочисленные запросы по поводу незаконных действий властей и 7 думских законопроектов, направленных на достижение демократизации: «Основные положения законов о гражданском равенстве», «Проект закона о печати», «Проект закона о собраниях», «Проект закона о союзах», «Проект закона об изменении ст. 55–57 Учреждения Государственной думы», «Проект закона о неприкосновенности членов Государственной думы», «Заявление о изменении законов о суде и судопроизводстве»⁵¹.

Кроме того, он являлся инициатором внесения двух законопроектов. Под «заявлением об изменении законов о суде и судопроизводстве»

⁴⁷ *Винавер М.* Габриэль Феликсович Шершеневич // К 10-летию 1-й Государственной думы. Сборник статей перводумцев. Пг., 1916. С. 197–198.

⁴⁸ Государственная дума. С. 34.

⁴⁹ *Винавер М.* Указ. соч. С. 198.

⁵⁰ Государственная дума. С. 35.

⁵¹ Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905–1907 гг. / Под ред. Н.И. Астрова, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Муромцева и др. СПб., 1907. С. 3, 15, 23, 28, 122, 128, 242.

третья подпись стояла Габриэля Феликсовича. Первой его подпись стояла над законопроектом о свободе собраний, который был разработан кадетской фракцией. 30 мая 1906 г. проект закона о собраниях был внесен в Государственную думу. В пакет законопроекта входила объяснительная записка, одним из авторов которой также был Г. Шершеневич. Записка обосновывала необходимость принятия закона о свободе собраний. Данный законопроект подписали 33 депутата⁵².

16 июня 1906 г. казанский депутат представил законопроект о свободе собраний Государственной думе. В своей речи оратор определил Российскую империю как полицейское государство, которое «не нуждается в самостоятельности граждан» и где «может существовать только система концессионная, только предварительное разрешение может допустить открытие собраний». Закон о свободе собраний от 4 марта 1906 г. «исключительно держится системы концессионной» – указывал профессор. Правовед считал, что отечественное законодательство заимствовало закон из немецкой юриспруденции, хотя при этом говорил он, в Пруссии и Австрии делаются существенные послабления. Презентуя проект, депутат указал, что авторы придерживаются французского законодательства, которое отказывается «совершенно от всякого предварительного разрешения», допускает лишь только незначительные стеснения, связанные с выбором места собрания. Г. Шершеневич высказывался против тайного административного надзора, чтобы администрация посылала своего уполномоченного на собрание открыто и «в присвоенной ему форме для того, чтобы всякий знал, кто именно является таким уполномоченным; для того, чтобы, если до высшей администрации дошли сведения о происходившем на собрании, всякий знал, из какого источника эти сведения исходят»⁵³.

В этом выступлении депутат затронул вопрос о контроле над властью в исполнении закона, но, придерживаясь мнения о том, что государственная власть самостоятельна, верховна и неделима, вновь заявил о невозможности такого контроля в самодержавной России. «Всякая попытка установить такой надзор представляется совершенно невозможной, невозможной в виде особой гарантии, прилагаемой к каждому закону о свободе. Первоначально была такая мысль – приложить к закону о свободе собраний известную, довольно сложную, судебную гарантию, но при дальнейшем рассмотрении составители проекта принуждены были отказаться от этого, признав, что центр тяжести не здесь, а «там, в самом верхнем слое администрации». Пре-

⁵² Там же. С. 23–27.

⁵³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1400–1401.

одоление административного произвола, по мнению Г. Шершеневича, возможно только, если Государственная дума станет верховной властью в государстве. «До тех пор, пока на эти кресла (указывает на министерские места) не воссядут лица, облеченные доверием Государственной думы, до тех пор мы не можем быть уверены в том, что эти законы будут в точности исполнены; но это, однако, не препятствует движению закона, потому что можно надеяться, что к этому времени, когда придется исполнять его в действительности, — что к тому времени произойдет та перемена, на которую мы рассчитываем». Г. Шершеневич считал, что в «настоящее же время наша задача может свестись к тому, чтобы показать все различия между представлением народа о свободе и законном правопорядке и той действительностью, которая существует в настоящее время, благодаря коллизии, которая сложилась между Думой и министерством»⁵⁴.

Проект о свободе собраний вызвал дискуссию в Думе. Оппоненты не имели принципиальных возражений против законопроекта, а полемика шла по техническим вопросам. Основным оппонентом Г.Ф. Шершеневича был М.М. Ковалевский⁵⁵. В результате была образована комиссия, куда вошли как критики законопроекта, так и сам Габриэль Феликсович. В результате законопроект успешно прошел первое обсуждение, но не получил развития по причине роспуска Думы⁵⁶.

Габриэль Шершеневич был среди наиболее ярких и деятельных членов фракции партии «Народной свободы». Перводумец М.М. Винавер писал: «Со всем душевным пылом он ушел в очередные политические вопросы. Он отдал себя на служение новому делу целиком, не отказываясь ни от какой работы, как бы она ни была незначительна и далека от обычного круга мыслей. Он принял, не совсем как будто по чину ему подходившую, должность товарища секретаря и с особою торжественностью публично оглашал в Думе поступающие заявления, с усердием подсчитывал, стоя у двери, голосующих, когда результат первого голосования оказывался сомнительным, — охотно брал на себя скучнейшие доклады по проверке выборов и сделал таких докладов больше, чем кто-либо из нас; взял на себя и единственный, весьма тягостный, доклад об отмене выборов, как произведенных под давлением администрации». Г. Шершеневич «брался выступать по общетактическим, наиболее ответственным тогда, вопросам», но «“тактик” он был ненастоящий: слишком для этого

⁵⁴ Там же. С. 1401–1402.

⁵⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. 1) Свобода собраний // Речь. 1906. 18 мая; 2) О праве собраний и о проф. Ковалевском // Речь. 1906. 23 июня; 3) О праве собраний и о проф. Ковалевском // Реформа. 1906. 23 июня.

⁵⁶ Варшавский С. Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907. С. 195–204.

много в нем было возбудимости и непосредственности, слишком мало для тактика «научной» уравновешенности»⁵⁷.

9 июля 1906 г. Государственная дума была распущена, Г. Шершеневич оказался вместе с единомышленниками в Выборге, где участвовал в составлении и подписании знаменитого Выборгского воззвания. Казанский депутат был осужден судом к трехмесячному заключению и отбыл этот срок в 1908 г. в московской тюрьме «Каменщики». В период заключения приступил к работе над научным сочинением «Общее учение о праве и государстве», которое вышло первым изданием в том же 1908 г. — годе выхода его из тюрьмы. Осуждение по 129 статье Уголовного уложения лишило Габриэля Феликсовича политических прав и возможности легального участия в политической жизни страны⁵⁸.

В.В. ВЕДЕРНИКОВ

Герценштейн и аграрная программа кадетской партии

Бурная история первого русского парламента — Государственной думы первого созыва — связана с обсуждением одного из самых острых вопросов — вопроса аграрного. Все без исключения современники отмечали замечательную роль в прениях по аграрному вопросу депутата Думы от Москвы, члена партии конституционных демократов М.Я. Герценштейна. Разумеется, в исследовательских работах, посвященных аграрному вопросу, деятельности Государственной думы, так или иначе упоминается фигура думского депутата¹. При этом, однако, еще не предпринимались попытки проанализировать особенности подхода Герценштейна к разрешению аграрного вопроса. К сожалению, такой анализ отсутствует и в единственной известной нам работе, специально посвященной московскому депутату².

⁵⁷ *Винавер М.* Габриэль Феликсович Шершеневич. С. 197.

⁵⁸ *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсоведе России, 1906–1917. Казань, 2002. С. 51.

¹ *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой Государственной Думы. М., 1962. С. 275–320; *Шелохаев В.В.* Аграрная программа кадетов в Первой русской революции // Исторические записки. М., 1970. Т. 86. С. 172–230; *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 275–282; *Щербина А.В.* Аграрная программа конституционно-демократической партии (1905–1914 гг.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Ростов-на-Дону, 1993; Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 443.

² *Никольская Т.К., Попов А.А.* Михаил Яковлевич Герценштейн (1859–1906) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. VI. С. 86–94.

Как специалист по аграрному вопросу он привлекался в качестве консультанта при разработке программы земскими деятелями весной 1905 года. Осенью 1905 г. Герценштейн вошел в состав конституционно-демократической партии. На II съезде партии Герценштейн был выбран в состав аграрной комиссии, которая должна была конкретизировать основные положения партийной программы. Накануне созыва Думы он принял участие в аграрном совещании в Москве 16–18 апреля 1906 г., работы которого стали основой для выработки предложений по аграрному вопросу, утвержденных III партийным съездом. Герценштейн был, скорее, кабинетным ученым, нежели публичным политиком, но по настоянию партии, которой нужен был в Думе специалист в области аграрного вопроса, он согласился участвовать в избирательной кампании. По словам близкого знавшего Герценштейна А.И. Каминки, «усиленные научные занятия в такой мере поглощали Михаила Яковлевича, что он до последнего времени не мог принимать заметного участия в политической жизни страны. И лишь тогда, когда созыв народного представительства потребовал самого деятельного содействия всех крупных сил, Михаил Яковлевич, вопреки собственным желанием, повинувшись желанию партии, взял на себя тяжелые обязанности народного представителя»³.

Современникам запомнилась яркая, полемичная речь Герценштейна, который вступил в полемику с представителями правительства В.И. Гурко и А.С. Стишинским. Как вспоминал после гибели Герценштейна его соратник перводумец В.Е. Якушкин, «речь его, очень продолжительная, была выслушана Думой с захватывающим интересом и не раз прерывалась громкими выражениями одобрения и сочувствия. Когда Герценштейн кончил, ему была устроена продолжительная и шумная овация: долго не смолкавшие рукоплескания заставляли М.Я. несколько раз вставать со своего места и раскланиваться перед товарищами. В этой горячей овации в честь М.Я. участвовали все входившие в состав Думы крестьяне, без различия партий»⁴.

О популярности Герценштейна среди крестьян-думцев вспоминал и В.Г. Короленко. Его очерк, написанный в годы Гражданской войны, не очень точен в деталях, в частности никаких активно проявлявших себя правых в I Думе попросту не было, но общая атмосфера писателю запомнилась хорошо. По словам Короленко, «крес-

³ Каминка А.И. Михаил Яковлевич Герценштейн // Вестник партии народной свободы. 1906. № 19/20. Стб. 1217.

⁴ Якушкин В. Работа М.Я. Герценштейна по аграрному вопросу в Думе // Русские ведомости. 1906. 21 июля.

стьянские депутаты, наоборот, сразу признали в нем своего руководителя и союзника. Каждый раз, когда под гром аплодисментов правых сходил с кафедры кто-нибудь из министров или какой-нибудь правый депутат, возражавший против «принудительного отчуждения», крестьяне принимались кричать: «Герценштейн, Герценштейн...». Крестьянские депутаты, <...> сразу признали в нем своего руководителя и союзника⁵.

И, тем не менее, трудно понять, каким образом именно Герценштейн смог за очень непродолжительное время приобрести всероссийскую известность. Разумеется, он сыграл заметную роль в подготовке проекта аграрной программы партии, но на самих партийных форумах выступал крайне редко. На втором съезде партии кадетов сообщение о работе аграрной комиссии делали Петр Д. Долгоруков и А.А. Кауфман, на III съезде партии основной доклад по аграрному вопросу огласил В.Е. Якушкин. Герценштейн же почти не участвовал в прениях, выступив лишь с небольшой репликой. Известный кадетский проект 42-х он подписал не первым и даже не вторым, а двадцать вторым (первым значится подпись Якушкина, а вторым – А.С. Медведева). Его позиция по аграрному вопросу при детальном анализе выглядит не столь уж однозначной и, во всяком случае, совсем не прокрестьянской.

Следует отметить, что в отличие от вопросов гражданского равноправия, гарантий политических прав и свобод, аграрная проблема вызывала в партии конституционных демократов серьезные дискуссии и нередко ставила кадетов на грань раскола. Принцип принудительного отчуждения, конечно, был основой партийной программы, но вот вопрос о дальнейшей судьбе отчуждаемой вызывал острые споры. Были сторонники дополнительного наделения землей наиболее нуждающихся крестьян в собственность, а были сторонники образования государственного земельного фонда, были и те, кто поддерживал принцип национализации. Современник, депутат-перводумец кн. В.А. Оболенский вспоминал, что «при обсуждении текста основных положений аграрного законопроекта, внесенных фракцией народной свободы в Государственную думу, в котором Герценштейн усматривал определенные народнические тенденции, он остался в меньшинстве. И эти положения, составленные покойным В. Якушкиным, были внесены в Думу без подписи М.Я Герценштейна⁶. Разумеется, в последнем случае память подвела автора (за

⁵ *Короленко В.Г.* Земли! Земли! (Наблюдения, размышления, заметки) // *Современные записки.* 1922. Кн. XIII. С. 138.

⁶ *Оболенский В.* К 18-й годовщине смерти // *Последние новости.* 1924. 31 июля (Париж).

прошествием лет, он, возможно, спутал заседания III съезда партии кадетов, где основным докладчиком был Якушкин, с думским заседанием). Но само указание на разногласия заслуживает внимания.

Исследуя отношение «Русских ведомостей» к аграрно-крестьянскому вопросу, историк Е.А. Карасева выделяет в составе редакции два направления: либерально-народническое, к которому принадлежали А.И. Чупров, Н.А. Каблуков, Н.А. Карышев, и буржуазно-либеральное, очищенное от народнических иллюзий, к которому относились А.А. Мануйлов, М.Я. Герценштейн, А.А. Кауфман⁷. Действительно, выступив в защиту принципа принудительного отчуждения земли на апрельском совещании либеральных земцев, Герценштейн в то же самое время подчеркивал, что такая мера носит экстраординарный характер и призвана погасить огонь крестьянских волнений. При этом московский экономист считал необходимым сохранение частного землевладения в качестве основного двигателя экономического прогресса. По его словам, «помещичье хозяйство является в настоящее время во многих случаях культурным центром как в смысле техники, так и в смысле распространения всякого рода знаний и умственного развития»⁸. Он же резко раскритиковал принцип национализации по Генри Джорджу, что вызвало крайне неодобрительную реакцию Л.Н. Толстого⁹. Говоря о том, на каком праве крестьяне смогут получить экспроприированную у помещиков землю, Герценштейн, похоже, склоняется к тому, чтобы передать ее в собственность, а не арендное пользование.

В одной из своих работ он пишет: «Говорят, что у нас сильны общинные инстинкты, что крестьяне не освоились с началами частной собственности, что для них важно иметь доступ к земле, а будет ли земля дана на началах собственности или на началах аренды, это безразлично. Я не думаю, чтобы общинники относились безразлично к вопросу о том, кому принадлежит земля, которую они обрабатывают; но не следует ведь забывать, что, кроме общинников, у нас имеются обширные районы, не знающие общинного землевладения, имеются земли, приобретенные самими крестьянами. Стоит только государству приступить к осуществлению своих прав, например, к раздаче купленной крестьянами земли другим разрядам крестьян, может быть, более нуждающимся, чтобы сразу обнаружилось, что

⁷ Карасева Е.А. «Русские ведомости» об аграрно-крестьянском вопросе в конце XIX – начале XX веков.: Автореферат дисс. ... к. ист. н. М., 1987. С. 11.

⁸ Герценштейн М.Я. Национализация земли // Аграрный вопрос: Сборник статей. М., 1906. С. 117.

⁹ Маковницкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковницкого. Кн. 1. 1904–1905. М., 1979. С. 361–362.

если крестьяне относятся отрицательно к помещичьей собственности, то они очень ревниво относятся к своей и всячески готовы защищать свои права»¹⁰. В брошюре по аграрному вопросу, которая вышла весной 1906 г., он утверждал: «Нельзя же не признать, что во многих местностях сельскохозяйственные машины, улучшенный севооборот, новые производства и промыслы, дающие заработок населению, и ряд других улучшений обязаны своим происхождением частному землевладению»¹¹.

На этом фоне более чем странным выглядит конфликт Герценштейна с товарищем по партии Л.И. Петражицким. Во время прений по аграрному вопросу в Думе Петражицкий, не отрицая необходимости принудительного отчуждения, высказался за то, чтобы отчуждаемые земли передавались крестьянам в собственность, а не в пользование. Дополнительное наделение землей, по мнению Петражицкого, не разрешит крестьянского вопроса без подъема как общей культуры крестьянства, так и культуры сельскохозяйственного производства. Поэтому он призвал к сохранению в деревне культурных гнезд, которыми могли быть только помещичьи усадьбы. По его словам, нужна «такая трудовая норма, чтобы человек образованный все-таки не считал невозможным жить в деревне, а напротив, считал бы возможным пахать ниву не только в буквальном смысле, но и ниву народную в переносном смысле»¹².

Позиция, как мы видим, почти идентична той, о которой писал московский депутат весной 1905 года. Но именно эта позиция вызвала крайне пристрастную и необъективную критику Герценштейна. Обойдя действительно важный вопрос о том, как в одном крестьянском хозяйстве будут сосуществовать наделные, купленные и арендованные у государства земли, он обвинил Петражицкого в апологии сильного и богатого мужика, увидел в нем защитника помещичьей культуры. Помещик же, по словам Герценштейна, «только выжимал из земли все, что можно было выжать»¹³.

Возможно, эмоциональность выступления затушевала для слушателей те противоречия, которые бросаются в глаза при чтении текста. Так, с одной стороны, Герценштейн говорил об отчуждении частновладельческой земли как о «части, и весьма незначительной, части крестьянского вопроса», а с другой — говорит о дополнитель-

¹⁰ Герценштейн М.Я. Национализация земли. С. 119.

¹¹ Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк. Выкупная операция. М., 1906. С. 39.

¹² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 454.

¹³ Там же. С. 470.

ном наделении крестьян как о стержневой мере для разрешения аграрной проблемы. Отрицательно относясь к социальной дифференциации крестьянства, он очень неожиданно приводит в качестве образцовой страны Данию, где как раз преобладали крупные фермерские хозяйства.

Заканчивая свое выступление, Герценштейн утверждал: «Если нам скажут, что аграрный вопрос должен быть решен без принудительного отчуждения, то мы ответим: есть известные положения, которые должны быть всероссийскими, общеимперскими, и мы считаем таким положением принцип принудительного отчуждения»¹⁴, но как раз с этим-то утверждением Петражицкий и не полемизировал. Отвечая оппоненту, Петражицкий заметил: «Придавать себе вид защитника крестьян против меня не следовало бы с научной и этической точек зрения»¹⁵.

Эти противоречия блестяще использовал оппонент московского депутата, товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко, процитировав в заключительном выступлении выводы Герценштейна о недопустимости национализации, которая, будучи последовательно проведенной, требует изъять в государственный фонд как надельные, так и благоприобретенные крестьянские земли¹⁶. На то, что основой процветающего в Дании крестьянского хозяйства является крестьян-землевладелец, а не крестьянин-арендатор указал в своей речи противник идеи общенационального земельного фонда Н.Н. Львов¹⁷. Как примирить эти очевидные противоречия? Мне кажется, что ответ на этот вопрос дает публицистика Герценштейна думского периода.

Уже в середине 1880-х годов Герценштейн стал заметной фигурой либерального движения. Его заметки на экономические темы помещали на своих страницах «Юридический вестник» и «Русская мысль». Но, пожалуй, наиболее тесное сотрудничество связывало Герценштейна с ведущей либеральной газетой «Русские ведомости». Его первая заметка появилась в газете в 1885 году, а в следующем году он стал постоянным сотрудником издания, специализируясь в основном на вопросах экономической политики. Его перу принадлежат и ряд передовых статей газеты.

С 1906 г. Герценштейн вошел в состав издательского товарищества «Русских ведомостей». Несмотря на избрание депутатом Думы, Герценштейн продолжил сотрудничать в газете. Ряд статей помеще-

¹⁴ Там же. С. 471.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 567. В.И. Гурко использовал работу М.Я. Герценштейна «Национализация земли».

¹⁷ Там же. С. 479.

ны под его полной подписью. Неопубликованная переписка Герценштейна с редактором «Русских ведомостей» В.М. Соболевским¹⁸ позволяет уточнить авторство ряда публикаций. В «Русских ведомостях» Герценштейн помещал заметки под общим названием «Аграрный вопрос в Думе» (иногда в Государственной думе). Большая часть статей – подписана, в одном случае используется криптоним Г., одна статья идет без подписи, возможно, потому, что Герценштейн, во-первых, несколько отклоняется в ней от защиты государственного земельного фонда, а во-вторых, полемизируя со М.А. Стаховичем по поводу собственного выступления в Думе, он не пожелал раскрывать свое авторство¹⁹. Далее в это же время он успевал еще писать и передовые статьи, в которых затрагивалась аграрная проблема (о двух, упоминаемых в письмах, можно говорить с уверенностью). Судя по письмам, он давал в газету и отчеты о работе аграрной комиссии, которые появлялись без подписи. И, скорее всего, именно ему принадлежит заметка «Последнее заседание аграрной комиссии при Государственной думе», опубликованная уже после роспуска народного представительства. Она и стала последней прижизненной публикацией автора²⁰.

Кроме того, отдельный цикл представляют большие статьи с критическим анализом программ оппонентов кадетов – эсеров и социал-демократов. Он же предложил для публикации проекты Главного управления землеустройства и земледелия, внесенные правительством в Думу, но отклоненные последней без всякого рассмотрения. В последующем Герценштейн обещал дать подробный анализ программы правительства²¹, но вследствие роспуска Думы это намерение реализовано не было.

Чтобы понять сущность взглядов на пути решения аграрного вопроса Герценштейна, рассмотрим вначале его полемику с оппонентами из левого лагеря. Герценштейн прежде всего делал упор на то, что как социал-демократы, так и социалисты-революционеры, по крайней мере, до начала широкого аграрного движения, соглашались на принцип принудительного отчуждения и компенсации помещикам за утраченную земельную собственность. Защищая принцип принудительного отчуждения с выплатой владельцам компенсации, который стал частью кадетской программы, Герценштейн в качестве ав-

¹⁸ Письма М.Я. Герценштейна В.М. Соболевскому. 19 июня – 4 июля 1906 г. // РГАЛИ. Ф. 452 (Соболевский В.М). Оп. 1. Д. 6.

¹⁹ [Герценштейн М.Я.] Аграрный вопрос в Думе // Русские ведомости. 1906. 9 июня.

²⁰ Русские ведомости. 1906. 16 июля.

²¹ Г. [Герценштейн М.Я.] Проект об улучшении и расширении крестьянского землевладения // Русские ведомости. 1906. 28 июня.

торитетов цитировал известных западноевропейских социалистов – Либкнехта, Каутского, Маркса. Выкуп – неизбежная плата за предотвращение гражданской войны. «Поэтому можно безусловно присоединиться к мнению, высказанному Вандервельде, что «экспроприация собственников без вознаграждения была бы, если принять в соображение сопротивление, смуты и кровавую борьбу, – неизбежные ее последствия, – в сущности, самую дорогую формой экспроприации»²². Социал-демократическая программа подвергается критике собственно за то, что она вовсе не учитывает интересы крестьян, догматично утверждает, что и в земледелии неизбежна концентрация землевладения и готовит крестьянам участь батраков, которые, в конечном счете, станут союзниками городского пролетариата. «Итак, крестьянское движение само по себе не интересует социал-демократов. Оставаясь партией пролетариата, социал-демократы плохо ориентируются в аграрном вопросе, деревня остается для них сфинксом, они никак не могут втиснуть ее в установленные рамки, все, что они могли придумать, это – создать из крестьян союзника городского пролетариата»²³.

Относительно эсеровской программы Герценштейн занимал чуть более терпимую позицию, вспоминая, что взгляды народников сложились в эпоху крестьянского освобождения и у истоков аграрной программы находятся такие люди, как Н.Г. Чернышевский, которые «на первый план ставили всегда без колебаний интересы крестьянской массы». Но если первоначальная аграрная программа предусматривала экспроприацию (т.е. выкуп), то с развитием аграрного движения эсеры стали защищать социализацию земли, которая в условиях сохранения капиталистического производства (в городах частная собственность сохранялась), является полной утопией. Неверно и то, что программу эту разделяли сами крестьяне. Крестьяне не прочь ликвидировать помещичье хозяйство, называя землю даром Божиим. Но большую ошибку совершил бы тот, кто принял эти слова всерьез. Отнимая «Божий дар» у помещика, они вовсе не хотят уступить ее крестьянам соседних уездов и волостей, а тем более переселенцам, которые возможно, еще больше страдают от малоземелья. «Вся реформа в таком случае сводится к тому, чтобы отнять землю у помещиков и передать ее ближайшим крестьянам, несмотря на то, что имеются крестьяне, может быть, гораздо более

²² Герценштейн М.Я. Конфискация или экспроприация? // Русские ведомости. 1906. 2 февраля.

²³ Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос в программе социал-демократической партии // Русские ведомости. 1906 13 июня. См. также: *он же*. Аграрный вопрос в программах различных партий. М., 1906.

нуждающиеся в земле, имеющие, следовательно, гораздо больше прав на государственное содействие в расширении площади землепользования»²⁴. Следовательно, программа эсеров плоха, потому что утопична, и, кроме того, потому, что она поощряет погромные настроения крестьян, не разделяется последними в плане приверженности к идее социализации.

Можно сделать вывод, что, критикуя взгляды левых партий, Герценштейн подчеркивает, что кадеты стоят на точке зрения реальной политики и отстаивают единственно возможный план улучшения положения крестьян. Все это соответствует партийной линии, в соответствии с которой левые рассматривались как друзья и союзники кадетов.

Критики правительственной программы Герценштейн написать не успел, но, собственно, его полемические выступления в Думе и являются такой критикой, органически дополняя публицистику автора. Возможно, такое распределение критического материала (левые критикуются в газете, а правительство с думской трибуны) связано еще и с тем, что правительство рассматривается как враг, с которым компромиссы невозможны, а левые партии — как возможный союзник. Сама же аграрная программа кадетов в этом случае является самой радикальной из всех тех, которые могут быть осуществимы в рамках существующего строя (чего не скажешь об эсерах) и защищает интересы крестьян (что отсутствует в программе социал-демократов).

В разработке основных положений кадетской аграрной программы Герценштейн принимал непосредственное участие, но вследствие серьезных внутренних разногласий партия, несмотря на все усилия, детально разработанных мероприятий по аграрному вопросу так и не смогла выработать. Оценивая предложения по аграрному вопросу, принятые третьим съездом Партии народной свободы, ее лидер П.Н. Милюков писал: «Конечно, это еще не «законопроект», а только «общие основания» реформы»²⁵. Эти «общие основания» были компромиссом между сторонниками идеи национализации земли и ее противниками. Проект 42-х, внесенный в Думу, отражал точку зрения не всей партии, а только определенной части ее членов, и даже среди подписавших его полного единства не было. Об этом ярко свидетельствует статья Герценштейна, которая открыла цикл его думских корреспонденций в «Русских ведомостях». Статья, анализировавшая проект 42-х, была написана между 8 мая, когда в Думу были внесены предложения группы кадетов по аграрному вопросу, и

²⁴ Герценштейн М.Я. Аграрная программа социалистов-революционеров // Русские ведомости. 1906. 27 июня.

²⁵ Милюков П.Н. Год борьбы: Публицистическая хроника. СПб., 1906. С. 336.

13 мая – днем оглашения правительственной декларации. К этому моменту «статья эта была уже написана».

Герценштейн крайне ограничительно толкует принцип потребительной нормы наделения, считая, что эта норма ни в коем случае не должна ориентироваться на высший размер надела в 1861 г., поскольку хозяйственные условия с тех пор изменились, и крестьяне могут получать доход с внеземледельческих промыслов. Соглашаясь с принципом принудительного отчуждения, Герценштейн сопровождает его целым рядом оговорок. Так, по его мнению, «было бы правильнее, чтобы государству было предоставлено право отчуждать известные земли, а не возлагалась обязанность. Зачем отчуждать впус-те лежащие земли или превышающие максимум, если они в данное время может быть не нужны? Гораздо правильнее предоставить это право государству тогда, когда оно сочтет нужным это сделать».

Он же выступал за осторожное отношение к тем экономиям, которые не сдаются в аренду. «Где владелец принимает непосредственное участие в хозяйстве, иногда и личным трудом, где имение является единственною основою благосостояния семьи, а размер владения превышает трудовую норму, распространение принудительного отчуждения в том объеме, как это проектирует партия, вызовет большие возражения», – писал Герценштейн. По мнению московского депутата, крайне осторожно надо использовать принцип принудительного отчуждения по отношению к тем предприятиям, которые перерабатывают продукцию сельского хозяйства. «Не подлежит, конечно, сомнению, что обширные площади земли при имениях с сахарными заводами далеко не в такой мере необходимы, чтобы из них не могла быть отчуждена часть, иногда и весьма значительная, но от этого еще далеко до того, чтобы оставить заводы совершенно без земли, это значило бы поставить во многих случаях на карту самое их существование».

Соглашаясь с необходимостью создания общегосударственного земельного фонда, автор вовсе не считает его шагом по направлению к национализации земли. В трактовке Герценштейна такой фонд не имеет ничего общего с народнической утопией «права на землю». Его образование необходимо в видах общегосударственной потребности удовлетворить земельный голод. Без образования такого фонда земля будет попросту захвачена и перераспределена местными крестьянами в ущерб общегосударственным интересам. «Чтобы реформа была планомерна, не носила случайного характера, чтобы земли были распределены именно между наиболее нуждающимися, а не сделались исключительным достоянием ближайших крестьян, к явному ущербу для совершенно обездоленных, необходимо отрешиться от отношений между помещиком и его ближайшими соседями-крестьянами; на

первый план должна выступить идея государственного земельного фонда». Во-вторых, передача принудительно отобранной помещицкой земли в собственность крестьянам была бы несправедлива и действительно нарушала бы право собственности. «Если признано необходимым путем принудительного отчуждения отнять земли у помещиков, то это может быть сделано не для того, чтобы передать их в собственность другим, а для того, чтобы земли эти служили постоянным фондом для наделения трудящегося населения».

Но, с другой стороны, принцип государственного земельного фонда явно встретил бы сопротивление в Прибалтике, Польше, на Украине. Беседы с думскими крестьянскими депутатами и ходоками еще больше укрепили убеждение Герценштейна, что, идея государственного земельного фонда понимается часто как отчуждение земли в пользу местных крестьян без права переселения крестьян из других местностей. Правда, во многих крестьянских наказах фигурирует государственный земельный фонд. Но, по мнению депутата, эти наказы по большей части продукт творчества сельской интеллигенции, которая находится в плену у эсеровских догм. Поэтому ««было бы безосновательно давать этим фактам распространительное толкование, особенно если принять во внимание, что приговоры эти могли составляться не без постороннего влияния». Итак, однозначно судить о том, что более приемлемо для крестьян: передача земли в собственность или долговременная аренда, нельзя, вопрос получит более определенное решение только после того, как завершат работу на местах землеустроительные комиссии, которые должны были быть созданы в рамках подготовки земельной реформы. По мысли Герценштейна, можно совместить создание общегосударственного фонда с передачей земли в собственность крестьян, поскольку «с течением времени» земля может перейти в полную собственность крестьян».

Очевидно, что московский депутат частную земельную собственность считает экономически более рациональной формой, чем коллективное пользование. Именно поэтому он высказывается за введение дополнительных ограничений, которые защищали бы хозяйства среднего размера от экспроприации. «Не только там, где существует крупное хозяйство, но и там, где получило развитие среднее хозяйство, где владелец принимает непосредственное участие в хозяйстве, иногда и личным трудом, где имение является единственной основой благосостояния семьи, а размер владения превышает трудовую норму, распространение принудительного отчуждения в том объеме, как это проектирует партия, вызовет большие возражения. Если крупное землевладение будет бороться за земельную ренту, то среднее будет отстаивать самое свое существование».

Наконец, Герценштейн считал необходимым сохранить образцо-

вые имения. По-видимому, его несогласие вызывает слишком расплывчатая формулировка проекта 42-х. «Образцовые хозяйства нам нужны будут в гораздо большей степени, чем прежде, что нужно будет их создавать и содержать на государственный или земский счет, это не подлежит никакому сомнению. Таких имений у нас немного, занимают они небольшую площадь и передача их в руки крестьян немногим увеличит площадь их земли, а между тем имения эти или некоторые из них, безусловно, полезны именно для крестьян. Я, во всяком случае, не могу не считать преувеличением заявление, сделанное на аграрном совещании, что у нас нет ни одного образцового имения, сохранение которого было бы желательно с точки зрения крестьянских интересов».

Таким образом, на страницах «Русских ведомостей» Герценштейн в статье, опубликованной буквально за день до столкновения с Петражицким, в сущности воспроизвел взгляды своего оппонента. Пожалуй, единственным отличием является то, что Петражицкий безусловно отвергал необходимость государственного земельного фонда, а его московский оппонент в тактических целях защищал его необходимость.

Но тогда как же можно объяснить остроту полемики? Ответ, как мне кажется, содержит завершение статьи. Когда Герценштейн закончил работу над статьей, в Думе выступил с правительственной декларацией И.Л. Горемыкин, который отверг самую возможность принудительного отчуждения²⁶. Противостояние требовало от Думы единодушия. Необходимо было объединить вокруг общей программы как умеренных, которые в принципе соглашались на отчуждение, так и левую трудовую группу. Такой программой кадеты и пытались сделать записку 42-х с ее безусловным признанием принудительного отчуждения и крайне расплывчатым описанием конкретных мер по осуществлению программы в жизнь.

Сомнения Герценштейна свидетельствуют о том, что программа отчуждения земли (в меньшей степени) и программа образования государственного земельного фонда (в большей) носили не столько концептуальный, сколько сиюминутный характер, призваны были успокоить волновавшуюся деревню. По его собственным словам, «никакая аграрная программа не удовлетворит требованиям, не успокоит население, если она не выдвинет на первый план, а в этом, в сущности, сходятся теперь почти все, не исключая правительства, отчуждение земель»²⁷.

²⁶ Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос в Государственной думе // Русские ведомости. 1906. 17 мая.

²⁷ Герценштейн М.Я. Аграрная комиссия при Государственной думе // Русские ведомости. 1906. 21 июня.

Но сомнения Герценштейна в возможности национализации земли, его попытка смягчить последствия реформы для землевладельцев неожиданно содержат перекличку с выступлениями В.И. Гурко и А.С. Стишинского, открывая таким образом возможность для союза не только с правыми, но и с левыми. При этом, однако, условием такого союза (или, точнее условием начала диалога) было бы признание возможности принудительного отчуждения, которое, однако, было правительством публично отвергнуто, что делало ситуацию патовой. Выход мог заключаться либо в создании думского министерства, либо в роспуске Думы.

А.В. КОСТЫЛЕВ

Судьбы перводумцев: депутаты I Государственной думы в горниле российской истории первой половины XX в.

Деятельность I Государственной думы явилась пусть и очень короткой, но при этом яркой и впечатляющей страницей в истории российского парламентаризма начала XX века. «Дума народных надежд», как называли ее современники, вывела на дорогу публичной политики значительный круг людей, представлявших всевозможные социальные, профессиональные, этнические, профессиональные и образовательные спектры. Отнюдь не все, даже меньшая их часть, проявила себя на политическом поприще в дальнейшем, но в их последующей судьбе, как в увеличенном зеркале, высветились характерные черты бурной, трагической и переломной эпохи первой половины XX века в России.

К сожалению, почти никто не обращался к изучению думской биографики именно в этом контексте. Значительный массив справочной и биографической литературы освещает последумскую деятельность лишь наиболее известных и проявивших себя на общероссийском уровне депутатов, в центре внимания оказывается изучение персоналий, а не депутатского корпуса в целом¹. Вышла, кажется, только одна монография, затрагивающая тему становления и развития российского парламентаризма как общественной личности, типа

¹ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004 и др.

политика. В ней последующей деятельности народных избранников посвящена целая глава, но и то, почти исключительно в рамках ее общественно-политической стороны². Между тем в местной прессе и региональных научных сборниках и монографиях собирается интересный материал о депутатах «второго плана», обобщение которого восполнит недостающие детали и даст полное представление о судьбе «думцев после Думы».

Как известно, в 1907 г. 169 депутатов-перводумцев были привлечены к суду по делу о «Выборгском воззвании». Почти все они были приговорены к трехмесячному тюремному заключению. Приговор означал поражение в политических правах и запрет на избрание в следующие созывы Думы. Но на этом злоключения бывших депутатов не кончились. Дворян исключали из состава дворянских обществ, священников лишали сана, чиновников и служащих увольняли со службы. Депутаты-крестьяне нередко без всяких объяснений арестовывались и даже ссылались в «административном порядке». Особенно больно ударил по многим запрет на работу. В связи с этим в кругах интеллигенции был объявлен сбор пожертвований, оказывалась помощь предоставлением заработка.

В апреле 1907 г. была образована специальная комиссия по оказанию помощи бывшим депутатам I и II Думы под председательством М.М. Ковалевского. Она неоднократно объявляла сбор средств через прессу³. Нужно отметить, что почти все преодолели эту сложную ситуацию без нравственных издержек, пожалуй, кроме одного депутата, священника К.И. Афанасьева (Область войска Донского), который, как выяснилось после революции, стал внештатным сотрудником Департамента полиции под кодовой кличкой «Бузулукский». Лишившись сана, он впал в нужду и был вынужден завербоваться в охранку, получая за доноительство 100 руб. ежемесячно и 25 руб. «премиальных» за «образцовую и верную службу»⁴. В отличие от него, такой же священник, за подписание Выборгского манифеста лишенный сана, Н.В. Огнев (Вятская губ.) нашел себя в светской жизни, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, занимался общественной деятельностью, был присяжным поверенным Вятского окружного суда, редактировал местную кадетскую газету.

Почти ничего не известно об огромном множестве крестьянских депутатов, исчезнувших в толще народной жизни так же стремитель-

² *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 182–223.

³ Речь. 1907. 7 октября.

⁴ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 355; *Баторгин Н.В.* Перед судом царского самодержавия. М., 1964. С. 271–272.

но, как и появились из нее. Судя по всему, некоторые из них с умом потратили немалое по крестьянским меркам депутатское вознаграждение (10 руб. суточных). Так, рязанец И.В. Арсенов занялся в Петербурге извозом, Е.С. Ерлин (Томская губ.) завел торговлю, имел мельницу и маслоделательный заводик. А.Л. Шемякин (Вологодская губ.) по возвращении домой служил приказчиком. По данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., его хозяйство являлось достаточно крепким, в нем обрабатывалось около 45 га земли, содержались две лошади, три телеги, двое саней, пять коров и свинья. Его земляк С.И. Федотовский служил волостным писарем, имел около 30 га земли, три избы, лошадь, три коровы с теленком, по две овцы и свиньи. На летнее время нанимал двух работников с полным содержанием⁵. Для некоторых других участие в Думе стало толчком для того, чтобы, покинув село, «выйти в люди». Например, вологжанин Д.Н. Щипин в 1907 г. окончательно переехал в Петербург, служил здесь бухгалтером, заведовал отделом контроля в правлении страхового товарищества «Саламандра», потом, при советской власти, сделал карьеру в различных кооперативных организациях (Всероссийский центральный союз потребительских обществ, Кооперативный страховой союз), Наркомземе⁶.

Готовым сюжетом для настоящего авантюрного романа могла бы послужить биография некоторых лидеров трудовиков. Для одного из них, ставропольца Ф.М. Онипко, призыв к ненасильственному протесту против роспуска Думы оказался слишком слабой мерой. Сразу после Выборга он связался с руководством эсеров и был направлен ЦК партии в Кронштадт для идейно-политического руководства готовившимся здесь вооруженным восстанием. Именно он получил условную телеграмму, дающую сигнал к началу восстания (эсеры планировали одновременное выступление нескольких баз Балтийского флота). После подавления мятежа Онипко наряду с другими его руководителями грозил расстрел, но широкий общественный резонанс вокруг суда и депутатский статус привели к довольно мягкому приговору – ссылке в Сибирь. По дороге из Енисейска в Туруханск Онипко благополучно сбежал и сумел скрыться за границей. Во Франции крестьянский избранник получил университетское образование, и ни где-нибудь, а в Сорбонне, после Февральской революции вернулся в Россию и сразу же был назначен Временным прави-

⁵ Вологодская неделя. 2006. 27 апреля.

⁶ *Щипин В.И.* Семейная хроника // Программа «Российские династии» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://geno.ru/node/47>

тельством генеральным комиссаром Балтийского флота⁷. О некоторых других подробностях биографии Онипко расскажем ниже.

Другой видный трудовик, А.Ф. Аладьин, также оказался замешан в подготовке восстания, только в другой крепости – Свеаборге. За подстрекательство к мятежу был арестован, но также сбежал и отправился в эмиграцию, ставшую для него уже второй в его революционной карьере. Правда, теперь ему не пришлось терпеть нужду и перебиваться случайными заработками, иногда случайными (недоброжелатели рассказывали, что до этого он занимался изготовлением и продажей поддельного антиквариата). В 1907 г. Аладьин развернул широкомасштабную кампанию в США в поддержку Государственной думы, ездил с лекциями, призывал не давать займов России, пока царское правительство не изменит своей репрессивной политики по отношению к оппозиции. Благодаря этой деятельности в США была создана организация «Друзья русской свободы». Тем временем в России симбирские крестьяне вновь избрали его своим представителем в Думу. Хотя Аладьин и не подписывал Выборгского воззвания, власти нашли другой повод для аннулирования его избрания: были изданы сенатские разъяснения, отстраняющие от выборов всех, кто реально не являлся крестьянином-домохозяином, а был лишь приписан к крестьянскому сословию. Тем самым от земельной курии были на будущее отстранены все образованные выходцы из крестьян, игравшие, как известно, ключевую роль в руководстве трудовой группы. В эмиграции началась постепенная эволюция Аладьина вправо: в Англии он примкнул к либерально-реформистскому «Фабианскому обществу». В годы первой мировой войны в качестве военного корреспондента британских газет неоднократно посещал театр военных действий и даже получил звание лейтенанта Королевских вооруженных сил⁸.

Аладьин не был единственным перводумцем, кто так или иначе участвовал в войне. На волне патриотического подъема по примеру погибшего на фронте А.М. Колюбакина сложил с себя депутатские полномочия члена IV Думы и отправился на действующую армию Л.Н. Новосильцев. Он служил на Юго-Западном фронте, командовал 19-й ополченской батареей, был произведен в подполковники. Добровольцем в рядах французской армии воевал и был ранен упоминаемый выше Ф.М. Онипко. Значительное количество бывших депутатов помогали фронту, участвуя в различных общественных

⁷ *Судаков Н.Д.* Крестьянский депутат первой Государственной думы М.Ф. Онипко: «второй план» русского революционного движения // *Человек второго плана в истории. Сб. научных ст.* Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 4. С. 292–307.

⁸ *Алешкин А.М., Калмыков А.Г.* Думы Таврического дворца: Государственная дума России. 1906–2006. М., 2006. С. 188–195.

учреждениях, в основном, Главного по снабжению армии комитета (Земгора). Достаточно сказать, что возглавляли комитет последовательно три первоумца: Г.Е. Львов (июль 1915 – март 1917 гг.), А.Г. Хрущов (март 1917 г.), П.А. Садырин (март 1917 – март 1918 гг.).

Целый ряд известных ученых, писателей, врачей, адвокатов, для которых политика не была основным родом деятельности, вернулись к своим прежним занятиям. Этот список открывает председатель I Государственной Думы С.А. Муромцев, чья слава специалиста по римскому праву вполне сопоставима с политической известностью. Об остальных этого сказать нельзя, они прославились прежде всего на своем прямом поприще. В числе ученых-юристов следует отметить одного из основоположников психологической теории права Л.И. Петражицкого, историка и правоведа С.А. Котляревского, крупнейшего специалиста по русскому гражданскому и торговому праву Г.Ф. Шершеневича, профессора Н.А. Гредескула. Продолжал совмещать социологию и политику М.М. Ковалевский. Крупными историками являлись Н.И. Кареев (депутат от Петербурга) и Е.Н. Щепкин (Одесса). Депутат от Саратовской губернии Я.Е. Дитц после роспуска Думы написал книгу «История поволжских немцев-колонистов», увидевшую свет только в наши дни и внесшую значительный вклад в изучение прошлого российских немцев.

М.Я. Острогорский внес большую лепту в формирование политологии как отдельной научной дисциплины. Депутат от Полтавской губернии, сын известного дореволюционного экономиста, Л.Н. Яснопольский, сам, в свою очередь, стал маститым ученым, профессором Киевского университета, в советские времена академиком АН УССР, председателем Комиссии по изучению производительных сил Украины и директором Института экономики АН УССР. Вокруг П.И. Новгородцева и его идей сложилась школа философии права и социальной философии.

Крупными теоретиками и практиками медицины стали заведующий кафедрой хирургической патологии МГУ и председатель Общества русских врачей им. Мечникова (в эмиграции) И.П. Алексинский, академик АМН СССР З.Г. Френкель. Последний по праву считается одним из основоположников советской социальной гигиены. На местном уровне как ученый-практик прославился основатель бактериологической лаборатории в Самаре, настоящий подвижник земской медицины депутат от города П.П. Крылов.

Известный ученый-ихтиолог Н.А. Бородин читал лекции по рыбоводству на Петербургских сельскохозяйственных курсах, а в эмиграции был действительным профессором Гарварда. Классиками азербайджанской и татарской литературы стали депутаты-автономисты А. Ахвердиев и Закир Рамеев (Дардмунд).

Представитель Дона Ф.Д. Крюков являлся известным в регионе писателем, написал ряд очерков и повестей из жизни донских казаков. В наши дни любителями сенсаций выдвигается версия, согласно которой именно он является автором «первоначального текста» романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Один из лидеров трудовиков, И.В. Жилкин, в отличие от своих коллег по руководству фракцией, навсегда покинул политику и стал постоянным сотрудником «Вестника Европы». В советские времена он как журналист писал для «Известий ВЦИК», «Красной Нивы», попробовал себя в детской литературе. Был членом Союза советских писателей с 1934 г. и благополучно пережил сталинские репрессии⁹.

Некоторые депутаты в силу естественных причин умерли еще до революции 1917 г. Известно, что один из них, крестьянин А.П. Андреев (Симбирская губ.) успел скончаться во время столь короткого срока работы Думы. Единственное его выступление с думской трибуны имело личный подтекст: он отрицал распространяемые в прессе сведения о его связях с проправительственной группой М. Ерогина. Полагали, что душевное волнение, вызванное слухами, могло ускорить эту смерть¹⁰. Одними из первых после роспуска I Думы ушли из жизни ее председатель С.А. Муромцев и ветеран земского движения граф П.А. Гейден. В 1907 – 1916 гг. умерли И.А. Корсаков (Новгородская губ.), А.С. Медведев (Тверская), А.А. Муханов (Черниговская), И.Н. Присецкий (Полтавская), Г.Ф. Шершеневич (Казань), Е.Г. Шольп (Киевская), В.Е. Якушкин (Курская). Несколько депутатов стали жертвами терактов.

Широчайший общественный резонанс имело убийство М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса боевиками Союза русского народа. И хотя причастность правых была фактически доказана, никто из заказчиков не понес никакого наказания. Причиной покушения наряду с прочим послужила думская деятельность депутатов. Отголоском политической вражды русских монархистов и либералов уже в эмиграции стала гибель в 1922 г. в Берлине В.Д. Набокова. Общеизвестно, что он принял на себя пулю, предназначавшуюся лидеру кадетов П.Н. Милюкову.

Личные обстоятельства, неумение приспособиться к новым условиям, отсутствие поля деятельности для приложения сил привели, по крайней мере, двух бывших депутатов к добровольному уходу из жизни. В 1916 г. покончил с собой активный участник земского либерального движения в Калужской губернии, деятель лево-

⁹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 208.

¹⁰ Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. С. 73.

го крыла кадетской партии В.П. Обнинский. После Думы раскрылся его талант как видного публициста, он активно сотрудничал в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Голосе минувшего» и др. Некоторые его работы выходили отдельными изданиями. Стоит отметить не потерявшую своей актуальности книгу «Новый строй» (М., 1909), в которой дана характеристика всей думской монархии начала XX века, в частности третьеиюньской политической системы. Острая критика в адрес П.А. Столыпина привела к частичному изъятию первого издания книги. Чувство глубокой неудовлетворенности существующим строем, антипатия к фигуре Николая II обусловили анонимную заграничную публикацию острого политического памфлета «Последний самодержец» (Берлин, 1912). Некоторые его страницы в свете последующих революционных событий выглядят мрачным предчувствием краха русской монархии. Во время первой мировой войны Обнинский успел побывать корреспондентом на фронте. По итогам своей поездки оставил в рукописи книгу «Галицийская кампания 1914 – 1915 годов». В предсмертных письмах он объяснил свое роковое решение терзающей его болезнью сердца и тяжелым душевным состоянием. Хотя, не исключено, что определенную лепту в душевный кризис внесло и критическое осмысление Обнинским примиренческой с его точки зрения позиции руководства кадетов после 3 июня 1907 г. Любопытно, что роду Обнинских своим именем обязан нынешний центр отечественной науки Обнинск, ведь именно здесь располагалось их имение, давшее название железнодорожному разъезду, а затем и городу¹¹.

Громкий политический скандал привел к самоубийству в 1934 г. другого видного кадетского депутата (от Минской губ.) А.Р. Ледницкого. После роспуска Думы он постепенно начал отходить от активного участия в политике, занимаясь адвокатурой, бизнесом и общественной деятельностью; в 1916 г. вышел из партии кадетов, недовольный политическим курсом ее лидеров. В качестве присяжного поверенного представлял интересы крупного российского бизнеса. В 1910–1917 гг. Ледницкий входил в правление Объединенного (Соединенного) банка в Москве. Заведовал Московским отделением Санкт-Петербургского общества страхования. К 1914 г. его состояние оценивалось в несколько миллионов рублей, он владел несколькими имениями в России, Белоруссии и Литве (около 6 тыс. десятин земли). Наряду с этим был членом Общества славянской культуры, выступал как меценат. С 1915 г. как председатель Совета съездов представителей польских организаций он фактически стал главой

¹¹ Свиридова Т.А. В.П. Обнинский: хроника жизни // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Сб. научн. тр. Саратов, 2006. Вып. 1. С. 324–328.

польской общины в России, продолжая придерживаться курса на автономию Польши в составе Российского государства.

Заинтересованность судьбой Польши и поляков на короткое время вернула Ледницкого к активной политической роли в период февраля – октября 1917 г. 15 марта 1917 г. он был назначен руководителем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского (на правах министра); в 1918 г. стал неофициальным посланником оккупированной немцами Польши в России, являясь представителем Гражданского комитета польского Регентского совета при Советах. С конца 1918 г. жил в Варшаве, отошел от политической деятельности, занимался финансово-коммерческими делами, сотрудничал в польской прессе и издавал газету «Тыдзень польски» («Польская неделя»). Как представитель крупного бизнеса являлся председателем совета Американского банка в Польше, был основателем и председателем контрольного совета крупнейшего Польского телефонного акционерного общества «Польский Ллойд». В 1934 г. при его участии (с негласного одобрения министра торговли и промышленности) Польша заключила невыгодную для себя сделку с Францией (так называемая «жирардовская афера»), что вызвало газетную травлю Ледницкого и подорвало его авторитет в политических, общественных и предпринимательских кругах. В связи с этим скандалом Ледницкий покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна). Доброе имя было возвращено Ледницкому уже после смерти – в 1937 г. Гражданский суд Польши снял все обвинения в его адрес.

Группа оппозиционных депутатов во время роспуска Думы была в составе парламентской делегации в Лондоне, другие подписали Выборгское воззвание задним числом в Петербурге. На них, как и на тех, кто его не подписывал, не распространялось поражение в правах. Поэтому многие продолжили думскую деятельность, переизбравшись в следующие созывы российского парламента. Таковых было гораздо больше, чем во II Думе. Депутатами всех четырех Дум являлись 9 политиков: кадеты Ф.И. Родичев (от Тверской губ. и Петербурга), К.Л. Бардиж (Кубанское казачье войско), В.А. Харламов (Область войска Донского), К.К. Черносвитов (Владимирская и Ярославская губ.); представители коло И.С. Гарусевич (Ломжинская), А.И. Парчевский (Калишская), В.Д. Яворский (Келецкая); мусульманин К.Б. Тевкелев (Уфимская); умеренно-правый А.К. Демянович (Бессарабская губ.). В три состава Думы избирались четверо. В два состава Российского парламента попало 23 депутата: 20 – в I и II Думы, двое – в I и IV, один – в I и III¹².

¹² Подсчитано автором по: Общий список членов Государственной думы и Государственного совета (*Кириянов И.К. Указ. соч. С. 228–365*).

Февральская революция вновь вынесла на поверхность политической жизни многих перводумцев, которые играли в событиях 1917 г. отнюдь не последнюю роль. Многие были членами руководства кадетской и трудовой народно-социалистической партий, некоторые возглавляли местные представительства новой власти и Советы, участвовали в заседаниях Государственного совещания и Предпарламента. Целый ряд депутатов входил в различные составы Временного правительства: Г.Е. Львов дважды являлся председателем, Ф.И. Родичев с марта по май 1917 г. был министром по делам Финляндии, Д.И. Шаховской возглавлял Министерство государственного призрения во втором составе, в третьем его сменил И.Н. Ефремов (до этого был министром юстиции), москвич Ф.Ф. Кокошкин тогда же стал государственным контролером. В.Д. Набоков был управделами первого состава Временного правительства. Другую часть политической элиты представляли деятели социалистической ориентации, входившие в руководство Советов. Депутаты I Думы, трудовик Л.М. Брамсон и меньшевик И.И. Рамишвили состояли в Исполкоме Петроградского совета. Два лидера трудовиков, С.В. Аникин и Ф.М. Онипко, были одними из организаторов I всероссийского съезда крестьянских депутатов, входили в состав его ЦИК. Следует отметить, что все они поддерживали Временное правительство и занимали антибольшевистские позиции.

18 депутатов I Думы были избраны членами Учредительного собрания (6 – представляли кадетов, 3 – близких к ним казаков, 4 – эсеров, 3 – различные национальные партии, 2 – меньшевиков). Для некоторых парламентская деятельность стала своеобразной семейной традицией: двое сыновей и брат депутатов-перводумцев стали членами последнего (перед установлением партийной диктатуры большевиков) парламентского учреждения России.

Октябрьский переворот и Гражданская война трагически отразились на судьбе бывших депутатов. Практически все из политически активного ядра думцев не приняли власти большевиков и небезосновательно рассматривались ими как явные или скрытые враги советской власти. В эти годы существенно пополнился начавшийся убийствами М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса думский мартиролог. В молохе гражданской войны сгинуло несколько десятков бывших депутатов, по крайней мере 10 из которых были расстреляны или убиты большевиками. Уже в январе 1918 г. пьяными солдатами и матросами вместе с А.И. Шингаревым в Мариинской больнице был жестоко убит Ф.Ф. Кокошкин. И хотя, вряд ли эта бессудная расправа была прямо инспирирована руководством большевиков, моральная ответственность легла на них. Никто из убийц не понес никакого наказания, между тем имя подстрекателя и организатора было

известно медперсоналу и родственникам.

В 1918 г. были арестованы и в сентябре 1919 г. по делу «Национального центра» расстреляны костромской кадет Н.А. Огородников и депутат Думы всех созывов К.К. Черносвитов. Куда менее известны другие бессудные и жестокие расправы большевиков. В июле 1918 г. под Сарапулом на одной из печально знаменитых «барж смерти» в числе других заложников красных был убит уфимский депутат, кадет П.П. Толстой (некоторые свидетельствовали, что при этом массовом убийстве использовали даже молотки и топоры). В качестве заложника был арестован Вятской ЧК, а затем в сентябре 1918 г. расстрелян Н.В. Огнев. В 1920 г. как «активный контрреволюционер» Архангельской ГубЧК приговорен к высшей мере наказания один из лидеров местных кадетов И.Д. Исупов. Пермский переводумец, один из ее старейших членов и настоящий Мафусаил местного земства, 80-летний Н.Д. Селиванов без всякого приговора был расстрелян местными чекистами по дороге в тюрьму. Армянскими отрядами, устанавливающими советскую власть в ходе резни в г. Шемахе был зверски убит член I Государственной думы от Бакинской губернии Мамед Таги-Алиев. В современном Азербайджане мартовские события 1919 г. в Баку и других городах официально считаются геноцидом азербайджанцев. Позже, в 1920 г., большевиками был расстрелян прямой потомок гянджинских ханов И.-Х. Зиятханов (Елизаветпольская губ.). Вместе с сыновьями был захвачен в плен красными и расстрелян К.Л. Бардиж. В Гражданскую войну он участвовал в Кубанском краевом правительстве, затем сформировал антибольшевистское казачье воинское формирование «Вольные казаки»¹³.

Бардиж был не единственным переводумцем, кто с оружием в руках воевал с большевиками. Участвовал в создании Добровольческой армии и ее Первом Кубанском («Ледяном») походе упоминаемый уже Л.Н.Новосильцев. По поручению генерала М.В. Алексеева он посетил с тайной миссией Москву, где встречался с представителями союзников, а также нелегальных антибольшевистских организаций «Правый центр» и «Национальный центр»; занимался вопросами финансирования Добровольческой армии. В 1918 г. Новосильцев был произведен в полковники.

В Донской армии оказался после поражения корниловского мятежа, поддержанного им, и заметно поправевший к тому времени А.Ф. Аладьин. В чине штабс-капитана он затем осуществлял связь Вооруженных сил Юга России с британской военной миссией, занимался организацией и приемом военной помощи от стран Антанты.

¹³ См. подробн.: Памяти погибших. Париж, 1929.

С другого фланга оппозиции большевикам выступал бывший трудовик, а затем эсер Ф.М. Онипко. В 1918 г. он, в качестве руководителя подпольного военного штаба «Союза защиты Учредительного собрания» занимался организацией покушения на В.И. Ленина. Впрочем, эта идея не нашла поддержки руководства ПСР, и террористическая группа Онипко была распущена¹⁴.

Вооруженная борьба была не единственным средством участия в борьбе с большевиками бывших депутатов. Куда активнее они проявили себя как политики и организаторы, участвовавшие в различных антибольшевистских и белогвардейских правительствах. Особенно много первоумцев было в созданном под патронатом держав Антанты 2-м крымском краевом правительстве (ноябрь 1918 – апрель 1919 гг.). Его возглавлял и одновременно являлся министром земледелия С.С. Крым, помимо депутатства известный как председатель местной губернской земской управы, основатель Таврического университета. Министром юстиции был В.Д. Набоков, внешних сношений – М.М. Винавер.

Северо-Западное правительство при генерале Н.Н. Юдениче представляли депутаты от Петербурга и Тверской губернии Е.И. Кедрин (министр юстиции), В.Д. Кузьмин-Караваев (заведующий продовольственным обеспечением армии, и.о. министра юстиции). В.А. Харламов был министром без портфеля в правительстве Вооруженных сил Юга России, там же предлагался пост министра народного просвещения П.И. Новгородцеву¹⁵. Некоторые в духе П.Н. Милюкова поддержали идею создания под патронатом немцев «Украинской державы». Депутат от Херсонской губернии С.Т. Варун-Секрет занимал пост товарища министра внутренних дел в администрации гетмана П.П. Скоропадского. Ф.Р. Штейнгель (Киевская губ.) являлся послом гетманской Украины в Берлине. Волынский первоумец Д.Ф. Андро возглавлял гражданскую администрацию Одессы при Скоропадском и французах, «заслужив» в кругах местной интеллигенции славу авантюриста и казнокрада.

Экс-парламентарии сыграли значительную роль в становлении государственности в национальных территориях, входивших прежде в Российскую империю. Довольно активным было их участие в политической жизни независимой Польши. Один из лидеров польского кола В.Ф. Грабский занимал посты премьер-министра (1920,

¹⁴ *Шмаглит Р.Г.* Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М., 2006. С. 198; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 33–34.

¹⁵ *Кириянов И.К.* Указ. соч. С. 204.

1923–1925) и министра финансов (1919–1920). Р.А. Скирмунт (Минская губ.) был премьер-министром эрзац-государства Белорусской народной республики, а после ее поглощения Советской Россией и Польшей – сенатором Польши.

Ян Тыниссон (в старой транскрипции – Теннисон) приобрел известность как один из самых влиятельных и независимых политиков самостоятельной Эстонии. В 1919–1920 гг. он возглавлял правительство, а в 1923–1925 и 1932–1933 гг. – парламент республики; с декабря 1927 по декабрь 1928 гг. и с мая по октябрь 1933 г. был государственным старейшиной (главой государства), в 1931–1932 – министром иностранных дел. После государственного переворота 12 марта 1934 г. находился во главе демократической оппозиции авторитарному режиму К. Пятса, баллотировался в президенты. В период начала так называемой «советской оккупации» Тыниссон пытался убедить президента Пятса организовать хотя бы символическое сопротивление Красной армии. Во время выборов 1940 г. в парламент, проходивших под советским контролем, именно он возглавил попытку демократов составить конкуренцию просоветским элементам, но даже не был допущен к выборам. Его коллега по первой Думе К.П. Геллат в 1918–1919 гг. прославился в качестве министра внутренних дел жестокими расправами над эстонскими коммунистами и получил за это прозвище «кровавый Геллат». В Советской России его даже заочно приговорили к смертной казни. И.Х. Чаксте (Курляндская губ.) в 1922–1927 гг. был первым президентом независимой Латвии. Закавказские меньшевики во главе с Н.И. Жордания входили в состав правительства Грузинской демократической республики, членом Народного совета Абхазии в 1918–1921 гг. являлся депутат I Думы от Кутаисской губернии И. И. Рамишвили.

Не менее активно проявили себя мусульманские депутаты. Лидер мусульманской фракции I Думы Алимардан-Бек Топчибашев являлся министром иностранных дел и председателем парламента Азербайджанской демократической республики, представлял интересы АДР на Парижской конференции. Исмаил-Хан Зиятханов командовал городской милицией в Гяндже, был уполномоченным по военным делам правительства АДР, возглавлял дипломатическую миссию в Иране. Основателем и лидером казахской партии «Алаш», председателем Временного народного совета автономной республики «Алаш-Орда» стал бывший депутат Думы Алихан Букейханов.

Только немногие бывшие депутаты сознательно приняли сторону большевиков и активно сотрудничали с ними. Так, бывшие кадеты П.А. Садырин (Вятская губ.), Е.Н. Щепкин (Одесса), Т. Эльдарханов (Терская обл.), трудовик Т.И. Седельников (Оренбургская губ.) еще в период Гражданской войны вступили в РКП (б) и сдела-

ли карьеру в различных структурах советской власти. Внук великого актера и брат расстрелянного руководителя «Национального центра» Е.Н. Щепкин возглавлял одесский отдел народного образования, организовывал рабфак. Седельников работал в казачьем комитете ВЦИКа, затем занимался вопросами изобретательства и рационализаторства при Рабоче-Крестьянской Инспекции. Он с таким рвением взялся проводить «партийную линию», что даже однажды был предан суду за незаконное преследование «буржуазных специалистов»¹⁶. Сотрудничество чеченца Эльдарханова с Советами было обусловлено остротой противоречий между горцами и казаками. Как председатель ревкома и областного исполкома Чечни Т.Э. Эльдарханов устанавливал новую власть на Кавказе, затем был председателем Национального совета при краевом исполкоме в Ростове-на-Дону. Будучи чуждым для партийных номенклатурщиков человеком, быстро был оттерт на вторые роли и умер, занимая ответственный пост в руководстве «Грознефти». Пожалуй, самую большую карьеру среди этой группы перводумцев сделал П.А. Садырин. Проводив денежную реформу начала 1920-х гг., он стал членом правления Госбанка, а затем был избран в ЦИК СССР. Н.А. Гредекул (Харьков) в 1920-е гг. выступил в СССР с серией статей, созвучных сменеховству и призвал к безоговорочному принятию советской власти. Если говорить о политических «кульбитах» бывших депутатов, то, пожалуй, самый замысловатый совершил один из основателей фракции трудовиков, постоянный критик кадетов «слева», профессор Т.М. Локоть (Полтавская губ.). Перейдя до революции 1917 г. на позиции националистов, в изгнании он даже принял участие в работе Рейхенгалльского съезда монархистов и Карловацкого церковного собора, объединивших самые правые элементы российской эмиграции¹⁷.

После победы большевиков почти четверть бывших депутатов I Думы была вынуждена покинуть Родину. Это был, без сомнения, политический и интеллектуальный ее актив, в основном те, кто представлял деятельных политических противников большевизма, а также просто с точки зрения господствовавшей в СССР идеологии «эксплуататорские классы». Для некоторых их активная политическая жизнь не закончилась и за границей. Средством объединения разных кругов эмиграции служили на первых порах многочисленные обще-

¹⁶ *Баканов В.* Миротворец немирного времени // *Магнитогорский металл*. 2006. 4 апреля.

¹⁷ *Иванов А.* Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // *Фонд Имперского возрождения [Электронный ресурс]* – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.fondiv.ru/articles/290/>

ственно-политические форумы и организации, в которых бывшие первоумцы играли отнюдь не последнюю роль. Так, в создании правоцентристского «Русского парламентского комитета за границей» участвовали В.Д. Кузьмин-Караваев и Е.И. Кедрин. Одним из активных участников в значительной мере противостоящего ему «слева» совещания членов Учредительного собрания (январь 1921 г.) являлся М.М. Винавер. В работе Русского совета в Константинополе, рассматривавшемся П.Н. Врангелем как будущее правительство свободной России, участвовали И.П. Алексинский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.Д. Долгоруков, Н.Н. Львов. Председателем Русского политического совещания в Париже был в 1918–1919 гг. Г.Е. Львов. Участником правомонархического съезда в Рейхенгалле помимо Т.М. Локотя являлся С.Т. Варун-Секрет. Последние, впрочем, не играли там активной роли и были чужды царистско-реставрационным настроениям большинства. Провалом закончилась попытка Варун-Секрета создать там Русскую национал-демократическую партию¹⁸.

Находясь в эмиграции, бывшие парламентарии также руководили редакциями эмигрантских газет и журналов, преподавали в высших учебных заведениях, предназначенных для выходцев из России, возглавляли и сотрудничали в общественных культурных и благотворительных учреждениях, материально и морально поддерживавших россиян в изгнании.

Большинство из тех, кто остался в СССР (и не умер до начала 30-х гг.) не пережили сталинских репрессий. Причем арестам и расстрельным приговорам подлежали не только кадеты, по определению принадлежавшие к «остаткам эксплуататорских классов», но и бывшие крестьянские депутаты – трудовики, которых в Советской России осталось куда больше. Едва ли не целенаправленная чистка депутатов «парламента врагов народа» (сталинское определение I Думы) началась в конце 1920-х – начале 30-х гг. и была связана с коллективизацией и политическими процессами технической и научной интеллигенции. Поскольку времена тогда еще были, перефразируя А. Ахматову, «полувегетарианские», то дело ограничивалось трех-пятилетними сроками заключения, ссылкой или высылкой в качестве «раскулаченных», в отдельных случаях даже прекращением судебного преследования. Всего по материалам сайта «Жертвы политического террора в СССР» таковых случаев можно насчитать 13, но это далеко не полная статистика. Лишь одно дело тогда закончилось расстрелом обвиняемого: бывший депутат от Нижегородской

¹⁸ *Кирьянов И.К.* Указ. соч. С. 214–219.

губернии зажиточный крестьянин-единоличник В.П. Филатов (принадлежал до революции к партии правового порядка) получил «высшую меру» по статье 58 ч. 10, 11, 13 УК РСФСР (в редакции 1926 г. – передача сведений, не подлежащих разглашению; борьба с революционным движением «при царском строе» и антисоветская пропаганда и агитация). Последняя, очевидно, имела место при антиколхозных волнениях и повлекла за собой столь суровый приговор.

В конце 1930-х гг. почти все вердикты Военной коллегии Верховного суда или «троек» в отношении первоумцев заканчивались смертными приговорами. Излюбленным определением по все той же 58 статье являлось «руководство либо участие в контрреволюционных организациях», по отношению к бывшим трудовикам почти всегда «эсеровских». Разумеется, подобные дела фабриковались и ничего общего с действительностью не имели. Местные органы НКВД были прекрасно осведомлены о прошлом многих тогдашних «колхозников». Кроме того, сами бывшие депутаты являлись людьми выдающимися, представляли собой старый тип «ходовков за мир». В этих условиях именно они были первыми кандидатами на роль опасных «врагов народа», учитывая спускаемые сверху плановые показатели по проведению репрессий.

То, каким образом фальсифицировались тогда дела «врагов народа», наглядно демонстрирует судьба бывшего казанского депутата, крестьянина, народного учителя и селькора центральных и местных газет И.Е. Лаврентьева. У себя в селе он к тому времени заведовал избой-читальней и слыл местным грамотеем, «справочным бюро», как называли его односельчане. Он и раньше попадал в поле зрения «органов», но в 1931 г. был освобожден по ходатайству В.И. Фигнер, имение которой до революции находилось в Большом Фролове. Но в 1937 г. и это помочь не могло. Местным чекистам понадобилась крупная сельская контрреволюционная организация, и они ее «нашли». Не обошлось без осведомителей, стукачей, которые передали в НКВД содержание некоторых неосторожных разговоров в избе-читальне. Тут же в село из райцентра приехали две грузовые машины, в которые погрузили едва ли не всех постоянных посетителей сельской библиотеки. Местного председателя сельсовета и некоторых жителей под угрозой расправы заставили подписать заранее составленные чекистами показания, а остальное было делом отработанной техники. Обвинительное заключение по делу о «контрреволюционной эсеровской повстанческой группе в Тетюшском районе», состоящей из пятнадцати человек, было утверждено 11 декабря, а уже 13 декабря 1937 года все они были осуждены тройкой НКВД ТАССР к «высшей мере социальной защиты» и спустя четы-

ре дня расстреляны в райцентре Куйбышеве (ныне Болгар)¹⁹.

Тут хоть был какой-то повод, «оперативная разработка», как это именуется в соответствующих органах. В других случаях просто арестовывались ничем не примечательные и не выдающиеся люди, вся вина которых состояла в их думском прошлом. Кому могли помешать скромный сапожник из с. Орловка Тукаевского района Татарской АССР И.Д. Бычков или продавец ларька из п. Называевка Омской области Т.В. Алексеев, не будь они когда-то депутатами-крестьянами от Уфимской и Тобольской губерний соответственно. В их расстрельных приговорах значится все та же ст. 58 п.10 (руководство или участие в контрреволюционных организациях). О целенаправленности репрессий по отношению к бывшим думцам, вероятно, может говорить такой, например, факт. Бывший мулла, ахун г. Белебея, депутат Думы от Уфимской губернии Я.Х. Хурамшин к 1937 г. работал дежурным охраны артели им. А. Бабаева не где-нибудь, а в Ташкенте (можно предположить, что оказался он там намеренно, из желания «затеряться», как делали тогда некоторые). Но «карающий меч советского правосудия» нагнал его и здесь. Вызывает при этом удивление, правда, формулировка приговора – «участие в контрреволюционной военно-троцкистской организации». Или следователи проявили вопиющую некомпетентность, или упомянутое предположение было не совсем верно, и мулла просто «пошел» за компанию с другими артельцами.

По сравнению с периодом начала 1930-х гг. новый виток политических чисток отразился на судьбах думцев куда трагичнее. Всего за период 1934–1940 гг. репрессиям были подвергнуты самое малое 25 человек, из которых, по крайней мере, 17 расстреляны или умерли в тюрьме. Из них только бывших кадетов С.А. Котляревского, Д.И. Шаховского, П.А. Садырина, трудовиков Ф.М. Онипко и И.И. Субботина, представителей национальных движений Я.Я. Тыниссона и А.Н. Букейханова можно отнести к думскому и вообще политическому активу, остальные в массе обычные депутаты-крестьяне, принадлежавшие к трудовой группе. Помимо упомянутых Т.В. Алексеева, И.Д. Бычкова, И.Е. Лаврентьева, Я.Х. Хурамшина к «высшей мере» были приговорены крестьяне-перводумцы В.Ф. Врагов (Пензенская губ.), И.В. Замыслов (Костромская), М.А. Меркулов (Курская), Д.Н. Немченко (Томская), М.Е. Семенов (Могилевская), Ш.Х. Хусаинов (Вятская)²⁰. Вхождение стран Прибалтики и части

¹⁹ Степанов А. Крестьянский депутат // Республика Татарстан. 2008. 18 сентября.

²⁰ Здесь и ранее по материалам сайта: Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://lists.memo.ru/>

Польша в состав СССР обернулось трагедией для значительной части местной элиты. В числе других был арестован упоминаемый Я. Тыниссон. Дальнейшая судьба его неизвестна. Предполагают, что он был расстрелян или умер в тюрьме. В своем имении вместе с родственниками, членами просоветского деревенского комитета, был убит Р.А. Скирмунт. Существует версия, что к этой бессудной расправе имело отношение НКВД.

В любом терроре есть доля иррациональности. Этот постулат демонстрирует судьба тех бывших депутатов, кто сумел пережить сталинские репрессии. Так, представитель Ярославля в Государственной Думе К.Ф. Некрасов после Октябрьской революции работал в отделе охраны памятников искусства и старины, потом в финансовых органах. Умер в 1940 г., возвращаясь с отдыха на черноморском побережье. Возможно, в данном случае сыграло роль его родство с почитаемым в советские времена как революционер-демократ Н.А. Некрасовым (он был племянником поэта)²¹. Для енисейского депутата С.А. Ермолаева такой охранной грамотой стало, вероятно, знакомство с В.И. Лениным. Как местный волостной заседатель он должен был «приглядывать» в шушенской ссылке за будущим вождем пролетариата, постоянно бывал с ним на охоте и даже выступал как поручитель (свидетель) на свадьбе с Н.К. Крупской. Последняя похвалила ему несколько критических строчек в своих воспоминаниях, дав, в частности, такую характеристику: «Заседатель – местный зажиточный крестьянин больше заботился о том, чтобы сбыть нам телятину, чем о том, чтобы его ссыльные не сбежали»²². В Гражданскую войну он поддерживал белоказаков. В период коллективизации Ермолаев получил условный срок, в 1935 г. был арестован вновь, но дело прекратили без предъявления обвинения. После войны даже хлопотал о назначении персональной пенсии, в качестве заслуг в борьбе с царским режимом выдвигая подписание Выборгского воззвания и знакомство с Лениным²³.

Подобных плюсов не имел депутат от Ярославской губернии Д.А. Скульский, а был, наоборот, большой минус в виде его службы до избрания в Думу судебным следователем, но и он сравнительно легко отделался в годы репрессий, когда люди получали уголовные сроки и за меньшее. Будучи арестован и приговорен в 1930 г. по 58

²¹ Некрасовы из Карабихи [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.sudar-mb.narod.ru/page/book8/page7.htm>

²² Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1988. С. 24.

²³ Карпович Т.Н. Человек двух эпох [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Karpovich/0.htm>

статье, он получил «всего» 5 лет, большую часть из которых благополучно проработал юристконсультантом в управлении строительством Беломорско-Балтийского канала. В отличие от известного кадета Н.В. Некрасова, который даже был награжден орденом за работу в том же управлении, но не избежал расстрела, он более не привлекался и умер своей смертью в родном Рыбинске в период Великой Отечественной войны. Пожалуй, наиболее благополучно сложилась жизнь у упомянутых академиков Л.Н. Яснопольского и З.Г. Френкеля (депутаты от Полтавской и Костромской губерний). Не испытав ни горечи эмиграции, ни мученичества репрессий, они получили заслуженное признание и статус светил науки в СССР. Захарий Григорьевич Френкель, пережив блокаду Ленинграда, скончался в 1970 г. на 101-м году жизни²⁴. Он умер, очевидно, последним из выдающейся плеяды депутатов Думы «народных надежд».

Судьбы переводимцев после июля 1906 г., их вклад в самые разнообразные сферы жизни российского общества еще раз подтверждают самые блестящие оценки депутатского корпуса Думы первого созыва, от которой, как надеялись избиратели, зависит будущее страны в целом. Депутаты представляли собой в большинстве, даже если не брать в расчет отличий в уровне образования, социальной принадлежности, тип активных, идейно ориентированных личностей, нацеленных проявить себя на общественном поприще. Это была, без сомнения, политическая, культурная, научная и общественная элита России начала XX века.

В.Г. АФАНАСЬЕВ, Т.В. ПЛЮХИНА

Горные инженеры – депутаты Государственной думы Российской империи

Среди депутатов Государственной думы разных созывов оказалось и несколько горных инженеров. Их относительно небольшая численность – всего 6 человек, во-первых, объясняется тем, что ко времени начала работы I Думы в стране было только два высших специализированных учебных заведений – столичный Горный институт, основанный еще в 1773 г. Екатериной II и открытое в 1899 г. высшее горное училище в Екатеринославе, преобразованное в 1912 г. в Екатеринославский горный институт. Кроме них небольшое количество

²⁴ См. подробн.: *Щербо А.П.* З.Г. Френкель – очерк незаурядной жизни. СПб., 2008.

специалистов горного дела выпускали еще несколько кафедр других вузов России. Эта особенность подготовки горных инженеров отразилась и на том, что среди 6 депутатов всех созывов 5 человек были выпускниками Санкт-Петербургского Горного института. Во-вторых, для горных инженеров приоритетным было решение производственных вопросов, а не активное участие в политической жизни России, поэтому участие в избирательных кампаниях и последующее освобождение от работы воспринималось ими с большой неохотой. Наконец, нельзя не отметить, что значительная часть горных инженеров работала в горнодобывающих районах, расположенных на значительном удалении от центра России и там активность думских избирательных кампаний проходила в более спокойной обстановке.

Тем не менее в I Государственную думу оказались избранными два горных инженера. В числе трех депутатов от Олонецкой губернии в ней оказался инженер, заведующий механическим цехом Александровского завода Александр Владимирович Африкантов (1871–1909)¹. Судьба его сложилась необычно. Так, до того как стать горным инженером, он закончил кадетский корпус, а затем Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Казалось бы, ему обеспечена блестящая карьера офицера, но желание продолжать военную службу отпало у него после нескольких столкновений с начальством. Можно предположить, что конфликты происходили на почве различия политических и морально-нравственных взглядов. После этого Африкантов вышел в отставку и поступил в Екатеринославское высшее горное училище. Став горным инженером, он оказался на Александровском заводе Олонецкой губернии². Во время революционных событий 1905 г. Африкантов выступил одним из инициаторов создания кадетской группы. Отметим и то, что депутатом Думы он стал при счастливом стечении обстоятельств – из-за равенства голосов с двумя другими претендентами на думское место, он получил мандат депутата по жребию. После роспуска I Государственной думы Африкантов вернулся в Петрозаводск и продолжал работать на производстве до своей преждевременной кончины.

Вторым горным инженером, депутатом I Думы стал избранный от Пермской губернии Василий Николаевич Грамматчиков (1865–1938)³. Начало его жизненного пути было довольно предсказуемо,

¹ Африкантов Александр Владимирович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 28.

² Первые народные представители. Биографии бывших членов Государственной думы. СПб., 1906. С. 201.

³ Грамматчиков Василий Николаевич // Государственная дума Российской империи. С. 146.

поскольку он являлся представителем пятого поколения династии горных инженеров Грамматчиковых на Урале. После окончания реального училища он поступил в Петербургский горный институт, который закончил в 1887 г. После этого он 19 лет трудился на Урале в должности управляющего Кизеловским заводом, а затем и управляющим Кизеловскими каменноугольными копями княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой. В 1899 г. он встречал, сопровождал и принимал Д.И. Менделеева во время его поездки в район Кизела и, ознакомившись с положением дел на месте, великий ученый дал высокую оценку увиденного им состояния находящегося в подчинении Грамматчикова горнозаводского хозяйства, которое было одним из лучших на Урале⁴.

Избрание Грамматчикова депутатом Думы было далеко не случайным делом, поскольку кроме репутации высококвалифицированного специалиста он в 1890–1916 гг. был бессменным председателем Кизеловского общества потребителей и членом попечительского совета Соликамской женской прогимназии. Став депутатом, он вошел в группу партии демократических реформ и принимал участие в работе самой главной в то время думской аграрной комиссии. После роспуска Думы Грамматчиков до 1917 г. продолжал работать в прежней должности, не забывая и об активной общественной деятельности. Так, он в 1909–1917 гг. был гласным Соликамского уездного и пермского губернского земских собраний.

Приход большевиков к власти создал ему большие трудности, поскольку наиболее крупные горные предприятия были национализированы, а он был направлен на строительство электростанции в г. Воткинск. Весной 1919 г. он вернулся в Пермь, который контролировался войсками Колчака и покинул город вместе с ними, эмигрировав в китайский Харбин. Там ему удалось устроиться на работу по специальности – инженером горных разработок. В 1931 г. он тяжело заболел и практически был прикован к постели.

В 1934 г. В.Н. Грамматчиков в Харбине познакомился с известнейшим философом и художником Н.К. Рерихом. В опубликованном впервые в 1995 г. очерке «Семидесятилетие» он писал: «Подумать только, быть привязанным к постели, в постоянных страданиях и при этом сохранять всю тонкость и возвышенность мысли. Это прямо удивительно. Все должны запомнить, что существует внутренний светлый огонь, который среди всех горестей и трудностей хранит ту необычайную свежесть и убедительность мысли, которую Вы обладаете. Ваш пример для каждого разумного человека является самым

⁴ См.: Менделеев Д.И. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 538–546.

убедительным в том, что не о хлебе едином жив будет человек... Когда меня спросят, как же дает дух неистощимую силу и телу, я скажу: побеседуйте с моим другом Грамматчиковым и Вы почувствуете все значение духовных проникновений. Потому-то я приветствую Ваше семидесятилетие не как обычную выслугу лет, но как необычайную заслугу горения духа на благо человечества»⁵.

Выборы во II Государственную думу России прошли в начале 1907 г. по тем же правилам, что и в первую, т.е. по куриям, с сохранением многоступенчатости и в обстановке все еще продолжавшейся революции. В то же время их особенностью было то, что в них, в отличие от выборов в первую Думу, приняли участие все политические партии. Всего во вторую Думу было избрано 518 депутатов. Среди них было два горных инженера – Владислав Владиславович Жуковский (22.10.1860, д. Богдановка кременецкого у. – 12.9.1916, Петроград), избранный от Петроковской губернии Царства Польского⁶ и Лазарь Германович Рабинович (1866 – ?), ставший одним из 9 депутатов от Екатеринославской губернии⁷.

Отметим, что ко времени избрания оба обладали не только знаниями, но и богатым жизненным опытом и хорошо зарекомендовали себя талантливыми организаторами в области промышленности. После окончания гимназии в г. Немирове В.В. Жуковский поступил на физико-математический факультет Варшавского университета, а в 1882 г. перешел на учебу в Петербургский Горный институт. Этот переход был вызван быстро развивающейся в Польше угольной и горной отраслями промышленности, что требовало их обеспечения высококвалифицированными кадрами, поэтому в Горном институте со второй половины XIX в. обучалось много поляков.

Жуковского еще в студенческие годы интересовали не только узко профильные вопросы горного дела, но и широкие проблемы экономики, поэтому он совмещает учебу с написанием статей на эти темы в издававшемся не только известным столичным адвокатом, но и разносторонне образованным человеком В.Д. Спасовичем польском журнале «Край». Журналистика и после окончания Горного института в 1887 г. некоторое время продолжала оставаться главным занятием Жуковского и только в 1890 г. он записал в дневнике,

⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. М., 1995. Т. 1. С. 394, 396. Отметим, что в примечании к этому очерку ошибочно указано, что он посвящен Николаю Васильевичу Грамматчикову (1908–1988), который в период написания очерка участвовал в Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха в возрасте 27 лет (Там же. С. 649).

⁶ Постников Н.Д. Жуковский Владислав Владиславович // Государственная дума Российской империи. С. 193.

⁷ Рабинович Лазарь Германович // Там же. С. 515.

что «центр тяжести материального существования передвигается понемногу с редакции «Края» на почву добавочных доходов, которые, впрочем, в этом году не превысят 1 280 рублей»⁸.

Улучшение его материального положения связано с тем, что после получения диплома горного инженера он был направлен в распоряжение Сосновицкого общества каменноугольных копей, рудников и заводов. Хорошо зарекомендовав себя, в 1891 г. Жуковский стал членом правления этого общества. Еще большие возможности открылись перед ним, когда в 1895–1905 гг. он перешел на работу на одно из самых прибыльных предприятий тяжелой промышленности того времени – Брянский рельсопрокатный и механический завод, сначала на должность главного инженера, а через некоторое время стал его директором. С этого времени началось налаживание тесных связей Жуковского с деловыми кругами Петербурга. В 1898 г. столичная Постоянная совещательная контора железозаводчиков командировала его в Германию и Австрию для изучения опыта взаимоотношений между работодателями и рабочими.

Во время пребывания за границей у Жуковского обострился интерес к актуальным во все времена социально-экономическим проблемам, и через несколько лет после возвращения в Россию он оставил руководство Брянским заводом, хотя мог бы быстро добиться миллионного состояния. В то же время в полной мере раскрылись его большие организаторские способности. Он выступил одним из инициаторов создания Совета Съезда представителей промышленности и торговли России и вместе с другим выпускником Горного института Н.С. Авдаковым превратился в одного из его руководителей. Таким образом, Жуковский ко времени избрания во II Государственную думу пользовался большим авторитетом в деловых кругах России.

Второй ее депутат из числа горных инженеров Л.Г. Рабинович был сыном купца второй гильдии. Уроженец г. Каменец-Подольска, после окончания реального училища в Белой Церкви, он в 1878–1884 гг. учился за свой счет в Горном институте, после чего был направлен на шахты Донбасса. Уже в первые годы работы проявились его организаторские способности и потому он стал исполнительным директором ряда частновладельческих шахт. Однако Рабинович обладал не только талантом администратора, но и значительными материальными средствами, доставшимися от отца. Удачное сочетание этих особенностей привело к тому, что он выступил в роли одного из кредиторов не менее перспективной западной части Донбасса, вложив значительные средства в реконструкцию шахты «Гру-

⁸ Памяти Владислава Владиславовича Жуковского. Пг., 1917. С. 7.

шевский антрацит», а также стал председателем правления Донецко-Грушевского общества каменноугольных и антрацитовых рудников, Общества цементных заводов «Гранулит». Со временем Рабинович стал активным членом Союза Съездов горнопромышленников Юга России, основанного в 1874 г. Отметим, что его председателем в 1900–1905 гг. был талантливый сторонник консолидации действий предпринимателей России, член Государственного Совета горный инженер Н.С. Авдаков. Большую известность Рабиновичу принесло ему и то, что он был одним из основателей частного Политехнического института в г. Екатеринославе, что не могло не сказаться на выборах во II Думу.

Став депутатами, Жуковский и Рабинович определились относительно принадлежности к той или иной фракции. Их выбор носил вполне предсказуемый характер. Если Рабинович стал членом второй по численности после трудовиков фракции кадетов, то Жуковский вошел в одну из национальных групп – польское коло. Эта группа в составе 46 депутатов выражала в основном интересы польских промышленников и финансистов и включала в себя представителей различных польских национальных политических партий, объединенных единой фракционной дисциплиной.

Жуковский и Рабинович приняли активное участие в деятельности думских комиссий. Оба они входили в состав финансовой комиссии и комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Кроме того, Жуковский участвовал в работе бюджетной комиссии, которая на своих заседаниях и в подкомиссиях рассмотрела 34 сметы и 57 представлений по проблемам кредитования, а Рабинович был членом комиссии по вопросам о помощи безработным⁹.

Однако на этом сходство заканчивается, поскольку роль этих депутатов в работе Думы была различна. Дело в том, что Жуковский, во-первых, 16 апреля 1907 г. сменил Н.Н. Кутлера в качестве председателя финансовой комиссии, поскольку тот возглавил одну из важнейших комиссий Думы – аграрную. Во-вторых, Жуковский запомнился депутатам Думы своими яркими выступлениями как раз в качестве руководителя финансовой комиссии.

Так, выступая на 14-м пленарном заседании Думы 22 марта 1907 г. в прениях по вопросу о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов он произнес слова, которые актуальны и в наши дни: «Централизация вообще, а в особенности централизация хозяйствования, вышла для России слишком дорога. Ей не по силам удовлетворение местных интересов, и правильная програм-

⁹ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 8, 49, 57.

ма в этом деле могла бы быть проявлением и организацией местных сил, обеспечением их настоящего участия, настоящего влияния на хозяйственные вопросы не в виде тех или иных добровольцев... ходатайствующих за местные интересы, а в виде организованного представительства общественных народных сил на месте... Не путем нового обложения народной нищеты, не путем экономии для народных нужд, но привлечением общественной инициативы, творческой мысли и производительного труда всех местных органов самоуправления, путем децентрализации казенного хозяйства может создаться подъем экономических сил страны и действительная финансовая помощь государства»¹⁰.

Не менее ярким было его выступление на 51-м пленарном заседании Государственной думы 29 мая 1907 г.: «Создать налоговую систему, господа, очень трудно; сделать ее каким-нибудь обобщением сразу весьма неправильно, еще более неправильно следовать за существующей практикой, не касаясь ее. Поэтому я полагаю, что путь, избранный финансовой комиссией, есть путь в данном случае правильный:... надо постараться найти тот деловой путь улучшений, который приведет громадную налоговую систему к постепенному исправлению – это есть постепенное искание правды деловым способом и это имела в виду финансовая комиссия»¹¹.

Необходимо отметить работу Жуковского в качестве члена бюджетной комиссии, который входил в состав некоторых из 8 подкомиссий и отличался заметной активностью. Так, рассмотрение сметы Горного департамента было поручено возглавляемой им 7-й подкомиссии. Как специалист горного дела, он детально проанализировал представленный документ и от имени подкомиссии сформулировал ряд проблемных вопросов. В отношении нефтяной промышленности ими были: «Имеет ли правительство какую-либо программу действий в деле будущего снабжения нефтяной промышленности землями и, если да, то какую? Как велики резервы казенных нефтеносных земель, которые могут поступить в распоряжение нефтяной промышленности и не представляется ли своевременным приступить к поискам и разведкам новых земель для образования достаточного фонда годных для эксплуатации казенных земель? Признает ли правительство целесообразным получать с арендаторов казенных нефтяных земель причитающуюся казне долю добычи натурой, а не деньгами?»¹².

¹⁰ Государственная дума. Второй созыв. Стенографический отчет. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 926, 928.

¹¹ Там же. Т. 2. Стб. 1474.

¹² Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 32–33.

Не менее обстоятельными были вопросы о деятельности казенных горных заводов: «Как предполагает правительство разрешить вопрос о наделении заводского населения на Урале землей? В виду несомненной убыточности казенного заводского хозяйства, при теперешней постановке предполагает ли правительство развивать находящиеся в его ведении заводы путем улучшения их оборудования или же часть заводов передать в частные руки или в заведование рабочих, оставив за собой заводское производство, связанное с вопросами государственной обороны? Чем объясняются неудовлетворительные результаты работы казенных заводов?»¹³.

Понятно, что, являясь выразителем интересов крупного промышленного капитала, тем не менее, Жуковский в центр внимания ставил вопросы не личного обогащения, а громадного государственного значения промышленности и в первую очередь базовых ее отраслей. Этот настрой для него был определяющим и в последующие годы. Один из его сподвижников по работе А. Коновалов отмечал, что, определяя духовный облик Жуковского «нельзя не отметить еще одной крупной черты, выделяющей его среди общественных деятелей. Это необыкновенное чувство личной ответственности в выполнении принятых на себя общественных обязательств. Для него общественная работа не была делом карьеры, не была делом тщеславия, не была она для него актом политического расчета. Это было сознательное выполнение своего долга, обнаруживавшее необыкновенную дисциплину воли и мысли»¹⁴.

Как же сложилась их судьба после того, как на основании надуманного повода об участии 55 депутатов в заговоре против царской семьи и лишения 16 из них депутатской неприкосновенности, Николай II 3 июня 1907 г. объявил о роспуске II Думы и изменении избирательного закона?

В 1907 г. Жуковский был избран депутатом III Государственной думы также от Петроковской губернии Царства Польского. Он был членом бюджетной и финансовой комиссий, а также членом временной комиссии по торговле и промышленности. По-прежнему отличаясь ответственностью и активностью, он принимал участие в работе пленарных заседаний Думы. Что касается представленных о себе сведений, то он сообщил, что является членом правления Сосновицкого каменноугольного общества, а его годовой заработок составляет 20 тысяч рублей в год¹⁵. Отметим, что это был очень высокий доход, поскольку среднегодовая заработная плата наиболее

¹³ Там же. С. 33–34.

¹⁴ Памяти Владислава Владиславовича Жуковского. С. 16.

¹⁵ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия 1. СПб., 1908. С. 26, 38, 134.

высокооплачиваемых рабочих, занятых обработкой металла, составляла в 1910 – 1912 гг. от 380 до 400 руб.¹⁶.

Вскоре после начала первой мировой войны Жуковский выступил с инициативой создания военно-промышленных комитетов. В 1915 г. он стал председателем Центрального военно-промышленного комитета, проявив в этом качестве свои лучшие способности. Необходимо отметить и то, что с началом войны Жуковский занялся активной благотворительной деятельностью. Он являлся членом Комитета по оказанию помощи жертвам военных действий имени великой княжны Татьяны, был одним из создателей Польского общества помощи жертвам войны, входил в состав польского Центрального гражданского комитета¹⁷. Жуковский умер 30 августа (ст. ст.) 1916 г. и об его кончине сообщили многие центральные газеты. Заслуживает внимания, что в «Биржевых ведомостях» были помещены слова Жуковского о том, что «новый дух в экономической жизни России должен сказаться не в огосударствлении новых предприятий и новых областей народного труда, а совершенно напротив – в освобождении хозяйственной личности, в поддержке общественного почина и в свободе организаций»¹⁸. В 1925 году прах Жуковского был перенесен в Польшу¹⁹.

Что касается Рабиновича, то он продолжал заниматься коммерческой деятельностью вплоть до прихода большевиков к власти. После революции 1917 г. и поражения Белой армии он не эмигрировал, как часть специалистов горной промышленности, а остался в Донбассе, поскольку не мог оставить мать и больную сестру. В период восстановления угольной промышленности бассейна он принимал активное участие в решении многих технических вопросов – в 1920-х гг. в качестве председателя Научно-технического совета каменноугольной промышленности ВСНХ СССР, председателя промышленной секции Госплана СССР²⁰. Однако это не спасло его от ареста в 1928 г. по «шахтинскому делу». Он был осужден на 6 лет лишения свободы со строгой изоляцией с последующим поражением в правах на три года²¹. Точная дата его смерти неизвестна. Предполагается, что он умер около 1934 г.²².

¹⁶ Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 313.

¹⁷ Постников Н.Д. Указ. соч. С. 194.

¹⁸ Биржевые ведомости. 1916. 31 августа.

¹⁹ Постников Н.Д. Указ. соч. С. 194.

²⁰ Рабинович Лазарь Германович // Государственная дума Российской империи. С. 515.

²¹ Беляков Л.П., Заблоцкий Е.М. Рабинович Лазарь Григорьевич // Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999. С. 260. Авторы статьи ошиблись в отчестве, правильно – Германович.

²² См.: Заблоцкий Е. О положении евреев в царской России по материалам архива Горного департамента. Евреи – горные инженеры [Электронный ресурс] –

Кроме В.В. Жуковского, другим горным инженером был депутат III Государственной думы от Оренбургской губернии Иван Корнильевич Покровский (1845–?). Сын известного в Челябинске дворянина К.И. Покровского, он в 1866 г. закончил Горный институт и был направлен на горные предприятия Урала, но в 1870 г. вышел в отставку и занялся бизнесом. Являясь вместе с братом Владимиром собственником наследованного от отца прибыльного винокуренного завода и 3,5 тыс. десятин земли в Челябинском уезде, он владел небольшими золотыми приисками и доходными домами. Наряду с этим Покровский получил широкую известность в местных кругах, занимаясь активной благотворительной деятельностью. Так, в 1900 г. он состоял членом попечительского совета женской прогимназии, а после ее реорганизации – женской гимназии. Кроме того, с 1881 г. он был почетным смотрителем 2-го мужского приходского училища, а через десять лет стал почетным блюстителем 1-го городского, а после его преобразования – высшего начального училища. 26 апреля 1898 г. Покровский был избран почетным членом Общества попечения о начальном образовании в Челябинске. Отметим и то, что он неоднократно получал благодарности попечителя Оренбургского учебного округа за значительные денежные пожертвования на развитие учебных заведений Челябинска. Что касается его депутатской деятельности, то он был членом двух комиссий – продовольственной и весьма актуальной в свете аграрных преобразований, инициированных П.А. Столыпиным, по переселенческому делу²³.

Наконец, депутатом III и IV Государственной думы от Пермской губернии был сын потомственного дворянина, двоюродный брат писательницы З.Н. Гиппиус горный инженер Василий Александрович Степанов (1872–29.8.1920)²⁴. По окончании 1-й Тифлисской гимназии он в 1890 г. поступил в Петербургский университет, но, проучившись там два года, перешел в Горный институт, который закончил в 1897 г. Проработав некоторое время на угольных копях Донецкого бассейна и рудниках Кривого Рога, в дальнейшем служил на горных предприятиях Урала. Показав хорошие профессиональные и организаторские способности, Степанов последовательно занимал ряд административных должностей, являясь директором Богословского горнозаводского общества, членом Совета Русского общества пароходства и торговли.

Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer14/Zablocky1.htm>

²³ Лоскутов С.А. Покровский Иван Корнильевич // Государственная дума Российской империи. С. 466; Челябинск. Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 635.

²⁴ Николаев А.Б. Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи. С. 589.

Став осенью 1907 г. депутатом III Государственной думы, он вошел в конституционно-демократическую фракцию, показав себя активным депутатом. О его активности свидетельствует то, что он был членом целого ряда комиссий: бюджетной, от которой он выступал докладчиком, а также по рабочему вопросу, для приемки части Таврического дворца, о путях сообщения, согласительной по законопроекту о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и членом их семей. Отметим, что характерной чертой Степанова была настойчивость в отстаивании вносимых предложений. Так, в III Думе он только по рабочему вопросу выступал 67 раз. Нет ничего удивительного в том, что в 1908 г. он был кооптирован в члены ЦК конституционно-демократической партии.

20 октября 1912 г. Степанов был избран в IV Государственную думу и, также как в предыдущей Думе, входил в конституционно-демократическую фракцию, являясь ее секретарем. Он был членом ряда комиссий Думы: бюджетной, по рабочему вопросу, в которой с 2 декабря 1916 г. был товарищем председателя, о путях сообщения, финансовой, по военным и морским делам, а также для составления проекта всеподданнейшего адреса и неоднократно выступал докладчиком от некоторых комиссий.

После Февральской революции 1917 г. его активность не только не уменьшилась, но, наоборот, приобрела еще более яркий характер. В качестве комиссара Временного комитета Государственной думы он совершал поездки в Петроградский гарнизон, в Царское Село, в Кронштадт, в расположение воинских частей Северного фронта и везде выступал за поддержание боевого духа армии²⁵, за продолжение военных действий. Во время поездок в Богословский горнозаводской округ, на Тамбовские пороховые заводы и другие предприятия, Степанов высказывался за возможность применения репрессий в отношении рабочих. Во время частного совещания членов Государственной думы 20 мая 1917 г. он говорил, что «предъявленные рабочими требования не соответствуют состоянию промышленности и что единственный залог экономического возрождения России — напряжение всех производительных сил страны, и что не может быть допущено ничего, что вело бы промышленность не только к трудно поправимому нарушению, но и к полному разрушению»²⁶.

Пиком карьеры Степанова в 1917 г. было то, что после отставки в мае министра торговли и промышленности А.И. Коновалова обязанности по руководству Министерством были возложены на В.А. Степанова, занимавшего эту должность до 4 июля. В июне

²⁵ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 590.

²⁶ Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1932. С. 65.

1917 г. он представил на рассмотрение Временного правительства проект декларации по экономическим вопросам и пояснительную записку к этому документу. В них подчеркивалось, что «Временное правительство определенно заявляет о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее за войной время. Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет, на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступала. Наконец, переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен... Без иностранной поддержки нам не разрешить великих заданий... Мы должны приложить усилия к привлечению к нам заграничных капиталов... При усвоении принципа регулирования главной опорой, двигательной силой экономики остается по-прежнему начало частнохозяйственное, подчиненное контролю и руководству государственному, но требующее и весьма бережного к себе отношения... Что касается установления особых органов финансового и административного контроля по отдельным предприятиям, то эта мысль должна быть откинута за явной ее утопичностью в условиях русской жизни»²⁷.

Нет ничего удивительного в том, что Степанов крайне враждебно воспринял приход большевиков к власти и с первых же дней принял активное участие в организации офицерских отрядов в Петрограде, снабжении их деньгами для отправки на Дон. «Степанов, — писала впоследствии А.В. Тыркова, — одним из первых понял, что войну эту можно вести только извне. Он горячо доказывал, что необходимо всеми силами поддерживать генералов М.В. Алексева и Л.Г. Корнилова, что надо направить всю энергию на создание Добровольческой армии»²⁸.

С весны 1918 г. он один из основателей «Правого центра», затем вошел в «Союз возрождения России». Кроме того, он являлся одним из руководителей подпольного «Национального центра». Во второй половине 1918 г. Степанов окончательно перебрался на юг и принимал активнейшее участие в деятельности Белого движения под руководством А.И. Деникина, выступая против какого-либо сотрудничества с социалистическими партиями.

В 1920 г. с ним познакомился В.В. Шульгин, который в книге «1920» дал ему краткую, но емкую характеристику: «Я пробовал за-

²⁷ Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 133, 134, 136, 137.

²⁸ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920). М., 1982. С. 43.

жигать фонарь и в роли Диогена искал «человека». В Одессе его не было. И это стало особенно ясно, когда в Одессу приехал В.А. Степанов... Он обладал счастливейшим и ценнейшим свойством возбуждать в других людях энергию мысли. Как-то с ним всегда все «пересматривалось» по существу, так сказать, сначала. Он был отнюдь не революционер, но мозг его всегда был счастливо открыт для новой мысли. Он никогда не застывал и все время эволюционировал в лучшем смысле этого слова. Очень твердый в основном стремлении, он обнаруживал большую гибкость в способах. И отнюдь не в том смысле, что «цель оправдывает средства», а в том, что «суббота для человека, а не человек для субботы»...»²⁹.

Что касается последнего периода его жизни, то в феврале 1920 г. после разгрома армии генерала Деникина, он вначале эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, а затем переехал в Париж, где развернул активнейшую деятельность в поддержку генерала П.Н. Врангеля. Летом 1920 г. Степанов совершил поездку в Крым для того, чтобы проинформировать ближайшее окружение генерала Врангеля о настроениях в парижских политических кругах. Возвращаясь во Францию, он скоропостижно скончался на пароходе «Святой Николай», который совершал рейс из Константинополя в Марсель³⁰.

Таким образом, можно отметить, что все горные инженеры, избранные депутатами Государственной думы разных созывов, не были обычными статистами в общественно-политической и социально-экономической жизни России. Да, у них были свои убеждения, свои представления о жизни, но несомненно одно – вся их практическая деятельность была направлена не столько на удовлетворение личных интересов, сколько на приумножение могущества и процветания России.

М.О. МЕЛЬЦИН

Князь Павел Дмитриевич Долгоруков, депутат II Государственной думы и Учредительного собрания, как мемуарист и публицист

«В Таврическом дворце картина толчеи и сумятицы, которая уже часто описывалась. Толпа и улица завладели зданием. В думском зале уже заседают солдатские и рабочие депутаты. Члены Думы

²⁹ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 303.

³⁰ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 590.

ютятся в маленьких комнатах флигеля. В длинном коридоре, ведущем к нему, еле можно протолкнуться в людской массе, идущей взад и вперед. Колонная зала и другие переполнены – солдаты, штатские. Колонны, стены и полы уже загрязнены. В большом кабинете председателя Думы – думская комиссия по приему арестованных. Нескольким знакомым членам Думы сидят в ней. Все время представители «народа», рабочие, приводят арестованных городских, сановников, министров. Всех более важных арестованных направляют в министерский павильон. Некоторые министры идут со сверточками, с необходимыми под арестом вещами. Некоторые сановники приходят и сами просят, чтобы их арестовали, так как они боятся за свою участь. Не помню, кто стоял во главе дела арестов, кажется, Керенский, назначенный министром юстиции. В маленьких комнатах флигеля только что образовалось Временное правительство. Всюду видна крупная фигура Родзянко. Члены правительства постоянно ходят в колонную залу и во двор говорить приветственные речи войскам, в строю приходившим при своих офицерах, засвидетельствовать свою верность Думе и Временному правительству. С гвардейским экипажем пришел и великий князь Кирилл Владимирович, кажется, накануне, во всяком случае, до отречения государя. Красного банта на нем не заметил. Многие члены Временного правительства и Думы охрипли от постоянных речей. <...> Какой-то непрерывный митинг.

Меня уже тогда с первого дня поразило, что Дума была вытеснена из своего помещения и члены ее, как и члены правительства, ютились во флигеле. Я поздравил Родзянко с той ролью, как мне казалось спасительной, которую он с Думой сыграли, взяв власть, выпавшую из рук государя, и направив революцию в известное русло сформированием правительства. Но тогда же я ему заметил, что мне кажется, что народное представительство напрасно уступает свое помещение и позволяет себя физически оттереть на второй план. «Что же вы хотите делать, – басит он, – я и хотел настоять на своих правах, да ваш же Милюков и другие не поддержали меня и считают, что Дума не должна вступать в конфликт с солдатскими и рабочими депутатами».

И действительно, Милюков, как я потом выяснил, полагал, что Дума сыграла свою роль и, как выбранная по недемократическому закону, не может быть в такой момент авторитетна. Он настаивал на полноте власти Временного правительства и на его решительных действиях. Я не говорю о депутатах-социалистах или о таком мелкопробном демагоге, как Некрасов. Но и большинство других членов Думы было против решительных мер, недостаточно, как мне казалось, понимая, что Временное правительство должно было опираться на выбранную все-таки Думу, чтобы не повиснуть в воздухе. Род-

зянку и меньшинство не сумели отстоять своего мнения и уступили»¹.

С этого описания Таврического дворца в первые дни марта 1917 г. практически начинает князь Павел Дмитриевич свои мемуары, которые написал в Кишиневе в 1926 году, закончив их непосредственно перед тем, как второй раз нелегально проникнуть в СССР, где он через год и был расстрелян. Они называются «Великая разруха» и посвящены 1916 – 1926 гг. – т.е. последнему десятилетию жизни князя, на которое пришлось самые драматические события отечественной истории. Опубликованы они впервые были без малого 40 лет спустя, в 1964 г. в Мадриде, его племянником князем Михаилом Петровичем². К ним были приложены воспоминания о Павле Дмитриевиче его брата Петра Дмитриевича, законченные в Праге в 1944 г. (также за год до попадания их автора в СССР, где он тоже найдет свою смерть). Мадридское издание было практически без изменений воспроизведено в 2007 году в Москве издательством «ЗАО Центрполиграф»³. Об этих мемуарах и пойдет речь в настоящем докладе.

Что касается публицистики, то князь занимался ею с начала XX века⁴, будучи постоянным автором газет «Русские ведомости», «Речь», а позднее – «Свободная речь». Долгоруков никогда не занимал высоких государственных постов, даже в период деятельности Временного правительства. Но он был государственным человеком в том смысле, что осознавал личную ответственность за судьбу России. Его статьи посвящены актуальным вопросам, стоящим в повестке дня. В мирное время Долгоруков писал о проблеме работы учи-

¹ Долгоруков Пав. Дм. Великая разруха: Воспоминания основателя партии кадетов 1916–1926. М., 2007. С. 9 – 11.

² Долгоруков Пав. Дм., кн. Великая разруха. Мадрид, 1964.

³ Долгоруков Пав. Дм. Великая разруха: Воспоминания основателя партии кадетов 1916–1926. М., 2007. (Свидетели эпохи). Отличия от оригинала минимальны: приведение в соответствие с современными грамматическими нормами, крайне скудные примечания, изъятие двух фотографий и добавление одной новой. Но претензии к изданию все равно велики. Некоторые знаки препинания искажают смысл текста, в подписи к одной из фотографий появилась фамилия «Слезберг» (вместо «Слизберг» – такой оригинальный результат приведения к современной орфографии), авторские примечания оказались смешаны с издательскими, а главное – нет ссылки на мадридское издание и вообще никакого указания на источник текста.

⁴ Первой известной публикацией является: Долгоруков Пав. Дм., кн. Необходимость общения учителей между собой и способы его осуществления: Доклад №7 на съезде представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 уч. г. в Москве председателя Правления Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы кн. П.Д. Долгорукова. [М.], 1902. В 1907 г. перепечатано в «Трудах» съезда (Т. 1. С. 298–311).

телей⁵; будучи убежденным пацифистом, он выступал в печати за мир, настолько, насколько это возможно⁶. Но в ситуации войны место пропаганды пацифизма занимала проблема фронта и борьбы⁷. Публицистика была важной составляющей общественной деятельности Долгорукова, выражением его позиции и идеалов⁸. В 1919 г. восемь своих статей, опубликованных с декабря в 1918 г. по июль 1919 г. в Екатеринодаре в «Свободной речи», князь издал отдельной брошюрой⁹.

Квинтэссенцией его позиции во время Гражданской войны стал абзац: «Вопросы федерации или автономии, монархии или республики бесспорно вопросы первостепенной государственной важности и в то же время они могут быть, а иногда и должны быть второстепенными. Первостепенный и первоочередной – различные понятия. Обстоятельства переживаемого времени заставляют отнести эти вопросы на вторую очередь, чтоб не осложнить первоочередной

⁵ Он был председателем Правления Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы и одним из организаторов I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания в 1902/3 г., «Труды» которого издавал и писал к ним вступительную статью: *Долгоруков Пав. Дм., кн.* [Вступление] // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902/3 г. / Сост. под ред. В.М. Евтеева. Издание кн. Пав. Дм. Долгорукова и А.А. Стаховича. М., 1907. Т. 1. С. III.

⁶ Он был председателем основанного им в 1909 г. Общества Мира в Москве и соиздателем одноименного издания, имевшего три выпуска в 1911–1913 гг. Среди его статей, там напечатанных, отметим «Культура и прогресс», «Лев Толстой и Общество Мира» (в вып. I) и «Текущие вопросы пацифизма» (в вып. II).

⁷ В этом смысле характерно выступление на заседании Московского общества мира в поддержку войны (Утро России. 1915. 6 июня) Надо, правда, отметить, что прозвучало это выступление не на завтра после начала войны, а с некоторой задержкой...

⁸ Очень показательно, что князь, убежденный интернационалист, принял участие в сборнике «Щит», посвященном положению евреев: *Долгоруков Пав., кн.* Война и положение евреев // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. Изд. 3-е, доп. М., 1916. С. 88–90. Особое место в его наследии занимает следующий текст: Записка кн. Долгорукова об оценке к.-д. текущего момента, 16.01.1917 // Буржуазия накануне февральской революции / Подг. к печати Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 163–167.

⁹ *Долгоруков Пав. Д., кн.* Национальная политика и партия народной свободы (Екатеринодар, 1918–1919 гг.). Ростов-на-Дону, 1919. Название не должно вводить в заблуждение. Национальная политика в данном случае – это не политика по национальному вопросу, в отношении тех или иных народов. В понимании Долгорукова, национальная политика – противоположность партийной, групповой и т.п. политике. В критический момент нужно оставить все разногласия и объединиться во имя национального интереса.

задачи – подавления большевизма и воссоздания единой России»¹⁰. Вот, в понимании кн. Павла Дмитриевича Долгорукова, истинно национальная политика.

И мемуары он воспринимал тоже как публицистическое произведение. Они посвящены исключительно общественной стороне жизни – все остальное, если и упоминается, то вскользь. В текст мемуаров Долгоруков включил частично или полностью тексты собственных газетных статей, которые составляют чуть ли не 1/5 часть книги. Это и дает основание рассматривать Долгорукова как мемуариста-публициста, не разделяя этих ипостасей. Мемуары Долгорукова написаны как политическое завещание, в них отражена идея – никогда не прекращать попыток отвоевать Россию и вернуть ее к нормальной жизни. Поэтому Долгоруков включил в мемуары именно газетные статьи, которые трудно было бы впоследствии находить и собирать; поэтому он оставляет потомкам характеристики современников, оценки событий, впечатления очевидца и свои размышления об этом.

Стилю Долгорукова присуща лаконичность и документальность. Первое, что бросается в глаза при чтении мемуаров – полная «резвость» автора, отсутствие иллюзий, самоирония. Вот как, например, автор подводит итог своей пропагандистской поездки на фронт в апреле 1917 года: «...окончилась моя поездка на фронт, с речами и уговариванием бережь фронт! Чем я не маленький Керенский? На вокзале меня узнал приехавший тем же поездом солдат, часть которого я посетил. Он меня благодарил, говоря, что очень уж хорошо, благородно все им объяснил, что очень мною солдаты остались довольны. «Куда же едете? – «Домой, на Волынь». – «В отпуск или совсем?» – «Какой отпуск, еду домой. Все едут, чего же мне оставаться. Сказывают – мириться теперь будут».

Очевидно, те, которые говорили менее «благородно», добились более реального успеха, чем я»¹¹.

Еще за полгода до февральской революции на заседании ЦК кадетской партии князь Павел «усомнился в пригодности Львова» к должности премьер-министра. Львов, с которым он работал в японскую войну, запомнился ему «милым, хорошим человеком и авторитетным, талантливым организатором», но казался «политически малоподготовленным и неподходящим человеком». Однако, как пишет далее князь Павел, «На высказанные мной сомнения меня спроси-

¹⁰ Долгоруков Пав. Дм., кн. Обстоятельства места, времени и образа действия // Долгоруков Пав. Д., кн. Национальная политика и Партия народной свободы. С. 4. Статья от 02.12.1918.

¹¹ Долгоруков Пав. Дм. Великая разруха. М., 2007. С. 30.

ли: «Кого же вы бы наметили на роль главы правительства?» Я никого не мог назвать. Помнится, что и другие никого не назвали»¹². Если к Г.Е. Львову он критичен, то при имени Н.В. Некрасова почти терял свою обычную корректность: «Он отвратительно показал себя еще раньше в Думе, некорректно ведя себя по отношению к Милюкову и всей К.-д. фракции, и на последнем съезде партии в Петрограде я с москвичами старался провалить этого негосударственного человека и демагога при выборах в Центральный комитет партии. Но так как петроградцев и провинциалов было более, то он прошел незначительным числом голосов. Когда я убеждал Милюкова баллотировать против Некрасова, то он ответил, что ему неудобно (!), как будто он сводит личные счеты. Не более государственен был и Винавер, когда я возмущался ответом мне Милюкова: «Милюков умный человек, он понимает, что левое течение должно быть представлено в Центральном комитете». Ответ не очень-то любезный по отношению ко мне. Оказался ли он с Милюковым умным, отстаивая такого «государственного» деятеля, показала вся дальнейшая роль и этика Некрасова, бывшего одним из предателей Корнилова»¹³.

С Милюковым князь не согласен по многим вопросам и осуждал его во многом, но отдавал ему должное в вопросе о поддержке Милюковым фигуры великого князя Михаила Александровича. При этом признавал: «Я тоже был тогда не согласен с ним»¹⁴. «Милюков имел мужество отстаивать кандидатуру великого князя и в колонной зале Государственной думы, рядом с Советом рабочих и солдатских депутатов. Я видел, как он, стоя на стуле среди враждебно настроенной толпы, которая кричала и угрожала ему кулаками, смело приводил свои доводы в пользу Михаила Александровича. Когда он кончил, его еле протащили среди возбужденной толпы. Насколько он был не прав, пренебрегая опорой для Временного правительства преемственной властью Государственной думы, настолько он был прав, цепляясь теперь за авторитет преемственного возглавления государства»¹⁵.

Вторая важная черта мемуаров – их незлобивость по отношению к простым людям, в том числе политическим противникам. Русский народ видится Долгорукову как неразумное дитя, доброе и доверчивое, поэтому творящее много бед от непонимания. Большевистских лидеров – Ленина, Троцкого и т.д. – он, разумеется, ненавидит, но рядовые большевики – не враги, а заблудшие... В том числе и соб-

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 16.

ственные тюремщики – хорошие, в сущности, ребята. Однажды пришедшим его арестовывать он сказал: «В отдельности, – говорю, – каждый из вас хороший парень, а как в толпе, да натравят вас начальники ваши, то своих же русских убиваете, как зверей»¹⁶. Своих надзирателей по Петропавловской крепости (он провел в ней с 28 ноября 1917 года до, как он пишет, 19 февраля 1918 года, а в действительности до 4 марта, так как князь продолжал пользоваться старым стилем¹⁷) он описывал почти с симпатией: «Надзиратели были смешанного состава, ставленники Временного правительства, большевиков и несколько еще царских. <...> Остановлюсь кратко на надзирателях из большевиков. Они попали из гарнизона. И если те же разнузданные, кровожадные солдаты, не спаянные дисциплиной, превращаются под влиянием воинской дисциплины в регулярное войско, охраняющее порядок и государство, то даже ослабленный тюремный режим с его обязанностями благотворно влиял на большевиков. В то время как их товарищи были совершенно праздны, грызли семечки, облепляли трамваи и митинговали, эти в известные часы дежурили, разносили обед, кипяток, а главное – несли ответственность не только за надежность нашего заключения, но и за нашу жизнь. Они нас оберегали от кровожадного и праздного многотысячного гарнизона Петропавловской крепости, и им мы много обязаны, наверно, в сохранении нашей жизни. Ничего так не дисциплинирует, как известные обязанности и ответственность. И самые заядлые большевики-надзиратели не были чужды этому влиянию. До нашего заключения, в первые дни революции, солдаты и рабочие ходили по коридорам, входили в камеры, вступали в беседу («Довольно попили нашей кровушки» и т. п.). При мне уже это было устранено, но в январе, после покушения на Ленина, гарнизон крепости освирипел, и жизнь наша была в опасности. Одно дело, когда человек в многоголовой толпе, праздной, опоенной демагогией, другое дело, когда с ним говоришь с глазу на глаз, да еще он обуздан ответственностью и делом.

Припоминается такой случай. Один из надзирателей был матрос-большевик, рыжий, коренастый, завитой, с золотой цепочкой и с кольцами. У заключенных стали пропадать вещи во время прогулок преимущественно во время его дежурств. Мы все его не любили, да и другие надзиратели его недолюбливали. Было предположение, что он обкрадывает заключенных, чтобы одарить свою возлюбленную. Он был угловат и груб. Я себе выписал гуттаперчевый тэб и через

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Самоирония не изменяла ему и здесь: «В отныне, как я шутил, историческую дату 19 февраля состоялось мое освобождение» (Там же. С. 73).

день обливался и мылся в нем. Надзиратели приносили мне ведро горячей воды из кухни и помогали обливаться, за что получали папиросы. В день его дежурства прошу его принести воды. Отказываются: «Мы вам не слуги; прошло время господ и служающих; теперь все равны». — «Не хотите — не надо. А ваши товарищи приносят мне воду; завтра попрошу другого дежурного». — «А меня и не просите, хоть вы и князь». — «Я и не прошу», — сказал я, повернулся и уткнулся в газету. Он постоял, как всегда в шапке, с папиросой в зубах, усмехнулся и вышел, хлопнув тяжелой дверью. Каково же было мое удивление, когда через полчаса он принес мне воды и не только обливал, но и предложил потереть спину. Когда я оделся, он подсел ко мне на кровать и, куря одну за другой мои папиросы, стал меня распространять коммунизмом, а я ему доказывал, что он ведет к порабощению и разорению народа, и ругал его вождей за беззаконие. Мы друг друга не убедили, но отношение было человеческое, а в толпе до такого разговора не дошло бы, и мне не поздоровилось бы от него первого при выяснении взаимоотношений господ и слуг»¹⁸.

Даже когда происходит страшное — убийство А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина — князь вступился за непосредственных убийц, возлагая ответственность на вождей. 8 января 1919 г. в «Свободной речи» он опубликовал «Речь в защиту убийц Шингарева и Кокошкина», которую собирался произнести на суде, если бы таковой состоялась. В ней он указал, что 28 ноября 1917 года декретом за подписью Ленина, Троцкого и других членов Совнаркома Шингарев, Кокошкин и сам он были объявлены вне закона. А «лиц «вне закона», «врагов народа» преследовать и убивать может каждый»¹⁹. Думая об убийцах, князь «старался вникнуть в их психологию. Не были ли они удивлены, озадачены своим заточением? Я представлял себе их возмущение. Не считали ли они, народные «герои», это предательством? Они ведь слушались призыва своих вождей, а те их предали». «И теперь вы, революционные судьи, судите этих слепых, обманутых людей за то, что они вняли призыву своих и ваших вождей»²⁰.

Князь старался сохранять объективность и к большевикам. Он признавал, что и Добровольческая армия была далеко не идеальна, но пытается разобраться, чем же она нравственно превосходила Красную:

«Творились ли зверства в Добрармии? Конечно, да. Трудно, почти невозможно облагородить и регулярную войну, и так называемые правила войны редко соблюдаются. Тем труднее облагородить

¹⁸ Там же. С. 53–54.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Там же. С. 69.

гражданско-партизанскую, худшую из войн. Наряду с героизмом развращение, особенно юношества, огромное. Я сам слышал, как юный доброволец, почти мальчик, товарищ моего племянника, рассказывал, как они приканчивали шашками раненых большевиков: «Вжи, вжи, раздавалось только». Может быть, это было так, а может быть, он только хвастался, но и хвастовство это было отвратительно.

Я описываю это ужасное явление только в Добрармии, потому что повествую только о мною лично виденном. Превосходили ли зверства большевиков количественно и качественно? Не знаю. По слухам и анкетам с нашей стороны – да. Но на войне всегда преувеличиваются злодеяния противника, и у большевиков белый террор изображался куда ужаснее красного. И вот мне кажется, что разница заключается именно в том, что при несомненном наличии неизбежных при гражданской войне зверств, особенно в период разложения армии, в Добрармии не было террора как системы, и неизбежное зло преследовалось высшим командованием, тогда как у большевиков, судя по тому, что я видел еще в Петрограде и Москве, террор возводится в систему, на ней зиждется большевистская власть, которая даже в декретах отдает должное революционному подъему своих адептов, красы и гордости революции»²¹.

Сохранял объективность князь, в том числе, и в трагических обстоятельствах. «Когда было получено известие о расстреле в Москве наших друзей Н.Н. Щепкина, Астровых, Алферовых и других, за их работу в секретном отделе Национального центра, мы устроили в их память торжественное собрание в городской думе.

Велика была наша печаль об утрате наших товарищей. Но теперь, рассуждая хладнокровно, можно ли среди массы невинных жертв большевиков винить их особенно за это убийство? Думаю, что настолько же, насколько в убийстве белых борцов на фронте, насколько вообще убийство в войне допустимо. Мы не знаем подробностей дела, кажется, некоторые пострадали невинно. Но некоторые пострадали за передачу неприятелю (с точки зрения большевиков) сведений и за помощь ему, что карается как шпионаж во всех войнах. Оплакивая доблестную смерть наших товарищей на внутреннем фронте, мы должны смотреть на их смерть... так же, как военные смотрят на естественную смерть своих товарищей в бою»²².

Интересно, что и в отношении его самого его брат тоже пишет нечто похожее: «Какова же была цель этого второго путешествия брата в Россию, предпринятого с таким трудом и с таким риском? После первой неудавшейся попытки проникнуть в Россию он сам

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 116–117.

старался выдвинуть чуть ли не главной побудительной причиной ностальгию, желание на старости лет еще раз взглянуть на родину. После его ареста в Харькове его заграничные друзья также выдвигали этот мотив на первый план, желая смягчить его участь или, по крайней мере, не ухудшить ее. Теперь, по прошествии пятнадцати лет после его смерти... нельзя не признать, что главной и почти единственной целью его стремления в Россию была цель политическая. <...> Чувствуя оторванность русской политической эмиграции от России, он хотел освежить у русской эмиграции чувство Родины. Сознавая отсутствие организованной связи между нами и антибольшевистски настроенной частью русского народа, он считал необходимым завязать и укрепить эту связь. Он понимал, что и эта задача трудная и длительная. Окончательные выводы из своих впечатлений и из его рекогносцировочно-информационного путешествия он сделал бы позже. И лишь потом он, на основании этих выводов, приступил бы сам к выработке тактического плана или предоставил бы это другим»²³. Версия о старике, ушедшем на родину умирать, отвергается почти с негодованием. Дело делать он ходил!

Долгорукову не удалось успешно довершить начатое дело, но оставленное им литературное наследие стало прекрасным памятником его выдающейся личности и исторической эпохи.

А.А. ИВАНОВ

В.М. Пуришкевич: молдаванин? русский? малоросс? поляк? (К вопросу о национальных корнях депутата Государственной думы)

Не будет преувеличением сказать, что правый российский политик Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) являлся одним из самых известных депутатов дореволюционной Государственной думы. Биографических и справочных статей о нем написано на сегодняшний день не так уж и мало, но вместе с тем практически в каждой из них можно встретить распространенное утверждение, что

²³ *Долгоруков Петр Дм.* Князь Павел Дмитриевич Долгоруков: (Биографический очерк, <написанный его братом Петром Дмитриевичем Долгоруковым>) // *Долгоруков Пав. Дм.* Великая разруха. М., 2007. С. 331–332. Угловые скобки поставлены мною – М.М. В мадридском издании слов, заключенных в угловые скобки, в подзаголовке нет.

по национальности своей уроженец Бессарабии Пуришкевич был молдаванином.

Но так ли это? Какие в действительности крови бурлили в жилах этого эксцентричного, неуравновешенного и горячего политика со столь незаурядной для России фамилией? Ответить на эти вопросы во многом позволяют новые источники, опираясь на которые можно внести несколько ярких штрихов к биографии В.М. Пуришкевича.

Наиболее развернутые биографические справки о Пуришкевиче, как правило, сообщают нам лишь то, что родился он 12 августа 1870 г. в Кишиневе в семье богатого бессарабского помещика. Далее же обычно приводится фрагмент из воспоминаний князя С.Д. Урусова, бывшего одно время бессарабским губернатором: «Родоначальником этой семьи, составившим ей имя и состояние, был знаменитый в свое время бывший священник кладбищенской церкви, впоследствии член кишиневской консистории, составивший себе среди бессарабского духовенства громкую репутацию, отец протоиерей Пуришкевич, выслуживший для своего сына, посредством Владимирского креста, дворянское звание»¹.

Действительно, дед В.М. Пуришкевича – кандидат богословия Василий Васильевич Пуришкевич (1800–1882) – являлся протоиереем и настоятелем (в период с 1835 по 1882) кафедрального собора г. Кишинева². Но кладбищенским священником он никогда не был. Впрочем, его биографию можно существенно дополнить и некоторыми другими подробностями. По окончании Киевской духовной семинарии по первому разряду (1821) и духовной академии (1825) (последней – со степенью кандидата богословия), В.В. Пуришкевич был назначен в Кишиневскую духовную семинарию учителем физико-математических наук и еврейского языка³. В 1826 г. он также стал преподавать физику и математику в Благородном пансионе, «в котором по Высочайшей воле приготавливались дети благородного звания на службу для бессарабской области», а в 1829 г. был назначен инспектором этого пансиона⁴. В августе 1831 г. он был рукоположен архиепископом Кишиневским и Хотинским Димитрием во иерея и прикреплён к строящемуся Преображенскому собору болгарской колонии г. Болграда Измаильского уезда Бессарабской губернии (ныне

¹ Урусов С.Д. Записки губернатора. М., 1907. С. 144.

² Памятная книжка Бессарабской губернии на 1862 г. Кишинев, 1862. С. 264.

³ ЦГИАУ. Ф. 712. Оп. 6. Д. 121. ЛЛ. 6 – 6 об., 13; ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2; Пятидесятилетний юбилей [в сане протоиерея] кафедрального протоиерея Василия Васильевича Пуришкевича // Кишиневские епархиальные ведомости. 1881. № 19. С. 826.

⁴ ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2; Пятидесятилетний юбилей. С. 826.

город районного значения в Одесской области Украины). В сентябре того же года тридцатилетний священник стал протоиереем с определением управляющим церквями Болградской протопопии и старшим благочинным Болградского водворения⁵. В 1831 г. он стал цензором проповедей священнослужителей Болградских колоний, Измаильского градоначальства и Кагульского уезда; с 1848 по 1849 г. исправлял должность ректора Кишиневской Духовной семинарии и до 1857 г. состоял в должности благочинного 1-го округа Кишиневского уезда. Также отец Василий отличился, являясь депутатом от духовенства в областном правлении, в уголовном и гражданском судах⁶. За «отлично-усердную службу» протоиерей В.В. Пуришкевич был удостоен бронзового наперсного креста на Владимирской ленте и медали на Андреевской ленте в память Крымской войны, орденов Св. Анны 3-й степени (1848), Св. Анны 2-й степени (1861), Св. Анны 2-й степени с императорскою короною (1865), Св. Владимира 4-й степени (1854) (за «проект об увеличении счетной прибыли и осуществление им на деле этого проекта») и Св. Владимира 3-й степени (1870). Последняя награда и дала кишиневскому священнику право на потомственное дворянство. Кроме того, отец Василий Пуришкевич был дважды пожалован из Кабинета его величества наперсным крестом с драгоценными украшениями (в 1875 и 1881 гг.)⁷. В стихотворении, написанном к юбилею маститого протоиерея, отмечалось, что отец Василий за свою долгую жизнь удостоился столь высокой славы, что никто ему «не равен в бессарабской пастве всей»⁸. Об этом же говорил в своем слове и ключарь Кишиневского кафедрального собора священник Василевский, заметивший, что Господь возвысил протоиерея Пуришкевича «такими почестями, о которых никто из нас не смеет и думать»⁹. Действительно, судя по опубликованным на кончину отца Василия Пуришкевича многочисленным материалам, едва ли в тогдашней Бессарабии можно было найти равного ему по славе пастыря, служившего в крае с первых лет его присоединения к Российской империи и отдавшего ему более полувека своей жизни.

«В 1881 году Господь благословил его (протоиерея Василия Пуришкевича – А.И.) торжественно отпраздновать (9 сент[ября]) 50-летие служения в священном сане, исполнившееся 30 августа того

⁵ ANRM. F. 88. I. 1. D. 1975. F. 3 v.; ИР НБУ Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2.

⁶ ANRM. F. 88. I. 1. D. 1975. F. 5 v., 8 v.; ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2 (об); Пятидесятилетний юбилей. С. 826 – 828.

⁷ ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2 (об). Пятидесятилетний юбилей. С. 847.

⁸ Пятидесятилетний юбилей. С. 835.

⁹ Там же. С. 836.

же года. 10 февраля 1882 г., после непродолжительной болезни и надлежащего христианского приготовления, тихо отошел в вечность и торжественно, 12 фев[аля] погребен на Кишиневском городском кладбище», — отмечалось в его биографии¹⁰. Отпевал его архиепископ Кишиневский и Хотинский Павел, произнесший над гробом старейшего и известнейшего священника Бессарабского края проповедь.

Согласно алфавитному списку дворянских родов Бессарабской губернии, род Пуришкевичей был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги лишь в 1878 г. А доказательство о дворянстве рода Пуришкевичей книга относит к 1854 г.¹¹ Правда, в 1877 г. отцу В.М. Пуришкевича — Митрофану Васильевичу — пришлось подтверждать свое дворянство послужными списками своего отца и специальным заявлением, в котором он отмечал, что право на принадлежность к благородному сословию было приобретено как орденскими наградами его отца, так и его служебной деятельностью¹². Дело в том, что супруга протоиерея Василия Пуришкевича (бабка нашего героя) была простой крестьянкой из расположенного в четырех верстах от Кишинева села Дурлешты¹³. Так что дворянство Пуришкевичей было совсем недавним. Впрочем, как замечает историк С.А. Степанов, «выходцы из других сословий зачастую более цепко держались за вновь обретенные привилегии, чем родовая аристократия»¹⁴.

Но приведенные выше сведения, расширяющие представление о социальном происхождении В.М. Пуришкевича ничего не говорят о национальной принадлежности его родственников по отцовской линии, так что остановимся на этом вопросе, вынесенном нами в заголовок статьи.

Традиционно принято считать, что В.М. Пуришкевич, который всегда указывал на свою принадлежность к русской нации, на самом деле «имел глубокие молдавские корни»¹⁵. Об этих «молдавских

¹⁰ ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2 (об). См. также: М.Г. Некролог протоиерея Василия Пуришкевича // Кишиневские епархиальные ведомости. 1882. № 4. С. 205–218.

¹¹ Краткий очерк о Бессарабском дворянстве 1812–1912. К столетнему юбилею Бессарабии. С историческим введением А.Н. Крупенского. СПб., 1912. С. 59.

¹² ANRM. F. 88. I. 1. D. 1975. F. 1.

¹³ Матвеев В. Жизнь и деятельность В. Пуришкевича // Восход. Религии. Традиции. Общество. Человек. М., 1998. № 2. С. 90.

¹⁴ Степанов С.А. В.М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 320.

¹⁵ Кирьянов И.К. Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 112.

корнях», не приводя никаких доказательств, писали абсолютно все биографы нашего героя, которые, видимо, исходили из того, что раз Пуришкевич родился в Бессарабии, то он просто должен быть молдаванином.

Однако это не так. Во-первых, границы Бессарабской губернии отнюдь не тождественны границам Молдавской ССР и современной Молдовы. Аккерманский уезд, в котором протекал первый период общественной деятельности Пуришкевича, сегодня располагается на территории Одесской области Украины, а сам город Аккерман с 1944 г. носит название Белгород-Днестровский.

Во-вторых, фамилия Пуришкевич совершенно не похожа на молдавскую. Ее окончание «-кевич» имеет очевидно славянское происхождение: такие окончания фамилий довольно распространены в Юго-Западном крае – у поляков, белорусов и малороссов. Однако неочевидность происхождения ее корня порождало самые разные предположения. Так, хорошо знавший Пуришкевича видный правый политик В.В. Шульгин не исключал, что основа этой фамилии имеет еврейское происхождение. «Если отбросить окончание этой фамилии, то останется «Пуриш»... Это действительно еврейское слово... Но вот был ли он на самом деле евреем, этого сказать не могу с определенностью... <...> Впрочем, если судить по тому, что нахал он был изрядный... может и был...», – сообщил Шульгин в разговоре с Г.М. Шимановым¹⁶. Это мнение как будто подтверждают и некоторые еврейские источники, согласно которым, корень фамилии «пуриш» может быть искажением еврейского слова «поруш» («пореш») – «отшельник», «аскет-богомолец». В пользу этого предположения отчасти может говорить следующий факт: фамилия двоюродной бабушки Владимира Митрофановича (родной сестры протоиерея Василия Пуришкевича) в литературе упоминается двояко: то, как Пуришкевич, то, как Порушкевич¹⁷. Но последний вариант, скорее всего, является лишь искажением правильного, так как в документах ее отца и братьев эта фамилия встречается только в варианте «Пуришкевич».

С другой стороны, если принять на вооружение версию о молдавском происхождении рода Пуришкевичей, то, пожалуй, единствен-

¹⁶ Шиманов Г.М. Поездка к В.В. Шульгину // Шиманов Г.М. Машинопись. «Из архива к. м. н. Чернышева М.В. Он же составитель и издатель собрания сочинений в 2-х томах Шиманова Г.М.». М., 1980. Т. 2. С. 260, выписка предоставлена А.В. Репниковым.

¹⁷ Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Пенза, 1999. С. 481. Автор ссылается: Мацкевич Л. Кишиневские предания о Пушкине // Отзывы о Пушкине с юга России: В воспоминание 50-летия со дня смерти поэта 29 января 1887 / Собрал В.А. Яковлев. Одесса, 1887. С. 57–83.

ной основой этой фамилии могло послужить слово «пурич» (блоха). Как сообщил автору этих строк известный молдавский специалист по генеалогии доктор В.И. Ставилэ, согласно летописям, господарь Молдавского княжества Стефан Великий имел слугу по прозвищу «Пурич», который за оказанную своему господину услугу (встал на колени, чтобы Стефан смог наступив на него, сесть на своего коня), получил дворянство и фамилию Мовилэ (т.е. «курган»). Из этого рода, кстати, происходил митрополит Киевский Петр Мовилэ, он же – Петр Могила (1596–1646). Но, как уже отмечалось выше, Пуришкевичи не принадлежали к числу столбовых дворян и были причислены к благородному сословию лишь в середине XIX в. Так что соотносить их фамилию с известным старинным молдавским дворянским родом, давшим нескольких господарей, едва ли оправдано.

Но на наш взгляд, все гораздо проще, и фамилия Пуришкевич имеет все-таки славянское происхождение. Достаточно заглянуть в словарь В.И. Даля, чтобы узнать, что слово «пурыш» (которое просто не могло не трансформироваться в русском языке в фамилии с окончанием на «-кевич» в «пуриш») – это «индейский петух», т.е. индюк. Точно такое же значение это слово («пура», «пуран») имеет и в языках других славянских народов – сербов, хорватов, словенцев¹⁸. От этого же слова происходят и такие, более распространенные фамилии как Пуришев или Пурышев.

В-третьих, устоявшееся мнение о молдаванском происхождении Пуришкевичей опровергают и документы. Насколько можно проследить, род Пуришкевичей в конце XVIII – первой половине XIX вв. был представлен преимущественно священнослужителями – выходцами с Украины. Священником был Василий Михайлович Пуришкевич – прадед нашего героя. Родился он около 1758 г. и, как следует из клировых ведомостей, был дьячковским сыном, «обучался в школах польских, где слушал философию». Учитывая то, что в 1780 г. он был рукоположен во священника Пинским униатским епископом Гедеоном (Горбацким), можно задаться вопросом: а не был ли он выходцем из Белоруссии? В 1791 г. по собственному желанию отец Василий присоединился к православию, а с 1801 по 1827 гг. он служил священником Крестовоздвиженской церкви села Оксанино Уманского уезда Киевской губернии, с 1797 по 1825 гг. являясь благочинным¹⁹. Супругой его была Александра Гавриловна Нестерович, дочь священника из уманского села Старые Дмитрушки, по одним данным сербка, по другим – украинка²⁰. Помимо своих восьмерых

¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 410.

¹⁹ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 3145. Л. 308 об.

²⁰ Дворжанский А.И. Указ. соч. С. 56–57.

детей (Виктора, Василия, Даниила, Матвея, Марка, Семена, Пелагеи, Анны²¹), в семье этой воспитывался и рано осиротевший младший брат матушки Александры Иван, ставший в последствии архиепископом Иркутским Иринеем (1783–1864).

Двоюродный дед В.М. Пуришкевича – протоиерей Виктор Васильевич Пуришкевич (сын священника Василия Михайловича Пуришкевича) перебрался с Украины в недавно присоединенную к Российской империи Бессарабию и дослужился до ректора Кишиневской семинарии. Из Киевской же губернии переехал сюда и его брат протоиерей Василий Васильевич Пуришкевич (дед В.М. Пуришкевича). Скорее всего, переезд этот, как и последующее получение братьями-священниками должностей в Кишиневской семинарии был связан с протекцией со стороны их дяди – первого ректора этой семинарии архимандрита Иринея (Нестеровича). В доме последнего проживала его «любимая племянница» Пелагея Васильевна Пуришкевич (в замужестве Дыдицкая), оставившая, кстати, воспоминания об А.С. Пушкине²², останавливавшемся в Кишиневе у архимандрита Иринея²³.

Как значится в документе о рождении протоиерея Василия Васильевича и его младшего брата – лекаря Матвея Васильевича, они родились в селе Оксанино Уманского уезда Киевской губернии, где служил их отец²⁴. В биографической справке отца Василия Пуришкевича сообщается, что принадлежит он к «нации малороссийской»²⁵. Об этом же говорится и в послужном списке его брата – протоиерея Виктора Пуришкевича²⁶. В некрологе деда В.М. Пуришкевича – протоиерея Василия – мы также можем прочесть прощальные слова земляка покойного – известного историка церкви и библиографа Л.С. Мацевича, который, помимо прочего, замечал: «Наша родина – это уголок Уманщины, в Киевской губернии. <...> Я знаю твоё родное село – Оксанино – где ты родился в семье священнической и рос, как и все мы, духовные, среди детей крестьянских... <...> Прощай, земляк – уроженец дорогой Украйны»²⁷.

Возможно, правда, что молдаванкой была бабка В.М. Пуришкевича – супруга протоиерея Василия, однако, современный исследо-

²¹ ЦГИАУ. Ф. 127. Оп. 1016. Д. 200. Л. 108.

²² См.: *Мацевич Л.* Кишиневские предания о Пушкине.

²³ *Дворжанский А.И.* Указ. соч. С. 59.

²⁴ ANRM. Ф. 88. I. 1. D. 1975. Ф. 3 v; Там же. Ф. 205. I. 1. D. 1189. Ф. 19 v.

²⁵ ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. № 1967. Л. 2.

²⁶ ANRM. Ф. 208. I. 2. D. 597. Ф. 25 v.

²⁷ *Мацевич Л.* Прощальная речь при гробе кишиневского кафедрального протоиерея В.В. Пуришкевича // Кишиневские епархиальные ведомости. 1882. № 4. С. 215.

ватель, выдвинувший эту версию, не приводит в подтверждение ее никаких доказательств, лишь заявляя, что «по многим данным в В.М. Пуришкевиче было много молдаванской крови»²⁸.

Как бы то ни было, но поскольку предки Владимира Пуришкевича по отцовской линии причисляли себя не к молдаванской, а к малороссийской (украинской) народности, то, учитывая традицию до-революционной России, согласно которой русскими считали себя не только великороссы, но и малороссы с белорусами, он имел все основания публично заявлять и писать в анкетах, что он русский.

Но после революции 1917 г., вместе с показной демонстрацией своего дворянства и «русскости», В.М. Пуришкевич стал делать и другие заявления. «Во мне течет аристократическая польская кровь моей матери и ее благородных польских предков и плебейская русская кровь моего покойного чистого отца»²⁹ – записал он в конспекте свой речи, подготовленной для прочтения перед Революционным трибуналом. О каких аристократических польских кровях вспомнил Пуришкевич, которого многие считали полонофобом?

Дело в том, что мать русского черносотенца действительно была полька. Отец В.М. Пуришкевича – «поповский сын» Митрофан Васильевич (1837 или 1839–1915)³⁰ благодаря удачной женитьбе стал крупным землевладельцем и человеком «со средствами» (за его супругой числилось 1400 десятин земли и дом в Кишиневе оцененный в 3 тыс. руб.)³¹. Его избранницей стала Луиза-Елизавета Вла-

²⁸ *Матвеев В.* Указ. соч. С. 90. Впрочем, далее исследователь оговаривается: «Возвращаясь еще раз к вопросу об этнической принадлежности В.М. Пуришкевича, следует заметить, что в виду непроработанности его биографии нельзя точно определить его национальность...» (Там же. С. 91).

²⁹ 27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. И.С. Розенталь // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 135.

³⁰ По окончании курса наук в Одесском Ришельевском лицее (1863) М.В. Пуришкевич некоторое время служил судебным следователем, а затем участковым мировым судьей, неоднократно переизбираясь на эту должность по различным округам Бессарабской губернии (с 1872 г. – почетный мировой судья). С 1873 по 1878 г. он находился на государственной службе в качестве правительственного чиновника Бессарабского коммерческого суда. Начиная с 1892 г. он являлся неперемным членом Бессарабского губернского присутствия, а в 1905 г. стал помощником Аккерманского уездного предводителя дворянства, дослужившись до чина действительного статского советника (РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 3721. ЛЛ. 42–57). Кроме того, М.В. Пуришкевич имел в родной губернии славу выдающегося земского деятеля. «В Бессарабии имя ... Митрофана Васильевича уже давно – долгие десятилетия – стало синонимом общественного деятеля, живущего только земскими интересами страны», – отмечал выдающийся русский врач и общественник Е.С. Главче (*Главче Е.С.* Памяти М.В. Пуришкевича. Одесса, 1915. С. 1).

³¹ ANRM. F. 308. I. 1. D. 13. F.17–18 v.

димировна Джуминская (1845 – не ранее 1918), дочь Владимира Васильевича Джуминского, являвшегося в то время предводителем дворянства Аккерманского уезда. Как видно из формулярного списка В.В. Джуминского, сам он, будучи православного вероисповедания, был женат на польке-католичке Юлии Степановой (по др. сведениям Стефановой), т.е. Степановне или Стефановне, урожденной Корнилович³². Отсюда происходит и «двуименность» его младшей дочери Луизы-Елизаветы (старшую дочь Джуминского звали Леонидой). В официальных документах мать В.М. Пуришкевича именовалась Луизой, а на церковных службах, будучи нареченной по православному обряду, поминалась как Елизавета³³.

Уже после революции, по весьма понятным причинам, В.М. Пуришкевич любил щегольнуть тем, что прадедом его был поляк, декабрист, штабс-капитан Генерального штаба, историк Александр Осипович Корнилович (1800–1834), за свою антимонархическую деятельность поплатившийся заключением в Петропавловской крепости и службой рядовым на Кавказе. Однако это утверждение грешит неточностью – родство с известным декабристом было более отдаленным. Уже из отчества бабки Владимира Митрофановича видно, что ее отцом был вовсе не Александр, а Степан. Как следует из разных источников, прадедом В.М. Пуришкевича по материнской линии был Степан Иванович Корнилович (1772–1824), участник Отечественной войны 1812 г., полковник Генерального штаба, в 1816–1823 гг. руководивший военно-топографическими съемками только что присоединенной к России Бессарабии, за успешное выполнение которых он в 1824 г. был высочайше пожалован крупным поместьем в 6 тыс. десятин (имение Суюндук) в Аккерманском уезде и произведен в генерал-майоры свиты его императорского величества³⁴. С.И. Корнилович также был автором первого русского описания Бессарабии, изданного его правнуком В.М. Пуришкевичем³⁵. А декабрист А.О. Корнилович приходился генералу С.И. Корнилови-

³² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 677. ЛЛ. 124 – 128; ANRM. F. 88. I. 1. D. 1975. F. 18.

³³ ANRM. F. 88. I. 1. D. 1975. F. 18.

³⁴ *Корнилович С.И.* К столетию присоединения Бессарабии // Прямой путь. 1912. Май. С. 755. «Земля, пожалованная по заслугам прадеду моему в год присоединения к России Буджака <...> в Аккерманском уезде, и по сей день, за исключением части ее отошедшей к крестьянам в наделе, составляет собственность рода нашего, и частью этой земли я владею...», – писал В.М. Пуришкевич. (Друг. 1907. 3 января).

³⁵ *Корнилович С.И.* Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828-й год. Аккерман, 1899.

чу племянником, т.е. был кузеном бабки В.М. Пуришкевича³⁶.

Подводя итог, признаемся честно: ответить на вынесенные нами в заглавии статьи вопросы непросто. В жилах Пуришкевича текла малороссийская, польская, а возможно, что еще белорусская и молдавская кровь. Но сам политик всегда определял свою народность как русскую, не отделяя себя от государствообразующего народа империи. И считать себя русским у него были все основания, ведь, как известно, принадлежность к той или иной народности определялась в дореволюционной России не пропорциональным соотношением тех или иных кровей, а родным языком и религиозно-культурной самоидентификацией. Для членов же правых партий понятие «русский» отождествлялось еще и с приверженностью к самодержавной монархии. И всем этим критериям В.М. Пуришкевич соответствовал.

Т.Г. ФРУМЕНКОВА

Депутаты IV Государственной думы Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас во главе Мариинского ведомства (март – май 1917 г.)

Среди государственных учреждений дореволюционной России особое место занимало Мариинское ведомство, состоявшее под управлением Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Высочайшим покровителем ведомства являлась императрица Мария Федоровна. В 1917 г. в нем состояло 1470 благотворительных и учебно-воспитательных учреждений, из них 478 в Петрограде и 178 в Москве¹. Их работой в обеих столицах руководил опекунский совет из почетных опекунов. На эту придворную должность в начале XX в. обычно назначали немолодых военных и штатских генералов. В руководстве многих учреждений состояли два почетных опекуна: один отвечал за учебно-воспитательную, а другой – за хозяйственную часть.

Мариинское ведомство сохраняло свою традиционную структуру и особенности до марта 1917 г., хотя Государственная дума выступала с предложениями о его реформировании, подчинении Государственному контролю и включении его бюджета в Государственную роспись. Против преобразования ведомства выступали императрица и ее помощники.

³⁶ Корнилович А.О. Записки из Алексеевского рavelина. М., 2004. С. 367.

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2351. Л. 122.

Сохранился машинописный отпуск всеподданнейшего доклада, направленного Николаю II, или, по крайней мере, намеченного к отправке. Он вложен в согнутый пополам лист бумаги, на котором карандашом написаны номер дела по делопроизводству канцелярии и сведения о нем: «По вопросу о подчинении ведомства Государственному контролю. Дело взято в читальный зал». Возможно, с этим документом ознакомился Е.П. Ковалевский при подготовке проекта создания Министерства государственного призрения.

Его автор пояснял, что «вопрос этот <...> должен быть разрешен отрицательно» по нескольким соображениям. Во-первых, сам Государственный контроль был признан подлежащим реформированию. Во-вторых, большинство учреждений ведомства содержатся на собственные средства и «контролируются общественностью». Эти средства складывались из пожертвований и из доходов давно преобразованной сохранной и ссудной казны. Государственный контроль над такими суммами представлялся чиновнику ведомства стеснительным и даже недопустимым. В-третьих, за контролем со стороны государства неизбежно должны были последовать «организационные затруднения» — дела ведомства должны были решаться в Сенате, а само оно подчинялось Государственной думе и Совету министров, что «создавало не весьма удобное положение августейшей покровительнице» и приводило к упразднению опекунского совета².

С падением монархии все перечисленные препятствия были устранены, и старая система управления Маринскими учреждениями рухнула. 4 марта 1917 г. опекунский совет обратился с приветствием к председателю Совета министров и председателю Исполнительного комитета Государственной думы³, но это не помогло.

7 марта появилось «Распоряжение комиссаров Временного правительства по учебным заведениям и учреждениям бывшего ведомства императрицы Марии». Комиссар Е.П. Ковалевский и его заместитель М.М. Ичас извещали, что «постановлением Совета министров от 4 марта <...> ведомство передано в ведение Министерства народного просвещения с назначением для временного управления при нем особых комиссаров. Вступив в исполнение обязанностей таковых, обращаемся к советам и <...> заведующим с покорнейшей просьбой продолжить или возобновить там, где она была прервана, свою деятельность и принять все меры к восстановлению правильной жизни и занятий в учебных заведениях»⁴.

Е.П. Ковалевский в учительской среде не был человеком случай-

² Там же. Д. 2354. ЛЛ. 1 об. — 1 А об.

³ Там же. Оп. 46. Д. 3744. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 27. Д. 2227. Л. 13; д. 2354. Д. 3.

ным, он считался «главным комиссаром по народному образованию»⁵. Депутат III и IV Государственной думы, член прогрессивного блока, внук министра народного просвещения, и в жизни, и в Думе он занимался проблемами учебных и учебно-воспитательных заведений. М.М. Ичас, уроженец Литвы, юрист по профессии, в IV Думе входил в состав крестьянской группы, примкнул к кадетам⁶, специального интереса к вопросам образования и призрения, ранее, видимо, не проявлял.

Юридический статус самих комиссаров определился не сразу. 7 марта их именуют «комиссарами Временного правительства», тогда как знаток вопроса А.Б. Николаев называет их комиссарами Временного комитета Государственной думы. Члены Думы, единственного легитимного органа народного представительства и источника власти, они стали конкретными носителями этой власти, «временно исполняющими должность сановников»⁷. Два других документа 7 марта Е.П. Ковалевский подписал: «Комиссар Временного правительства, член Государственной думы». Так он подписывал некоторые документы и позднее. 12 марта министр народного просвещения обратился к «г. комиссару Временного правительства по учреждениям императрицы Марии, члену Государственной думы» Е.П. Ковалевскому: «Прошу Вас вступить в управление ведомством <...> на правах начальника главного управления. Одновременно с сим я обращаюсь с просьбою к членам Государственной думы М.М. Ичасу быть Вашим заместителем».

Документ такого же содержания получил и М.М. Ичас⁸. Любопытно, что эти бумаги не имели формы приказа, а напоминали отношения, то есть обращения к равному по должности и положению лицу. Некоторые циркуляры от имени новых начальников направлялись на места «по распоряжению комиссара Государственной думы», а иногда подписывались «комиссаром Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по Министерству народного просвещения по управлению ведомства учреждений императрицы Марии»⁹.

⁵ Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 года: Персональный состав // Из глубины времен. 1997. № 8. С. 37.

⁶ Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 255–256; *он же*. Ичас Мартин Мартинович // Там же. С. 223–224.

⁷ Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. 1995. № 5. С. 47, 60–61.

⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3744. Лл. 8, 9.

⁹ Там же. Оп. 27. Д. 2390. Л. 93; Д. 2227. Л. 33.

Указ Временного правительства от 16 апреля был опубликован в «Вестнике» от 23 апреля: «Назначается, с согласия Временного комитета Государственной думы, комиссар член Государственной думы М.М. Ичас комиссаром Временного правительства на правах товарища министра по управлению вновь переданными в министерство учреждениями бывшего Императорского Человеколюбивого общества, Главным Алексеевским комитетом и, совместно с комиссаром Е.П. Ковалевским, учреждениями бывшего ведомства императрицы Марии, с 4 марта 1917 г.»¹⁰.

9 марта «комиссары Исполнительного комитета Государственной думы Ковалевский и Ичас предложили подать в отставку главноуправляющему ведомством императрицы Марии [А.Г.] Булыгину и его помощнику [В.К.] Кистеру. Комиссары предполагают в ближайшее время произвести серьезные перемены в среде персонала, ведающего учебными заведениями императрицы Марии»¹¹.

В марте чиновники управления приняли присягу Временному правительству, получили удостоверения личности «из главного управления ведомства», подтверждавшие их лояльность, личную неприкосновенность и неприкосновенность членов семьи каждого из них, а также предоставлявшие обладателю удостоверения право свободного проживания и передвижения в столице. Документы были подписаны комиссаром Временного правительства, членом Государственной думы Е.П. Ковалевским¹². Ему, кстати, удалось получить и служебный автомобиль¹³.

Одно из первых распоряжений новой власти было посвящено переименованию, но новое название – «управление Мариинскими благотворительными и учебными заведениями»¹⁴ – не прижилось. С конца марта подразделение стало главным управлением ведомства учреждений императрицы Марии¹⁵.

Информация об изменении управления Мариинским ведомством вызвала поток телеграмм и писем (свыше полусотни их сохранилось в одном из архивных дел) с приветствиями в адрес новой власти и, конечно, с вопросами и пожеланиями к ней. Из многих мест сообщали, что «правильная жизнь» учебных и воспитательных заведений «не нарушалась». На вопросы о новой системе подчинения пришлось давать срочные ответы¹⁶.

¹⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля.

¹¹ Там же. 9 марта.

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2227. ЛЛ. 31 – 34.

¹³ Там же. Д. 3744. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 2354. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. ЛЛ. 9–9 об.

¹⁶ Там же. ЛЛ. 23 об. – 25, 51–52; Д. 2390. ЛЛ. 79, 85, 97.

9 марта в управлении Мариинскими учебными и благотворительными заведениями Е.П. Ковалевский устроил «многолюдный прием», во время которого «выяснялся целый ряд вопросов, касавшихся дальнейшей жизни и деятельности ведомства»: в первую очередь, по его словам, «предстоит упразднение опекунского совета, куда обыкновенно назначались различные престарелые сановники, подчас совершенно не имевшие в прошлой своей деятельности никакого отношения к учебно-воспитательным или благотворительным делам. Опекуны будут освобождены от своих обязанностей». Комиссар сообщил, что он пригласил «в помощь себе» профессора П.Н. Каптерева «для совместного обсуждения <...> деятельности институтов и гимназий ведомства при новых условиях жизни». Он обещал, что «больницы ведомства будут организованы в своем внутреннем строе почти всецело на выборном начале старшего медицинского персонала»¹⁷.

В марте 1917 г. в управлении было подготовлено представление в Совет министров о приостановке деятельности опекунского совета. Текст был написан от первого лица, видимо, Е.П. Ковалевским. Отправителем документа значился «министр народного просвещения по управлению ведомством императрицы Марии». Сохранился отпуск документа, который должен был подписать «министр народного просвещения, комиссар» (впрочем, возможно, имелись в виду две подписи). Так или иначе, комиссар считал себя «министром Мариинского ведомства» и, по сути, был им.

«Обсудив вопрос о порядке разрешения дел по ведомству учреждений императрицы Марии, я полагаю бы, – говорилось в представлении, – 1) деятельность опекунского совета по Петроградскому и Московскому присутствиям, а равно и состоящих при нем сметной комиссии и особого присутствия, приостановить, предоставив министру народного просвещения в случае признанной им необходимости назначать заседания опекунского совета под его председательством и при участии комиссара и его заместителя, в случае же отсутствия министра председательствование в совете возложить на комиссара; 2) все права и полномочия опекунского совета на все время приостановки его деятельности возложить на особое совещание под председательством министра народного просвещения, комиссара Временного правительства по учреждениям императрицы Марии, его заместителя и управляющего делами ведомства, а также почетных опекунов тех заведений, дела коих подлежат обсуждению <...>; 3) почетных опекунов, заведывающих учебной частью

¹⁷ Новое время. 1917. 11 марта.

отдельных заведений ведомства учреждений императрицы Марии, освободить от исполнения ими сих обязанностей»¹⁸.

Постановление о приостановке деятельности опекунского совета вышло в марте, а окончательно его упразднили в июле 1917 г.¹⁹, но путь к его ликвидации, несомненно, был проложен работой комиссаров, хотя полного роспуска совета комиссары еще не планировали.

Многие почетные опекуны уволились или отошли от дел значительно раньше, что было оформлено распоряжениями комиссаров, например, в Петербургском воспитательном доме²⁰. Другие, в частности, член совета Московского Елизаветинского института по учебной части Ф.П. Степанов, получив циркуляр, просили разъяснить им его содержание. Им терпеливо повторяли, что отныне в совет входят лишь почетные опекуны по хозяйственной части, а их коллеги, руководившие учебными делами, «освобождались»²¹. Относительно мирно прошли санкционированные комиссарами и другие увольнения, к примеру, руководителей Петербургского дома – его директора П.М. Исаева, главной надзирательницы Е.А. Люфнер²² и ряда других начальников.

9 марта Е.П. Ковалевский посетил Смольный и Александровский институты, где были собраны представители администрации, преподаватели и воспитанницы двух старших классов. Комиссар приветствовал педагогов «от имени нового правительства» и призвал их «к плодотворной работе, чтобы вдохнуть жизнь в институты, сильно отставшие от современной нам жизни». Е.П. Ковалевский выразил надежду, что «педагогический персонал поймет надлежащим образом те новые условия, в которых должны вестись учебно-воспитательные дела для подготовки будущих жен и матерей нового поколения России». Обращаясь к воспитанницам, он призвал «молодую Россию», работать особенно усердно «сейчас, памятуя о тех широких горизонтах, которые ныне открываются перед страной».

Затем состоялось совещание Е.П. Ковалевского с «педагогическим персоналом» институтов. По сообщению журналиста «Нового времени», на совещании были затронуты проблемы, касавшиеся как «учебной, так и воспитательной стороны дела». Комиссар наметил «основные вопросы, разработка которых возложена на коллегия педагогов, окончательное же решение их последует после детального

¹⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. ЛЛ. 8–9.

¹⁹ Там же. Д. 2390. Л. 7.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 25.

²¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2351. ЛЛ. 35–36.

²² ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 35; Оп. 3. Д. 1369. Л. 152.

обсуждения с представителем управления Мариинскими <...> заведениями. На первом заседании выяснилась <...> необходимость предоставить самостоятельность педагогическим коллективам по вопросам чисто учебного характера». «Из достоверного источника» газета получила информацию о том, что Е.П. Ковалевский «наметил полную отмену переходных экзаменов в учебных заведениях <...> ведомства. Вопрос об этом будет решен в ближайшие дни». Выпускные экзамены «у воспитанниц 1-го (выпускного – Т.Ф.) класса и на так называемых специальных курсах при институтах <...> будут сохранены, поскольку сдача отдельных экзаменов является необходимой для получения особых прав на преподавание того или иного предмета»²³.

«Сведения из достоверных источников» были получены не слишком оперативно. Первый «содержательный» циркуляр новые руководители направили в адрес местного начальства женский гимназий еще 9 марта, за два дня до выхода газеты. Он отменял переходные экзамены, перевести учениц в следующий класс полагалось по баллам, а отпустить их на пасхальные каникулы 21 марта. Кроме того, «пока основные начала коренного переустройства вырабатываются, педагогическим коллективам гимназий предлагались на обсуждение несколько вопросов. Предлагалось, во-первых, расширить права педагогических конференций как органов местного управления; во-вторых, организовать попечительские советы «с общественным элементом»; в-третьих, обсудить «материальное и правовое положение служащих» и, в-четвертых, разъяснить учащимся «изменения в государственном строе»²⁴.

16 (или 17)²⁵ марта в Мариинском ведомстве под председательством Е.П. Ковалевского состоялось совещание «по вопросам учебно-воспитательного характера учреждений императрицы Марии». Его участники (а в работе этого и последующих совещаний участвовали выборные представители от учебно-воспитательных заведений) распространили распоряжения относительно экзаменов и каникул на женские институты и дополнили их. По итогам совещания решено было отменить не только переходные, но и выпускные экзамены «в общих и дополнительных специальных классах в текущем учебном году <...>, с тем, чтобы перевод воспитанниц в следующий класс был произведен на основании годовых баллов». При выдаче аттес-

²³ Новое время. 1917. 11 марта.

²⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2227. Л. 18.

²⁵ По архивным документам (РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2390. Л. 8), совещание проходило 16 марта, в «Вестнике Временного правительства» от 19 марта 1917 г. сообщалось, что совещание состоялось 17 марта.

татов руководители ведомства предлагали учитывать годовые оценки нынешнего года, а также баллы, полученные на переводных экзаменах в минувшем учебном году. В классах французского языка и на педагогических курсах иностранных языков полагалось провести «лишь устные испытания по иностранному языку и истории литературы». Отпуск воспитанниц на пасхальные каникулы велено было произвести после уроков 24 марта, возобновить занятия в обычное время и продолжать их до 5 мая.

Педагогическим конференциям предлагали представить соображения «о совместном помещении и содержании воспитанниц, остающихся в на летнее время в отдельных институтах». Наконец, «не предпрешая вопроса о коренном переустройстве местного управления закрытыми женскими учебными заведениями ведомства», решено было организовать «в виде временной меры» в тех институтах, в которых заведование учебной частью возлагалось на почетных опекунов, советы под председательством начальницы. В их состав полагалось включать почетного опекуна, заведующего хозяйственной частью (в случае его отсутствия – лица, командированного от контроля ведомства), инспектора, старшей из инспектрис (или помощницы начальницы), то есть трех представителей администрации, а также 6 лиц, избранных учебной конференцией, – трех от преподавателей и трех «из воспитательного персонала»²⁶.

На совещании 18 марта, проходившем также под председательством Е.П. Ковалевского, в виде постановлений Временного правительства были приняты распоряжения, касающиеся гимназий ведомства, об отмене экзаменов и каникулах и в очередной раз подтверждены те предложения, обращенные к педагогическим конференциям гимназий, которые содержались еще в циркуляре от 9 марта²⁷. В самом деле, серьезные изменения в деятельность учебных заведений целесообразнее было вносить постановлениями правительства.

20 марта 1917 г. всем местным начальствам женских гимназий ведомства Е.П. Ковалевский направил циркуляр, предлагавший «образовать ныне же родительские комитеты» по примеру гимназий Министерства народного просвещения. 30 марта в женские институты был послан циркуляр, извещавший о правилах приема на 1917 г. По распоряжению Е.П. Ковалевского, на основе общих законов отменялись все вероисповедные, национальные и сословные ограничения. Своекоштные и бесплатные ученицы набирались по прежним правилам. С разрешения главного управления институты могли при-

²⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2390. ЛЛ. 8–8 об.

²⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 23 марта.

нимать приходящих учениц. Наконец, 3 апреля в отсутствие уехавшего в командировку Е.П. Ковалевского М.М. Ичас разрешил женским учебным заведениям не возобновлять занятия после Пасхи. По желанию родителей детей можно было увезти на летние каникулы или доставить в учебное заведение²⁸.

Таким образом, политика, которую проводили в течение первого месяца своей работы комиссары Временного правительства в Мариинском ведомстве, в первую очередь Е.П. Ковалевский, с одной стороны, была направлена на демократизацию системы управления и внутренней жизни учебных заведений. С другой стороны, действия комиссаров отличала поспешность, хаотичность, непродуманность, им часто приходилось уточнять и дополнять свои недавние распоряжения.

Нередко они удовлетворяли требования преподавателей, учащихся и родителей, видимо, по тем вопросам, которые не являлись принципиальными для них самих. Так, в частности, получилось с экзаменами и каникулами. После того, как был подписан циркуляр об отмене переводных экзаменов в школах министерства и в Мариинских женских гимназиях, а также о пасхальных каникулах, в адрес главного управления посыпались письма и телеграммы от учениц институтов, училищ, их родителей и преподавателей. Писали «московские институтки», «выпускницы одного из Петроградских институтов», ученицы, родители учащихся и преподаватели институтов из Киева, Саратова и т.д. Авторы, среди которых было много анонимов, просили отменить экзамены «по случаю того, что родина в настоящее время переживает столь тяжелое положение, следовательно, и занятия сегодняшней год были слишком слабы, что не успели все пройти порядком». Они грустили, что «не могут встретить Пасху в кругу родных», а затем просили «учащихся с Пасхи не возвращать»²⁹.

На предложение обсудить ряд вопросов жизни и деятельности гимназий в новых условиях первыми, естественно, откликнулись 9 столичных Мариинских женских гимназий и Царскосельская гимназия, затем к ним присоединились 6 московских и несколько провинциальных гимназий. Их руководители присылали в адрес управления или Е.П. Ковалевского лично материалы обсуждения предложенных начальством проблем. Педагогические конференции женских гимназий дружно высказались за то, чтобы превратить их

²⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2227. ЛЛ. 20, 22, 23; Д. 2390. ЛЛ. 18, 46. В последнем деле циркуляр, дающий учебным заведениям право не возобновлять занятия после каникул, датирован 8 апреля 1917 г.

²⁹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2390. ЛЛ. 1 Б, 2, 9, 13, 16, 21–22, 25, 30, 32, 35, 40–41, 77.

в главный коллективный орган гимназий, устанавливающий нормы и правила работы учебных заведений. Мнения разошлись лишь по вопросу о том, могут ли конференции самостоятельно выбирать кандидатов на должности (эту идею поддерживало большинство) или их будет утверждать вышестоящее начальство. Педагогический персонал гимназий единодушно заявлял о необходимости уравнивать материальное обеспечение преподавателей и воспитателей с педагогами Министерства народного просвещения и сохранить институт классных дам. Во всех гимназиях были организованы родительские комитеты.

О том, что сделано и делается для разъяснения сути революционных изменений в государстве и обществе, отчитались менее половины гимназий. Выяснить позицию их руководителей нелегко: если одни с некоторым раздражением отмечали, что считают подобные разъяснения естественными, то другие считали необходимым огрadyть учениц «от политики».

Наиболее сложным оказался вопрос о создании попечительских советов. Несмотря на то, что Е.П. Ковалевский был убежденным сторонником их появления, о чем, вероятно, педагоги знали, против их организации выступили педконференции большинства петроградских и всех провинциальных гимназий. «Корпорация шести московских гимназий» в своем отчете обошла эту проблему стороной. Из трех столичных гимназий сообщили, что они не считают создание подобных комитетов желательным, но если они, все-таки, появятся, следует увеличить в их составе «педагогический элемент» и ограничить их полномочия. Такими же оговорками снабдили свои положительные ответы на вопрос о попечительских советах конференции Царскосельской, Екатерининской, Василеостровской гимназий и гимназии принцессы Е.М. Ольденбургской. Противники же организации советов аргументировали свой отказ тем, что гимназии не связаны с благотворительностью, предполагаемые обязанности попечителей слишком сложны, советы могут быть некомпетентными и вредными. «Общественный элемент» в управлении гимназий будет представлен родительскими комитетами, представители общест-венности могут также работать в хозяйственном комитете³⁰.

Е.П. Ковалевский получал и «авторские» проекты перестройки системы управления учебными заведениями ведомства. Один из них, в частности, был подготовлен преподавателем Петровского училища и одной из гимназий, «бывшим приват-доцентом Петроградского университета Б. Распоповым³¹. Предложения учителя примерно со-

³⁰ Там же. Д. 2352. ЛЛ. 9–28, 52–63, 68–70, 73, 81–89 об.

³¹ Там же. ЛЛ. 1–8.

впадали с идеями комиссара. Это еще раз подтверждает, что Е.П. Ковалевский хорошо знал школьные проблемы.

Представители гимназий высказывали и идеи, выходящие за рамки программы Е.П. Ковалевского. К примеру, конференция Царскосельской гимназии отметила, что «из-за срочности» трудно дать точный ответ на поставленные вопросы, и они должны быть рассмотрены «в особой комиссии из представителей от всех <...> гимназий при непосредственном участии начальника гимназий и под председательством комиссара Временного правительства Е.П. Ковалевского, но ни в коем случае не доверять этого дела чиновникам ведомства». Мысль о «создании особого совещания из выборных от педагогических конференций», поддержанная и представителями гимназии Марии Александровны, видимо, витала в воздухе. 28 марта состоялось «совещание делегатов под председательством комиссара Временного правительства» Е.П. Ковалевского. Упоминание о нем обнаружено только в протоколе конференции упомянутой гимназии. На совещании было предложено создать «особый совещательный орган по управлению» женскими гимназиями.

В деле «По вопросу о преобразовании женских гимназий» собрана подборка отзывов, полученных по этому поводу в апреле 1917 г. из столичных гимназий. Там считали создание совещательного органа необходимым в качестве «временной меры до окончательного перехода в Министерство народного просвещения». В состав «центрального комитета» планировалось включить руководителей каждой гимназии, выборных от педконференции, от министерства и ведомства (комиссар), земства и городского самоуправления. Ему согласны были предоставить «высшее руководство» или «общее наблюдение за учебной жизнью», рассмотрение смет и отчетов, представление гимназий перед министерством. Союз родительских комитетов средних учебных заведений Петрограда просил не забыть о необходимости включения в состав «коллективного органа» «представителей интересов родителей». Возражения прислала только Петровская гимназия. Ее конференция посчитала, что взамен существующей формы управления требуется создание центрального хозяйственного комитета для решения финансовых вопросов и учебного комитета с выборным составом из представителей гимназий.

О том, что Е.П. Ковалевский всерьез планировал создание этого совещательного органа, свидетельствуют его пометки на документах, а также черновые подсчеты возможной численности совещания. Однако намерения реализованы не были. Когда 1 мая из Екатерининской гимназии в главное управление сообщили, что «избрали делегатов в центральный комитет по управлению делами бывшего ведомства учреждений императрицы Марии», Е.П. Ковалевский и его под-

чиненные даже не поняли (или сделали вид, что не поняли), о чем идет речь. «Какой это комитет? К сведению», — гласят пометки на документе, сделанные, в том числе, и рукой комиссара³². В середине октября 1917 г. действовал исполнительный комитет делегатского совещания Петроградских учебных заведений ведомства императрицы Марии³³, но выяснить роль Министерства государственного призрения в его создании пока не удалось.

Вопросов же для обсуждения весной 1917 г. накопилось немало. Педагоги отдельных гимназий призывали не торопиться с коренными реформами, однако другие их коллеги (и их было гораздо больше) выступали за уравнивание программ женских и мужских гимназий «ввиду уравнивания мужчин и женщин» и, главным образом, с практической целью, чтобы предоставить выпускницам возможность поступать в высшие учебные заведения. На деле же Е.П. Ковалевский в рамках реализации задуманного успел подписать лишь циркуляры о расширении прав педагогических конференций — их решения не требовали утверждения в главном управлении. Сближение гимназий ведомства с учебными заведениями министерства осложнилось тем, что по проекту, подготовленному комиссарами, в мае они попали в подчинение нового Министерства государственного призрения. В конце июня 1917 г. директору одной из гимназий чиновники Главного управления ведомства сообщили, что «хотя официального постановления о переводе женских гимназий <...> в Министерство народного просвещения еще не последовало, но принципиально» этот вопрос решен³⁴, однако подобный документ при Временном правительстве так и не был подписан.

Комиссары Временного правительства, как уже отмечалось, начали и реформирование системы управления женскими институтами. Некоторые институты уже в первой половине марта 1917 г. направили в Петроград протоколы заседаний совета и педконференции. Так, сотрудники Саратовского Мариинского института выразили уверенность «в коренном переустройстве всего уклада институтской жизни на началах самой широкой автономии педагогической конференции, раскрепощения детей и реорганизации институтов в духе трудовой школы»³⁵. В конце марта и в апреле в Главное управление поступали отчеты столичных и провинциальных институтов об избрании 6 новых членов совета от педагогического персонала и воспитателей, а также итоги обсуждения предложений, обращенных к

³² Там же. ЛЛ. 10, 20 об., 30–42 об., 50–50 об., 74.

³³ Там же. Оп. 17. Д. 15. ЛЛ. 65, 78.

³⁴ Там же. Оп. 27. Д. 2227. Л. 21; Д. 2390. ЛЛ. 39, 108.

³⁵ Там же. Д. 2351. ЛЛ. 14 об. — 15.

руководству женских гимназий.

Некоторые советы, а также отдельные педагоги и воспитатели выступили со своими проектами. Участники общего собрания преподавателей и воспитателей Смольного института просили «пересмотреть устав институтов при обязательном участии преподавательской и воспитательской коллегий в направлении широкой демократии». Они предложили свою «схему управления» институтом: «1. Совет преподавателей под председательством инспектора. 2. Совет воспитательниц под председательством начальницы. 3. Малый совет – начальница, инспектор, инспектриса, выборные представители». Кроме того, представители Смольного института просили о назначении немедленных денежных прибавок по закону 26 октября 1916 г., увеличившему жалование служащих Министерства народного просвещения, и о введении штатов Министерства. Преподаватель музыки предложил изменить преподавание своего предмета по принципу «минимум теории, максимум практики», а также новую программу преподавания церковного пения. Классная дама Варшавского института А.П. Кросс в письме Е.П. Ковалевскому, отправленному 4 апреля, изложила свое видение проблемы. Она считала, что институты «дают дрессировку и кое-какие знания», но нужна их реформа. Она предлагала ввести в систему воспитания «рационально примененный физический труд», который заменит «бесмысленную и потому страшно надоевшую детям и отупляющую их гимнастику» и будет способствовать «искоренению пагубного (в особенности при теперешнем состоянии России) наследия крепостных времен – презрения и нелюбви к труду». Воспитанницы 1-го класса Петроградского Елизаветинского института подали в главное управление заявление, в котором утверждали, что им не нравится «преобладание иностранного элемента» в институтах, «нетерпимость к выдающимся» ученицам, «ненормальные отношения учителей к ученикам» и отношения между учащимися, а также организация старшего класса. Эти документы были помечены резолюцией: «К вопросу о реформе»³⁶.

В целом жизнь в институтах проходила относительно спокойно. Лишь в Саратовском институте еще в марте возникли разногласия между новым составом совета и начальницей, которая решила, что три руководителя института могут управлять им самостоятельно, не считаясь с советом. Из столицы в ее адрес была направлена телеграмма, подписанная Е.П. Ковалевским: «Обязанности совета должны определяться действующими узаконениями, пока не отмененными». 26 апреля, получив предписание Е.П. Ковалевского о сохранении 12-

³⁶ Там же. ЛЛ. 21–21 об., 37, 40–42, 45, 48–61, 64–65, 71, 81–90.

балльной системы оценок, наградах и аттестатах, совет Смольного института постановил считать циркуляр неприемлемым. Члены совета посчитали, что система оценок – внутреннее дело учебного заведения, а по другим статьям циркуляр является «неудобоисполнимым». 17 апреля комиссар получил телеграмму из Орла, в которой совет Мариинского института просил разъяснить, можно ли воспитанницам принимать участие в собраниях союза учащихся средних учебных заведений и входить в его состав. Комиссар ответил: «Участие воспитанниц мною отклонено. Правила для закрытых учебных заведений впредь до пересмотра не должны нарушаться»³⁷.

Родителей воспитанниц волновала судьба институтов. 2 мая 1917 г. в главном управлении состоялось совещание с руководителями столичных институтов под председательством Е.П. Ковалевского как комиссара Государственной думы. Был создан временный совет по проблемам институтов, обсудили вопросы о воспитанницах, остающихся в них на лето, и о начале занятий в будущем году. Председатель заявил, что Министерство народного просвещения предлагает передать институты в его ведение и выступил с докладом о финансовых условиях такой передачи³⁸. Позднее, в конце июня 1917 г., юрисконсульт подготовил заключение, в котором утверждал, что ни одно пожертвование в пользу институтов не обусловлено их нахождением в составе Мариинского ведомства³⁹, но переход их, как известно, так и не состоялся.

Проекты преобразования системы призрения сирот и подкидышей комиссары поручили подготовить руководителям воспитательных домов. Ответ из Петроградского дома последовал уже 25 апреля 1917 г. и был адресован М.М. Ичасу. И. о. директора главный врач И.А. Климов признал несостоятельность системы отправки грудных детей в сельские округа на воспитание в крестьянские семьи. По его мнению, необходимо было создать особые колонии для питомцев недалеко от столицы с устройством «детских питомников», приютов-семей; здесь же должны быть общеобразовательные школы, все виды обучения сельскому хозяйству, а также мастерские для обучения ремеслам. К устройству колоний, по его мнению, необходимо «приступить безотлагательно текущим летом». К письму был приложен подробный проект, подготовленный чиновником ведомства Н. Ганзеном еще в 1916 г.

В Москве по предложению комиссара Московского воспитательного дома кн. М.В. Голицына в апреле 1917 г. была образована ко-

³⁷ Там же. ЛЛ. 71, 92; Д. 2790. Л. 80.

³⁸ Там же. Д. 2351. ЛЛ. 94, 118–124 об.

³⁹ Там же. Д. 2354. Л. 100.

миссия «по вопросу об общей реформе дела призрения беспризорных детей и подкидышей». Она представила свой доклад в августе 1917 г. В отличие от петербуржцев, москвичи уделили особое внимание созданию служб, которые помогали бы матерям и побуждали их не бросать своих детей⁴⁰. Реформу воспитательных домов Министерство также не провело, зато многие ее черты можно угадать в преобразованиях, осуществленных в советское время.

Встал и вопрос о ведомственном подчинении различных благотворительных заведений, ранее находившихся под общим покровительством Мариинской канцелярии. Руководители некоторых из них высказывали пожелание о предоставлении своим заведениям самостоятельного статуса. 17 апреля в Управлении состоялось совещание, участниками которого стали комиссары Государственной думы В.В. Милютин, В.П. Басаков и Э.П. Беннигсен, представитель от Москвы Д.Я. Дорф, а также профессора-специалисты по общественному призрению С.К. Гогель и В.Ф. Дерюжинский и представители благотворительных комитетов⁴¹.

Совещание, очевидно, стало одним из этапов, предшествовавших организации будущего Министерства государственного призрения. Сообщая о нем министру народного просвещения, Е.П. Ковалевский кратко изложил суть поставленных перед его участниками проблем. Представляя материалы совещания и свои личные соображения, комиссар просил А.А. Мануйлова поддержать их «перед Советом министров». По его мнению, важнейшая отрасль «внутреннего управления», занимающаяся делом общественного призрения, «пришла в полное расстройство». Кроме учреждений Мариинского ведомства «тем же делом общественного призрения в других его отраслях» занимался «ряд других комитетов, во главе которых стояли члены бывшей династии и которые за счет государственных средств осуществляли каждый по-своему дело единого государственного призрения». От такого «распространения по соображениям чисто случайным и утратившим ныне после революции всякое значение, дело призрения», по убеждению комиссара, «было приведено в положение хаотическое. Ныне с устранением главных комитетов, с потерей всякого значения теми коллегиальными учреждениями, которые стояли во главе этих комитетов и имели в своем составе исключительно больших сановников, неустройство дела призрения еще более увеличилось». Еще сильнее «расстроилось дело» в местных учреждениях этих комитетов. Передача их в ведение министерств не

⁴⁰ Там же. Д. 2339. ЛЛ. 5, 7–113; Д. 2398. ЛЛ. 2–32 об.

⁴¹ Там же. Д. 2354. Л. 18.

улучшила ситуации. Центральные ведомства, «переобремененные работой и в нормальное время», были не в состоянии уделять внимание делу признания, а связь между комитетами, и ранее слабая, совершенно исчезла.

Между тем «переживаемое время» требовало «напряженной и планомерной деятельности в помощи нетрудоспособным гражданам. Здесь выдвигаются в первую очередь такие срочные громадные вопросы, как помощь увечным воинам... и помощь беспризорным детям. Эти дети сделались беспризорными благодаря уходу отцов и матерей одновременно на срочные работы на военные нужды. Мы все, граждане, обязаны будем дать отчет воинам и рабочим в том, что мы сделали, чтобы их дети не впали в беспризорность и в неминуемо следующую за нею преступность». По данным судов для малолетних, работавших в крупнейших городах (Петрограде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Николаеве и Нижнем Новгороде), преступность за последнее время более чем удвоилась, беспризорность же возросла во много раз.

По сведениям комиссара, дети гибнут, замерзая, например, в Москве, в «трубах, изливающих воду в Москву-реку, а нравственно они обращаются в шайки хулиганов, которых задерживают милиционеры и приводят в районные комитеты. Но последние совсем не имеют ни сил, ни средств. Советы рабочих и солдатских депутатов, например, в Киеве, требуют от детского суда помощи, но последний тоже бессилён пока». 16 апреля в Министерстве юстиции состоялось совещание под председательством товарища министра А.С. Зарудного с участием представителей судов малолетних и специалистов. Собравшиеся постановили обратиться к министру юстиции А.Ф. Керенскому с ходатайством о выделении 2 млн руб. в распоряжение начальника главного тюремного управления на нужды этих судов «для мер попечительных»⁴². Однако борьба с детской беспризорностью являлась заботой не только Министерства юстиции, но и делом Государственного признания.

Участники совещания решили образовать «хотя бы временный орган единения всех разрозненных учреждений общественного признания» под председательством особого комиссара Государственной думы. К Учредительному собранию следовало подготовить положение о постоянном центральном органе общественного признания. В него должны были войти выборные представители, в том числе и от советов рабочих и солдатских депутатов⁴³, то есть был поднят вопрос о централизации руководства им.

⁴² Там же. ЛЛ. 17–17 об.

⁴³ Там же. ЛЛ. 18–18 об.

Очень тяжелым было материальное положение служащих Мариинского ведомства. Естественно, что первыми заявили о необходимости улучшения условий своей жизни низшие служители столичных учебно-воспитательных заведений. Росту их активности явно способствовала революционная обстановка в Петрограде. Уже 7 марта 1917 г. свои «пожелания» почетному опекуну высказали служители Смольного и Александровского институтов.

Сохранились протоколы их собраний. Работники-мужчины требовали увеличения жалования, пособий на обучение детей, на рождения, похороны и по болезни, пенсий за выслугу лет. Представители «женской прислуги», явно малограмотные, с трудом могли сформулировать свои пожелания. «Объ мундерование служащих выдавалось бы следующим образом, – писали женщины. – Палто через 5 и больше, которые и совсем не получали, а фуражки следуют ежегодно, но мы не получаем. Квартыры очень не удобные <...> и не которые не от горожены, а поставлены так, за свой счет и так дальше»⁴⁴. Через неделю к прислуге присоединились рабочие.

Трогательное прошение составили «казенные девушки», питомицы Воспитательного дома, служившие в институте с получением казенного стола, одежды и жилья. Они сообщали, что их жалование в 1905 г. составляло менее 2 руб. в месяц, в 1905–1915 гг. – 3 руб., а с 1916 г. – 4 руб. «На это жалование мы должны купить чай, сахар, а из одежды нам не выдаются платок для головы, пальто, галоши и чулки, – сообщали служительницы. – На сапоги мы получаем ежегодно 6 руб., а в настоящее время на это содержание крайне тяжело и трудно жить <...> 1) Описываем то[,] что мы не имеем сапог[,] чулок[,] галош[,] полотенец[,] платков[,] новых покрывал[,] юбок и куцавеек[,] сахар и чай[,] мыло для стирки, а жалованье получаем 4 руб. 2) Просим форму и стол и 20 руб. Просим обратить внимание на нашу просьбу. Девушки. 15 марта 1917 года»⁴⁵.

Они просили об улучшении пищи («Последние два года мы получали ежедневно булку, а теперь выдача булок прекращена»), надеялись на увеличение пенсии (за 15 лет службы их пенсия составляла 1 руб. 80 коп. в месяц, за 25 – 5 руб. 25 коп., а за 35 – 6 руб. в месяц) и высказывали пожелание об облегчении помещения в богадельни: «Между нами есть много девушек, выслуживших 15, 20, 25 и 30 лет. За эти годы мы много положили сил и здоровья на службе». Письмо подписали 17 служительниц.

⁴⁴ Там же. Д. 2357. ЛЛ. 7–8 об.

⁴⁵ Там же. ЛЛ. 9–13.

29 марта 1917 г. рабочие и низшие служащие Московского воспитательного дома потребовали пасхального награждения в размере месячного жалования. Не сразу, но члены правления поддержали это требование, признали «положение рабочих и прислуги тяжелым, получаемое ими вознаграждение недостаточным и при отсутствии надбавок на дороговизну несравнимо меньшим с окладами в городских учреждениях». С этим согласился и Е.П. Ковалевский, и московская прислуга получила награждение⁴⁶.

Подобных прошений поступало все больше. 12 мая комиссары участвовали в работе «междуведомственного совещания», на котором было до нормы повышено суточное вознаграждение всех групп прислуги. На очередном прошении низших служащих 13 мая Е.П. Ковалевский не без некоторого раздражения написал: «Надо собрать справки и выяснить это заявление, никак не могу в нем разобраться. Ведь младшим служащим уже отпущены 1¹/₂ миллиона, и <...> 800 000 р., а учащим еще ничего»⁴⁷.

Впрочем, преподаватели ведомства вскоре также стали подавать голоса в защиту своих прав – они не получали военных надбавок – и Е.П. Ковалевскому, и М.М. Ичасу. Они передавали прошения в контроль ведомства. Им отвечали, что средств для повышения жалования нет⁴⁸. Постепенно настроение педагогов начало меняться, и они стали угрожать комиссарам забастовкой⁴⁹.

Действительно, новым руководителям Мариинского ведомства пришлось столкнуться с конфликтными ситуациями, которые в 1917 г. росли, как грибы. Особенно накаленной была обстановка в Москве, где собрания рабочих и прислуги пытались взять в свои руки руководство учреждениями, требовали смещения прежних начальников. Этому пришлось противостоять комиссарам. 20 марта 1917 г. официальное письмо Е.П. Ковалевскому отправил почетный опекун, управляющий Московским домом кн. А.Б. Голицын. Он жаловался, что «в связи с совершившимися событиями» его положение как почетного опекуна является неопределенным, «служебный персонал <...> волнуется <...> и, излишне нервирясь, создает крайне нежелательную атмосферу <...>, а со стороны прислуги (до 500 человек) появляются <...> чрезмерные экономические требования с угрозами по адресу администрации дома», и просил комиссара посетить дом, чтобы «внести успокоение в среду чиновников и в особен-

⁴⁶ Там же. Оп. 46. Д. 3740. ЛЛ. 7–10.

⁴⁷ Там же. Д. 3960. Л. 101.

⁴⁸ Там же. ЛЛ. 212–213.

⁴⁹ Там же. ЛЛ. 102–103 об.

ности низших служащих, плохо обеспеченных жалованием»⁵⁰. Через несколько дней обстановка, видимо, еще более накалилась, и кн. А.Б. Голицын отправил в адрес Е.П. Ковалевского телеграмму: «Благоволите телеграфировать, когда прибудете в Москву»⁵¹.

Е.П. Ковалевский распорядился: «Сообщить Голицыну, что приеду в Москву на пасхальной неделе. Пока прошу образовать для обсуждения вопросов о преобразовании и нуждах дома совещание из представителей по примеру Петроградского дома, можно ввести и порядок управления, как применяемый здесь». По просьбе комиссара была составлена справка о том, что управление столичным домом к концу марта 1917 г. находилось в руках совета делегатов, избранных от всех групп служащих.

Действительно, к этому времени была запланирована командировка Е.П. Ковалевского через Москву в Харьков с остановкой в Москве на обратном пути. Будучи в Москве проездом 3 апреля, комиссар вызвал на вокзал Устинова, служившего в опекуновском совете. 4 апреля комиссар прибыл в Харьков, а 12 апреля «Вестник Временного правительства» сообщал, что он «приехал в Москву после обзора провинциальных учреждений ведомства». По сообщению газеты, в древней столице комиссар «предполагает ознакомиться с московскими учебными заведениями, больницами и благотворительными учреждениями. Особое внимание уделено будет воспитательному дому <...> В управлении домом произведены будут коренные преобразования, и участь полукрепостных питомцев и питомиц улучшена. В отношении женских институтов вводится коллегиальность управления, прием учащихся на основе всесословности и открывается доступ для приходящих. Институты будут предназначены для сирот и полусирот, преимущественно отцов, пострадавших на войне. Учебная часть повышается»⁵². Нетрудно заметить, что газетная заметка представляет декларацию, — красивую, трескучую и пустую.

Во всяком случае, к успокоению в воспитательном доме и московских институтах визит комиссара не привел. Видимо, он санкционировал временное отстранение от должности и проведение расследования деятельности главного врача дома Тихановича. 12 апреля (в день публикации заметки о программе пребывания Е.П. Ковалевского в Москве) в Петрограде получили срочную телеграмму: «Условное отстранение <...> Тихановича не удовлетворило ни служащих ни рабочих <...> Просим распоряжения о немедленном и окончательном увольнении Тихановича. Председатель собрания

⁵⁰ Там же. Оп. 46. Д. 3964. ЛЛ. 128–129.

⁵¹ Там же. Л. 133.

⁵² Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.

служащих Смирнов. Председатель собрания рабочих Харламов». На следующий день в Петрограде пришла еще одна телеграмма: «Соглашению Кишкиным назначено расследование дела Тихановича. До выяснения прошу его не увольнять. Голицын»⁵³. Телеграмму подписал кн. М.В. Голицын, назначенный комиссаром Московского дома.

До конца апреля 1917 г. обстановка в московских учреждениях ведомства продолжала обостряться. Составленная в главном управлении справка включала такой перечень основных проблем: «1. Заявления профессионального союза рабочих и низших служащих об установлении управления заведениями местными выборными комитетами (Московский воспитательный дом и Московский сиротский институт); 2. Трения между начальствующими лицами и служащими в <...> доме и <...> сиротском институте; 3. Телеграмма кн. М.В. Голицына и комиссаров Григорьева, Реформатского и Алферова об организации в Москве специального управляющего органа в виду осложнений». Очевидно, для укрепления рядов тех, кто должен был улаживать конфликты в московских учреждениях, 26 апреля Е.П. Ковалевский телеграфировал комиссару Н.М. Кишкину: «Прошу пригласить от моего имени членов Думы любого созыва, находящихся в Москве. Если не найдется, члена судебной корпорации или присяжного поверенного. Результаты сообщите для утверждения»⁵⁴.

На следующий день события в Москве и в других городах вызвали появление циркуляра Министерства народного просвещения, адресованного «местным начальствам заведений ведомства». В нем сообщалось: «По имеющимся сведениям в некоторых заведениях <...> собраниями служащих в последнее время делаются постановления о смещении лиц учебно-воспитательного и административного персонала и избрания на их место кандидатов, причем такие постановления сопровождаются нередко угрозами немедленного удаления нежелательных лиц из данного учреждения». Министр народного просвещения по представлению комиссаров заявлял: «Подобные самочинные действия недопустимы в правовом государстве и не соответствуют принципам свободы и неприкосновенности личности. При недовольстве же должностными лицами, вызванном допущенными с их стороны злоупотреблениями, необходимо в каждом отдельном случае вполне определенно указать как причины недовольства, так и самые факты, послужившие к обвинению должностного лица. Подобные обоснованные жалобы должны быть, прежде всего, направлены в местный совет заведений, который обязан в

⁵³ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. ЛЛ. 5, 6.

⁵⁴ Там же. Л. 17.

кратчайший срок рассмотреть их, и в случае невозможности устранить причину недовольства, немедленно передать жалобу со своим заключением в главное управление ведомства для производства им расследования на основании достаточно полного материала»⁵⁵. После рассылки циркуляра тон переписки комиссара с местными учреждениями стал более жестким и решительным.

8 мая Е.П. Ковалевский отправил срочное письмо в адрес совета Московского сиротского института. Он заявил, что заявление профсоюза рабочих и служащих института о том, что они должны «взять на себя управление воспитательными и медицинскими учреждениями, недействительно. Только Временное правительство имеет право изменять порядок управления учреждениями, содержимыми государством и подчиненными соответствующим министерствам <...> Воспитательный дом должен управляться обновленным советом, пока не будет утвержден новый устав»⁵⁶.

С укреплением нового руководства также было непросто. 3 мая 1917 г. Е.П. Ковалевский писал кн. М.В. Голицыну, что получил его письмо с просьбой о командировании «кого-либо из членов Думы для участия в следственной комиссии» в воспитательном доме. Комиссар сообщил, что переговорил с М.В. Челноковым, прибывшим на торжественное заседание Государственной думы четырех созывов, и он дал согласие на участие в расследованиях. Вскоре М.В. Челноков был утвержден председателем ревизионной комиссии «по расследованию волнений в воспитательном доме»⁵⁷. Ко времени создания Министерства государственного призрения остроту ситуации в Москве, видимо, удалось снять. В Москву был назначен уполномоченный ведомства.

Кроме официальных бумаг в адрес комиссаров поступало много писем и прошений от частных лиц, обычно от служащих ведомства. Их атаковали просьбами о пенсиях, пособиях, назначениях на какое-либо место. Многие прошения имеют пометки, сделанные рукой комиссаров⁵⁸. Некоторые просители были комиссарам известны, о чем делалась особая пометка, другие действовали под покровительством знакомых им думцев⁵⁹.

Постановлением Временного правительства от 12 мая 1917 г. Ведомство учреждений императрицы Марии было включено в состав Министерства государственного призрения. 16 мая в управление

⁵⁵ Там же. Л. 27; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 37.

⁵⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л. 37.

⁵⁷ Там же. ЛЛ. 32, 35.

⁵⁸ Там же. Д. 3963. Л. 44; Д. 3966. ЛЛ. 112, 122–123.

⁵⁹ Там же. Д. 3959. Л. 319; Д. 3966. Л. 126.

Министерством вступил кн. Д.И. Шаховской⁶⁰. 17 мая комиссары Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас сложили свои полномочия и вскоре покинули столицу⁶¹. Сведения об их увольнении в фондах Мариинского ведомства пока не обнаружены.

Комиссары Временного правительства, в первую очередь Е.П. Ковалевский, дали серьезный толчок преобразованиям Мариинского ведомства. Как опытные думцы они хорошо представляли себе общее направление реформ, но продуманных, четких планов у них, как и у многих реформаторов, не было. Даже в таком тихом уголке, как ведомство учреждений императрицы Марии, их все больше захлестывала революционная стихия, но формальной причиной отставки комиссаров послужила смена правительства.

В.И. МУСАЕВ

Убийство депутатов Государственной думы А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина – политическое или уголовное преступление?

Убийство двух видных деятелей конституционно-демократической партии, бывших депутатов Государственной думы и членов Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина в Мариинской больнице в Петрограде в ночь с 6 на 7 января (с 19 на 20 н. ст.) 1918 г. было первым после событий ноября 1917 г. случаем гибели высокопоставленных общественных и государственных деятелей прежнего режима. Гражданская война тогда не началась, до объявления новыми властями «беспощадного красного террора» было еще далеко, продолжали выходить меньшевистские газеты, в связи с этим преступление получило широкую огласку и имело громкий общественный резонанс.

События развивались следующим образом. Андрей Иванович Шингарев, министр земледелия в первом составе Временного правительства (март – май 1917 г), министр финансов в первом коалиционном составе Временного правительства (май – июль 1917 г.), и Федор Федорович Кокошкин, занимавший с конца мая 1917 г. пост председателя «Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание», а с начала июля – государственного контролера, прибыли в Петроград утром 27 ноября

⁶⁰ Там же. Д. 3767. Л. 1.

⁶¹ Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович. С. 256.

1917 г., к открытию Учредительного собрания, которое предполагалось на следующий день. Вечером того же дня на квартире графини С.В. Паниной состоялось заседание членов кадетской партии. Заседание затянулось до позднего вечера, и его участники остались ночевать на квартире. Утром следующего дня все участники заседания были арестованы (на том основании, что они, как было записано в ордере на арест, «не хотели признавать власть народных комиссаров»). В ночь на 29 ноября арестованные были помещены в одиночные камеры Петропавловской крепости.

В условиях пребывания в холодных камерах, при плохом питании у Кокошкина и Шингарева обострились заболевания (Кокошкин страдал легочным туберкулезом и малокровием, Шингарев – хронической болезнью печени). Их родные стали хлопотать об их переводе в больницу. В последних числах декабря 1917 г. председатель Красного креста доктор И.И. Манухин обратился в Народный комиссариат юстиции с просьбой, подкрепленной свидетельствами о состоянии здоровья Кокошкина и Шингарева, о переводе их в Мариинскую тюремную больницу.

Между тем ситуация в Петрограде резко изменилась после покушения на В.И. Ленина 1 января 1918 года. В большевистских газетах появились статьи с требованиями «решительно и беспощадно» расправиться с «буржуазной контрреволюцией» и за каждую голову «народных вождей» «отрубить сто голов» буржуазии. Эти кровавые призывы к расправе над буржуазией получили живой отклик и распространение среди солдат Петропавловской крепости. Гарнизон крепости, вспоминал Манухин, «стал бушевать, требовать мщения, крови за попытку “буржуазии” посягнуть на жизнь их вождя»¹. 2 января 1918 г. ходатайство И.И. Манухина было рассмотрено СНК. 6 января Народный комиссариат юстиции выдал супруге Ф.Ф. Кокошкина и сестре А.И. Шингарева ордера на их перевод в Мариинскую больницу. Вечером того же дня они были доставлены в больницу под охраной красногвардейского наряда и помещены в палаты. Для их охраны был оставлен караул из двух красногвардейцев².

Около часа ночи к больнице явилась группа матросов в 10–12 человек. Матросы стали требовать у сторожа впустить их под предлогом, что они пришли на смену караула. Войдя в помещение больницы, они взяли у сторожа керосиновую лампу и направились на третий этаж, где находились палаты Кокошкина и Шингарева. Сначала они вошли в палату Шингарева, откуда послышались выстрелы. Затем матросы перешли в палату Кокошкина, где также раздались

¹ Последние новости. 1926. 19 января.

² ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 5–6.

выстрелы. После этого матросы покинули помещение больницы. Караульные красногвардейцы, по одним показаниям, все это время отсутствовали, по другим — находились тут же. Врач Мариинской больницы П.П. Миролюбова после ухода матросов обнаружила Кокошкина мертвым. Смертельно раненый Шингарев прожил еще около двух часов³.

Убийство Кокошкина и Шингарева было чрезвычайным событием. Советские лидеры хорошо понимали, что их политические противники получают в свои руки неплохой козырь — возможность обвинить большевиков в этом убийстве. «Правда» назвала убийство бывших думцев и министров «преступлением против революции»⁴. Что касается политических оппонентов большевистской партии, никто из них прямо не обвинял ее в организации убийства, однако, по их мнению, моральная ответственность за случившееся лежала на вождях большевиков. «Новая жизнь», в частности, писала, что для уяснения мотивов поведения убийц достаточно почитать «Правду», страницы которой пестрели экстремистскими призывами к расправе с «врагами революции»⁵. А московская газета «Власть народа» высказалась следующим образом: «Кто будет... отрицать, что оно (убийство — В.М.) явилось результатом того систематического разжигания страстей и натравливания запутавшихся в политике масс на своих политических противников, которые изо дня в день ведутся правящей ныне партией?»⁶.

8 января В.И. Ленин подписал от имени СНК предписание немедленно провести расследование и арестовать виновных⁷. Кроме того, СНК поручил Наркомату юстиции выяснить обоснованность арестов политических заключенных и освободить тех из них, кому в течение 48 часов невозможно будет предъявить конкретное обвинение⁸. Расследование, проведенное следственной комиссией при Революционном трибунале, установило причастность к убийству Кокошкина и Шингарева инструктора при штабе Красной гвардии С.И. Басова, который за три часа до убийства производил в больнице смену караула. Басов, арестованный 9 января, сознался, что приходил в больницу вместе с матросами, убившими министров. Он, однако, утверждал, что матросы угрозами заставили его вести их в больницу, что сам он в убийстве не участвовал, а только светил им лампой, а пос-

³ Там же. Л. 18.

⁴ Правда. 1918. 8 января.

⁵ Новая жизнь. 1918. 10 января.

⁶ Власть народа. 1918. 11 января.

⁷ Декреты Советской власти о Петрограде 1917–1918 гг. Л., 1986. С. 92–93.

⁸ Новая жизнь. 1918. 9 января.

ле убийства матросы еще требовали, чтобы он повел их в Петропавловскую крепость, чтобы расправиться с сидевшими там другими министрами и Марковым 2-м⁹.

В организации убийства был обвинен А. Куликов, командир отряда бомбометчиков, который, находясь в распоряжении комиссариата Первого Городского района, формировал конвой для сопровождения министров в больницу. Как утверждал Басов, при формировании конвоя Куликов советовал не возиться с заключенными, а «просто сбросить их в Неву». Он также был арестован. Басов и Куликов были помещены в казематы того же бастиона Петропавловской крепости, в котором ранее содержались убитые министры¹⁰. Кроме того, были задержаны П.В. Михайлов, временно возглавлявший комиссариат Первого Городского района, и красногвардейцы Д. Рудаков, Г. Блюмфельд, П. Розин и А. Артемьев (двое первых в момент прихода матросов стояли на карауле в Мариинской больнице). Всех упомянутых лиц было решено привлечь к суду Революционного трибунала: Басова – по обвинению в соучастии в убийстве, Куликова – в подстрекательстве к убийству, его организации, недонесении об убийстве и бездействии власти, Рудакова и Блюмфельда – в недонесении о совершенном убийстве, бездействии власти и преступном и нерадивом исполнении обязанностей караульных, Михайлова – в укрывательстве убийцы, бездействии власти и нерадении по службе, Артемьева – в укрывательстве Басова и недонесении об убийстве.¹¹

Все эти привлеченные к ответственности лица, однако, имели лишь косвенное отношение к убийству. Непосредственных же его исполнителей задержать так и не удалось. Не были даже установлены личности всех участников убийства. Удалось лишь выяснить, что в числе убийц были матрос Оскар Крейс, эстонец, бывший рабочий завода Парвайянена, знакомый Куликова (по утверждению последнего, Крейс входил в состав отряда матросов-анархистов Железнякова), и Я. Матвеев, матрос с корабля «Чайка» (у некоторых других матросов, согласно показаниям Басова, на бескозырках была надпись «Ярославец»)¹². Однако ни они, ни другие участники убийства не были задержаны. Народный комиссар по морским делам, член следственной комиссии П.Е. Дыбенко подписал объявление по флоту, в котором всем, кому было что-либо известно о местонахождении убийц, предписывалось сообщить об этом комиссии, а самим

⁹ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 26–28.

¹⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7.

¹¹ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. Л. 66.

¹² Там же. ЛЛ. 48, 60, 63.

убийцам предлагалось добровольно сдаться¹³. Это объявление не возымело действия. Экипажи «Чайки» и «Ярославца» отказались выдать Крейса и Матвеева следственным органам. Корреспондент «Новой жизни» высказал в этой связи предположение, что власти просто боятся производить аресты на флоте, опасаясь возмущения балтийских матросов¹⁴.

Было ясно, что убийство не было спонтанной акцией, но едва ли было заранее продумано и тщательно спланировано. Р. Розин, один из членов конвоя, сопровождавшего арестантов в больницу, в своих показаниях утверждал, что разговоры о том, что Шингарева и Кокошкина надо убить, велись и до их перевода из Петропавловской крепости¹⁵. Это, однако, было тогда, когда уже стало известно, что принято решение об их переводе.

Мотивы убийства не вполне ясны. По словам Басова, матросы, убивая министров, кричали, что мстят за 1905 год¹⁶. Однако ни Шингарев, ни Кокошкин во время событий 1905 г. не занимали никаких правительственных постов и никакого отношения к репрессиям против участников матросских выступлений не имели. Ф.Ф. Кокошкин, более того, сам провел некоторое время в заключении вместе с другими депутатами I Думы как один из инициаторов составления и авторов «Выборгского воззвания». Вероятно, выбор «мстителей» пал именно на Шингарева и Кокошкина только потому, что убить их в больнице было легче, чем других функционеров прежнего режима, остававшихся под более надежной охраной в Петропавловской крепости. В печать просочились сведения о том, что Куликов будто бы признался в организации убийства и заявил, что организовал его из политических соображений, так как сомневался в успехе революции, пока не будут устранены политические противники советской власти, и предполагал организовать еще ряд убийств¹⁷.

Убийство Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, однако, едва ли уместно квалифицировать как политическое. Никакая политическая сила за убийцами не стояла, а с политической точки зрения убийство было лишено какого-либо смысла. Это было проявлением тех же звериных инстинктов, которые впервые вырвались наружу в матросской и солдатской среде во время резни офицеров в Гельсингфорсе и Кронштадте в марте 1917 г. В.П. Павлов, комендант тюрьмы «Кресты», в которой также содержались некоторые бывшие министры и

¹³ Новая жизнь. 1918. 9 января.

¹⁴ Там же. 12 января.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Петроградский голос. 1918. 14 января.

думцы (Хвостов, Щегловитов, Белецкий, Коновалов, Пуришкевич и др.), писал в своих воспоминаниях, что когда в тюрьме стало известно об убийстве Кокошкина и Шингарева, солдаты Московского полка, несшие караул в «Крестах», начали проявлять повышенную агрессивность, угрожали расправиться с заключенными и с самим Павловым, если он станет их защищать. По мнению Павлова, «если бы не были предприняты своевременные меры Ревкомом, выразившиеся в смене москвичей латышами, они перепороли бы штыками их всех»¹⁸. Если бы эту расправу не удалось предотвратить, она бы никак не могла быть отнесена к категории политических убийств: это был бы типичный уголовный самосуд.

Смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева доставила немало головной боли советским лидерам. В то время В.И. Ленин и его окружение еще заботились о своем, говоря современным языком, политическом имидже, и отношение общественного мнения к ним было им безразлично. Компрометировать себя в глазах иностранных представителей в тот период, когда еще сохранялись дипломатические отношения с союзными и нейтральными державами, им также было нежелательно. С другой стороны, попытки довести следствие до конца и привлечь к ответственности лиц, совершивших преступление, могли вызвать сложности в отношениях с плохо управляемой «красой и гордостью революции» – балтийскими матросами. Поэтому дело постепенно «спускалось на тормозах».

15 марта 1918 г., в связи с выходом левых эсеров из Наркомата юстиции, предложенная бывшим наркомом юстиции левым эсером И.З. Штейнбергом редакция обвинительного заключения была отвергнута большевиками. После этого дело об убийстве Кокошкина и Шингарева развалилось. Соучастник убийства Басов был освобожден из-под стражи и получил назначение на один из фронтов. Одновременно из Петропавловской крепости был освобожден Куликов. В апреле были также освобождены караульные Рудаков и Блюмфельд. Суд, о котором было объявлено, не состоялся. В ближайшие месяцы были закрыты все «непролетарские» газеты, некоторые из которых пытались следить за ходом расследования убийства Кокошкина и Шингарева. Оппозиции «заткнули рот».

В заключении остается предположить, что если бы Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев не погибли в январе 1918 г. они наряду со многими другими бывшими представителями политической элиты вполне могли попасть в круговорот красного террора, объявленного

¹⁸ Павлов В.П. Мои воспоминания о «Крестах» // Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о Красном Петрограде 1917–1919 гг. Л., 1957. С. 236–237.

большевистскими властями в конце лета 1918 г. Тогда уже власть действовала «решительно», без оглядки на собственный имидж, и смерть того или иного бывшего крупного государственного или общественного деятеля уже не воспринималась как из ряда вон выходящее событие.

Приложения

В.Н. БАТАЛИН

Открытие I Государственной думы – восстановление кинематографического раритета

Одним из важнейших направлений научно-исследовательской работы Российского государственного архива кинофотодокументов является работа по восстановлению кинодокументов первых десятилетий отечественного кинематографа как дореволюционного, так и первых лет советской власти. Отсутствие в то время понимания важности кинодокументов как исторических источников привело к тому, что до наших дней сохранилась лишь небольшая их часть.

Подобная ситуация характерна не только для нашей страны, но в России ситуация была усугублена двумя революциями, гражданской войной и изменением социально-политической формации страны, повлекшей, помимо всего прочего, национализацию в 1918–1919 годах кинопромышленности. Также следует отметить, что киноплёнка легко, как никакой другой источник, поддается различным «препарированиям». Практика создания новых фильмов в первые годы Советской власти свидетельствует, что значительная часть их монтировалась из негативов ранее снятых фильмов и журналов. Так перестали существовать некоторые фильмы как дореволюционные, так и первых лет Советской власти.

С 60-х годов XX века в архиве началась работа по источниковедческому анализу и восстановлению хроники Февральской, Октябрьской революций и Гражданской войны. Именно эта хроника, в отличие от дореволюционной, считалась тогда особо ценной. С середины 70-х годов XX века началась работа по атрибуции и восстановлению дореволюционной хроники, и, в первую очередь, хроники Первой мировой войны.

Проведенная работа вернула «из небытия» более 400 наименований хроники тех лет, что позволило архиву в 1990-х годах, если можно так выразиться, во всеоружии встретить исследователей, которые бросились делать фильмы с широким использованием дореволюционной хроники.

На сегодняшний день восстановлено и описано более половины хранящегося в архиве массива дореволюционной хроники. В процессе работы над дореволюционной хроникой были подготовлены и в последующем изданы две книги, альбом и опубликованы 18 научных статей в различных изданиях.

В последнее время в РГАКФД началась работа по реконструкции раритетов кинохроники, которые невозможно восстановить традиционными архивоведческими приемами. Причиной тому или невозможность восстановить технологию, применявшуюся в период создания кинодокументов, или неудовлетворительное техническое состояние этих съемок. Например, в архиве долгие годы хранилась пленка под названием «Открытие заседания Государственного совета в Петербурге и др. куски». Более подробно атрибутировать эту пленку не представлялось возможным, так как при первом взгляде на нее можно было подумать, что перед нами рулон засвеченной негативной пленки – настолько изображение на ней темное. Попытка в 1956 году спечатать с этого негатива позитивную копию ни к чему не привела – оптика копировальной машины не была в состоянии справиться с этой кинопленкой. Существующая в настоящее время в мире техника – киносканеры, к сожалению, тоже не в состоянии были нам помочь.

И только год назад мы, совместно с оператором и энтузиастом Н.А. Майоровым, апробировали технологию ручной оцифровки и компьютерного восстановления документальной киносъемки «Открытие первого заседания Государственного совета и Государственной думы 27 апреля 1906 года», техническое состояние которой позволяет высказать предположение, что она никогда не имела своего кинозрителя.

На основе чего можно высказать такое предположение? До недавних пор считалось, что первые киносъемки в помещении были проведены в России не раньше 1908 г., так как в то время отсутствовали соответствующие осветительные приборы, позволяющие проводить съемки на кинопленки тех лет, обладающие очень низкой светочувствительностью. Оператор, снимавший 27 апреля 1906 г., безусловно, был опытным фотографом, прекрасно осознающим сложность съемки при недостатке освещения. Он попытался компенсировать недостаток освещения увеличением времени экспонирования, т.е. вместо 24 кадров в секунду, он снимал со скоростью 8 кадров, а в некоторые моменты даже 4 кадра в секунду. Это дало возможность получить хоть какое-то фотографическое изображение на кинопленке, но не позволило потом спечатать позитивную копию для просмотра из-за слишком темных, почти черных, кадров.

Нам не известно имя кинооператора, осуществившего эту киносъемку, но можно высказать предположение, что им был Александр Карлович Ягельский – с 1899 г. поставщик Двора, а с 1911 г.

– фотограф его императорского величества. Доподлинно известно, что он осуществлял киносъемки при Дворе уже в 1900 –1902 гг. Вполне допустимо предположить, что в последующем, при изучении архивных документов Министерства Двора, удастся получить документальное подтверждение того, что именно А.К. Ягельский осуществил киносъемку, посвященную открытию Государственной думы. Киносъемка запечатлела значительный отрезок церемонии в Георгиевском зале Зимнего дворца, а также первое заседание Государственной думы.

«Правительственный вестник» накануне, в среду 26 апреля 1906 г., опубликовал «высочайше утвержденный Порядок высочайшего выхода в Зимнем дворце по случаю открытия первого созыва Государственного совета и Государственной думы» с подробным порядком проведения этого небывалого прежде события, которому должно было предшествовать молебствие в 10 часов утра во всех соборах, церквях и храмах обеих столиц. Помимо перечня приглашенных на это мероприятие лиц, порядка их размещения в залах Зимнего дворца и порядка их следования, указывалось, что дамы должны быть в русских платьях. В церемонии предполагалось использование императорских регалий: короны, скипетра, державы, государственного меча, государственного знамени и государственной печати.

Эта информация, а также репортаж в «С.-Петербургских ведомостях» от 28 апреля 1906 г., в котором чрезвычайно подробно, с указанием последовательности действий и фамилий участвующих, был освещен весь порядок проведения этого события, позволит нам в последующем точно атрибутировать съемку этих двух событий, так как качество съемки чрезвычайно затрудняет этот процесс, и не имея мы подробного описания события, мы скорее всего не смогли бы узнать стоящего справа от трона генерал-адъютанта О.Б. Рихтера с государственным мечом и стоящего слева от трона генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатьева с государственным знаменем, равно как и открывшего первое заседание Государственной думы статс-секретаря вице-председателя Государственного совета Э.В. Фриша.

Будьте, пожалуйста, снисходительными к качеству изображения этого фильма, замечательного прежде всего важностью события, временем создания этого фильма – он входит в десятку самых ранних сохранившихся российских кинодокументов, а также тем, что является самой ранней (из известных на сегодняшний день) киносъемкой, снятой в помещении. Должен с гордостью отметить, что нигде в мире подобной работы никто не делал, наверное, потому, что не нашлось «сумасшедших», согласных делать подобную ручную, кропотливую работу.

Мы предполагаем сделать фильм в двух вариантах: оцифровать

и вывести на киноплёнку, один к одному, сохранившиеся кадры, чтобы сохранить их для последующих поколений, и сделать вариант с титрами и музыкой для демонстрации в настоящее время. Часть именно такого варианта вы увидите сегодня одними из первых зрителей. Съёмка озвучена песнопением «Покой Спасе» записи хора в Храме Христа Спасителя (1906 – 1916 гг.) и «Боже царя храни» в исполнении оркестра С.-Петербургского филармонического общества 1915 г. «Шум зала» – это фонограмма первого заседания Верховного Совета СССР в 1989 г.

В последующем есть надежда, что с помощью компьютерных технологий нам удастся не только сохранить, но и донести до широкого зрителя хронику, которая из-за нестандартной перфорации (например, люмьеровская плёнка отличалась своеобразной перфорацией — у нее одно круглое отверстие между кадрами), а также плохого технического состояния не может быть восстановлена и скопирована для последующего просмотра при существующей кинокопировальной технике. А таких кинодокументов у нас 21 ед. хр. первых лет существования российского кинематографа. Сегодняшняя демонстрация является «первой ласточкой» в направлении решения этой непростой задачи.

Л.А. КРОХИНА

Концепция выставки «Народы Российской империи: первый парламентский опыт» (на основе материалов государств-участников МПА СНГ)

«...Россия представляет государство, населенное многоразличными племенами и народностями. **Духовное объединение** всех этих племен возможно только при удовлетворении потребности каждого из них **сохранять и развивать своеобразие** в отдельных сторонах быта...»

Из ответа Государственной думы
на тронную речь.
Май 1906

Выставка посвящается общему историческому прошлому народов Содружества Независимых Государств, связанному с российским парламентаризмом начала XX века.

Цели выставки:

Приобщение граждан России и других стран СНГ к общему наследию по истории России начала XX века.

Выставка рассказывает о жизни народов, входивших в состав Российской империи, об участии представителей этих народов в работе российского парламента, погружает посетителей выставки в атмосферу начала XX века.

Выставка создается на основе:

1) документов и других материалов из архивов, музеев, библиотек Санкт-Петербурга и Москвы;

2) материалов из архивов и научных учреждений стран СНГ (часть материалов была передана Межпарламентской Ассамблее СНГ в связи с празднованием 100-летнего юбилея Государственной думы.)

Ценность, уникальность выставки заключается в **сосредоточении максимума информации по данной теме**, полученной из **разных** источников. Зачастую эти источники находятся за пределами Российской Федерации. Такая работа ранее не проводилась.

Многие архивы, музеи, библиотеки стран СНГ содержат уникальные материалы по данному вопросу. Полной информации по данной теме нет ни в одной из стран Содружества.

Новая выставка будет являться логическим продолжением выставочной экспозиции, посвященной торжественному открытию и началу работы Государственной думы в 1906 году. Получив представление о начале работы российского парламента, экскурсанты перейдут в следующий зал, где им будет предложено ознакомиться с жизнью народов Российской империи в начале XX века, а также деятельностью представителей народов Российской империи в Государственной думе.

Размещение выставки планируется в одном из залов Таврического дворца площадью 65 кв.м. с небольшим прилегающим помещением площадью 9 кв.м.

Выставка условно делится на три смысловые части:

1. НАРОДЫ И ВЛАСТЬ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Посетителям предлагается совершить экскурс в многонациональную Российскую империю начала XX века. Документы, фото-, видео- и другие материалы дадут представление о яркой, самобытной, уникальной культуре каждого из народов, входивших в состав России, стремившихся во что бы то ни стало сохранить свой язык, историю, традиции, религию.

Тема самобытности культур народов, входивших в состав России, с одной стороны, и тема имперской политики, не всегда согласовывающейся с национальными интересами и желаниями, с другой

стороны, «звучит» в материалах выставки, размещенных в витринах по всему периметру зала. Кроме того, в витрины помещены документальные свидетельства, а также материалы, посвященные выборам 1906 года в национальных окраинах Российской империи.

Для того, чтобы дать представление о народах Российской империи в увлекательной форме, создатели выставки предлагают экскурсантам совершить **путешествие по России**.

Во все времена наряду с обычными обывателями, погруженными в повседневность, жили любознательные непоседы, мечтающие о неисследованных землях, знакомствах с новыми странами и народами... Они отправлялись в дальние поездки, описывали увиденное в своих дневниках, делали зарисовки, фотографировали (с появлением такой возможности), собирали коллекции...

Представим себе, что в 1906 году какой-то любитель путешествий (назовем его господин Н.) предпринял длительную поездку по окраинам необъятной Российской империи, а его дневник с описанием увиденного был опубликован в нескольких номерах одного из популярных журналов того времени...

Выставка рассказывает об этом путешествии следующим образом:

В небольшом помещении, предшествующем выставочному залу, размещается «купе пультмановского вагона». Столик, кресло, окно, за которым «проплывают» то пейзажи, то виды городов и деревень... На столике дневник путешественника, раскрытый на одной из страниц... Слышится постукивание колес...

Дизайнерскими средствами воспроизводится обстановка купе поезда начала XX века. На плазме, которая имитирует окно купе, демонстрируется видеоряд, обеспечивающий «движение за окном», аудиосопровождение обеспечивает шумовые и звуковые эффекты. Рассказ экскурсовода и оформление этого помещения настраивают посетителей на тему путешествия...

В зале на одной из пристенных витрин размещена карта Российской империи начала XX века с нанесенным на ней маршрутом путешествия нашего героя. Маршрут начинается в Петербурге, проходит по многим городам и населенным пунктам западных окраин России, Кавказа, Средней Азии и заканчивается в Москве:

Петербург – Минск – Киев – Кишинев – Одесса – Новороссийск (морем) – Батум (морем) – Тифлис – Эривань – Баку – Красноводск (морем) – Асхабад – Ходжент – Ташкент – Пишпек – Верный – Акмолинск – Омск – Самара – Казань – Москва.

По всему периметру зала на высоких пристенных витринах расположены «открытки» с видами тех городов, где побывал господин Н.

Художниками разрабатываются изображения с видами городов, стилизованные под открытки начала XX века. Каждое подобное изображение, размещенное на витрине, — очень сильно увеличенная имитация открытки, на которой нанесен рукописный текст нашего героя о впечатлениях от посещенных мест. «Открытки» располагаются в определенной последовательности. Таким образом, с их помощью еще раз прослеживается маршрут путешествия.

В нижней части вертикальных витрин размещены фотографии пейзажей, представителей народов, живущих в этих местах, городов, которые посетил господин Н. Они передают национальный колорит той или иной местности.

Под вертикальными витринами по всему периметру зала располагаются горизонтальные витрины. Они содержат разнообразную информацию о тех городах и населенных пунктах, в которых путешественник совершал остановки, и местных жителей (приводимая информация взята из газет и журналов, путеводителей и других изданий начала XX века).

В трех углах зала на горизонтальных витринах располагаются арт-объекты, имитирующие верстовые столбы. Каждый «верстовой столб» — своеобразная подставка с несколькими полочками, на которых размещаются предметы, являющиеся знаковыми для культуры данного народа (вещи, представленные на выставке, составляют «коллекцию» нашего исследователя и представляют собой реплики экспонатов из собраний этнографических музеев).

В нескольких местах на горизонтальных витринах лежат номера журнала «Дорожник», изготовленные дизайнерами. Наш «Дорожник» — собирательный образ журнала о путешествиях. Всего планируется разместить на выставке 5–6 номеров журнала. Каждый из них включает в себя несколько страниц с текстом и иллюстрациями, посвященными определенному этапу путешествия. Приводимая информация взята из газет и журналов того времени. Внешне и по содержанию журнал очень похож на историко-этнографические журналы начала XX века, в частности, на «Дорожник по азиатской России».

Путешествие проходит в основном по железной дороге, часть маршрута — по шоссейным дорогам на лошадях, часть — морем. Совершая переезды вместе с героем (то есть переходя от витрины к витрине), экскурсанты «посещают» города и села, «наблюдают» жизнь губерний России, нравы и обычаи местного населения, узнают о развитии промышленности и торговли, знакомятся с транспортом начала XX века, состоянием дорог, ценами за проезд, обслуживанием пассажиров...

Таким образом, детально знакомясь с различными сторонами повседневной жизни Российской империи, посетители выставки погружаются в атмосферу начала XX века.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС:

- Итоги выборов;
- Формирование национальных групп и фракций. Их состав и деятельность;
- Обсуждение национальных проблем в I и II Думах.

Результаты выборов в первую Государственную думу почти для всех были неожиданными. Примерно 40 % депутатского корпуса I Государственной думы составили представители разных народов Российской империи. А это означало, что национальные проблемы будут обязательно обсуждаться на заседаниях.

Образное определение многонациональной Думы дал В.П. Обнинский:

«...Настоящая живая этнографическая карта России! Проходя вдоль этих скамей, вы на расстоянии ста шагов и двух минут времени видели типы всех населяющих империю народов, слышали десяток разных языков... здесь, кроме общегосударственного дела и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, **владеи умами интересы местные, областные, национальные...».**

Визуальным подтверждением этих слов является арт-объект, размещенный в центре выставочного зала. Рассматривая его, посетители могут высказать предположение, что это макет Думского зала Таврического дворца с условным обозначением групп и фракций (в том числе и национальных). Это так, но в арт-объекте можно увидеть много различных образов и символов...

В нем легко «читается» образ парламента. Вокруг арт-объекта на легких прозрачных пластинках помещены высказывания депутатов и членов правительства. Каждое высказывание – отражение определенной точки зрения по национальному вопросу. Таким образом, посетители выставки «оказываются» в зале заседания во время обсуждения этого сложного вопроса. Аудиосопровождение поможет усилить эффект присутствия. Арт-объект можно рассматривать и как некий символ демократического решения проблем.

В приведенном отрывке зал заседаний сравнивается с живой этнографической картой России. На каждую прозрачную пластину нанесен не только определенный текст, но и кусочек этнографической карты России начала XX века. Расположенные рядом, кусочки карты складываются в единую, объемную карту. Наш арт-объект представляет собой визуальный образ такого многонационального государства, в котором учитываются интересы каждого народа, а политика власти

направлена на проведение постепенных эволюционных преобразований в жизни народов империи, на сохранение уникальности каждой культуры и этнического многообразия... В таком государстве отношения между властью и народами абсолютно гармоничны...

Арт-объект своей воздушностью, легкостью, совершенной формой должен передать это ощущение гармонии...

Тексты над дверями зала также развивают тему достижения гармонии в отношениях между народами и властью.

Посетителям выставки предлагается порассуждать на тему: возможно ли было:

- проведение политики, учитывающей интересы каждого из народов многонационального государства в начале XX века;
- сохранение в этом случае единого государства и т.д.

Документы и другие экспонаты, относящиеся ко второй части выставки, размещены в ЦЕНТРАЛЬНОЙ витрине зала.

В связи с большим объемом информации, а также в целях организации свободного доступа посетителей к материалам выставки часть материалов собрана в «книжки-листалки» (документы, фотографии, информационные данные располагаются на листах, листы скрепляются между собой, в результате получается «книжка-листалка» в несколько страниц, которую помещают на витрину). Каждая книжка посвящена определенной теме: «Группа автономистов», «Мусульманская фракция», «Украинская громада», и т.д. Посетители могут ознакомиться с «книжками», перелистывая их. («Листалки» по первой части выставки помещены в выдвижные части горизонтальных витрин).

...Правительство оказалось перед выбором: сохранить прежний курс в национальной политике или же вступить в диалог с Думой, прислушаться к демократическим предложениям депутатов и выработать новую политику, которая устроила бы народы России, а также демократическую часть русского общества.

При обсуждении темы о возможности расширения прав народов многие представители власти неизбежно переходили к вопросу: удастся ли в этом случае сохранить «единое Отечество»?

Итог этой части подводят документы и материалы, посвященные избирательному закону 3 июня 1907 года, который резко ограничил избирательные возможности представителей различных национальностей.

3. ВЫДАЮЩИЕСЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕПУТАТЫ.

Значительная часть документов и материалов выставки посвящается выдающимся депутатам – представителям азербайджанского, армянского, белорусского, казахского, молдавского, украинского и других народов.

Здесь, в Думе, они приобретали свой первый парламентский опыт, формировались как политические деятели. В дальнейшем многие из них сыграли заметную роль в политической жизни своих народов. Каждому из выдающихся депутатов будет посвящена папка с материалом, собранным в библиотеках и архивах стран СНГ.

По этому разделу выставки будет создана база данных в электронном виде с полной информацией о выдающихся депутатах и размещена на сайте МПА СНГ.

Плоскостной материал, размещенный в витринах, представляет собой качественно изготовленные копии документов и других материалов, выявленных в библиотеках, архивах, музеях.

Предметы, размещенные на выставке, представляют собой реплики экспонатов из этнографических музеев.

Все тексты, размещенные на выставке, включая этикетки, напечатаны с учетом орфографии начала XX века.

В будущем на базе постоянно действующей выставки «Народы Российской империи: первый парламентский опыт» планируется создание ее передвижного варианта для «путешествия» по странам Содружества.

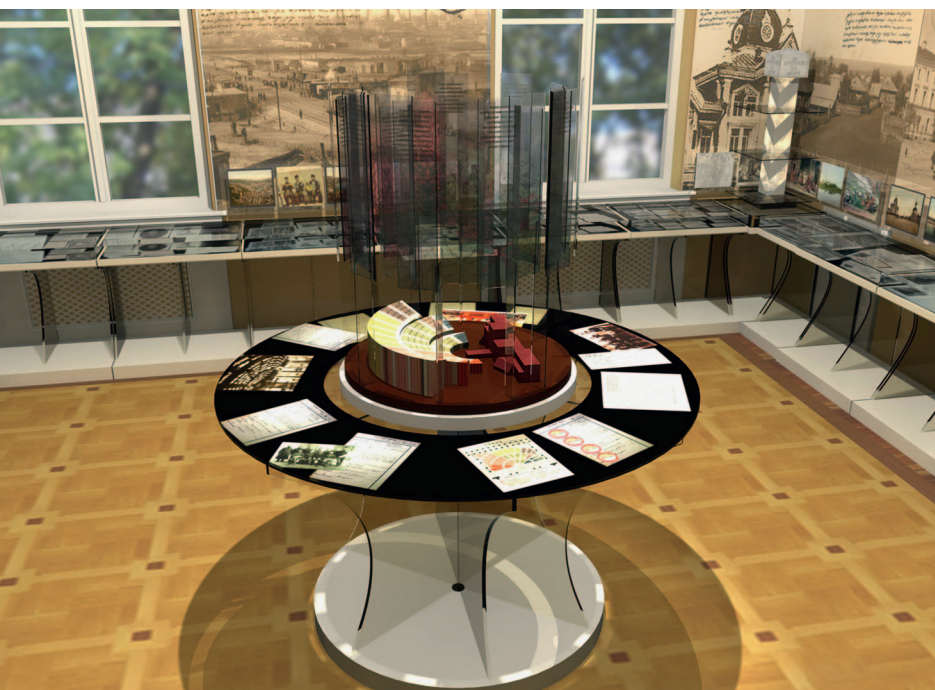

Дизайн-проект выставки
«Народы Российской империи: первый опыт парламентаризма»
Разработан ООО «Мастерская Инновационной Рекламы»
Генеральный директор В. М. Воронин
Арт-директор О. В. Заковряшин

Дизайн-проект выставки
«Народы Российской империи: первый опыт парламентаризма»

Сведения об авторах

(за 2009 г.)

Афанасьев Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии СПбГИ;

Баталин Виктор Николаевич – начальник отдела РГАКФД;

Ведерников Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета СПбПУ;

Витухновская-Кауппала Марина Александровна – доктор философии, исследователь и лектор Хельсинкского университета;

Гальперина Белла Давидовна – доктор исторических наук, главный специалист РГИА, профессор кафедры русской истории РГПУ;

Гинев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИРАН;

Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин БГУИР;

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, докторант;

Куликов Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбИИРАН, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Костылев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории СПбГАУ;

Крохина Лидия Александровна – директор Музея истории парламентаризма в России при МПА СНГ;

Мельцин Максим Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СЗИП СПбГУТД, сотрудник ЕУ СПб;

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИРАН;

Нардова Валерия Антониновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник СПбИИРАН;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Плюхина Татьяна Витальевна – заведующая лабораторией «Актуальные проблемы истории отечества» при кафедре истории и политологии СПбГГИ;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории КГУ, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Шигабутдинов Рафаэль Рустамович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ИСГЗ.

Сокращения

- ЕУ СПб** – Европейский университет в Санкт-Петербурге;
- БГУИР** – Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (Минск);
- ГУ ВШЭ** – Государственный университет – Высшая школа экономики;
- ИР НБУ** – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского;
- ИСГЗ** – Институт социальных и гуманитарных знаний (Казань);
- КГУ** – Казанский государственный университет;
- МПА СНГ** – Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств;
- РГА КФД** – Российский архив кинофотодокументов;
- РГИА** – Российский государственный исторический архив;
- РГПУ** – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
- СПбГАУ** – Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;
- СПбГГИ** – Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет);
- СПбГПУ** – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет;
- СПбГУКИ** – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств;
- СПбИИРАН** – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
- ЦГИАУ** – Центральный государственный исторический архив Украины;
- ANRM** – Arhiva Nationala a Republicii Moldova (Национальный архив Республики Молдова).

Таврические чтения 2009

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ
(1906–1917 гг.)**

Международная научно-практическая конференция

Подписано к печати 24.09.2010. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 22,8. Усл. печ. л. 21,3. Тираж 200 экз. Заказ 125

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «ЭлекСис», СПб, ул. Моисеенко, д. 10.